

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

**(к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации
и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей)**

*Сборник трудов
XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений
в Костроме*

*Всероссийская научно-практическая конференция
(8–9 декабря 2022 года, г. Кострома)*

Кострома
КГУ
2023

МИНОБНАУКИ РОССИИ
Костромской государственный университет

Костромской областной суд

Совет судей Костромской области

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА»
(к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации
и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей)**

**Сборник трудов
XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений
в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция**

(8–9 декабря 2022 года, г. Кострома)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома

КГУ

2023

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 347.97(0.034)
ББК 67.711.11я431я04
А437

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

С. В. Андреев, председатель Костромского областного суда;
Н. Б. Жаров, президент адвокатской палаты Костромской области

Актуальные вопросы теории и практики судопроизводства (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей) : сборник трудов XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (8–9 декабря 2022 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукьянов, А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин; Л. А. Хлестакова; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Электронные текстовые, граф. дан. (3,72 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2023. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8285-1244-7

Настоящий сборник составлен по итогам XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме, в рамках которых 8–9 декабря 2022 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей). В сборнике трудов рассматриваются актуальные вопросы теории и практики современного судопроизводства; практика применения судами положений уголовного закона о необходимой обороне и вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны, управленческий аспект реализации концепции информационной политики судебной системы, а также включен раздел научных работ студентов и аспирантов: «Актуальные проблемы права и государства: взгляд молодых ученых».

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 347.97(0.034)
ББК 67.711.11я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

16+
ISBN 978-5-8285-1244-7

© Костромской государственный университет,
2023, оформление

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание
-------	------------------------	---------------------	------------

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 10

Васильева А. С.

Усовершенствование работы аппарата мировых судей
в Российской Федерации 10

Деревесников А. В., Бекенев И. Д.

Назначение меры пресечения в виде заключения под стражу
в Российской Федерации 16

Дружнев А. В.

Актуальные вопросы рассмотрения гражданских и административных дел
в порядке приказного производства в свете реформирования
процессуального законодательства 20

Евстегнеев А. С., Васильев И. В.

Проблемы использования судами института обстоятельств,
смягчающих наказание, и пути их преодоления 27

Евстегнеев А. С., Яснева Е. В.

Актуальные вопросы неравенства прав сторон в уголовном процессе 32

Зайцев Л. Н.

Судебная система Луганской Народной Республики 37

Заливалова Л. Н.

К вопросу истории судебной власти Советского государства 43

Ильина И. Н.

Некоторые проблемные вопросы при назначении экспертизы
по гражданским делам 47

Ильютенко А. Н.

Становление суда с участием присяжных заседателей
в Республике Казахстан 53

Калинина Е. А., Сидоров А. Н.

Юридические и иные проблемы правоприменения административного
наказания в виде обязательных работ 57

Кузьмина Е. Н.

К вопросу о вынесении судами частных определений по ходатайствам
прокуроров в гражданском судопроизводстве 63

Лукоянов Д. Н.

Конституционный контроль в сфере соблюдения и защиты
конституционных прав граждан 68

Маляхина В. А., Шеина И. А.

Потерпевший из числа осужденных к лишению свободы
как участник уголовного судопроизводства 72

Маматкулова З. Р.	
О практике рассмотрения гражданских дел о защите прав потребителей.....	77
Никитин В. В.	
Правовые основы корпоративного управления и экономическая власть в коммерческих организациях как объект преступления	82
Пентелькин П. А., Куликов Д. В., Порохов М. Ю.	
Проблемы применения института арбитражных заседателей в арбитражном процессе.....	87
Плотникова Т. А., Яснева Е. В.	
Некоторые проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей	92
Убушиева В. Б., Порохов М. Ю.	
Профессионально ли представительство в арбитражном процессе?.....	96
Черков В. А.	
К вопросу о полномочиях суда при осуществлении судебного контроля над производством отдельных следственных действий	99
Черкова М. Ю.	
Совершенствование процедуры апелляционного обжалования решения суда первой инстанции о заключении под стражу.....	103
Шагабутдинов А. А.	
Роль правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики.....	107
Яковенко Е. В.	
Упрощенное производство в гражданском процессе: проблемы и пути совершенствования	114
СЕКЦИЯ 2. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ	120
Евстегнеев А. С.	
Необходимая оборона как институт обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний.....	120
Назаров И. А.	
Практика применения судами положений уголовного закона о необходимой обороне. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны	129
Яблонцева И. В.	
Становление и развитие законодательства о необходимой обороне.....	132
Ярошенко О. Н.	
Квалификация действий в состоянии необходимой обороны, особенности и практическое значение данного института.....	137

**СЕКЦИЯ 3. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ 142**

Гиринская А. Р., Гончарова Т. С.
Направления совершенствования правовой основы
и правоприменительной практики осуществления электронного правосудия
в России 142

Груздев В. В., Столяров А. С.
Процессы формирования цифровой реальности..... 149

Калинина Е. А., Орловская И. В.
Перспективы применения информационных технологий
при осуществлении правосудия судами Российской Федерации 155

Кур И. Н.
Информация как предмет и средство совершения преступления 158

Плюснина О. В., Смирнова Я. О.
Отдельные проблемы правового регулирования больших данных
в Российской Федерации 162

Солдатова Д. А.
Проблемы правового регулирования продажи лекарственных препаратов
дистанционным способом 166

Соловьева А. Д., Ваганова А. А., Мелехин Д. М., Хвалыгина Н. Л.
Судебный и внесудебный порядок признания информации,
размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях,
в том числе в сети «Интернет», информацией,
распространение которой в Российской Федерации запрещено..... 172

Фатеев Р. С., Гончарова Т. С.
Индикаторы эффективности цифровой трансформации органов
и организаций прокуратуры 178

Шулякова М. В., Алибеков Ш. И.
Расследования криптовалютных преступлений,
основанных на блокчейне..... 182

Яркова Е. С., Галичева А. С., Евстегнеев А. С.
Цифровизация деятельности следователя при раскрытии
и расследовании преступлений..... 186

**СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 195**

Акулов И. А., Хвалыгина Н. Л.
Правовые основы коллекторской деятельности:
российский и зарубежный опыт 195

Балакирев А. С., Грачев Э. Д., Николаев М. С., Хлестакова Л. А.
К вопросу о снижении количества заявок на государственную регистрацию
изобретений в России..... 200

Белехова В. Е., Ганжа Н. В.	
Совершенствование российского законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации	205
Бобровская М. В.	
Об уголовно-правовом статусе медицинских работников: постановка проблемы.....	210
Богомолов М. Э.	
К вопросу о понятиях «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» в законодательстве Российской Федерации	213
Булатова К. А.	
Ответственность государственных служащих	217
Вечер С. В.	
Общее и особенное в процедуре формирования судейского корпуса России и Франции	220
Власик А. С.	
Верховный Суд Российской Федерации: некоторые проблемы и пути их решения	225
Войцеховская А. М.	
Личная заинтересованность как сущность содержания конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации.....	229
Гречишкина А. Г., Ганжа Н. В.	
Усовершенствование процедуры осуществления органами прокуратуры Российской Федерации мониторинга правоприменения в рамках участия в правотворческой деятельности.....	233
Гурко А. К.	
Малозначительность взяточничества: судебная практика.....	237
Гусева Д. А., Евстегнеев А. С.	
Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении.....	242
Дубинов Е. О., Мельников И. Н.	
Персонаж как объект правовой охраны института авторского права в Российской Федерации	248
Дурягина А. А.	
Проблемы реализации принципа независимости судей.....	251
Дремова М. В.	
К вопросу об уголовно-правовом предупреждении преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей военной службы	255
Евстегнеев А. С., Кокоринова Е. М.	
Проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы	259
Ераксина Е. Р.	
О различиях в полномочиях прокурора России и Таджикистана в досудебном производстве по уголовным делам	263

Иванова Д. А. Проблемы механизма предоставления независимой гарантии в сфере государственных закупок	268
Кадочникова Н. А., Кузьмина Н. В. Особенности правового регулирования комплексного развития территорий	272
Ковальчук В. В., Ларин Д. А. К вопросу о проблеме трудоустройства осужденных к исправительным работам (на примере г. о. г. Буй и Буйского района Костромской области)	276
Кузнецов О. В. Предупреждение организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем	283
Лебедева В. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	287
Любимова Д. В. К вопросу о противодействии незаконному обороту одурманивающих веществ в сети «Интернет»	291
Мелешко С. И. О некоторых особенностях участия государственного обвинителя в судебном следствии по уголовному делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей	294
Мустафаев А. К. о., Хвалыгина Н. Л. Банки и иные кредитные организации как субъекты исполнительного производства	298
Мустафаев А. К. о., Спивак А. В., Варенцова Е. В. Морально-этические проблемы реализации репродуктивных прав в России	303
Окунев Б. С., Ганжа Н. В. Проблемы и перспективы совершенствования законодательства об обращениях иностранных граждан в органы власти Российской Федерации	309
Окунева О. О., Ганжа Н. В. Эффективность взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с Федеральной службой исполнения наказания при производстве дознания и пути его совершенствования	313
Орловская И. В. Воздействие отрицательных эмоций на эффективность учебно-профессиональной деятельности будущих юристов при прохождении клинического (практико-ориентированного) обучения	320

Пантелеева Ю. А., Хлестакова Л. А.	
Актуальные проблемы правового регулирования, связанные с презумпцией согласия на изъятие органов и (или) тканей человека при трансплантации в Российской Федерации	336
Пендюр М. С., Васильева А. В.	
Защита прокурором прав несовершеннолетних в рамках участия в гражданском судопроизводстве	339
Петрова С. В., Быкова М. С.	
Суррогатное материнство: некоторые проблемные вопросы правового регулирования	346
Плотникова Т. А., Хвалыгина Н. Л.	
Участие несовершеннолетних в исполнительном производстве	351
Сизов Д. М., Никитин В. В.	
Правовые проблемы применения специального налогового режима «налог на профессиональный доход»	354
Смирнова Ю. Ю., Заливалова Л. Н.	
Правовая политика Российской Федерации в сфере регулирования недвижимого имущества граждан	361
Соловьев В. О.	
К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере продажи товаров дистанционным способом посредством сети «Интернет»	363
Софийская О. А., Черкасов К. В.	
Массовые мероприятия в контексте обеспечения общественного порядка и общественной безопасности	367
Тихомиров А. В., Бриль Г. Г.	
Проблемы правового регулирования процедуры формирования общественных советов и контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации.....	371
Харитонов М. С., Мельников И. Н.	
Некоторые проблемы толкования и исполнения завещаний в Российской Федерации	376
Чернова Е. П.	
Оказание юридической помощи адвокатурой.....	381
Чернова Е. П., Кузнецов О. В.	
Статус адвоката и его полномочия по оказанию юридической помощи	383
Шигарев И. Н., Мельников И. Н.	
Проблемы продажи биологически активных добавок (БАД), осуществляемой дистанционным способом с использованием маркетплейсов	385
Ширина Т. В., Мельников И. Н.	
Актуальные проблемы определения дееспособности и волеизъявления граждан при совершении нотариальных действий	390

Щавелкина М. А., Орловская И. В.

Сравнительный анализ возраста уголовной ответственности
за половые преступления в Российской Федерации

и в зарубежных странах 395

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 342.56

Васильева Анастасия Сергеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vasilevaanastasiasergeevna@yandex.ru

Усовершенствование работы аппарата мировых судей в Российской Федерации

В данной статье исследуются отдельные вопросы организационного обеспечения аппарата мировых судей в Российской Федерации. Правовое регулирование устоявшихся общественных отношений не обеспечивает надлежащий уровень организационного обеспечения мировой юстиции. Наличие высокой судебной нагрузки, требований и задач, предъявляемых к аппарату мирового судьи, порождают проблему несоответствия перечня возложенных задач и количества работников, состоящих в аппарате мирового судьи. Сформулировано положение об уточнении нормы, регуливающей вопросы организационного обеспечения деятельности аппарата мировых судей, порядка установления структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи.

Ключевые слова: *судебная система Российской Федерации, суд, правосудие, институт мировых судей, судебная нагрузка, аппарат мирового судьи, организационное обеспечение.*

Vasilyeva Anastasia Sergeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Improvement of the work of the office of magistrates in the Russian Federation

This article examines some issues of organizational support of the magistrates' office in the Russian Federation. The legal regulation of established public relations does not provide an adequate level of organizational support for the justice of the peace. The presence of a high judicial burden, requirements and tasks imposed on the magistrate's office, give rise to the problem of inconsistency between the list of assigned tasks and the number of employees who are in the magistrate's office. The regulation on the clarification of the norm regulating the issues of organizational support for the activities of the magistrate's office, the procedure for establishing the structure and staffing of the magistrate's office is formulated.

Keywords: the judicial system of the Russian Federation, the court, justice, the institute of justices of the peace, judicial workload, the magistrate's office, organizational support.

Реализация судебной власти мировыми судьями осуществляется во всех субъектах Российской Федерации, их численность составляет 7698 человек [13].

В свою очередь, институт мирового судьи включает в себя внушительный опыт и, как в своем исследовании отмечает Д. В. Зотов, не в полной мере востребован правовой теорией и практикой [8, с. 53].

А. И. Омельченко в научном исследовании обращает внимание на то, что в России есть успешный опыт введения мировых судей, который обозначен реформой 1864 года, который в таком виде существовал до 1917 года [11, с. 137].

Эффективность преобразования судебной власти заслуживает анализа и выявления специфики создания мировых судей.

Необходимость реформирования судебной системы стала ощущаться в России в XVIII – начале XIX века.

Российский император, продолжатель династии Романовых – Александр II в полной мере осознавал главные проблемы, способствующие существенному отставанию России в развитии от передовых стран, и при вступлении на престол обозначил главную ценность – «да правда и милость царствует в судах», которая легла в основу дальнейших преобразований [10, с. 26].

Русский юрист, судья, государственный и общественный деятель А. Ф. Кони утверждал, что главным препятствием реформирования судебного строя в России является отсутствие прав имущественного характера у большинства населения, которое испытывало на себе расправу и отсутствие справедливой защиты [11, с. 137].

В данном высказывании идет речь об отмене крепостного права, которая произошла в процессе крестьянской реформы 1861 года и послужила началом изменений в судебной системе, так как крестьяне, ставшие свободными, нуждались в определении юридического статуса и судебном обеспечении.

В труде Е. Н. Губина отмечается, что участки мировых судей создавались с целью рассмотрения дел малозначительного характера [6, с. 17].

А. М. Нашивочникова отмечает, что разрешение дел малоценных исков стали разбирать единолично мировые судьи на месте, с целью создания тесной связи между правосудием и населением, что делало процедуру рассмотрения таких исков быстрой и недорогой [2, с. 26].

Предназначением мирового института выступало повышение уровня правосознания, осознание у граждан своих прав и обязанностей, разрешение повседневных вопросов, осуществление доступа к правосудию, реализация права на судебную защиту.

Учреждение института мирового судьи было обоснованным, своевременным и вызванным объективной необходимостью в создании выборного, независимого и самостоятельного суда, с целью примирения сторон, защиты и порядка.

И несмотря на эффективность, формирование доверия у населения, повышение правосознания Декретом СНК РСФСР № 1 о суде все дореволюционные судебные органы были упразднены.

В дальнейшем опыт судебной реформы 1864 года был принят во внимание и учитывался при разработке Концепции судебной реформы 1991 года, в которой мировые судьи рассматривались в качестве низового звена судебной системы и единолично разрешали незначительные уголовные, гражданские дела и дела об административных правонарушениях.

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» стал важным шагом в реализации указанных целей и задач, который закрепил двухуровневую судебную систему: федеральную и относящуюся к субъектам Российской Федерации [1].

В 1998 году был принят Федеральный закон от 17.12.1998 года №188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [3], что является достижением современной судебной реформы, так как, с одной стороны, затрагивает ряд фундаментальных преобразований в государственном устройстве, с другой – касается прав и законных интересов социальных слоев общественного строя.

Согласно статистическим данным в 2020 году судьи рассмотрели и разрешили 38,12 миллионов дел, в 2021 году – 39,23 миллиона дел [14].

Как показывает статистика, 80 % от общего количества всех дел, поступающих в суды общей юрисдикции, рассматриваются мировыми судьями [9]. Количество рассматриваемых мировыми судьями дел ежегодно возрастает на 17 % [13].

В своем выступлении на Всероссийском съезде судей В. В. Путин обратил внимание на высокую нагрузку мировых судей. В 2021 году мировые судьи рассмотрели более 30 миллионов дел. Вместе с тем, как показывает практика, вопросы обеспечения работников аппарата должным образом не решены [15].

Наличие высокой судебной нагрузки, возлагаемой на российских судей, неблагоприятным образом отражается при отправлении правосудия, приводит к снижению гарантий обеспечения деятельности мировой юстиции, к ухудшению осуществления доступной судебной защиты прав и свобод граждан Российской Федерации. Указанная проблема поднимается во многих научно-практических исследованиях, выступлениях должностных лиц, ученых и правоведов.

Особое внимание судебной нагрузке было уделено на юбилейном, X Всероссийском съезде судей, который проходил в Москве с 29 ноября по 1 декабря 2022 года [7, с. 285].

Мировой судья в процессе осуществления правосудия по рассмотрению дел и вынесению решения обращается к своему аппарату. В ходе осуществления деятельности по выполнению необходимых условий в вопросах реализации правосудия и судебного процесса на аппарат мирового судьи возлагается функционал, регламентированный статьей 39 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 года №1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [2].

Так, аппарат суда принимает и выдает документы, удостоверяет копии судебных документов, контролирует уплату пошлин и сборов, ведет учет движения дел и сроков их прохождения в суде, осуществляет хранение дел и доку-

ментов, обеспечивает обращение к исполнению судебных решений, тем самым помогает в организации документооборота и делопроизводства.

К числу функций аппарата суда также относится обобщение сведений судебной практики, формирование судебных статистических данных.

В соответствии со статьей 9 Федерального закона от 17.12.1996 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» законом субъекта Российской Федерации регламентируется структура и штатное расписание аппарата мирового судьи [3].

Так, в соответствии с Приказом департамента региональной безопасности Костромской области от 06.06.2018 года № 58 «Об утверждении Положения об аппарате мирового судьи Костромской области», аппарат мирового судьи Костромской области помогает мировому судье Костромской области по осуществлению им правосудия в обеспечении организационной, информационно-аналитической и документационной деятельности.

Реализуя деятельность по организационному, информационному, аналитическому и документационному сопровождению, работники аппарата мирового судьи основываются на принципах законности, уважения, сохранения конфиденциальности информационных данных, а также несут ответственность в соответствии с российским законодательством.

Таким образом, федеральное законодательство регламентирует организацию судебной системы и относит к ведению государственных органов субъекта Российской Федерации вопросы о численности и структуре аппарата мирового судьи.

Многие правоведы подвергают критике критерий численности при создании судебных участков. В труде В. Сушковой указывается, что на законодательном уровне рассматривались вопросы снижения расчета численности, а именно формирование судебных участков из расчета численности населения на одном участке от 18 до 19 тысяч человек [12, с. 78].

Более того, как отмечает А. А. Горелкина, следует обращать внимание на протяженность территории, инфраструктуру, логистику, транспортное обслуживание, уровень конфликтности в регионе, статистические данные по совершаемым правонарушениям и преступлениям, количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и юридических лиц [5, с. 13].

Необходимо проанализировать количественную составляющую аппарата мирового судьи с практической точки зрения. Обратимся для этого к официальным данным, которые содержатся на официальных сайтах судебных участков.

Аппарат мирового судьи судебного участка № 4 Фрунзенского судебного района города Ярославля включает в себя помощника мирового судьи, главного специалиста, секретаря судебного заседания, согласно официальному сайту судебного участка № 4 Фрунзенского судебного района города Ярославля [16].

В аппарате мирового судьи судебного участка № 7 Дзержинского судебного района города Ярославля находится секретарь судебного заседания и специалист-делопроизводитель [17].

В свою очередь в судебном участке № 10 Ленинского судебного района города Костромы в аппарат мирового судьи входит ведущий эксперт, секретарь судебного заседания, секретарь суда [18].

Я. Б. Ерошенко численность аппарата мирового судьи сводит к бюджетным возможностям региона Российской Федерации [5, с. 213].

В частности, аппарат мирового судьи Белгородской области может включать в себя начальника отдела, заместителя, консультанта, помощника мирового судьи, главного специалиста, ведущего специалиста, секретаря судебного заседания и суда [19].

Анализируя численность и структуру аппарата мирового судьи субъектов Российской Федерации, приходим к выводу, что в большинстве случаев он состоит из двух-трех человек.

С практической точки зрения указанная численность аппарата мирового судьи является недостаточной, так как наличие высокой нагрузки по находящимся в производстве делам, приходящаяся на каждого мирового судью, требований и задач, предъявляемых к аппарату мирового судьи, порождают проблему несоответствия перечня возложенных задач и количества работников, состоящих в аппарате мирового судьи.

С практической точки зрения в Российской Федерации решение указанной проблемы предполагается путем экстенсивного и интенсивного направления. А. А. Горелкина отмечает, что экстенсивный вариант решения заключается в разработке законодательных инициатив, направленных на расширение и количественное увеличение численности мировых судей и, соответственно, судебных участков, повышение материального обеспечения [5, с. 13]. Интенсивный путь развития, согласно мнению П. С. Меренковой, содержит в себе правовое внедрение качественных преобразований, влияющих на совершенствование и оптимизацию судебного производства [9, с. 20].

На практике обращение к первому варианту не приводит к существенным преобразованиям и улучшениям, поскольку увеличение судебной нагрузки определяется ростом обращений общества и государства в судебные органы. Обращение ко второму варианту позволяет обратить внимание на аспекты функционирования судебного производства в процессе отправления правосудия. Сочетание двух направлений в законодательной инициативе позволяет выработать вектор согласованности между взаимодействующими субъектами.

Решение данной проблемы заключается в уточнении нормы, регулирующей вопросы организационного обеспечения деятельности аппарата мировых судей, порядка установления структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи.

Представляется необходимым внести изменения в пункт 1 статьи 9 Федерального закона от 17 декабря 1998 года №188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» в вопросах организационного обеспечения деятельности аппарата мировых судей, уточнить порядок установления структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи:

1) Аппарат мирового судьи обеспечивает его работу. Структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанавливается в порядке, преду-

смотренном законом субъекта Российской Федерации, во взаимодействии с советом судей соответствующего субъекта Российской Федерации.

Во-первых, внесение указанных изменений обусловлено совершенствованием правового регулирования, направленного на вопросы организационного обеспечения деятельности мировых судей, с целью повышения качественного преобразования внутреннего функционирования аппарата мирового судьи при отправлении правосудия и создания количественной согласованности между представителями субъектов и советом судей. Во-вторых, создание количественной согласованности поможет в вопросах формирования объективной и необходимой численности аппарата мирового судьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О судебной системе Российской Федерации от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 16.04.2022) : принят Государственной Думой 23 октября 1996 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации от 07.02.2011 года № 1-ФКЗ (в ред. 16.04.2022) : принят Государственной Думой 7 февраля 2011 года: одобрен Советом Федерации 7 февраля 2011 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

3. О мировых судьях в Российской Федерации от 17.12.1998 года № 188-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) принят Государственной Думой 17 декабря 1998 года: одобрен Советом Федерации 17 декабря 1998 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

4. Ачимова Н. С. Особенности и проблемные вопросы кадрового обеспечения аппарата мировых судей // Право и правопорядок в фокусе научных исследований. 2022. № 7. С. 22–25.

5. Горелкина А. А. Мировые судьи в судебной системе Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 2. С. 13–15.

6. Губина Е. Н. К вопросу о сущности мирового судьи // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 12. С. 17–20.

7. Ерошенко Я. Б. Оптимизация рабочего места секретаря суда аппарата мировых судей // Научный аспект. 2017. № 2. С. 213.

8. Зотов Д. В. Институт мирового судьи : монография. Воронеж, 2019. С. 51–53.

9. Меренкова П. С. Аппарат мирового судьи // Перо науки. 2022. № 47. С. 20–24.

10. Нашивочникова А. М. Этапы становления института мировых судей // Государственная служба и кадры. 2022. № 5. С. 26.

11. Омельченко А. И. Возникновение мировой юстиции в России // Молодой ученый. 2018. № 3. С. 137–140.

12. Сушкова В. Тенденции развития мировой юстиции в контексте реформирования судебной системы // Вестник науки Центрального филиала Российского государственного университета правосудия. 2022. № 5. С. 78–81.

13. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

14. Обзор судебной статистики мировых судей за 2021 год. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

15. Стенограмма выступления В. В. Путина на Всероссийском съезде судей. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vserossiiskom-sezde-sudei-29-11-2022.html> (дата обращения: 10.10.2022).

16. Официальный сайт судебного участка № 4 Фрунзенского судебного района города Ярославля. URL: <http://4frn.jrs.msudrf.ru/index.php> (дата обращения: 10.10.2022).

17. Официальный сайт судебного участка № 7 Дзержинского судебного района города Ярославля. URL: <https://dagalin.org/courts/yar/wc/dze7> (дата обращения: 10.10.2022).

18. Официальный сайт судебного участка № 10 Ленинского судебного района города Костромы. URL: http://10.kst.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages (дата обращения: 10.10.2022).

19. Суды Белгорода и Белгородской области : официальный сайт. URL: <https://sud-belgorod.ru/mirovye/> (дата обращения: 10.10.2022).

УДК 343

Деревесников Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

a_derevesnikov@ksu.edu.ru

Бекенев Иван Дмитриевич

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

beknev00@mail.ru

Назначение меры пресечения в виде заключения под стражу в Российской Федерации

Статья посвящена назначению мер пресечения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Особое внимание уделено мере пресечения в виде заключения под стражу, основаниям применения и отличию нахождения под стражей от отбывания наказания за совершение преступления, в соответствии с УПК РФ.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, ходатайство, подозреваемый, обвиняемый.

Derevesnikov Alexander Vladimirovich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bekenev Ivan Dmitrievich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Appointment of a preventive measure in the form of detention in the Russian Federation

The article is devoted to the appointment of preventive measures against persons suspected or accused of committing a crime. Special attention is paid to the preventive measure in the form of detention, the grounds for the application and the difference between being in custody and serving a sentence for committing a crime, in accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: preventive measure, detention, petition, suspect, accused.

Исходя из смысла ст. 22 Конституции Российской Федерации [1] в Российской Федерации свобода и личная неприкосновенность гарантирована каждому, при этом такие меры государственного принуждения, как арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Несмотря на то что законодатель все же допускает возможность задержания лица до судебного решения, такое лицо не может быть подвергнуто задержанию сроком более сорока восьми часов.

Непосредственно после возбуждения уголовного дела в отношении определенного лица органам, осуществляющим предварительное расследование, необходимо в первую очередь избрать меру пресечения по отношению к подозреваемому или обвиняемому.

Мера пресечения представляет собой ограничение прав лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, применяемое органами дознания, следователем или судом. Такие ограничения имеют своей целью лишить лицо возможности скрыться, помешать расследованию или же продолжить совершать преступления.

Следовательно, неблагоприятное для лица последствие применения в отношении него меры пресечения, такое как ограничение свободы лица, является вынужденной мерой, а не наказанием. В дальнейшем, при назначении наказания срок нахождения под стражей лица учитывается судом по правилам, предусмотренным уголовным законом. Мера пресечения применяется как до приговора, т. е. на этапе предварительного расследования, так и после провозглашения приговора с целью предотвращения возможности лицу скрыться от отбывания назначенного ему наказания.

Анализ ст. 98 УПК РФ позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации перечень видов мер пресечения закреплен названной нормой, и является закрытым, к которым относятся: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части (если обвиняемый военнослужа-

щий); присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Основания для избрания меры пресечения закреплены в ст. 97 УПК РФ.

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения. Обстоятельства, при наличии которых возможно применить данную меру пресечения, установлены ст. 108 УПК РФ.

Так, согласно вышеприведенной норме, заключение под стражу, как правило, применяется тогда, когда есть основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью или может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, содержатся либо в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, либо в специально оборудованных для этих целей помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, находящихся в тюрьмах или на территориях учреждений, исполняющих наказания.

На момент возбуждения уголовного дела, при наличии подозреваемого в совершении преступления, и при достаточных к тому основаниях, следователь может принять решение о необходимости ходатайствовать перед судом о назначении подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае следователь задерживает такое лицо в порядке ст. 91 УПК РФ на срок до 48 часов.

Суд рассматривает ходатайство следователя с обязательным участием защитника (приглашенного или назначенного) и, если находит его обоснованным, мотивированным и законным, то выносит постановление о заключении подозреваемого под стражу до двух месяцев. При этом истечение сроков содержания под стражей не является само по себе безусловным основанием для отмены избранной в отношении подозреваемого или обвиняемого данной меры пресечения. Отмена или изменение меры пресечения в виде содержания под стражей может быть только по решению суда и только при наличии на то оснований, предусмотренных УПК РФ. За несколько дней до окончания срока содержания под стражей следователь вправе обратиться с ходатайством о продлении сроков содержания под стражей и, если обстоятельства не изменились и не отпали, суд вправе продлить срок содержания лица под стражей [4].

По преступлениям небольшой и средней тяжести срок может быть продлен до 6 месяцев, по тяжким и особо тяжким преступлениям до 12 месяцев. Между тем ст. 109 УПК РФ предусмотрены случаи, при наличии которых возможно иное исчисления предельного срока содержания под стражей.

Стоит учитывать, что в отношении подозреваемого заключение под стражу может применяться только с учетом положений ст. 100 УПК РФ, т. е. в исключительном случае.

Для заключения под стражу подозрение в совершении преступления должно быть обоснованным, требуется представить доказательства, что указанное лицо

действительно может быть причастно к совершению преступления; доказательств, которые подтверждают само событие преступления, недостаточно [2].

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3], следует, что избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению.

В исключительных случаях заключение под стражу может быть применено к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, а именно при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

При этом отсутствие регистрации на территории РФ или документов, удостоверяющих личность, само по себе не является основанием для заключения под стражу (п. 4 постановления Пленума ВС РФ № 41).

Ограничено применение заключения под стражу для:

1) несовершеннолетних лиц.

К несовершеннолетнему заключение под стражу может применяться, если только:

а) он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления;

б) в исключительных случаях – в совершении преступления средней тяжести (в этом случае заключение под стражу по смыслу ч. 6 ст. 88 УК РФ не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые [3]).

Об исключительности случая может свидетельствовать продолжение несовершеннолетним противоправного поведения в любой форме, утрата контроля за ним со стороны родителей, опекуна или попечителя и т. п. (п. 11 Обобщения практики рассмотрения судами области материалов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу за 9 месяцев 2016 года);

2) лиц, которые обвиняются или подозреваются в совершении преступлений, предусмотренных статьями УК РФ, которые указаны в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, в частности ст. ст. 159 (ч. 1–4), 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ.

В п. 8 постановления Пленума ВС РФ № 41 кроме того разъяснено, что судам следует обращать внимание на необходимость при разрешении ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, во всех случаях обсуждать возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

в) ст. ст. 159 (ч. 5–7), 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174, 174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. п. 1–4 ч. 1 ст. 108 (т. е. исключительные случаи для применения заключения под стражу за преступления «до трех лет»).

Таким образом, мера пресечения в виде заключения под стражу является государственным принуждением, осуществляемым специально уполномоченными органами в отношении отдельных субъектов, сопряженным с наступлением для них определенных правоограничений [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : офиц. сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 25.11.2022).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8379/> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Комментарий к УПК РФ / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 1087 с.

5. Глухов Е. А. Как наблюдает командование // Военно-юридический журнал. 2017. № 9. С. 29–30.

УДК 347.9

Дружнев Александр Владимирович
мировой судья судебного участка № 35
Чухломского судебного района Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
mirkst-35@bk.ru

Актуальные вопросы рассмотрения гражданских и административных дел в порядке приказного производства в свете реформирования процессуального законодательства

В статье исследуются отдельные проблемы института приказного производства. Рассмотрена судебная практика приказного производства судов первой, апелляционной и кассационной инстанции. Предложены пути усовершенствования отдельных норм процессуального законодательства о судебном приказе.

Ключевые слова: административные дела, гражданские дела, процессуальное законодательство, судебный приказ.

Druzhnev Alexander Vladimirovich

Justice of the Peace of the judicial district № 35
Chukhlomsky judicial district of Kostroma region
Kostroma, Russian Federation

**Topical issues of consideration of civil
and administrative cases in the order of writ proceedings
in the light of the reform of procedural legislation**

The article examines some problems of the institution of writ production. The judicial practice of writ proceedings of the courts of the first, appellate and cassation instance is considered. The ways of improving certain norms of procedural legislation on a court order are proposed.

Keywords: administrative cases, civil cases, procedural legislation, court order.

Возникновение института приказного производства в отечественном процессуальном законодательстве связано с принятием в 1864 году Устава гражданского судопроизводства. Данный институт представлял собой сочетание искового процесса с порядком принудительного исполнения судебных решений [10]. Сам термин «судебный приказ» впервые упоминается в ГПК РСФСР 1923 г., включавшем в себя отдельную главу «О выдаче судебных приказов по актам» [8]. Нормы, регламентирующие порядок приказного производства, нашли свое отражение и в первом Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), принятом в 2002 году [3]. В настоящее время нашел свое закрепление институт приказного производства и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [6].

Происходящая реформа процессуального законодательства не оставила в стороне и нормы, регламентирующие порядок приказного производства, которые претерпевают определенные изменения.

За шесть месяцев 2022 года мировыми судьями Костромской области в общей сложности рассмотрено 53 346 гражданских и административных дел, из которых 49 810 – это дела о вынесении судебных приказов, что составляет 93 %. Приведенные статистические данные наглядно подтверждают актуальность вопросов, связанных с рассмотрением гражданских и административных дел в порядке приказного производства.

Следует отметить, что большинство из рассматриваемых дел данной категории не вызывают каких-либо затруднений с формированием правовой позиции по ним, однако, кажущаяся простота процедуры вынесения судебного приказа, с учетом ее специфики, не свидетельствует о том, что рассмотрение указанных дел требует меньшего внимания, нежели рассмотрение дел в порядке искового производства, а подчас, наоборот, поскольку мировой судья, не имея возможности получить объяснения лиц, участвующих в деле, истребовать дополнительные доказательства, должен убедиться в полноте и достаточности

представленных взыскателем сведений и доказательств, а также бесспорности заявленного требования.

В соответствии со ст. 121 ГПК РФ судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным ст. 122 ГПК РФ, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятисот тысяч рублей. Судебный приказ является одновременно исполнительным документом и приводится в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных постановлений. При этом перечень требований, по которым может быть вынесен судебный приказ, установленный ст. 122 ГПК РФ, является исчерпывающим.

Норма ч. 1 ст. 123.1 КАС РФ устанавливает, что судебный приказ – судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления по требованию взыскателя о взыскании обязательных платежей и санкций.

Основными предпосылками для вынесения судебного приказа являются прямое указание в законе на возможность предъявления соответствующего требования именно в порядке приказного производства, а также бесспорность заявленного требования.

На практике встречаются случаи, когда заявленные требования прямо не предусмотрены ст. 122 ГПК РФ, что вызывает определенные затруднения при разрешении соответствующих заявлений.

Так, например, имеют место случаи подачи заявлений о вынесении судебного приказа на взыскание задолженности по оплате проезда по платным участкам ЦКАД. В обоснование требований заявитель указывает, что пользователь заключает с оператором договор посредством въезда на платную автомобильную дорогу. Факт наличия договорных отношений между заявителем и должником подтверждается сведениями, содержащимися в единой системе взимания платы, используемой на ЦКАД, в том числе материалами фиксации проезда транспортного средства по ЦКАД.

Складывающаяся судебная практика по делам данной категории неоднозначна. Встречается немало случаев, когда данные заявления удовлетворяются. Существует и другая, представляющаяся нам более верной, правовая позиция, согласно которой выезд лица на платный участок автомобильной дороги и выражение и подтверждение тем самым воли лица на совершение сделки, связанной с использованием участка платной автомобильной дороги, не являются совершением сделки в простой письменной форме, которая могла бы являться основанием для заявления требования о выдаче судебного приказа в рамках ст. 122 ГПК РФ, в связи с чем в принятии заявлений о вынесении судебного приказа судьи отказывают [1].

Таким образом, по мере развития общественных отношений и появления и совершенствования их правового регулирования могут появляться новые категории требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства, что может являться основанием для дополнения перечня требований, установленного ст. 122 ГПК РФ.

В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными [9].

Данное обстоятельство обусловлено предельно упрощенной формой рассмотрения дел в данном порядке, без вызова должника и взыскателя, истребования доказательств, путем оценки сведений и доказательств, представленных взыскателем, и именно поэтому установление бесспорности заявленного требования является обязанностью суда и процессуальной гарантией прав должника.

В научной литературе отмечается необходимость соблюдения одновременно двух критериев бесспорности – обоснованности бесспорными доказательствами и отсутствия явно выраженного отрицания должника [4].

На практике о том, что требование не является бесспорным, может свидетельствовать, например, ситуация, в которой взыскателем заявлено требование о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги по периодам, когда должник являлся несовершеннолетним. Представляется, что при оценке бесспорности данных требований надлежит исходить из того, что после совершеннолетия лица на него может быть возложена имущественная ответственность лишь по сделкам, совершенным в период с 14 по 18 лет, причем сделки должны соответствовать положениям пунктов 1 и 2 ст. 26 Гражданского кодекса РФ [2]. Отношения из обязательств по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги не относятся к числу сделок, перечисленных в вышеприведенной статье. Таким образом, заявленное требование нельзя признать бесспорным.

Не будет являться бесспорным и требование кредитной организации о взыскании задолженности по кредитному договору, при условии, что предъявленная к взысканию сумма процентов, неустойки (штрафа, пени), иных мер ответственности по договору потребительского кредита (займа), а также платежей за услуги, оказываемые кредитором заемщику за отдельную плату по договору потребительского кредита (займа), превышает предельное значение, установленное пунктом 24 статьи 5 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [12; 13]. И в связи с тем, что приказное производство не предполагает возможности частичного удовлетворения заявленных требований, в принятии такого заявления должно быть отказано с одновременным разъяснением права на обращение в суд в порядке искового производства.

Далеко не все требования, заявляемые налоговыми органами в административных делах, отвечают критерию бесспорности. Достаточно часто заявления о вынесении судебного приказа по делам данной категории подаются с пропуском установленного налоговым законодательством шестимесячного срока.

И если при рассмотрении заявлений в порядке гражданского судопроизводства факт пропуска срока давности сам по себе не свидетельствует о бесспорности заявленного требования, то, с учетом специфики субъектного состава

ва административных дел и правового регулирования, установленного КАС РФ, в случае взыскания задолженности по уплате налоговых платежей, ситуация, по нашему мнению, прямо противоположная.

Вместе с тем правоприменительная практика судов первой, апелляционной и кассационной инстанции по данному вопросу, складывавшаяся в течение нескольких лет, не была однородной.

Встречались как случаи вынесения судебных приказов по требованиям, заявленным с пропуском срока, так и множественные случаи отмены определенных об отказе в принятии заявлений о вынесении судебных приказов, в которых, по сути, проводилась аналогия с практикой применения данных норм в гражданско-процессуальном законодательстве.

Правовые позиции кассационных судов в настоящее время сводятся к тому, что по смыслу положений глав 11.1 и 32 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, учитывая правовую позицию, изложенную в пункте 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 года № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», если из заявления и приложенных к нему документов усматривается, что оно подано по истечении шестимесячного срока, то требование о взыскании обязательных платежей и санкций, содержащееся в нем, не является бесспорным [5].

В этой связи полагаем, что соблюдение установленного срока на обращение в суд должно являться предметом оценки при рассмотрении заявлений данной категории.

В контексте оценки бесспорности заявленных требований отдельного внимания заслуживают заявления о вынесении судебных приказов, подаваемые с противоправными, подчас, мошенническими целями. На практике не редко встречаются случаи, когда в суд поступает заявление о вынесении судебного приказа, например, о взыскании задолженности по начисленной, но не выплаченной заработной плате. При этом заявление в полной мере соответствует требованиям к форме и содержанию заявления о вынесении судебного приказа и прилагаемых документов. Однако из представленного материала усматривается, что и должник и взыскатель имеют место нахождения вне границ того судебного района, в котором подано заявление, и указывается, что на территории данного района было оборудовано рабочее место, а также сам работник арендовал жилое помещение, тем самым искусственно, путем представления доказательств, вызывающих сомнения в их достоверности, изменяется подсудность заявления. Основной целью подачи таких заявлений является получение судебного приказа (исполнительного документа) для его дальнейшего использования в рамках процедуры банкротства юридического лица и искусственного вывода денежных средств из состава конкурсной массы. Такие заявления требуют пристального внимания и оценки заявленных требований на предмет подсудности заявления и бесспорности требования.

Как следует из содержания ч. 3 ст. 127 ГПК РФ, судебный приказ составляется на специальном бланке в двух экземплярах, которые подписываются судьей. Примечательно, что, несмотря на указание в данной норме на «специ-

альный бланк», бланк судебного приказа до настоящего времени не утвержден, поэтому при вынесении судебных приказов судьи руководствуются перечнем требований к содержанию судебного приказа, установленным частью 1 той же статьи.

Данные требования претерпели изменения с введением в действие Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ [11]. Помимо прочего судебный приказ теперь должен содержать сведения об одном из идентификаторов должника (СНИЛС, ИНН, серия и номер паспорта, серия и номер водительского удостоверения), одновременно на взыскателя возложена обязанность по указанию данных сведений в заявлении о вынесении судебного приказа.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ в случае, если взыскателю неизвестны дата и место рождения должника, один из идентификаторов должника, об этом указывается в заявлении о вынесении судебного приказа и такая информация по запросу суда предоставляется органами Пенсионного фонда Российской Федерации, и (или) налоговыми органами, и (или) органами внутренних дел.

По нашему мнению, необходимо легальное закрепление возможности направления судом соответствующих запросов не только в случае, если взыскателем данные о должнике указаны не в полном объеме, но также и с целью проверки достоверности указанных взыскателем сведений.

Истребование таких сведений не будет являться сбором доказательств по делу, поскольку не направлено на установление фактических обстоятельств дела, однако, позволит устранить сомнения по вопросу подсудности заявления (например, когда в связи с рассмотрением других дел у суда имеется информация об изменении места жительства должника), а также в иных случаях, когда имеются основания усомниться в достоверности указанных данных.

Кроме того, считаем необходимым расширение установленного данной нормой перечня органов, в которых могут истребоваться сведения на стадии до вынесения судебного приказа. Зачастую, при рассмотрении заявлений о вынесении судебных приказов на взыскание задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг, возникает необходимость в истребовании сведений из ЕГРН, органов местного самоуправления и муниципальных учреждений.

Закон предоставляет должнику право в течение 10 дней с момента получения копии судебного приказа представить свои возражения относительно его исполнения, что является безусловным основанием для отмены судебного приказа.

ГПК РФ напрямую не устанавливает последствий предъявления должником возражений относительно исполнения судебного приказа по истечении установленного срока, вместе с тем, при поступлении таких возражений одновременно с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока, суды руководствуются положениями ч. 1 ст. 112 ГПК РФ, согласно которой лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен.

Вместе с тем отсутствие специальных норм, регламентирующих порядок восстановления пропущенного срока на подачу возражений относительно ис-

полнения судебного приказа, порождает неоднозначность складывающейся практики в части порядка рассмотрения такого ходатайства.

С одной стороны, в силу ч. 4 ст. 112 ГПК РФ, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока рассматривается в судебном заседании, лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса. Таким образом, отсутствие специальной нормы делает обязательным рассмотрение такого ходатайства в судебном заседании с обязательным извещением лиц, участвующих в деле.

В то же время, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 29 октября 2020 г. № 2467-О [7], при рассмотрении судом вопроса о возможности восстановления срока для представления должником возражений относительно исполнения судебного приказа необходимо учитывать специфику приказного производства, выражающуюся в вынесении судебного приказа без вызова взыскателя и должника и проведения судебного разбирательства, а также в особом порядке отмены судебного приказа на основании одного лишь несогласия с ним должника.

В этой связи представляется целесообразным нормативное закрепление процессуальной возможности рассмотрения ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу возражений относительно исполнения судебного приказа без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле, с предоставлением суду права, по своему усмотрению, назначить и провести судебное заседание с участием должника и взыскателя в случае необходимости выяснения дополнительных обстоятельств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Ногинского городского суда Московской области от 06.09.2022 № 11-96/2022. URL: <http://noginsk.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая, третья и четвертая. М. : Омега-Л, 2007. 669 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

4. Дедюева М. В. Бесспорный характер требований в приказном производстве // Мировой судья. 2021. № 5. С. 25–30.

5. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2022 № 88а-28292/2022.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 25.11.2022).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2467-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы товарищества собственников недвижимости «Дружный дом» на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой статьи 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

ской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102020-n-2467-o/> (дата обращения: 25.11.2022).

8. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8535/> (дата обращения: 25.11.2022).

10. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 10, ч. 2. 276 с.

11. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404054/ (дата обращения: 25.11.2022).

12. Федеральный закон от 27.12.2018 № 554-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314693/ (дата обращения: 25.11.2022).

13. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 343.24

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Васильев Илья Викторович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

iliadv1986@mail.ru

**Проблемы использования судами института обстоятельств,
смягчающих наказание, и пути их преодоления**

В статье рассматривается один из институтов уголовного права – обстоятельство, смягчающее наказание. В ней авторы обосновывают целесообразность существования открытого перечня смягчающих обстоятельств. Вместе с тем указывают на то, что за-

конодателью следовало бы четче формулировать содержание таких обстоятельств, которые должен использовать суд при вынесении приговора. В связи с этим авторы обосновывают обязательность рассмотрения судом обстоятельств, смягчающих наказание, при вынесении справедливого приговора. В статье вскрывается ряд проблем, возникающих в процессе уголовного судопроизводства и препятствующих правильному применению обстоятельств, смягчающих наказание.

Ключевые слова: законодатель, суд, наказание, обстоятельства, приговор, уголовный кодекс, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Vasiliev Ilya Viktorovich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of the courts' use of the institution of circumstances mitigating punishment and ways to overcome them

The article considers one of the institutions of criminal law – circumstances mitigating punishment. In it, the authors justify the expediency of the existence of an open list of mitigating circumstances. At the same time, they point out that the legislator should have formulated more clearly the content of such circumstances that the court should use when passing sentence. In this regard, the authors justify the obligation of the court to consider the circumstances mitigating the punishment when passing a fair sentence. The article reveals a number of problems that arise in the process of criminal proceedings and prevent the correct application of circumstances mitigating punishment.

Keywords: legislator, court, punishment, circumstances, sentence, criminal Code, circumstances mitigating and aggravating punishment.

Согласно предписаниям действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, суд при назначении наказания учитывает характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Следовательно, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, являются одним из обязательных мерил, которым руководствуется суд при определении, а также назначении вида и размера наказания лицу, признанному виновным в совершении вменяемого ему преступления.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство не содержит определения понятию «обстоятельства, смягчающие наказание». Анализ литературных источников свидетельствует о том, что в среде теоретиков отсутствует единое мнение относительно определения такого понятия.

В частности, по мнению Л. Л. Кругликова, «обстоятельства, смягчающие наказание – это факторы, смягчающие наказание вследствие их существенного влияния на тяжесть преступления и (или) личность виновного, или смягчающие

наказание в соответствии с принципами гуманизма, при этом являются не единственной формой выражения общественной опасности содеянного и личности виновного» [1].

Несколько иное и заслуживающее внимания определение обстоятельств, смягчающим наказание, предлагает Б. В. Сидоров. По его мнению, «обстоятельства, смягчающие наказание, – это данные, характеризующие преступление, личность виновного, его общественную опасность, возможные условия его исправления, необходимые для определения наиболее целесообразной меры наказания» [2, с. 61].

Так, например, А. В. Сумачев и А. Р. Салимгареева определяют обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, как «указанные в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и типичные для многих видов преступлений конкретные факты и события, безусловно свидетельствующие об изменении степени общественной опасности совершенного преступления в сторону его мягкости или тяжести и подлежащие обязательному учету при определении конкретной меры наказания в пользу его смягчения или утяжеления (ужесточения)» [3, с. 61].

Как нам представляется, более правильным выглядит определение, данное В. Б. Малининым и В. А. Измалковым, которые под обстоятельствами, смягчающими наказание, понимают «средства индивидуализации наказания, установленные в законе или признанные таковыми судом, свидетельствующие о понижении общественной опасности деяния или личности виновного, либо принимаемые во внимание на основе принципов гуманизма и справедливости, подлежащие обязательному учету при избрании меры наказания всякому лицу, признанному виновным в совершении преступления, по любому уголовному делу» [4, с. 51].

К числу обстоятельств, смягчающих наказание, законодатель отнес обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, а именно: «а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; б) несовершеннолетие виновного; в) беременность; г) наличие малолетних детей у виновного; д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания; е) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения; з) противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления; и) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления; к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного

потерпевшему» [5. ст. 60]. Кроме этого, в части 2 содержится следующее предписание: «При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи» [5. ст. 60]. Также законодатель указал на то, что «если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания» [5. ст. 60].

Законодатель, приводя перечень обстоятельств, смягчающих наказание, пояснил, что этот перечень не исчерпывающий и указал, что «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи, т. е. при определенных обстоятельствах судом этот перечень может быть расширен.

Разъясняя эти положения закона, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 25 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал: «Установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет важное значение при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания. В связи с этим в приговоре следует указывать, какие обстоятельства суд признает смягчающими и отягчающими наказание. В соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать признание вины, в том числе и частичное, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании и преступление не совершено в отношении их, наличие на иждивении виновного престарелых лиц, его состояние здоровья, наличие инвалидности, государственных и ведомственных наград, участие в боевых действиях по защите Отечества и др.» [6].

Вместе с тем в практике применения обстоятельств, смягчающих наказание, нередко возникают проблемы, которые заключаются в том, что при наличии обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренных частью 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации, обязанностью суда при вынесении приговора является их отражение в тексте приговора и учет при назначении наказания.

Однако, как показывают исследования некоторых ученых, лишь в 58,6 % случаях вынесения обвинительных приговоров суды учитывали обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ, при этом, ссылаясь на часть 2 данной статьи, в качестве смягчающих обстоятельств признавали положительную характеристику осужденного по месту жительства, с места учебы, его участие в вооруженных конфликтах, состояние здоровья и другие обстоятельства. В то же время изучение приговоров показало, что суд не всегда указывает, на основании чего им учтено то или иное обстоятельство в качестве смягчающего наказания, как оно влияет на снижение общественной опасности совершенного деяния или самой личности виновного.

Некоторые проблемы возникают в учете такого обстоятельства, как наличие малолетних детей у виновного. Как нам представляется, законодатель не совсем корректно изложил данное обстоятельство, которое, по справедливому высказыванию многих авторов, должно быть учтенным в любом случае, если у подсудимого имеются такие дети, независимо от его роли в их воспитании, материальном обеспечении и т. д. На наш взгляд, существующая в п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ формулировка «наличие малолетних детей у виновного» нуждается в уточнении. В данном случае мы поддерживаем мнение А. П. Чугаева и Е. Г. Веселова, которые отмечают, что формальное наличие у виновного малолетних детей не должно быть признано судом обстоятельством, смягчающим наказание, так как подсудимый может не поддерживать семейных связей, не принимать участия в их воспитании, или даже может быть лишен родительских прав [7]. Также мы согласны с мнением С. А. Велиева и А. В. Савенкова, которые полагают, что если буквально толковать содержание пункта «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, то сам факт того, что, если в свидетельстве о рождении ребенка указано имя виновного, то он должен быть учтен в качестве обстоятельства, смягчающего наказание за любое совершенное им преступление. И не имеет значения, воспитывал ли подсудимый этого ребенка, оказывал ли материальную поддержку, проявлял ли заботу о нем [8]. Как нам представляется, буквальное толкование данного обстоятельства предопределяет то, что это смягчающее наказание обстоятельство должно учитываться и в том случае, когда в свидетельстве о рождении ребенка не указано имя виновного, ему достаточно доказать, что это его ребенок. В этой связи мы согласны с предложением авторов, обосновывающих целесообразность изменения существующей формулировки рассматриваемого смягчающего обстоятельства с указанием на то, что виновный проявляет заботу о ребенке. Тем более что в названном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2015 г. № 58 содержится рекомендация о том, что «в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать... наличие несовершеннолетних детей при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании и преступление не совершено в отношении их...» [5]. В связи с этим мы полагаем, что заслуживает внимания предложение об изложении п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ в следующей редакции: «г) наличие на воспитании или иждивении у виновного малолетних детей» [9].

Мы считаем, что предлагаемые нами изменения будут способствовать правильному пониманию норм об обстоятельствах, смягчающих наказание, следовательно, позволят судам при рассмотрении ими уголовных дел выносить более справедливые приговоры осуждаемым лицам, а также обеспечат единообразную практику применения и учета обстоятельств, смягчающих наказание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 1986. 70 с.
2. Ходыкина Т. В. Понятие и правовая природа обстоятельств, смягчающих наказание // Юридический факт. 2017. № 18. С. 17–19.

3. Сумачев А. В., Салимгареева А. Р. Уголовное наказание : учеб. пособие. Екатеринбург : Форт Диалог-Исеть, 2016. 114 с.

4. Малинин В. Б., Измалков В. А. Понятие обстоятельств, смягчающих наказание и их классификация // Евразийский союз ученых. 2018. № 8(53). С. 51–56.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г., № 63-ФЗ] : офиц. текст : по состоянию на 20 ноября 2022 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.11.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932 (дата обращения: 25.11.2022).

7. Чугаев А. П., Веселов Е. Г. Назначение наказания : монография. М. : Юрлитинформ, 2008. 324 с.

8. Велиев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания : монография. М. : УРСС, 2010. 214 с.

9. Ситник В. Н. Несовершенство института смягчающих наказание обстоятельств и пути его преодоления. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershenstvo-instituta-smyagchayuschih-nakazanie-obstoyatelstv-i-puti-ego-preodoleniya/viewer> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 343.13

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Яснева Елена Васильевна

старший преподаватель

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

yasneva.e.v@yandex.ru

Актуальные вопросы неравенства прав сторон в уголовном процессе

Статья посвящена вопросам обеспечения конституционных прав потерпевшего от преступления. Авторы попытались указать на то, что современное уголовное судопроизводство не обеспечивает гарантированного Конституцией Российской Федерации равноправия между такими сторонами, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, а также потерпевший и частный обвини-

тель. На основе проведенного исследования предлагается уравнивать в правах названных участников уголовного процесса.

Ключевые слова: Конституция, уголовный процесс, сторона обвинения, сторона защиты, равноправие сторон, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, частный обвинитель.

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilevna

senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Issues of inequality of rights of the parties in criminal proceedings

The article is devoted to the issues of ensuring the constitutional rights of the victim of a crime. The authors have tried to point out that modern criminal proceedings do not ensure, as guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, equality between such parties as the suspect, the accused, the defendant, as well as the victim and the private prosecutor. On the basis of topical research, it is proposed to equalize the rights of the named participants in the criminal process.

Keywords: Constitution, criminal procedure, prosecution, defense, equality of the parties, suspect, accused, victim, private prosecutor.

Часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации устанавливает, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [1]. Примерно аналогичное предписание закреплено в части 4 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (далее – УПК РФ) [2]. Настоящие предписания закона указывают на то, что в нашем государстве они должны выполняться беспрекословно и в полном объеме.

В свое время М. С. Строгович, говоря о состязательности, указывал и на равенство сторон обвинения и защиты. В частности, он писал: «Состязательность состоит в том, что суд рассматривает дело с участием сторон – обвинения и защиты, причем всеми правами стороны пользуется и обвиняемый (подсудимый). Стороны: обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, а также гражданский истец и гражданский ответчик, и их представители – наделены равными процессуальными правами для отстаивания перед судом своих требований для оспаривания, опровержения требований и утверждений других сторон» [7]. С настоящим высказыванием нельзя не согласиться, так как действующее законодательство содержит в себе однозначные указания на равенство сторон в уголовном судопроизводстве.

Как известно, стороной защиты в уголовном судопроизводстве являются подозреваемый, обвиняемый, их защитник и законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, а также гражданский ответчик и его представитель. Данное положение находит свое законодательное закреп-

ление в п. 46 ст. 5 и в положениях главы 7 УПК РФ. При анализе положений уголовно-процессуального законодательства, следственной и судебной практики мы видим интересным законодательное предписание, изложенное в части 4 статьи 15 УПК РФ: «Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» [2]. Настоящее законодательное положение должно гарантировать равную возможность реализации своих прав, защиты своих законных интересов и исполнения своих обязанностей всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства.

Вместе с тем сегодня нередко и, по нашему мнению, не обоснованно, обсуждается вопрос о том, является ли бесспорным положение о действительном равенстве сторон в уголовном процессе. В научной литературе возникают дискуссии о правовом и процессуальном «равенстве» таких участников уголовного судопроизводства, как, с одной стороны, подозреваемый, обвиняемый и подсудимый, с другой – потерпевший, гражданский истец и частный обвинитель.

Для примера возьмем содержания статей, определяющих правовой статус подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) и потерпевшего (ст. 42 УПК РФ). Так, в положениях ч. 5 ст. 42 УПК РФ приведен перечень того, что не вправе делать потерпевший. В то же время ни в положениях ст. 46 УПК РФ, ни в положениях ст. 47 УПК РФ ничего подобного не предусмотрено. Следовательно, для подозреваемого и обвиняемого законодатель, определяя их правовой статус как участников уголовного процесса, не предусмотрел никаких обязанностей [2].

При дальнейшем анализе положений названных статей мы видим, что подозреваемый (п. 3, ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемый и подсудимый (п. 8, ч. 4 ст. 47 УПК РФ) имеют право на бесплатную юридическую помощь с момента установления фактического процессуального положения подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. За потерпевшим такое право на законодательном уровне не закреплено. Хотя законодатель указывает на то, что потерпевший вправе иметь представителя (п. 8 ч. 1 ст. 42 УПК РФ), в качестве которого, согласно положениям ч. 1 ст. 45 УПК РФ, «могут быть адвокаты» [2].

Результаты изучения материалов уголовных дел свидетельствуют о том, что подозреваемый, обвиняемый либо подсудимый, независимо от своего материального положения, пользуются правом бесплатной юридической помощи, получаемой от защитника, в то время, как подавляющее большинство потерпевших не могут обратиться к помощи адвокатов, которые бы выступали в качестве представителя, в виду низкого уровня своего финансового состояния. А самостоятельно защищать свои права и законные интересы из-за отсутствия юридического образования потерпевший не в состоянии, и пригласить адвоката в качестве представителя также не может по причине отсутствия денежных средств. Можно ли в данном случае говорить о равном положении этих участников? Наверное, нет.

К слову, законодатель вроде и предусмотрел возможность возмещения расходов потерпевшему на представителя, отнеся их к процессуальным издержкам, как следует из содержания п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, «суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой воз-

награждения представителю потерпевшего...». В то же время законодатель не разработал адекватного механизма реализации этого предписания, лишь в ч. 1 ст. 132 УПК РФ обозначил: «процессуальные издержки взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета» [2]. Кроме этого, указал на то, что суд вправе взыскать с осужденного или с осужденных процессуальные издержки. А вот о возмещении расходов потерпевшему из средств федерального бюджета не сказано ни одного слова.

Следователь или дознаватель перед допросом подозреваемого или обвиняемого обязан при разъяснении их прав выяснить вопрос – нуждается ли допрашиваемый в помощи защитника. Если при этом подозреваемый или обвиняемый изъявит желание иметь защитника, но у них нет возможности сделать этого, то дознаватель или следователь обязан предоставить им бесплатного защитника за счет средств федерального бюджета. В отношении потерпевшего таких предписаний уголовно-процессуальное законодательство не содержит, лишь обязывает дознавателя или следователя разъяснить потерпевшему его права и обязанности, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, без всякого особого разъяснения права пользоваться помощью представителя. При этом действующее законодательство не содержит норм, предоставляющих право потерпевшему пользоваться помощью представителя (адвоката) бесплатно [6].

Хочется обратить внимание еще на одно неравенство. После признания лица обвиняемым, а в исключительных случаях в отношении подозреваемого решается вопрос об избрании меры пресечения. Действующим уголовно-процессуальным законодательством правом определения «целесообразности» избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого в качестве меры пресечения заключения под стражу, а также последующим правом обращения с таким ходатайством в суд и участия в судебном заседании наделяются следователь и дознаватель, которые должны получить согласие руководителя следственного органа и прокурора соответственно. Потерпевший не включен в круг субъектов, которые вправе участвовать в судебном заседании об избрании меры пресечения. Также потерпевший ограничен в праве на заявление ходатайства о применении в отношении обвиняемого иных мер процессуального принуждения, например, наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). Кроме того, потерпевший не принимает участия в судебном заседании, где рассматриваются эти вопросы. Такое положение, по мнению И. М. Ибрагимова, является неправомерным и нарушающим права потерпевшего [3]. Следует согласиться с мнением ученого, поскольку предоставление потерпевшему такого права не только помогает реализовать ему полномочия по участию в уголовном преследовании, но и в какой-то мере отвечает вопросам обеспечения его безопасности.

Особо следует остановиться на процессуальном положении частного обвинителя, т. е. пострадавшего от преступных действий, отнесенных к группе преступлений частного обвинения. Частный обвинитель наделяется правами, которые предоставлены государственному обвинителю по поддержанию обвинения в суде, в том числе излагать суду свое мнение по существу обвинения, о квалификации и другие права, предусмотренные ч. 4, 5, 6 ст. 246 УПК РФ [2]. При рассмотрении уголовного дела мировым судьей частному обвинителю

противостоит высококвалифицированный юрист – защитник подсудимого. Очевидно, что для поддержания обвинения в суде потерпевшему – частному обвинителю тоже потребуется квалифицированная помощь. Полагаем, что в данном случае, для обеспечения сторон равными правами, необходимо законодательно закрепить обязательное и бесплатное участие адвоката в качестве представителя частного обвинителя (потерпевшего) по аналогии с правом обвиняемого на квалифицированную защиту его прав.

Изучение зарубежной практики защиты прав потерпевших указывает на то, что во многих государствах существует специальный фонд поддержки лиц, пострадавших от преступлений. Так, например, компенсационные выплаты потерпевшим предусмотрены в Новой Зеландии, Австралии, Канаде, Японии и некоторых других странах. Источниками формирования таких фондов являются специальные государственные ассигнования или средства, получаемые от штрафов, залогов, конфискации имущества преступников и т. п. [4; 8]. Как нам представляется, следует обратить внимание на опыт Республики Казахстан, в которой принят закон и создан Фонд компенсации потерпевшим. Законом предусмотрены правовые основания выплаты компенсации, и лица, которым она может быть выплачена. Так, потерпевший может получить компенсацию сразу после наделения его таким статусом, не дожидаясь судебного решения по делу. Суд, вынося обвинительный приговор, в качестве иной меры уголовно-правового воздействия взыскивает с виновного принудительный платеж, размер которого определяется в зависимости от тяжести преступления, и перечисляется в Фонд. Денежные средства, выплаченные в качестве компенсации, впоследствии возмещаются Фонду за счет средств осужденного.

Полагаем, что опыт зарубежных стран по защите прав потерпевших может быть применен и в России. В связи с этим представляется целесообразным, закрепить на законодательном уровне процессуальный порядок возмещения расходов и причиненного преступлением вреда потерпевшему, приняв соответствующий федеральный закон. По нашему мнению, следует вернуться к законопроекту, предусматривающему поддержку потерпевших, наделив их дополнительными гарантиями, который был подготовлен Следственным комитетом Российской Федерации в 2012 году.

Не меньшего внимания заслуживают положения, предписывающие суду отложить рассмотрение уголовного дела ввиду неявки подсудимого, как это следует из положений ч. 2 ст. 247 УПК РФ. В то же время законодатель установил, что «при неявке потерпевшего суд рассматривает уголовное дело в его отсутствие» [2]. Следовательно, при отсутствии подсудимого дело не подлежит рассмотрению, а при отсутствии потерпевшего – можно рассматривать. Здесь напрашивается вывод, что до настоящего времени потерпевший как участник уголовного процесса, как сторона в уголовном процессе, не обеспечен равными правами по отношению к подозреваемому, обвиняемому и подсудимому. В данном случае мы считаем верными предложения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Маскальковой, указывающей на то, что «потерпевшего целесообразно наделить правами и полномочиями, которые

позволили бы ему в полной мере реализовать конституционное право на судебную защиту и скорейший доступ к правосудию» [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.11.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ (по состоянию на 01.10.2022) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2022).

3. Ибрагимов И. М. Законодательное расширение правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // Российский судья. 2008. № 10. С. 17–20.

4. Кобец П. Н. Международный опыт защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Международное публичное и частное право. 2007. № 6. С. 2–6.

5. Маскалькова Т. Н. Тематический доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе». URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1644741562&tld=ru&lang=ru&name=106171_25.12_sborka_LowRes.pdf&text=соблюдение%20и%20защита%20прав%20потерпевших%20в%20уголовном%20процессе (дата обращения: 10.11.2022).

6. Почечуева О. С. Нерешенные проблемы представительства интересов потерпевших в уголовном процессе // Адвокат. 2009. № 10. С. 78–83.

7. Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. 277 с.

8. Яснева Е. В. Основные концепции защиты потерпевших от преступлений в России и за рубежом: сравнительный анализ // Вестник Костромского государственного технологического университета: Государство и право: вопросы теории и практики. 2011. № 1. С. 109–112.

УДК 342.56

Зайцев Леонид Николаевич

старший преподаватель, Костромской государственной академии
г. Кострома, Российская Федерация

l_zaycev@ksu.edu

Судебная система Луганской Народной Республики

В статье анализируется процесс реформирования судебной системы Луганской Народной Республики в связи с вхождением Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации. Нормативно-правовую базу исследования составило законодательство Лу-

ганской Народной Республики и Российской Федерации по исследуемой проблеме. Автором выделены и проанализированы структурные элементы судебной системы Луганской Народной Республики. На основании исследования сделан вывод о месте судов Республики в судебной системе Российской Федерации. Модернизация судебной системы Луганской Народной Республики в связи с ее вхождением в состав Российской Федерации в современных условиях является оправданной и необходимой.

Ключевые слова: Луганская Народная Республика, судебная система, Верховный Суд.

Zaitsev Leonid Nikolayevich

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Judicial system of the Luhansk People's Republic

The article analyzes the process of reforming the judicial system of the Luhansk People's Republic in connection with the entry of the Luhansk People's Republic into the Russian Federation. The regulatory framework of the study was the legislation of the Luhansk People's Republic and the Russian Federation on the problem under study. The author identifies and analyzes the structural elements of the judicial system of the Luhansk People's Republic. Based on the study, a conclusion is made about the place of the courts of the republic in the judicial system of the Russian Federation. Modernization of the judicial system of the Luhansk People's Republic in connection with its entry into the Russian Federation in modern conditions is justified and necessary.

Keywords: Luhansk People's Republic, judicial system, Supreme Court.

В настоящее время повышенное внимание уделяется судебной власти и судебной системе государства, эффективности отправления правосудия, совершенствованию форм взаимодействия правоохранительных и других государственных органов с органами судебной власти [12, с. 3].

Президент России В. В. Путин на X Всероссийском съезде судей отметил: «Судебная система постоянно развивается, этого требует сама жизнь, ее стремительные перемены, ключевые события» [1]. Далее В. В. Путин обратил внимание, что «по итогам референдумов, по воле миллионов людей в состав России вошли четыре новых субъекта Федерации: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области. На этих территориях предполагается создание федеральных судов. Верховному Суду совместно с другими органами судейского сообщества предстоит большая работа по формированию новых составов судов, их скорейшей интеграции в российскую судебную систему» [1].

Если судебная власть и судебная система Российской Федерации были предметом исследования ученых-правоведов [2; 10; 12], то судебная власть и судебная система Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) практически не исследовались.

Впервые судебная власть и судебная система Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) были исследованы в 2017 г. Т. С. Коваленко в монографии «Становление и развитие судебной власти в Луганской Народной Республике» [11].

Однако с того времени прошло более 5 лет и произошли изменения в территориальной целостности ЛНР, которая вошла в состав России. Поэтому, по нашему мнению, указанная тема остается недостаточно изученной, и актуальность анализа судебной системы ЛНР и перспективы ее развития на сегодняшний день очевидны.

Ю. М. Гайдидей определяет судебную систему как саморегулируемую социальную организацию. Далее она указывает, что судебная система – это форма выражения судебной власти [2, с.8].

О. А. Капустин аргументировал представление о судебной системе как единой технологической платформе, определив ее природу [2, с. 8].

Далее он отмечает, что судебная система предполагает совокупность установленных законом судебных учреждений в географической (природной) среде [2, с. 146].

Как отмечается в концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1406-р, в ред. от 20.10.2022) судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Система судебных органов должна обеспечивать незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности [13].

Провозглашение ДНР и ЛНР стали ответом на беспредел новой киевской власти. 6 апреля 2014 г. в Луганске было провозглашено образование ЛНР. 27 апреля 2014 г. на Съезде представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций был принят Акт о провозглашении государственной самостоятельности ЛНР. 11 мая 2014 г. состоялся референдум о статусе ЛНР, а 26 мая была принята Конституция ЛНР.

Летом 2014 г. украинские власти прекратили деятельность всех судов в ЛНР и «эвакуировали» их на территории, подконтрольные им.

Судебная система на территории ЛНР с того момента перестала существовать. В этих условиях ЛНР предприняла ряд мер, направленных на становление судебной власти и формирование судебной системы Республики.

30 апреля 2015 года принимается Закон ЛНР «О судебной системе». Этим законом дается определение судебной власти, указывается, какие суды действуют в ЛНР, определяются принципы деятельности судебной власти, устанавливается порядок создания и упразднения судов, определяются статус и компетенция судов ЛНР, определяется порядок финансирования судов всех уровней. В судебную систему ЛНР включены: Верховный Суд ЛНР, Арбитражный суд ЛНР, Военный суд ЛНР, районные (городские, горрайонные) суды ЛНР и мировые судьи [3].

В этот же день, 30.04.2015 г., был принят закон «О создании судов ЛНР», которым на территории Республики были созданы: Верховный Суд ЛНР; Арбитражный суд ЛНР; а также суды общей юрисдикции: Военный суд ЛНР; Артемовский районный суд города Луганска; Жовтневый районный суд города

Луганска; Каменнобродский районный суд города Луганска; Ленинский районный суд города Луганска; Алчевский городской суд; Брянковский городской суд; Кировский городской суд; Краснолучский городской суд; Первомайский городской суд; Ровеньковский городской суд; Свердловский горрайонный суд; Стахановский городской суд; Антрацитовский горрайонный суд; Краснодонский горрайонный суд; Лутугинский районный суд; Перевальский районный суд; Славяносербский районный суд. Всего было создано 18 судов общей юрисдикции, не считая Верховный суд ЛНР и Арбитражный суд ЛНР [4].

Статьей 2 указанного закона предусмотрено, что решение о дне начала деятельности судов, созданных в соответствии со статьей 1 упомянутого Закона, принимает Глава Луганской Народной Республики после назначения на должности не менее трех судей соответствующего суда [4].

Следует отметить, что этим законом было предусмотрено, что до создания в ЛНР должностей мировых судей, а также до назначения мировых судей дела и жалобы, отнесенные законами к подсудности мировых судей, рассматриваются городскими, районными судами, созданными в соответствии с указанным законом, с учетом их территориальной юрисдикции. Данное положение было принято в связи с тяжелой политической обстановкой и недостаточным финансированием судебной системы ЛНР [4].

22 мая 2015 г. был принят Закон ЛНР «О статусе судей», который закрепил единство статуса всех судей ЛНР, определил требования, предъявляемые к судьям и кандидатам на должность судьи, устанавливал порядок отбора кандидатов на должность судьи, порядок наделения судей полномочиями и порядок наделения и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов, устанавливал гарантии независимости судей, сроки полномочий судьи, порядок приостановления полномочий судьи и отставки судьи, а также основания прекращения полномочий судьи [5].

29 мая 2015 г. принимается Закон ЛНР «О Верховном Суде Луганской Народной Республики», которым были определены его полномочия, состав, порядок формирования, компетенция; были закреплены порядок финансирования и материально-технического обеспечения деятельности Верховного Суда ЛНР [6].

6 декабря 2018 г. принимается закон ЛНР «Об органах судейского сообщества в Луганской Народной Республике». Данным законом закреплено, что судейское сообщество в ЛНР образуют судьи судов всех видов и уровней, составляющих судебную систему ЛНР. Законом также определены органы судейского сообщества в ЛНР, которыми являются: 1) Съезд судей ЛНР; 2) Совет судей ЛНР; 3) общие собрания судей судов; 4) квалификационная коллегия судей ЛНР; 5) экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи [7].

22 марта 2019 г. был принят закон «О конституционном судопроизводстве в Луганской Народной Республике», которым определено, что конституционное судопроизводство осуществляется Верховным судом ЛНР. Законом закреплены полномочия ВС ЛНР при осуществлении конституционного судопроизводства; закреплены его основные принципы; закреплена процедура указанного судопроизводства [8].

После освобождения подразделениями народной милиции ЛНР и российской армии ряда территории 9 апреля 2022 г. был принят закон «О внесении изменений в Закон Луганской Народной Республики „О создании судов Луганской Народной Республики“», которым предусмотрено создание еще ряда судов на освобожденных территориях: 3 городских: Лисичанский городской суд, Рубежанский городской суд и Северодонецкий городской суд; и 12 районных судов: Беловодский районный суд; Белокуракинский районный суд; Кременской районный суд; Марковский районный суд; Меловской районный суд; Новоайдарский районный суд; Новопсковский районный суд; Попаснянский районный суд; Сватовский районный суд; Славяносербский районный суд; Станично-Луганский районный суд; Старобельский районный суд; Троицкий районный суд. Таким образом, после освобождения ряда территорий, ранее находившихся под контролем Украины, на всей территории ЛНР создано 33 суда общей юрисдикции [9].

Федеральным конституционным законом от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» ЛНР была принята в состав России [14].

Статьей 10 указанного закона предусмотрено создание на территории ЛНР судов Российской Федерации в соответствии с законодательством РФ. Предусмотрено создание судебных участков и должностей мировых судей в соответствии с законодательством РФ [14].

При этом отмечено, что решение о дне начала деятельности судов на территории ЛНР принимает Пленум Верховного Суда ЛНР. До создания судов предусмотрено, что правосудие от имени Российской Федерации осуществляют суды ЛНР, действовавшие на день принятия ЛНР в состав РФ.

Определены вышестоящие суды судов ЛНР, которыми являются Верховный суд ЛНР, Первый апелляционный суд общей юрисдикции, апелляционный военный суд, Двадцать первый арбитражный апелляционный суд, Второй кассационный суд общей юрисдикции, кассационный военный суд, Арбитражный суд Центрального округа и Верховный Суд Российской Федерации [14].

ФЗ № 6-ФКЗ установлен процессуальный порядок рассмотрения дел всеми судами.

Анализ принятого в ЛНР законодательства позволяет сделать вывод о том, что несмотря на военное положение судебная система ЛНР была успешно создана. А ФКЗ от 04.10.2022 № 6 направлен на модернизацию судебной системы ЛНР.

Следует отметить, что после принятия ЛНР в состав Российской Федерации на территории ЛНР вопросы деятельности судебной власти и судебной системы стали регулироваться законодательством Российской Федерации.

Конечно, есть ряд недостатков в формировании судебной системы ЛНР. Несмотря на то, что судьи на освобожденных территориях прошли процедуру назначения еще в ЛНР, приняли присягу, однако так и не смогли приступить к исполнению своих обязанностей в связи с тем, что решение о начале деятельности этих судов так и не было принято.

Также до настоящего времени не созданы участки мировых судей; во всех освобожденных городах и районах не созданы городские райсуды, что негативно сказывается на защите прав и свобод человека и гражданина в ЛНР.

Так, например, защита прав граждан в Старобельском районе ЛНР осуществляется путем рассмотрения дел в Артемовском районном суде г. Луганска. Однако это временные меры, которые в скором времени изменятся. Произойдет интеграция судов ЛНР в судебную систему Российской Федерации.

Судебная система ЛНР в настоящее время практически входит в судебную систему Российской Федерации, поскольку ЛНР вошла в состав России. В связи с этим существует необходимость создания надлежащих условий для осуществления независимого правосудия на территории ЛНР.

Модернизация судебной системы ЛНР в связи с ее вхождением в состав Российской Федерации в современных условиях является оправданной и необходимой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всероссийский съезд судей. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69949> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Гайдидей Ю. М. Судебная система в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.

3. Закон ЛНР «О судебной системе». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/939/> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Закон ЛНР «О создании судов ЛНР». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/943/> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Закон ЛНР «О статусе судей». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/985/> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Закон ЛНР «О Верховном Суде Луганской Народной Республики». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1130/> (дата обращения: 25.11.2022).

7. Закон ЛНР «Об органах судейского сообщества в Луганской Народной Республике». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/7527/> (дата обращения: 25.11.2022).

8. Закон «О конституционном судопроизводстве в Луганской Народной Республике». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/8369/> (дата обращения: 25.11.2022).

9. Закон «О внесении изменений в Закон Луганской Народной Республики «О создании судов Луганской Народной Республики». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17382/> (дата обращения: 25.11.2022).

10. Капустин О. А. Организация судебной деятельности в современный период : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Российский государственный университет правосудия, 2022. 184 с.

11. Коваленко Т. С. Становление и развитие судебной власти в Луганской Народной Республике : монография / под ред. Т. С. Коваленко ; МВД ЛНР, Лу-

ган. акад. внутр. дел им. Э. А. Дидоренко, Костром. гос. ун-т. Кострома : КГУ, 2017. 168 с.

12. Мишакова Н. В. Теоретические и правовые аспекты совершенствования функций судебной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://www.rudn.ru/u/www/files/dissertation/avtoreferat-mishakovoynv-2019.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

13. О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1406-р, в ред. от 20.10.2022). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102162740&page=1&rdk=15#Ю (дата обращения: 25.11.2022).

14. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050006> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 347.990.8

Заливалова Людмила Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

zalivalova@yandex.ru

К вопросу истории судебной власти Советского государства

В статье дана оценка ряда обобщающих трудов, которые посвящены проблемам истории судебной власти Советского государства в период 1917–1922 годов. Автор обращает внимание исследователей на актуальность выявления и анализа новых региональных источников по этой проблематике и предлагает направления для будущего изучения специфики советской судебной власти.

Ключевые слова: государственные органы власти, советское государство, судебная власть, судебная реформа.

Zalivalova Lyudmila Nikolaevna

candidate of historical sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the question of the history of the judicial power of the Soviet State

The article evaluates a number of generalizing works that are devoted to the problems of the history of the judicial power of the Soviet state in the period 1917–1922. The author draws the attention of researchers to the relevance of identifying and analyzing new regional sources on this issue and suggests directions for future study of the specifics of the Soviet judiciary.

Keywords: state authorities, the Soviet state, the judiciary, judicial reform.

Функции Российского государства в настоящее время существенно изменились по сравнению с теми, что были в СССР. Процесс их модернизации через эволюцию государственных структур начался с периода распада в 1991 году Союза ССР и принял перманентный характер. С этого времени растет интерес общественности к проблеме судебно-властных отношений и способам ее решения в условиях нового – правового – государства согласно Конституции РФ 1993 года. Актуализация тематики функционирования судебной ветви власти обернулась появлением в историко-юридической литературе как статей публицистических, так и солидных научных публикаций. Новые издания фундаментальных трудов В. И. Сергеевича, Г. А. Джаншиева, С. В. Пахмана, В. Н. Латкина и других ученых дооктябрьского периода (серия «Русское юридическое наследие») облегчали доступ к большому кругу правовых источников и обеспечивали полезным научным комментарием всех тех, кого интересовала история судебно-властных отношений в России периода монархии.

Значительно меньше внимания уделялось изучению функционирования судебной власти Советского государства. Цель данной работы – выявить научные труды, в которых освещена история судебно-властных отношений в 1917–1924 годах. Следует иметь в виду, что с середины 1930-х годов в СССР публикации работ по истории первых этапов истории советского государства и права почти полностью прекратились. Лишь после окончания Великой Отечественной войны исследователи вновь вернулись к этой проблематике.

В число первых послевоенных работ входят «Очерки по истории органов советской государственной власти» (коллективный труд) [4] и монография профессора М. В. Кожевникова «История советского суда» [2]. Хронологически они охватывали первые 30 лет существования Советского государства. Разумеется, что при оценке научных работ советских ученых мы учитывали конкретно-историческую ситуацию, в рамках которой написаны эти труды. В предисловии к «Очеркам» указано, что они освещают «органы власти с точки зрения их организационных форм», и хронологически «очерки соответствуют периодизации истории ВКП(б) и этапам развития советского государства» [4, с. 3]. Также отмечено, что, структурируя текст, авторы должны были показывать органы власти в 1917–1922 годах по материалам РСФСР, а в период 1922–1947 года – на основе правовой базы СССР. Период 1917–1924 годов отражен в трех очерках: за 1917–1918 годы (революция), за 1918–1920 годы (период гражданской войны и иностранной интервенции) и за 1921–1925 годы («Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, 1921–1925 годы»). Первым правовым актом организации советского суда назван Декрет о суде № 1 от 5 декабря 1917 года, который «заложил основы создания и укрепления нового суда, выражающего интересы рабочего класса, охраняющего завоевания социалистической революции» [4, с. 7]. Декреты № 2 и № 3 не упомянуты, и далее на основе цитирования правовых актов Советской власти за 1917–1947 годы показана структура и функции органов государственной власти, с краткими упоминаниями о наличии у них в том числе и судебных полномочий. Подготовка ко-

дификации в 1920-е годы представлена как функция ВЦИК. В связи «с условиями нэпа, особое значение приобретало внедрение и установление социалистической законности», в связи с чем ВЦИК на своих сессиях занималась вопросами разработки и принятия кодексов. Очевидно, что авторы монографии не могли выделить судебную власть ввиду многих известных причин. Но ценность труда как раз в том, что он показал закон и правовые процедуры, поставленные на службу делу революции и новому советскому государству. Судебная власть не самостоятельна, а включена и функционирует внутри механизма государственного управления, который создала новая власть. Труд коллектива авторов был очень важен, так как выявлен, обработан и систематизирован крайне неоднородный по содержанию и значению правовой материал за первые 30 лет существования советской власти.

Монография «История советского суда» профессора М. В. Кожевникова и в наши дни представляет большой интерес и как подборка документов по проблеме, и как отражение исследовательского труда, показывает, какой огромный комплекс источников обработал автор. На основе конкретного материала официальных правовых актов, документальных публикаций, привлечения периодики и статистических данных, трудов видных деятелей партии представлен процесс формирования советского правосудия в 1917–1947 годах. Хронологические рамки, естественно, такие же, как и в «Очерках». Судебную деятельность М. В. Кожевников рассматривал как одну из функций государственного управления, а суд – как орган власти. Поэтому судебная власть так же, как и другие государственные органы решает задачи, поставленные верховной властью, в Советском государстве – партией. Большое достоинство работы в том, что автор рассматривал и связывал процесс изменений судебно-властных функций непосредственно с этапами истории государства и целями, которые ставила советская власть, обосновал специфику каждого этапа. Ценной стороной труда М. В. Кожевникова явилось изучение правового материала о положении суда в национальных районах России. Эти данные и в наши дни используют исследователи. Реформе суда 1922 года уделено большое внимание, представлен материал по ее подготовке и дана оценка итогов. Автор делал вывод, что итогом ее стало организационное укрепление всей судебной системы государства, обеспечение единства судебной политики советского государства, а также укрепление суда кадрами профессиональных юристов и «контроль за проведением в деятельности суда указаний партии и правительства о борьбе с преступностью и защите законных прав и интересов граждан СССР» [2, с. 175–176].

К числу фундаментальных исследований по истории государственной власти и ее органов в СССР относится и монография профессора Т. П. Коржихиной, крупного советского специалиста в этой области знания – «Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.» [3]. Автор исходила из определения понятия «государственные органы». Эти органы выступают от имени государства и обладают государственно-властными полномочиями, также и судебные органы, прокуратура являются государственными органами власти [3, с. 8].

Революция «уничтожила старые и на их месте создала новые судебные органы» [3, с. 104], и организационная структура судебной власти подробно рассматривается в работе Т. П. Коржихиной. Судебную реформу, которая окончательно определила новую организацию судебной власти после трудных лет революции и гражданской войны, она датировала 1921–1922 годами, рассматривая ее в рамках четырех «шагов»: слияние систем трибуналов, ограничение прав ВЧК, утверждение трехзвенной судебной системы и создание прокуратуры [3, с. 104–107].

«История российского правосудия», коллективный труд под редакцией Н. А. Колоколова, издан в 2009 году под грифом «учебное пособие». В этой работе, по сути, впервые в послеоктябрьской российской правовой науке судебная власть выделена и определена как понятие, дан научный анализ ее сущности, специфики, функционирования и эволюции в России от эпохи Древнерусского государства по XX век. Особого внимания заслуживают первые три главы. С точки зрения авторского коллектива судебная власть должна рассматриваться «не только как самостоятельная и независимая разновидность социально-политической и государственной власти, но и как совокупность уникальных общественных отношений», «как качество, присущее развитому обществу, посредством суда разрешать социально-политические и экономические конфликты» [1, с. 7]. Сформулировано понятие «судебная реформа»: совокупность системных изменений посредством принятия государственных законов в сфере судостройства и судопроизводства, с целью достичь максимального эффекта функционирования судебной системы в течение определенного исторического периода. К числу крупных судебных реформ в России за XVIII–XX вв. отнесена реформа 1922 года. Значение ее в том, что законодательно закреплены «основные принципы организации советской судебной системы» с учетом государственного устройства, и практика работы судов в дальнейшем подтвердила ее необходимость [1, с. 31].

Выводы, которые мы можем предложить, сводятся к следующему. Исследователи истории судебно-властных отношений в 1917–1922 в настоящее время не могут пожаловаться на отсутствие официального правового материала и дальнейшее раскрытие темы возможно главным образом на основе изучения новых региональных источников.

В рамках проблемы функционирования судебно-властных отношений после революции Октября 1917 года периодизация их эволюции вопрос дискуссионный. С точки зрения будущих научных исследований процесса теоретического осмысления истории правосудия в период Советской власти можно предложить, во-первых, исследование специфики деятельности судебных органов как органов советской государственной власти в сравнении с другими властными структурами и, во-вторых, раскрытие процессов внутреннего изменения собственно судебной власти в условиях Советского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История российского правосудия : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2009. 447 с.
2. Кожевников М. В. История советского суда. М. : Юрид. изд-во, 1948. 376 с.
3. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГГУ, 1995. 418 с.
4. Очерки по истории органов советской государственной власти (Материалы к изучению истории советского государства и права) / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 358 с.

УДК 343.98.06

Ильина Инна Николаевна

председатель судебного состава судебной коллегии
по гражданским делам,
судья Костромского областного суда
г. Кострома, Российская Федерация
oblsud.kst@sudrf.ru

Некоторые проблемные вопросы при назначении экспертизы по гражданским делам

Статья посвящена вопросам назначения судебной экспертизы по гражданским делам. Проведен краткий анализ генезиса института судебной экспертизы. Рассмотрены вопросы терминологии и порядка проведения экспертизы. Предложены пути усовершенствования отдельных норм о возмещении расходов при назначении экспертизы по гражданским делам.

Ключевые слова: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, судебная экспертиза, экспертное заключение.

Inna Inna Nikolaevna

Chairman of the judicial composition of the Judicial Board for civil cases,
judge of the Kostroma Regional Court
Kostroma, Russian Federation

Some problematic issues in the appointment of expertise in civil cases

The article is devoted to the appointment of a forensic examination in civil cases. A brief analysis of the genesis of the Institute of forensic Examination is carried out. The issues of terminology and procedure of examination are considered. The ways of improving certain norms on reimbursement of expenses in the appointment of expertise in civil cases are proposed.

Keywords: Civil Procedure Code of the Russian Federation, forensic examination, expert opinion.

В соответствии со статьей 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Таким образом, заключение экспертизы отнесено к числу доказательств по гражданскому делу.

В статье 79 ГПК РФ предусмотрено, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Гражданское процессуальное законодательство не содержит определения понятиям «судебная экспертиза» и «экспертное заключение». Представляется, что судебную экспертизу можно идентифицировать применительно к определениям, данным в статье 9 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», как предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла; а заключение эксперта – как письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом.

Исходя из своей сути экспертиза является специфическим доказательством. Ее особенности обусловлены тем, что в определенных случаях для правильного разрешения спора на основе правовых норм недостаточно только навыков правоприменителя, а необходимы еще и очень специфические знания, которыми ни суд, ни стороны априори не обладают.

Институт судебной экспертизы имеет длительную историю. Она появилась тогда, когда при решении различных вопросов, связанных с осуществлением властных функций, возникла потребность в дополнительных знаниях, которыми обладал лишь узкий круг лиц.

Как нам сообщают различные источники, прообраз экспертизы как доказательства возник еще в Древнем Китае во II в. до н. э., когда различные исследования проводились в судебно-медицинских целях. В индийских законах Ману (датированных II в. до н. э. – II в. н. э.) также содержится упоминание о том, что для раскрытия преступления и анализа следов в качестве экспертов привлекались охотники [3]. В Византии в период правления императора Юстиниана (V–VI вв.) при судах имелись специальные лица, которые фактически проводили исследования почерков.

Однако использовали специальные знания в основном в уголовном процессе, и лишь сравнительно недавно экспертиза стала активно внедряться в гражданский процесс.

В России на развитие процесса судопроизводства в целом и на развитие судебных экспертиз повлияла Судебная реформа 1864 г. [2]. Статья 515 Устава гражданского судопроизводства позволяла суду потребовать заключение сведущих людей по просьбе сторон или по своей инициативе, в комментарии к ней указывалось, что «суд не вправе отказать в ходатайстве об экспертизе на том основании, что экспертиза есть дело усмотрения суда, что, по мнению суда, сведущие лица не в состоянии дать требуемого заключения». Кроме того, суд обязан был потребовать заключения экспертов, если, по собственному признанию суда, экспертиза могла иметь влияние на разрешение дела. При назначении экспертизы суд выносил постановление об исследовании, в котором, в соответствии со ст. 516 Устава, должен был отразить: предмет исследования, лиц, выбранных в качестве экспертов, срок исследования и представления [4, с. 445].

В ГПК РСФСР 1923 года также экспертиза сохранилась в качестве доказательства. В статье 121 указанного процессуального кодекса было предусмотрено, что суд может, по собственной инициативе или по просьбе сторон, производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведущих лиц (экспертов), вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов. То есть предусматривалось использование экспертизы в целях оценки иных представленных по делу доказательств. Также в статье 152 было установлено, что для разъяснения возникающих при разборе дела вопросов, требующих специальных познаний, суд может назначить экспертов.

В настоящее время юридические конструкции, связанные с использованием в гражданском процессе специальных знаний, изменились, но не кардинально, хотя в частноправовые споры судебные экспертизы внедрились очень широко (это обусловлено произошедшим в середине прошлого века скачком развития науки и техники, после чего вращение в обыденную жизнь новых знаний и технологий продолжает идти семимильными шагами).

При назначении судом экспертизы появляется еще один участник процесса – эксперт, который, как и суд, должен быть беспристрастен и не заинтересован в исходе дела, поскольку его суждения и выводы впоследствии могут быть положены в основу решения и самым непосредственным образом повлияют на разрешение спора.

Обеспечению нейтрального статуса эксперта служит прежде всего институт отводов.

Однако обеспечить беспристрастность эксперта должен также и порядок оплаты его услуг, ведь его участие в гражданском процессе не является безвозмездным, и расходы, по общему правилу, ложатся на стороны спора.

Гражданское процессуальное законодательство предусмотрело такой порядок оплаты экспертизы, который предполагает сохранение независимого статуса эксперта. В части 1 статьи 96 ГПК РФ установлено, что денежные суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам и специалистам, или другие свя-

занные с рассмотрением дела расходы, признанные судом необходимыми, предварительно вносятся на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, соответствующему суду или управлению Судебного департамента в субъекте Российской Федерации, а также органу, осуществляющему организационное обеспечение деятельности мировых судей, стороной, заявившей соответствующую просьбу. В случае если указанная просьба заявлена обеими сторонами, требуемые суммы вносятся сторонами в равных частях.

В связи с этим оплата экспертизы в любом случае должна осуществляться со счета суда, управления Судебного департамента или органа исполнительной власти, обеспечивающего деятельность мировых судей.

Однако в преобладающем количестве случаев судьи данное нормативное положение игнорируют, и в определении о назначении экспертизы возлагают обязанность по оплате экспертизы на заявившую ходатайство сторону, минуя счет суда или управления Судебного департамента. В связи с этим сторона, вносящая эту оплату, вступает в прямой контакт и, по сути, договорные отношения с судебным экспертом. Заказчиком такой экспертизы уже выступает не суд, а сторона по делу. Такие действия, безусловно, могут вызвать сомнения в беспристрастности эксперта.

На наличие такой проблемы не только в судах общей юрисдикции, но и в арбитражных судах указывает Т. Т. Алиев в статье «Судебная экспертиза: проблемы и перспективы развития» [1, с. 16].

Кроме того, такое нарушение при решении вопроса об оплате создает и иные трудности.

Так, сторона, заявившая ходатайство, не всегда добросовестно выполняет лежащие на ней обязанности по оплате экспертизы. Между тем это обстоятельство не освобождает эксперта от проведения экспертизы. Как отмечено в абзаце 2 части 2 статьи 85 ГПК РФ, эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения. В случае отказа стороны от предварительной оплаты экспертизы эксперт или судебно-экспертное учреждение обязан провести назначенную судом экспертизу и вместе с заявлением о возмещении понесенных расходов направить заключение эксперта в суд с документами, подтверждающими расходы на проведение экспертизы, для решения судом вопроса о возмещении этих расходов соответствующей стороной с учетом положений статьи 98 настоящего Кодекса (т. е. с проигравшей дело стороной пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований).

Однако последующее взыскание этих расходов в пользу эксперта (экспертного учреждения) с проигравшей стороны не гарантирует быстрой и полной оплаты. Во-первых, для рассмотрения дела требуется время, а дела, по которым проводятся экспертизы, как правило, рассматриваются не быстро, решения по ним оспариваются в апелляционном и кассационном порядке, а обратиться к принудительному исполнению его можно только после вступления в законную силу. Во-вторых, обращение к принудительному исполнению также не означает ско-

рейшего получения экспертом оплаты, поскольку должник может быть недостаточно платежеспособным, уклоняться от исполнения решения и т. п.

Кроме того, при таком подходе («постоплате») у судов возникают сложности с оплатой того экспертного заключения, которое не было положено в основу решения. Например, после первого экспертного заключения назначалась повторная экспертиза, которая не подтвердила выводы первоначальной полностью или в части. Можно ли в этом случае не оплачивать труд эксперта, посчитав, что «работа» или «услуга» выполнены некачественно, что привело к невозможности использования их результата?

Относительно этих вопросов судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации обозначила два следующих подхода.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 16 января 2018 г. № 5-КГ17-234 отметил, что если экспертное заключение выполнено не теми экспертами, которым было поручено судом, и не по поставленным судом вопросам, т. е. с нарушением закона, то расходы на проведение такой экспертизы, заключение которой является недопустимым доказательством, не могут быть возложены на стороны.

Напротив, в том случае, когда экспертным учреждением грубых нарушений при проведении экспертизы не допущено, хотя по делу в связи с неполнотой первоначальной экспертизы проводилась повторная, оснований для отказа в оплате услуг экспертов Верховный Суд Российской Федерации не усматривает. Так, в Определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2019 г. № 16-КГ19-3 указано, что отказ в оплате экспертизы по основаниям неполноты заключения эксперта или его недостаточной ясности процессуальным законом не предусмотрен. Выплата вознаграждения эксперту не может ставиться в зависимость от оценки его судом в качестве доказательства по делу, если каких-либо нарушений порядка проведения экспертизы не установлено.

Однако в правовых позициях высшей судебной инстанции не содержится ответа на вопрос о том, с кого и в каком порядке следует взыскивать уже понесенные выигравшей дело стороной расходы по оплате экспертизы, не положенной в основу решения по причине нарушения порядка ее проведения экспертным учреждением или в связи с допущенными судом при ее назначении нарушениями (экспертиза назначена эксперту, который в силу прямого указания закона подлежал отводу, или в случае неправильно поставленных судом вопросов, например, ошибочного указания даты оценки).

Представляется, что такие расходы не могут быть отнесены на выигравшую дело сторону, которая их понесла. Вероятно, этот участник процесса должен иметь возможность компенсировать их либо за счет экспертного учреждения, допустившего при проведении экспертизы нарушения закона, либо за счет соответствующего бюджета, поскольку при допущенном судом нарушении вины эксперта в том, что его заключение оказалось не относимым доказательством, не имеется. Учитывая, что правоотношения, связанные с проведением и оплатой экспертизы, не являются гражданско-правовыми и напрямую не регулируются нормами гражданского права, вопрос о возмещении этих расходов

во всяком случае необходимо решать в рамках гражданского дела, по которому экспертиза проводилась в порядке статьи 103.1 ГПК РФ «Разрешение вопросов о судебных расходах».

Также при указании в определении о назначении экспертизы лишь на наличие у одной из сторон обязанности по ее оплате остается без внимания вопрос о ее стоимости. На практике получается, что зачастую сторона, заявившая ходатайство о назначении экспертизы, еще даже не догадывается, сколько денег она должна заплатить, посильно ей это финансово или нет. Поэтому после того, как экспертная организация выставит счет, а он не всегда бывает адекватным, эта сторона его не оплачивает, и возникает вышеописанная ситуация.

Согласно части 4 статьи 95 ГПК РФ эксперты получают вознаграждение за выполненную ими по поручению суда работу, если эта работа не входит в круг их служебных обязанностей в качестве работников государственного учреждения. Размер вознаграждения определяется судом по согласованию со сторонами и по соглашению с экспертами.

Однако как достигать этого соглашения абсолютно не понятно.

Трактуя данную норму, судебная практика исходит из того, что выставленный счет не является неоспоримым и не означает, что оплата будет осуществлена в заявленном экспертом размере. Данный размер при последующем взыскании в порядке статьи 98 ГПК РФ зачастую подвергается ревизии и пересматривается судом в сторону уменьшения.

С 08.02.2021 г. действуют тарифы, утвержденные Приказом федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации от 26.01.2021 г. № 17/1-1 «Об установлении стоимости экспертного часа и утверждения Перечня платных работ при производстве на договорной основе экспертных исследований для граждан и юридических лиц».

Эти тарифы установлены для экспертных учреждений Минюста России, но могут служить ориентиром при оценке разумности выставленных иными экспертными учреждениями и отдельными экспертами счетов.

В свою очередь, если бы суды решали вопрос об оплате экспертизы, внесении ее стоимости предварительно на депозит суда, т. е. узнавали и обсуждали цену услуг эксперта еще на стадии назначения экспертизы, то таких ситуаций не возникало бы. Даже если стоимость экспертизы определена предварительно и предполагаемый размер расходов внесен на депозит суда, это снимет определенное напряжение и взаимное недовольство суда, эксперта и сторон, поскольку в этом случае предоплата будет иметь место, хотя и неполная. Впоследствии после проведения экспертизы доплата в пользу экспертного учреждения может быть взыскана с проигравшей дело стороны.

Следует отметить, что в результате невыполнения судами всех положений ч. 1 ст. 96 ГПК РФ в настоящее время появилось большое количество экспертов, труд которых оказался не оплачен, что не может негативно не сказываться на взаимодействии экспертов и суда.

Представляется, что для решения этой проблемы требуется более тщательная подготовка к назначению экспертизы с детальной проработкой воз-

можных экспертных учреждений, экспертов, выяснением предварительной стоимости предполагаемой к назначению экспертизы.

Кроме того, упростить эту процедуру возможно путем размещения на сайтах судов не только реквизитов и QR-кода для оплаты госпошлины, но и реквизитов и QR-кодов для внесения денежных средств на депозит в целях дальнейшей оплаты услуг эксперта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев Т. Т. Судебная экспертиза: проблемы и перспективы развития // Современное право. 2022. № 1. С. 79–83.

2. Бутырская А. В., Шувалова А. М., Беркович О. Е. Современные реалии и исторические аспекты становления классификации судебных экспертиз в России // Российский следователь. 2021. № 7. С. 3–6.

3. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003, 590 с.

4. Устав гражданского судопроизводства с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства Юстиции с приложением Узаконений, цитированных в Уставе или касающихся применения его, законов от 12.03.1914 и предметного указателя / сост. В. Гордон. 6-е изд., испр. и значительно доп. СПб. : Н. К. Мартынов, 1914. 1236 с.

УДК 343.1

Ильютенко Анна Николаевна

магистрант, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

Ilyutenko.anna@gmail.com

Становление суда с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан

Институт суда с участием присяжных заседателей в Казахстане, направленный на повышение эффективности судебной системы, важен в целом для функционирования действительно самостоятельной судебной власти, поскольку позволяет народу участвовать в отправлении правосудия и отражает интересы не только государства, но и населения. Статья посвящена основным периодам развития института присяжных заседателей в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, его становлению и проблемам, связанным с этим. Автором исследованы положения казахстанского уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: судебная система, присяжные, подсудность, законодательство, правосудие, суд присяжных, суд, судья.

Pyutenko Anna Nikolaevna
undergraduate, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Formation of the court with the participation of jurors in the Republic of Kazakhstan

The institution of a jury trial in Kazakhstan, aimed at improving the efficiency of the judicial system, plays an important role not only in the judiciary, but also in the rule of law state as a whole, since it allows the people to participate in the administration of justice and reflects the interests of not only the state but also the population. The article is devoted to the main periods of the development of the institution of jurors in the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan, its formation and the problems associated with it. The author has studied the provisions of the Kazakh criminal procedure legislation.

Keywords: *judicial system, jury, jurisdiction, legislation, justice, jury trial, court, judge.*

Проблемы, связанные с введением института суда с участием присяжных заседателей, возникли сразу после включения в Конституцию Республики Казахстан положения о том, что в установленных законом случаях отправлению правосудия осуществляется с участием присяжных заседателей согласно п. 2 ст. 75 Конституции Республики Казахстан [5] (далее – КРК). В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК), принятом в 1997 году [7], существовал самостоятельный раздел 13 под названием «Производство по делам с участием присяжных заседателей», в котором содержалась регламентация в рамках глав 57–62 (статьи 542–577). Этот раздел был включен в УПК РК отдельным Законом Республики Казахстан в 2005 году, т. е. конституционную норму о возможности отправления правосудия по уголовным делам с участием присяжных заседателей реализовали только спустя 8 лет.

Сравнение положений УПК РК 1997 года с положениями УПК РК 2014 года позволяет прийти к выводу о том, что произошли определенные изменения в регламентации института суда с участием присяжных заседателей. Характер этих изменений – результат изменений в доктринальных подходах к сущности понятий: «присяжные заседатели» и «отправление правосудия с участием присяжных заседателей». Цель исследования: определение наиболее значимых этапов реализации отправления правосудия с участием присяжных заседателей и связанных с этим проблем. Нормативной основой исследования являются нормативные правовые акты, положениями которых регламентируется отправление правосудия с участием присяжных заседателей.

Исследование проведено с применением таких методов познания, как анализ, описание и формально-юридический метод.

6 июня 2001 года в г. Астане Н. А. Назарбаев на III съезде судей Республики Казахстан поставил вопрос о скорейшем введении в Казахстане института суда присяжных. «...В работе, направленной на повышение эффективности судебной системы, у нас есть еще немало недостатков. Поэтому всей судебной системе предстоит решить следующие приоритетные задачи... реализовать на практике предусмотренный Конституцией принцип отправления правосудия с участием присяжных заседателей. ...Начать с тяжких преступлений, по которым предусматривается смертная казнь» [2].

Позиция Президента Республики Казахстан по поводу суда с участием присяжных заседателей нашла отражение в Концепции правовой политики Республики Казахстан, где было указано: «Необходимо рассмотреть возможность осуществления уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» [9].

11 июня 2005 года на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан внесли проект Закона Республики Казахстан «О присяжных заседателях», а также проект Закона Республики Казахстан «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей». Таким образом, с принятием Законов Республики Казахстан «О присяжных заседателях» [3] и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам ведения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» [4], которые вступили в силу с 1 января 2007 года, начал функционировать суд с участием присяжных заседателей, спустя два года с момента внесения проектов законов на рассмотрение казахстанского парламента.

Первое время эта форма судопроизводства применялась областными судами, которые рассматривали только «узкую» категорию дел о преступлениях, за совершение которых предусматривалась смертная казнь.

Постепенно подсудность суда с участием присяжных заседателей в период с 2010–2013 гг. расширялась. Суду с участием присяжных заседателей стали подсудны не только означенная выше категория дел, но и дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалось пожизненное лишение свободы (особо тяжкие преступления). Тенденция расширения подсудности суда с участием присяжных заседателей не была однолинейной. Так, в период с 2013–2015 гг. происходит возврат к изначальному объему подсудности.

Ограничение подсудности привело к сокращению количества уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей: в 2010 году с участием присяжных заседателей рассмотрено 268 дел, в 2011 году – 354 дела (что на 32 % больше по сравнению с анализируемым периодом прошлого года (далее – АППГ)), в 2012 году – 289, в 2013 году – 198 дел (что на 31 % меньше по сравнению с АППГ), в 2014 году – 65 дел (что на 67,2 % меньше по сравнению с АППГ), в 2015 году – 42 дела (что на 35,42 % меньше по сравнению с АППГ) [1].

Помимо изменения подсудности коррективы суда с участием присяжных заседателей в период с 1997 по 2014 гг. также коснулись:

- уровня судебных инстанций, уполномоченных пересматривать решения, вынесенные судом первой инстанцией, появляется апелляционная инстанция, кассационная инстанция и обжалование в порядке надзора. До 2014 года апелляция именовалась кассацией, кассация была надзорной инстанцией (т. е. апелляция повторно рассматривала дела аналогично суду первой инстанции, после приговор мог быть обжалован в порядке надзорного производства);

- особенностей взаимодействия председательствующего с коллегией присяжных – исключается обращение председательствующего к присяжным заседателям.

Традиционная постановка суда присяжных заседателей заключается в разграничении компетенции коллегии присяжных и профессиональных судей. Присяжные заседатели решают вопросы факта, а судьи – права, так как юридическую квалификацию действий лица и определение вида, размера и порядка отбытия наказания. Именно такой подход к организации и регламентации деятельности суда с участием присяжных заседателей закреплен в России. В Казахстане судья принимает решение совместно с присяжными заседателями по вопросу вины, и в случае признания лица виновным по вопросу наказания, что закреплено в ст. 655 УПК РК [8]. Это, по мнению судьи Алматинского городского суда И. Н. Федотовой, является самым важным в деятельности суда присяжных [6].

Такая модель схожа с современным германским судом шеффенов и французским судом ассизов [10, с. 10].

Такой подход, по нашему мнению, оказывает давление на присяжных заседателей, поскольку профессиональным судьей в совещательной комнате может быть дана оценка действий подсудимого с точки зрения законодательства, которая может как активно, так и пассивно повлиять на мнение присяжного. Независимость оценки присяжным заседателем вопросов факта в таком случае не гарантирована, если присяжный будет совместно с профессиональным судьей (судьями) принимать решение. Участие простых граждан в отправлении правосудия при такой постановке суда с участием присяжных заседателей не сделает судебную систему более прозрачной, открытой и демократичной.

Таким образом, в развитии института суда с участием присяжных в Казахстане можно выделить некоторые особенности, в том числе: незначительный объем подсудности и объединение коллегий профессиональных судей и присяжных заседателей при разрешении дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верховный Суд Республики Казахстан. Аналитические доклады «Об итогах отправления правосудия судами Республики. URL: // <https://www.sud.gov.kz/rus/content/analiticheskie-doklady-i-obzory-informacionnogo-haraktera-o-deyatelnosti-sudov-v-tom-chisle> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

2. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на III съезде судей Республики Казахстан «Правосудие – это справедливость» (г. Астана, 6 июня 2001 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013364 (дата обращения: 23.11.2022).

3. Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года № 121-III «О присяжных заседателях» (с изменениями по состоянию на 07.07.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30042843&doc_id2=30042843#pos=3;-100&pos2=166;-100 (дата обращения: 23.11.2022).

4. Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года № 122 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам ведения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000122_ (дата обращения: 23.11.2022).

5. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) : с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029&pos=1063;-56#pos=1063;-56 (дата обращения: 23.11.2022).

6. Отдел по взаимодействию с общественностью и СМИ ВС РК, 16.03.2017. URL: <https://kst.sud.kz/rus/massmedia/chto-takoe-sud-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley-v-kazahstane> (дата обращения: 29.11.2022).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206 (утратил силу в связи с принятием Кодекса Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V, введенным в действие с 01.01.2015 года). – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000206_ (дата обращения: 23.11.2022).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.11.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 23.11.2022).

9. Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949 «О концепции правовой политики Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 13.07.2005 г.) (утратил силу). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1033528 (дата обращения: 23.11.2022).

10. Шнарбаев Б. К. Суд с участием присяжных заседателей в Казахстане : учеб. пособие. Костанай : Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2019. URL: <https://csukz.ru/nir/nui/2019/Учебное%20пособие%20Шнарбаева%20Б.К..pdf> (дата обращения: 23.11.2022).

УДК 342.9

Калинина Екатерина Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Kalinina.kalin@icloud.com

Сидоров Александр Николаевич

старший преподаватель,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

an.sydorov@yandex.ru

Юридические и иные проблемы правоприменения

административного наказания в виде обязательных работ

В статье рассматриваются нормы административного права, обязательные работы как вид административного наказания по КоАП РФ входят в противоречия с иными нормами российского законодательства. Исследования действующих нормативно-правовых актов позволяют выявить эти противоречия.

Ключевые слова: обязательные работы как вид административного наказания, сопоставление обязательных и принудительных работ, угроза применения наказания, понятие рабочего времени, Международная конвенция организации труда.

Kalinina Ekaterina Alexeevna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Sidorov Aleksandr Nikolaevich

senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal and other problems of enforcement of administrative punishment in the form of mandatory work

The article deals with the norms of administrative law, compulsory work as a type of administrative punishment under the Code of Administrative Offenses Russian Federation is in contradiction with other norms of Russian legislation. Studies of existing regulatory legal acts make it possible to identify these contradictions.

***Keywords:** compulsory work as a type of administrative punishment, comparison of compulsory and forced labor, the threat of punishment, the concept of working time, the International Convention of the Labor Organization.*

Обязательные работы как вид административного наказания были введены Федеральным законом от 08.06.2012 № 65-ФЗ и стали применяться с 1 января 2013 года. Проект закона был внесен депутатами Государственной Думы 6 созыва: А. Г. Сидякиным, Д. Ф. Вяткиным, Р. Д. Курбановым, В. А. Поневежским 10 мая 2012 года. За введение нового вида административного наказания проголосовало: «за» – 234 голосов, 52 %; «против» – 67 голосов, 14,9 %; «воздержалось» – 1 голос, 0,2 %; «не голосовало» – 148 голосов, 32,9 %. Перевес всего лишь в 2 %, и при наличии 48 % против, и не участвующих в голосовании – свидетельство о больших противоречиях предлагаемого закона с международным и отечественным правом, юридическом несовершенстве, и значительных сомнениях депутатов в необходимости введения такого вида административного наказания [7].

Аналогично отсутствовало единое мнение при принятии Постановления Конституционного Суда РФ от 14.02. 2013 №4-П, при котором трое судей Конституционного Суда выразили свое особое мнение, в знак несогласия с вышеуказанным Постановлением [4].

Административная ответственность в виде обязательных работ изначально предусматривалась за нарушение установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований, за организацию массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, а также за блокирование транспортных коммуникаций. Со временем обяза-

тельные работы стали применяться не только к вышеперечисленным противоправным деяниям, но и к иным административным правонарушениям [5]. По состоянию на октябрь 2022 года, обязательные работы предусмотрены в более чем 20 статьях КоАП РФ.

В настоящее время обязательные работы представляют собой выполнение физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы, или учебы время бесплатных общественно полезных работ [2]. Применение судами общей юрисдикции, административного наказания в виде обязательных работ постоянно растет. Так, к примеру, за 2013 год к обязательным работам привлечено 17 329 физических лиц, то уже в 2021 год, 318. 936 лиц, или более чем в 18 раз [6]. В структуре лиц, привлеченных к административной ответственности в виде обязательных работ, наибольшее количество за неуплату административного штрафа в установленный законом срок – 112 738; неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей – 105 476; несоблюдение ограничений при установлении административного надзора – 52 152; побои – 10 427; мелкое хищение – 8 316 и др. [6].

Стоит отметить, что обязательные работы по своей сущности, юридическому содержанию и практике применения, противоречат правовым нормам международного права в области трудовых отношений и некоторым отраслям российского законодательства.

Во-первых, Россия Федеральным законом от 12.11.2018 № 395-ФЗ «О ратификации Протокола к Конвенции о принудительном труде 1930 года» ратифицировала Протокол к Конвенции о принудительном труде. Протокол и Конвенция устанавливают общепризнанное в мировом сообществе требование о недопущении принудительного и обязательного труда, а также меры по обеспечению формирования достойной позиции работника в рамках трудовых отношений. Протоколом использование принудительного и обязательного труда признается уголовно наказуемым преступлением, и определяются дополнительные меры в целях предотвращения принудительного и обязательного труда. Ратифицированная Международная Конвенция № 29 в ст. 1 закрепляет положение о том, что «каждый член Международной организации труда, обязуется упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах» [3]. Статья 2 Конвенции определяет термины «принудительного или обязательного труда», означающие всякую работу или службу, требующую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг. К сожалению, уже на протяжении 4 лет административное законодательство не приведено в соответствие с вышеуказанной Конвенцией, адресованной всем членам Международной организации труда, в том числе и Российской Федерацией, являющейся ее участником.

Во-вторых, в санкциях международного законодательства обязательные работы применяются в отношении лица при наличии двух условий: исключительно в качестве уголовного наказания и при наличии согласия подсудимого. В настоящее время в России в уголовном праве обязательные работы назначаются без согласия, соответственно подсудимого или лица, в отношении которо-

го ведется производство по делу об административном правонарушении. Таким образом, административное наказание в виде обязательных работ, является принудительным трудом под угрозой иного, более сурового вида наказания, в виде административного ареста или административного штрафа и тем самым противоречит Конституции РФ и основному закону в области трудовых отношений – Трудовому кодексу РФ.

В-третьих, часть 2 ст. 37 Конституции РФ запрещает принудительный труд, а ч. 3 ст. 37 Конституции РФ устанавливает вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации [1].

В-четвертых, Конвенция о принудительном труде и Трудовой кодекс РФ определяют, что одним из обязательных условий или критериев принудительного и обязательного труда, является угроза применения наказания. Частью 4 ст. 20.25 КоАП РФ установлена административная ответственность за уклонение от отбывания обязательных работ. Санкция статьи влечет назначение административного штрафа в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток. За 2021 год около 20 тыс. лиц привлечены за уклонение от отбывания обязательных работ. Из них более 600 лицам назначен административный штраф и 19 тыс. административный арест.

В-пятых, обязательные работы противоречат ст. 91 Трудового кодекса РФ. Положения указанной статьи закрепляют понятие нормальной продолжительности рабочего времени, которая не может превышать 40 часов в неделю [8]. Время обязательных работ не должно превышать 4 часов в выходные дни и в дни, когда лицо, которому назначено наказание в виде обязательных работ, не занято на основной работе, службе или учебе; в рабочие дни, – 2 часов после окончания работы, службы, учебы, а с согласия лица, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, – 4 часов. Время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов, а с согласия до 24 часов. Лицо, подвергнутое административному наказанию в виде обязательных работ, проводит гораздо больше времени на работе, чем установлено законом, минимально 52 часа, максимально – 64 часа и дополнительные затраты времени на передвижения от основного места работы, до места отбывания обязательных работ. В городах мегаполисах время на передвижение может занимать час и более.

В результате лицо, отбывающее административное наказание в виде обязательных работ, с учетом накапливающейся физиологической и психической усталости неэффективно трудится по основному месту работы, службы, учебы и еще более неэффективно, по месту отбывания наказания. Работы, предоставляемые организациями для отбывания лицами обязательных работ, носят в основном вспомогательный и не квалифицированный характер.

Также следует отметить негатив, касающийся длительного отрыва от семьи и детей, который не лучшим образом сказывается на семейных отношениях. Да и государство в целом от обязательных работ, кроме как лишь общей и частной превенции, в отличие от штрафа, конфискации, ничего не имеет.

Таким образом, административное наказание в виде обязательных работ, является принудительным трудом под угрозой иного, более сурового вида наказания, в виде административного ареста или административного штрафа.

Представляется, что при наличии столь противоречивых юридических и иных обстоятельств – обязательные работы, как вид административного наказания должны быть исключены из КоАП РФ, как, к примеру, в 2010 году возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения. Понимая, что законодателю сложно устранять свои же явные недостатки, предлагаем, для придания легитимности обязательных работ более щадящие варианты:

1. Изложить в новой редакции последний абзац ст. 4 Трудового Кодекса РФ: «работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора или постановления суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства...».

2. Внести изменения в ч. 1 ст. 3.13 КоАП РФ после слов: «Обязательные работы назначаются судьей» исключить точку и продолжить... с согласия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Без согласия обязательные работы могут быть назначены лицу, в случае его неполной занятости на основном месте работы, службе, учебе или временно безработному. Возможность выбора вида административного наказания, где в санкции статьи указываются обязательные работы, а также штраф или административный арест – начало правильного пути к построению правового государства, где наряду с правами и обязанностями, учитываются интересы и пожелания личности.

3. Порядок, основания и механизм правоприменения назначения административного наказания в виде обязательных работ, более подробно можно изложить в виде рекомендаций судьям, дополнив соответствующим пунктом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 года №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Нами выявлены противоречия с международным правом, Конституцией РФ, Трудовым кодексом РФ, несоответствие таким общеправовым принципам как справедливость, демократизм, гуманность, законность, отраслевому в трудовом законодательстве – принципу свободы труда. Несмотря на устоявшуюся на протяжении 10 лет правоприменительную практику назначения обязательных работ, мы подвергли сомнению юридическую чистоту такого вида административного наказания в совокупности с иными физиологическими и психологическими проблемами их исполнения.

Вышеперечисленные условия по своей сути и содержанию юридически обоснованы, демократичны и гуманны. Именно при законодательном закреплении вышеуказанных условий назначения административного наказания в виде обязательных работ, минимизируется фактор принудительности и обязательности труда, а также не нарушаются нормы законодательства в области трудовых отношений. Сомнения в несовершенстве и правоприменении обязательных ра-

бот как вида административного наказания, первый шаг на пути к прозрению. Это – маленький шаг для юриспруденции, но огромный – для построения правового государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.10.2022).

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.10.2022).

3. Международная Конвенция организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (дата обращения: 12.10.2022).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/ (дата обращения: 13.11.2022).

5. Прокуратура Костромской области // Административное наказание в виде обязательных работ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_44/activity/legal-education/explain (дата обращения: 12.10.2022).

6. Статистические данные о применении обязательных работ за последние годы // Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/> (дата обращения: 11.10.2022).

7. Основные показатели голосования за внесение обязательных работ в административное законодательство – май 2013 года // Государственная Дума Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.10.2022).

8. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.10.2022).

Кузьмина Екатерина Николаевна

помощник прокурора города Костромы Костромской области
старший преподаватель, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

К вопросу о вынесении судами частных определений по ходатайствам прокуроров в гражданском судопроизводстве

В статье анализируются положения законодательства и состояние применения института частных определений в гражданском судопроизводстве. На основе изучения результатов судебной практики определяется роль прокурора в данной сфере. Автором делается вывод о необходимости повышения эффективности использования института частных определений как инструмента укрепления законности и предупреждения правонарушений, даются рекомендации по повышению эффективности применения института частных определений в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, прокурор, частное определение, ходатайство, профилактика.

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna

assistant prosecutor of the city of Kostroma, Kostroma region
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of making private rulings by courts on the petitions of prosecutors in civil proceedings

The article analyzes the provisions of legislation and the state of application of the institute of private definitions in civil proceedings. The role of the prosecutor in this area is determined according to study of the results of judicial practice. The authors conclude that it is necessary to increase the effectiveness of the use of the institute of private definitions as a tool to strengthen the rule of law and prevent offenses, recommendations are given to improve the effectiveness of the use of the institute of private definitions in civil proceedings.

Keywords: civil proceedings, prosecutor, private determination, petition, prevention.

Одна из основных задач гражданского судопроизводства – укрепление законности и правопорядка, предупреждения правонарушений – закреплена в ст. 2 ГПК РФ [1]. Обеспечить реализацию этой задачи призвано среди прочего и такое важнейшее процессуальное средство, как институт частного определения.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 17 238 555 гражданских дел, при рассмотрении которых вынесено 9 069 частных определений; в 2019 г. – 19 581 647 дел и 7 218 частных определений; в 2020 г. –

21 423 758 дел и 5320 частных определений [5]. Проанализировав статистические данные, можно сделать вывод, что при увеличении нагрузки на судебные органы снижается количество частных определений, выносимых судами. На наш взгляд, для обеспечения соблюдения законности при производстве по гражданским делам должны выполняться основные задачи гражданского судопроизводства, несмотря на увеличенную нагрузку по количеству рассмотренных дел. И данная задача стоит не только перед судом, но и перед органами прокуратуры.

Согласимся с мнением Е. В. Кремневой, М. В. Маматова, В. С. Мирошниченко, что важным звеном в реализации потенциала частных определений должна стать процессуальная фигура прокурора, правовой статус которого позволяет ему быть инициатором прежде всего более активного применения судами этого института [2, с. 24].

Организационно-распорядительным документом в органах прокуратуры является приказ Генеральной прокуроры РФ от 11.01.2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве».

Так, в соответствии с п. 6 приказа прокурор обязан при выявлении в ходе судебного разбирательства нарушений закона обращаться к суду с ходатайством о вынесении частного определения в адрес соответствующей организации или должностного лица, допустивших такие нарушения [3].

Принятые в органах прокуратуры формы статистической отчетности не отражают сведения о данной работе, в связи с чем привести официальные данные не представляется возможным.

Однако заметим, что вопросы организации работы по обеспечению участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве, эффективности и качества реализации прокурорами процессуальных полномочий обсуждаются на всех заседаниях коллегии Генеральной прокуратуры РФ и прокуратур регионального уровня, в решениях которых находят отражения меры по устранению обнаруженных недостатков.

Так, в соответствии с решениями коллегии прокуратуры Республики Карелия осуществлялся анализ реализации прокурорами полномочий по инициированию вынесения судами частных определений и результатов их рассмотрения, а также анализ исполнения руководителями прокуратур районного уровня обязанности по личному участию в рассмотрении судами гражданских дел, принимались меры к активизации применения полномочий, предусмотренных ст. 44 УПК РФ и др. [4, с. 72].

Прокурор как лицо, участвующее в деле, наделен правом ходатайствовать перед судом о вынесении частного определения (ст. ст. 34, 35, 45 ГПК РФ), а ст. 226 ГПК РФ устанавливает право суда на вынесение частного определения при выявлении случаев нарушения законности [1].

В ходатайстве о вынесении частного определения прокурор в каждом конкретном случае должен указать закон или иной нормативный правовой акт, нарушение которого вскрыто при рассмотрении дела, причины и условия, спо-

собствовавшие этому, виновных лиц (организацию либо должностное лицо), а также конкретные меры для устранения нарушений.

Вместе с тем форма и содержание ходатайства прокурора о вынесении судом частного определения законодательно не определена, а потому оно может заявляться как в устной, так и в письменной форме. По мнению автора, предпочтительна письменная форма обращения к суду, поскольку в ней содержатся конкретные нормы закона и выводы прокурора о причинно-следственных действиях лиц, в результате которых произошли нарушения. Данные обстоятельства важны для формирования законной и обоснованной позиции суда и последующего реального исполнения судебного контроля.

Приведем примеры из практической деятельности по заявленным ходатайствам прокуратуры Красносельского района Костромской области о вынесении частного определения перед судом.

Так, 01.06.2021 г. Красносельским районным судом Костромской области по ходатайству помощника прокурора было вынесено частное определение в адрес и. о. главы Красносельского района Костромской области при рассмотрении гражданского дела по иску администрации Красносельского муниципального района в лице сектора по опеке и попечительству к «ФИО» о лишении родительских прав и взыскании алиментов в отношении несовершеннолетнего сына [6].

Прокурор, участвующий в рассмотрении дела, заявил ходатайство о вынесении частного определения в адрес и. о. главы Красносельского района Костромской области, мотивировав его нормами законодательства: ст. 4, п. 2 ст. 5, п. 1, 3 ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

При рассмотрении гражданского дела было установлено, что ответчик злоупотребляет спиртными напитками, в том числе в присутствии ее малолетнего ребенка, не имеет постоянного места работы и дохода, и, как следствие, со стороны ответчика отсутствует надлежащий контроль за получением ребенком минимальных потребностей (прием пищи, теплое жилое помещение, обеспечение сезонной одеждой, обучение). С учетом тяжелого материального положения ответчик обращался в 2020 г. с заявлением в администрацию района об оказании материальной помощи, которая не была оказана и официального ответа на обращение не поступило.

Прокурор отметил, что исполнению ответчиком обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка в период с 2019 г. по март 2021 г. способствовало злоупотребление спиртными напитками. Вместе с тем, имея все необходимые документы, должностными лицами комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не были приняты все меры к прохождению ответчиком лечения от алкогольной зависимости. Должностными лицами сектора опеки и попечительства администрации района зачастую акты обследования жилищно-бытовых условий семьи ответчика составлялись со слов других лиц, что является недопустимым.

Таким образом, по мнению прокурора, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав как координатором деятельности всех органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних совместно с органами опеки и попечительства не приняты комплексные и эффективные меры, направленные на преодоление семьей ответчика социально опасного положения.

Доводы, представленные в ходатайстве прокурора, показали суду убедительными, и ходатайство прокурора было удовлетворено.

Рассмотрим еще одно частное определение, которое было вынесено 23.07.2021 г. Красносельским районным судом Костромской области также при рассмотрении дела о лишении родительских прав, однако уже в адрес должностных лиц Отделения судебных приставов по Красносельскому району УФССП по Костромской области [7].

При рассмотрении гражданского дела о лишении «ФИО» родительских прав было установлено, что ответчик длительное время ненадлежащим образом исполняет свои родительские обязанности, не заботится о воспитании и развитии своего ребенка, не осуществляет заботы о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Это выражается в том, что ответчик уклоняется от уплаты алиментов, избегает контактов с ребенком и не интересуется его жизнью. Задолженность ответчика по оплате алиментов на содержание его несовершеннолетнего ребенка на момент рассмотрения дела составила более 1 миллиона рублей.

Прокурор, участвующий в рассмотрении дела, заявил ходатайство о вынесении частного определения в адрес должностных лиц Отделения судебных приставов по району, мотивировав его нормами законодательства: ст. 2, ст. 12 Федерального закона от 02.10.2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Прокурор отметил, что при наличии значительной задолженности ответчика по оплате алиментов на содержание его несовершеннолетнего ребенка, судебными приставами-исполнителями должных мер по взысканию алиментных платежей не осуществлялось, в частности не были приняты меры по установлению места жительства и места работы должника, не было объективно и всесторонне рассмотрено заявление истца о привлечении должника к административной ответственности в связи с неуплатой алиментов. При этом материалы исполнительного производства сведений о наличии объективных препятствий к исполнению судебного приказа не содержат.

Таким образом, по мнению прокурора, действия судебного пристава-исполнителя не в полной мере соответствуют предписаниям вышеизложенных положений закона, так как действия пристава-исполнителя приводят к нарушению прав несовершеннолетнего. Доводы, представленные в ходатайстве прокурора, показали суду убедительными, и ходатайство прокурора было удовлетворено.

Полагаем, что институт частных определений является одним из эффективных инструментов укрепления законности и предупреждения правонарушений, однако в настоящее время его потенциал реализован не в полной мере.

Для кардинальных изменений необходимо, во-первых, прокурорам, участвующим в рассмотрении гражданских дел, активизировать работу по инициированию вынесения судами частных определений путем заявления мотивированных и обоснованных ходатайств. Во-вторых, данные ходатайства должны быть направлены на предупреждение нарушений закона и недопущение их впредь. В-третьих, для эффективной организации прокурорского надзора необходимо закрепить оформление в письменном виде ходатайства о вынесении частного определения путем внесения дополнения в п. 6 Приказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 05.12.2022 года : принят Государственной Думой 23.10.2002 года : одобрен Советом Федерации 30.10.2002 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2022).

2. Кремнева Е. В., Маматов М. В., Мирошниченко В. С. Институт частного определения: актуальные вопросы применения в прокурорской практике // Законность. 2019. № 6. С. 22–27.

3. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

4. Организация работы прокуратуры по обеспечению участия в рассмотрении судами гражданских и административных дел : науч.-практ. пособие / М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов, М. С. Соколов. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020.

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

6. Частное определение Красносельского районного суда Костромской области от 01.06.2021 года (гражданское дело № 2-184/2021). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.12.2022).

7. Частное определение Красносельского районного суда Костромской области от 23.07.2021 года (гражданское дело № 2-227/2021). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.12.2022).

УДК 343

Лукоянов Денис Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

denis_lykoyanov@mail.ru

Конституционный контроль в сфере соблюдения и защиты конституционных прав граждан

В настоящей статье исследуются вопросы конституционного контроля в сфере соблюдения и защиты конституционных прав граждан, анализируются изменения в законодательстве в свете конституционных поправок 2020 года.

***Ключевые слова:** конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, жалоба на нарушение конституционных прав и свобод.*

Lukoyanov Denis Nikolaevich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Constitutional control in the field of ensuring and protecting the constitutional rights of citizens

This article examines the issues of constitutional control in the field of ensuring and protecting the constitutional rights of citizens, analyzes changes in legislation in the light of the constitutional amendments of 2020.

***Keywords:** constitutional control, the Constitutional Court of the Russian Federation, complaint about violation of constitutional rights and freedoms.*

Институт конституционного контроля за соблюдением конституционных прав граждан предусмотрен в действующем законодательстве с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), более детально процедура обращения граждан регулируется Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] (далее – Закона о Конституционном Суде РФ).

Конституционные поправки 2020 года затронули положения Конституции РФ, касающиеся Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), в частности, ст. 125 Конституции РФ была изложена в новой редакции, а изменения коснулись, как устройства Конституционного Суда РФ, статуса судей, так и полномочий, конституционного судопроизводства. О том, что конституционный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод занимает одно из центральных полномочий высшего органа конституционного контроля, говорит и данное в ч. 1 ст. 125 Конституции РФ понятие Конституционного Суда РФ, в котором особо отмечается, что одной из це-

лей деятельности высшего органа конституционного контроля является защита основных прав и свобод человека и гражданина.

Жалобы граждан составляют в среднем 99,6 % от всех поступающих в Конституционный Суд РФ обращений.

За время действия Закона о Конституционном Суде РФ требования к допустимости жалобы гражданина неоднократно менялись:

– изначально гражданам предоставлялась возможность подавать жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод, когда такой закон был применен или подлежал применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином органе, применяющем закон;

– в 2010 году в Закон о Конституционном Суде РФ были внесены изменения, которые ограничили допустимость жалобы, закрепив, что в жалобе может быть оспорен закон, который применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде;

– в 2014 году было введено новое условие допустимости жалобы: она должна быть подана в течение одного года после рассмотрения дела в суде;

– в 2020 году сначала были внесены поправки в Конституцию РФ, а потом и изменения в Закон о Конституционном Суде РФ, которыми было введено новое условие допустимости жалобы гражданина – исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты:

Данное нововведение неоднозначно оценивается в научных кругах. С одной стороны, законодатель заложил принцип последовательного обжалования гражданином решения суда, по крайней мере, в апелляционном и кассационном порядке. Лишь после этого у гражданина появляется право на обращение в КС РФ, что должно обеспечить эффективность обжалования в рамках согласованного функционирования всех судов, составляющих единую судебную систему РФ. Такая трансформация фактически приравнивает национальный орган конституционного контроля к наднациональным международным инстанциям. В. Д. Зорькин в 2019 году отмечал, что должно быть требование обязательного прохождения ординарных инстанций судебного контроля, чтобы исключить излишнее рвение заявителя обратиться в Конституционный Суд РФ сразу после районного суда (а иногда и вовсе после вступившего в силу решения мирового судьи), что, в свою очередь, способствовало бы гармонизации отношений внутри судебной системы, снижению конфликтных ситуаций как между ординарными инстанциями, так и между практикой Верховного и Конституционного Судов РФ [3].

С другой стороны, имеет место быть фактически ограничение права граждан на обращение в Конституционный Суд РФ. Ранее Конституционный Суд РФ формулировал правовую позицию, согласно которой государство, даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом с тем, чтобы осуществление конституционных прав не нарушало права и свободы других лиц, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры. Этот принцип соразмерного ограничения прав и свобод (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), означает, что публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправдан-

ным целям [4]. Также важно учесть, что объект конституционного контроля является иным, нежели это характерно для других видов судопроизводства.

Несмотря на отмеченную тенденцию к повышению требований к допустимости жалоб граждан, стоит также отметить и расширение возможностей защиты конституционных прав и свобод, в частности: со временем было признано наличие права на обращение с конституционной жалобой для иностранных граждан, лиц без гражданства, юридических лиц (изменения 2020 года закрепили это в Законе о Конституционном Суде РФ); формально закрепленная возможность проверки конституционности только закона существенно расширилась за счет права оспаривания конституционности иных нормативных актов. Изменения в Закон о Конституционном Суде РФ 2020 года коснулись названия главы XII: слово «закон» было заменено на «нормативный акт»; в ст. 96 Закона перечислен более широкий круг объектов конституционного контроля. В частности, теперь Конституционный Суд РФ может проверять конституционность постановлений Государственной Думы об амнистии, нормативных актов Правительства РФ и т. д.

Рассмотрение Конституционным Судом РФ жалоб имеет важное значение не только для самого гражданина, но и для всех субъектов, на которых распространяется оспариваемый нормативный акт. Жалоба в Конституционный Суд РФ становится тем поводом к рассмотрению дела, который дает начало процессу «точечной, конституционно-правовой настройки действующего законодательства» [5].

Как было отмечено, гражданин вправе оспорить только тот нормативный акт, который применен в отношении данного гражданина судом.

В жалобе, по существу, ставится два главных вопроса:

- 1) о нарушении его конституционных прав в конкретном деле;
- 2) о соответствии Конституции РФ примененного в его деле закона или иного нормативного акта.

Тем самым заявитель, обращаясь в Конституционный Суд РФ, не только отстаивает свой интерес, но и фактически вносит вклад в защиту прав всех других лиц. «Соответственно, принимаемое Конституционным Судом РФ решение предусматривает, с одной стороны, индивидуальные меры, применяемые в отношении заявителя, с другой стороны, общие меры, относящиеся к рассматриваемому нормативному положению» [5].

В процессе осуществления своей деятельности Конституционный Суд РФ выполняет сразу несколько функций: конституционный контроль, как проверка конституционности, толкование положений Конституции РФ, что неизбежно для того, чтобы установить противоречат ли положения закона нормам Конституции РФ или нет, а также преодоление неопределенности правоприменения. Причем последнее нередко сопровождается созданием условий для определенности правового регулирования, которое предписывается законодателю.

На такую неопределенность правового регулирования Конституционный Суд РФ указывал, например, в своём Постановлении 2012 года, когда проверял конституционность положения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (Постановление Конституционно-

го Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области»).

Положения федерального закона не позволяли однозначно установить, распространяется ли право направлять обращения в органы публичной власти на юридические лица и обязаны ли учреждения и унитарные предприятия рассматривать поступившие к ним обращения. Данное Постановление позволило восполнить два значительных пробела правового регулирования института обращений граждан: 1) соответствующее право было признано за юридическими лицами; 2) если юридическое лицо наделено публично значимыми функциями, например, в областях здравоохранения, культуры, искусства и др., то оно обязано рассмотреть поступившее обращение в соответствии с общим порядком, закрепленным законом. В последующем соответствующие изменения были внесены в данный федеральный закон (07.05.2013).

Таким образом, мы видим, что Конституционный Суд РФ занимает особое место среди механизмов судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Принимаемые им по итогам рассмотрения соответствующих дел постановления имеют публичный характер, способствуют не только защите прав иных субъектов права, но и способствуют совершенствованию действующего законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.12.2022).

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

3. Зорькин предложил усложнить порядок обращения граждан в Конституционный Суд // Ведомости. 2019. 12 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/12/12/818563-uslozhnit-obrascheniya-grazhdan-ks> (дата обращения: 05.01.2023).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 26. Ст. 3185.

5. Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. 2022. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 07.01.2023).

УДК 232.112

Маляхина Виктория Александровна
магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
malyakhina.vika@mail.ru

Шейна Ирина Анатольевна
кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
sheinairal1@mail.ru

Потерпевший из числа осужденных к лишению свободы как участник уголовного судопроизводства

В данной статье анализируются вопросы участия осужденных к лишению свободы в качестве потерпевших в уголовном процессе. В работе обращается внимание на недостатки законодательной техники при конструировании норм, регулирующих основания и порядок перевода осужденного в СИЗО для участия в следственных действиях или суде. Предлагается исключение их из УИК РФ и введение в УПК РФ в качестве самостоятельного института. Также в статье акцентируется внимание на необходимости в каждом случае решать вопрос обеспечения безопасности потерпевшего из числа осужденных в целях минимизации противодействия расследованию и защиты их прав.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, осужденный, потерпевший, дознаватели, следователи, отказ от участия в допросе, перевод в следственный изолятор, безопасное место.*

Malykhina Victoria Alexandrovna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Sheina Irina Anatolyevna
candidate of legal sciences, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

A victim from among those sentenced to imprisonment as a participant in criminal proceedings

This article analyzes the issues of participation of convicts sentenced to deprivation of liberty as victims in criminal proceedings. The paper draws attention to the shortcomings of legislative technique in the construction of norms governing the grounds and procedure for transferring a convicted person to a pre-trial detention center to participate in investigative actions or in court. It is proposed to exclude them from the Penal Code of the Russian Federation and introduce them into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as an independent institution. The article also focuses on the need in each case to address the issue of ensuring the safety of the victim

from among the convicts in order to minimize opposition to the investigation and protect their rights.

Keywords: *penitentiary system, convict, victim, interrogators, investigators, refusal to participate in interrogation, transfer to a pre-trial detention center, safe place.*

В исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы совершаются преступления, допускается превышение полномочий со стороны сотрудников. Зачастую потерпевшими от таких преступлений становятся осужденные к лишению свободы. Это касается противоправных действий, связанных с причинением вреда жизни и здоровью. Так, в 2021 году в исправительных учреждениях зарегистрировано 1271 преступление, из них умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 17 (2 %), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 24 (3 %), убийства – 9 (1%) [8, с. 215].

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] в ст. 52 защищает права потерпевших от преступлений и злоупотреблений государственной властью, а также гарантирует им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Уголовно-процессуальный статус потерпевшего как самостоятельного участника уголовного судопроизводства определен в общих чертах в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3]. При этом следует отметить, что ни Конституция РФ, ни УПК РФ не накладывают никаких дополнительных ограничений на возможность признания потерпевшим отдельных категорий лиц.

В этой связи специальный правовой статус осужденного к лишению свободы не может служить препятствием к участию такого лица в уголовном процессе в качестве потерпевшего. Его права должны быть защищены уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами в полном объеме. Тем не менее, нахождение в местах лишения свободы и в целом специфика отбывания уголовного наказания в условиях изоляции от общества накладывают существенный отпечаток на характер реализации уголовно-процессуального статуса потерпевшего из числа осужденных. Во-первых, правовую основу его участия в уголовном судопроизводстве составляют нормы не только УПК РФ, но и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2], а также ряда других нормативных правовых актов в области уголовно-исполнительного права. Во-вторых, действие в исправительных учреждениях криминальной субкультуры и прочих сугубо пенитенциарных факторов сказывается на эффективности привлечения осужденных в качестве потерпевших к расследованию. В-третьих, нахождение такого потерпевшего в режимном учреждении не позволяет в полной мере реализовать его право на участие в следственных действиях, в судебном разбирательстве, а также ряд иных прав данного участника процесса.

Таким образом, правовую основу данных правоотношений составляют нормы, как УПК РФ, так и УИК РФ. Если УПК РФ не содержит специальных норм, посвященных особенностям уголовно-процессуального статуса потерпевшего из числа осужденных к лишению свободы, то в УИК РФ пре-

дусмотрена ст. 77.1 «Привлечение осужденных к лишению свободы к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве». Так, согласно ее положениям при необходимости участия в следственных действиях в качестве потерпевшего осужденные к лишению свободы могут быть оставлены в следственном изоляторе (далее – СИЗО) либо переведены туда. Согласно ч. 2. ст. 77.1 УИК РФ основанием для такого перевода является мотивированное постановление следователя (дознателя), который ведет его дело. Также должно быть получено согласие руководителя следственного органа и прокурора соответственно. Срок, на который может быть переведен осужденный для участия в расследовании, составляет максимум три месяца. Аналогично подобное решение принимается судом в форме определения суда или постановления судьи при необходимости участия в судебном разбирательстве в качестве потерпевшего.

При этом в ст. 77.1 УИК РФ отсутствуют какие-либо указания на то, в каких помещения должны размещаться данные осужденные. Практика деятельности СИЗО в этом направлении свидетельствует о том, что они содержатся в запираемых камерах на общих основаниях. Можно отметить, что подобные условия логичны в отношении осужденных, привлекаемых в качестве подозреваемых и обвиняемых, но абсолютно нецелесообразны в отношении потерпевших. В ряде случаев нежелание осужденных находиться в камерах СИЗО вынуждает их отказываться от обвинений, не обращаться с заявлениями, не содействовать следствию или оказывать активное противодействие. Так, потерпевшие из числа осужденных сообщают о допущенном в отношении их насилии только в тех случаях, когда скрыть факт посягательства не удастся. Чаще всего это выражается в форме обращения за медицинской помощью. Причем потерпевшие пытаются объяснить полученные телесные повреждения нейтральными причинами (несчастный случай, собственная небрежность и т. п.), а когда этого сделать не удастся, скрывают истинного виновника, заявляя, что не успели запомнить его примет, не знают его и т. д.

Полагаем, что проблема содержания потерпевших из числа осужденных, переведенных в СИЗО для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве, должна быть урегулирована на законодательном уровне. Согласимся с мнением Е. В. Чернышенко, что следует внести дополнения в ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ, указав категорию помещений, в которых могут содержаться осужденные, привлекаемые в качестве потерпевших и свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых [9, с. 44–4].

Кроме того, в научной доктрине отмечается неверная законодательная техника, проявившаяся в том, что по факту оставление (перевод) осужденного в СИЗО представляет собой самостоятельную меру уголовно-процессуального принуждения. При этом она регулируется нормами уголовно-исполнительного права, что нельзя признать логичным. Например, П. М. Малин пишет о том, что эта процессуального принуждения выражается во взаимосвязанных друг с другом двух процессуальных действиях и отдель-

ных процессуальных решениях должностных лиц органов предварительного расследования и обеспечивает беспрепятственные своевременные встречи следователя, дознавателя, суда с осужденным, содержащимся в СИЗО на правах потерпевшего [6, с. 41–50]. В этой связи автор считает, что положения ч. 1, 2 ст. 77.1 УИК РФ должны быть оформлены в виде отдельного уголовно-процессуального института и найти закрепление в УПК РФ, а не УИК РФ. В таких нормах следует указать основания, условия, срок избрания данной меры, особый вид процессуального решения, цели, порядок ее избрания, категории осужденных, на которых распространяется ее действие, их процессуальные права, обязанности, законные интересы, в том числе иных лиц (защитника, адвоката, законного представителя), полномочия (правомочия) заинтересованных в ее избрании участников уголовного судопроизводства, порядок ее применения, обжалования, места исполнения и т. п.

По нашему мнению для решения данной проблемы следует дополнить ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [4] нормой о том, что его положения регулируют порядок и определяют условия отбывания наказания, гарантии прав и законных интересов осужденных к лишению свободы, оставленных в СИЗО либо переведенных в СИЗО в соответствии с УПК РФ.

По мнению П. М. Малина, необходимо распространить действие отдельных принципов уголовного судопроизводства (с изменением их редакции) на осужденных к лишению свободы, привлекаемых к участию в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) [7, с. 134–138].

Кроме того, специфика правового регулирования участия потерпевшего из числа осужденных к лишению свободы в уголовном процессе определяется в большей степени необходимостью практически в каждом случае принятия мер обеспечения его безопасности. В уголовно-процессуальном законодательстве перечень мер безопасности предусмотрен ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Правовые основания защиты осужденных к лишению свободы в случае их участия в уголовном деле в качестве потерпевшего заложены и в нормах Федерального закона от 20.09.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [5]. Из всех мер безопасности, предусмотренных ст. 6 этого документа, в отношении таких лиц возможно применение временного помещения в безопасное место, перевод в другое учреждение. Субъектом, уполномоченным на принятие такого решения о переводе осужденного в безопасное место в порядке Федерального закона от 20.09.2004 № 119-ФЗ, является следователь (дознаватель). Также перевод в безопасное место потерпевших возможен в порядке ст. 13 УИК РФ. Субъектом принятия решения в этом случае является начальник исправительного учреждения.

Таким образом, с учетом выраженной специфики участия потерпевшего из числа осужденных к лишению свободы в уголовном судопроизводстве актуальным представляется продолжение комплексного научного исследования теоретических и практических вопросов реализации его уголовно-процессуального статуса с целью повышения эффективности защиты его прав и проведения расследования в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» : офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс» : офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» : офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

4. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 11.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс» : офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

5. Федеральный закон от 20.09.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» : офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

6. Малин П. М. Оставление осужденного в следственном изоляторе либо его перевод в следственный изолятор из исправительного учреждения в порядке статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в аспекте прогрессивной системы исполнения и отбывания лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 41–50.

7. Малин П. М. Изучение отдельных положений статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в аспекте уголовного судопроизводства // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий : в 9 т. Т. 3. – Рязань, 2021. – С. 134–138.

8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2021 г. Информационно-аналитический сборник. ФКУ НИИ-ИТ ФСИН России. – Тверь, 2022. – 215 с.

9. Чернышенко Е. В. Проблемы реализации положений статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 44–47.

Маматкулова Зарина Рустамжановна

мировой судья судебного участка № 10 Ленинского судебного района

г. Кострома, Российская Федерация

mirkst-10@bk.ru

О практике рассмотрения гражданских дел о защите прав потребителей

В данной статье проанализирована практика рассмотрения гражданских дел о защите прав потребителей в России. Проведен анализ форм защиты прав потребителей и отмечена роль применения информационных технологий.

Ключевые слова: защита прав потребителя, Верховный Суд Российской Федерации, потребитель.

Mamatkulova Zarina Rustamzhanovna,

justice of the peace of the judicial Precinct № 10

of the Leninsky Judicial District

Kostroma, Russian Federation

On the practice of considering civil cases on consumer protection

This article analyzes the practice of considering civil cases on consumer protection in Russia. The analysis of forms of consumer protection is carried out and the role of the use of information technologies is noted.

Keywords: consumer protection, Supreme Court of the Russian Federation, consumer.

2022 год – юбилейный для Закона «О защите прав потребителей», поскольку он введен в действие со дня первого официального опубликования в «Российской газете» от 7 апреля 1992 года.

В текст закона неоднократно вносились изменения и дополнения, что неудивительно, поскольку сама тема защиты прав потребителей является социально чувствительной, все мы в той или иной степени являемся потребителями и сталкиваемся с реализацией своих потребительских прав.

Следует отметить, что современное законодательство в сфере защиты прав потребителей достаточно развито, оно предоставляет участнику правоотношений широкий круг инструментов для защиты своих прав и законных интересов. Вместе с тем характерной особенностью статуса потребителя является его незащищенность по сравнению с контрагентом, поэтому цель защиты прав потребителей состоит в уменьшении дисбаланса между двумя сторонами. Очевидно, что указанный Закон призван защитить человека как уязвимого участника отношений в сравнении с профессиональным участником розничного рынка, который обладает большими материальными и организационными возможностями, а следовательно, является более сильным субъектом гражданского оборота.

Важно подчеркнуть, что сфера потребительских отношений постоянно развивается, с момента принятия Закона «О защите прав потребителей» торговля и сфера услуг существенно изменились, в настоящее время успешно используются информационные технологии при общении потребителя и профессионала, которые в 1992 году просто не существовали. Это означает, что действующее законодательство и судебная практика должны соответствовать изменяющимся экономическим отношениям.

В практике применения Закона «О защите прав потребителей» ключевую роль играют акты официального толкования права.

Верховный Суд всегда последовательно уделял внимание защите прав потребителей, в настоящее время судами при разрешении споров успешно применяется постановление Пленума от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации подготовил ряд тематических обзоров судебной практики по вопросам защиты прав потребителей в конкретных сферах.

19 октября 2022 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, где даны важные разъяснения по ряду актуальных вопросов, возникающих в потребительских спорах [1].

Рассмотрим наиболее актуальные вопросы практики разрешения гражданских дел о защите прав потребителей, проанализировав некоторые примеры названного Обзора.

Как было сказано ранее, информационные технологии в сфере потребительских отношений постоянно развиваются, в настоящее время покупателю проще и удобнее приобрести необходимый товар дистанционно, воспользовавшись услугами интернет-магазина. Нередко возникают ситуации, при которых приходится отказаться от товара, в том числе надлежащего качества, например, товар может не соответствовать ожиданиям покупателя либо не подойти ему. Закон о защите прав потребителей позволяет покупателю отказаться от товара надлежащего качества, приобретенного дистанционным способом, в течение семи дней со дня получения товара.

Верховный Суд Российской Федерации в своем Обзоре обращает внимание, что в случае отказа покупателя от товара надлежащего качества, приобретенного дистанционным способом, юридически значимым является выяснение обстоятельств соблюдения покупателем установленных законом сроков отказа от товара, обеспечения продавцу возможности проверить возвращаемый товар на предмет сохранности его товарного вида, потребительских свойств, в том числе его количества (объема), а также совершения действий по передаче данного товара продавцу. Также Верховным Судом Российской Федерации отмечено, что Законом о защите прав потребителей не предусмотрена ответственность продавца в виде неустойки за нарушение сроков возврата денежных средств за товар надлежащего качества, приобретенный дистанционным способом [1].

Последний вывод представляется дискуссионным, поскольку, с одной стороны, ограждает продавцов от недобросовестных действий потребителя, тем самым защищая их права, но с другой – позволяет продавцам не торопиться при возврате денежных средств, не опасаясь каких-либо санкций за подобное поведение.

Повторяя свою правовую позицию по данному вопросу, Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание и на невозможность взыскания неустойки за несвоевременный возврат исполнителем денежных средств при отказе потребителя от услуги надлежащего качества [1].

Говоря о применении информационных технологий при общении контрагентов, цифровизации экономических процессов, следует обратить внимание на колоссальное возрастание объемов информации, которые необходимо учитывать участникам потребительских отношений. Для рядового потребителя такая трансформация означает необходимость вовлечение в процесс и овладение цифровыми навыками.

В современном обществе потребитель порой подписывает многостраничные договоры, не вчитываясь в их содержание, однако, если в договоре есть информационная недосказанность, недостоверная информация или правильная информация, поданная неправильным образом, то от потребителя потребуются определенные правовые знания для того, чтобы избежать заключения невыгодной для него сделки. Роль судейского усмотрения в разрешении потребительского спора еще более возрастает, когда нужно выйти за пределы формального правоприменения.

Интересной с точки зрения практики представляется одна из ситуаций, описанных в Обзоре, когда нижестоящие суды пришли к выводу, что покупатель автомобиля, которому не было сообщено о нахождении автомобиля в залоге у банка, не вправе заявлять требования о расторжении договора купли-продажи, поскольку сведения о залоге автомобиля не относятся к информации о товаре, которую продавец должен сообщить покупателю при заключении договора купли-продажи. Кроме того, истцом не было доказано, что в момент передачи автомобиля ответчик знал об обременении товара правами третьих лиц. При этом суд установил, что сведения о залоге автомобиля на момент его покупки были внесены в реестр уведомлений о залоге.

Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая данный спор, обратил внимание, что установленный в п. 2 ст. 10 Закона о защите прав потребителей перечень информации, которую продавец обязан своевременно предоставить потребителю для правильного выбора товара, не является исчерпывающим и указанная норма не освобождает продавца от предоставления иной информации, если она имеет значение для выбора потребителя [1].

Очевидно, что в каждом конкретном споре необходимо индивидуально подходить к рассмотрению того или иного товара, чтобы определить, какая именно информация могла иметь важное значение для потребителя.

Продавцы и исполнители услуг в реалиях жесточайшей конкуренции предпринимают различные способы привлечения покупателей, одним из кото-

рых является реализация маркетинговых программ (программы лояльности, бонусные программы).

Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул в Обзоре, что на отношения потребителя и исполнителя по реализации маркетинговых программ и иных способов продвижения услуг могут распространяться положения Закона о защите прав потребителей. Суд напомнил, что содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, признается офертой (публичная оферта) [1].

Правила бонусной программы ответчика являются публичной офертой, адресованной всем заинтересованным лицам, на участие в данной программе на определенных в правилах условиях без ограничения срока для акцепта и возможности досрочного отзыва данной оферты. Тем самым правила распространяют свое действие на неопределенный круг лиц.

Данный вывод является достаточно интересным, поскольку программы лояльности, на первый взгляд, являются инициативой профессионального участника рынка. Однако несмотря на то, что правила придуманы продавцом (исполнителем услуг), он в этом случае не может быть освобожден от несоблюдения своих же правил.

Рассматривая актуальные вопросы рассмотрения судами дел о защите прав потребителей, важно отметить, что, несмотря на безусловную необходимость защиты таких прав, следует не забывать о добросовестности поведения стороны потребителя. Восприятие потребителя как исключительно слабой стороны может привести к тому, что обязанность проявлять разумную заботу о своих интересах будет полностью переложена на профессиональную сторону. Необходимо стремиться не только к эффективной защите прав, но и к обеспечению их соблюдения и сокращению количества случаев злоупотребления правом со стороны как потребителей, так и профессиональных экономических субъектов.

При рассмотрении дел о защите прав потребителей законоположения о злоупотреблении правом применяются достаточно редко, при этом суды, признавая поведение участника потребительских отношений недобросовестным, чаще обращают внимание на профессионального участника рынка.

Как обращает внимание Е. Ю. Усольцев, одним из самых распространенных случаев злоупотребления правом в сфере розничной торговли является уклонение потребителя от передачи товара на проверку качества [2]. В Определении № 8-КГ21-1-К2 от 6 апреля 2021 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в результате расширительного толкования ст. 18 Закона «О защите прав потребителей» указала, что обоснованность заявленных к импортеру требований относительно ненадлежащего качества товара может быть проверена последним лишь в случае исполнения потребителем обязанности по представлению данного товара, а потому предъявлению к импортеру требования о возврате уплаченной за товар денежной суммы должен предшествовать возврат ему товара. В случае же неисполнения потребителем указанной обязанности его поведение подлежит оценке на предмет соответствия требова-

ниям добросовестности. При выявлении факта злоупотребления правом судам надлежит отказывать во взыскании неустойки и штрафа, предусмотренных Законом о защите прав потребителей, поскольку применение таких мер ответственности возможно лишь в случае виновного поведения импортера и уклонения от добровольного исполнения требований потребителя. И поскольку при рассмотрении дела по существу было установлено, что на неоднократные предложения ответчика возратить товар истец не реагировал, что, в свою очередь, не было учтено судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила их решения с направлением дела на новое рассмотрение. Таким образом, основанием для отмены судебных актов послужило неприменение судами положений ст. 10 ГК РФ [2].

Вместе с тем нельзя не отметить, что факты злоупотребления правом со стороны потребителя зачастую возникают по причине низкой потребительской культуры в обществе, в связи с чем актуален вопрос о формировании и повышении знаний потребителя относительно своих прав и обязанностей не только на стадии возникновения судебных споров, но и в досудебном порядке.

В настоящее время в Российской Федерации успешно функционирует институт финансового уполномоченного, который не только существенно снижает нагрузку на суды при рассмотрении потребительских споров, но также участвует в разъяснении потребителю его прав и обязанностей при обращении за разрешением спора, возникшего в сфере предоставления финансовых услуг.

Отдельно стоит выделить вопрос компенсации морального вреда при разрешении споров о защите прав потребителей.

Из разъяснений, содержащихся в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», следует, что при разрешении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя.

Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Тем не менее, в практике рассмотрения дел о защите прав потребителей встречаются случаи определения размера компенсации морального вреда исходя из стоимости товара (работы, услуги), в то время как такой размер необходимо устанавливать исходя из характера и вида страданий, перенесенных истцом, поскольку порой стоимость товара несопоставима с характером страданий, полученным потребителем.

В заключение следует отметить, что общей задачей как законотворчества, так и его применения в сфере защиты прав потребителей, является защита и удовлетворение интересов субъектов потребительских правоотношений. Приобретая качественные и безопасные товары (услуги), потребитель определяет качество своей жизни. Чем меньше вопросов возникнет у потребителя о том, будут ли нарушены его права и каким образом ему нужно их защитить, тем более высокого уровня достигнет качество жизни потребителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2022 г). // СПС «КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

2. Усольцев Е. Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: общие выводы и отдельные примеры из судебной практики // Гражданское право. 2022. № 4. С. 44–46.

УДК 342.9:343.2/.7

Никитин Валерий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

venik2206@yandex.ru

Правовые основы корпоративного управления и экономическая власть в коммерческих организациях как объект преступления

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованием, научным анализом, а затем введения в текст Уголовного кодекса РФ понятия категории экономическая власть, которая напрямую связана с проблемами корпоративного управления в коммерческих организациях. Необходимость этого назрела уже давно, что подтверждают работы ряда авторов. Современные законодательные правила должны отражать современные тенденции и вызовы. Автор предлагает направления и очерчивает предполагаемые границы подобных исследований.

***Ключевые слова:** корпоративные отношения, экономическая власть, интересы и права участников юридических лиц, связь служебного положения с властью, законодательные правила поведения, правовое и экономическое поведение, правовая природа корпоративного управления, связь власти службы и управления, посягательства, квалификация деяния, преступные действия, объект посягательства, правовая природа управления, механизм управления, деятельность организации, акционерные общества, миноритарные акционеры, социальные факторы, социальный кадастр региона.*

Nikitin Valery Vladimirovich

candidate of economic sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal framework for corporate governance and economic power in commercial organizations as object of crime

The article deals with issues related to research, scientific analysis, and then the introduction into the text of the Criminal Code of the Russian Federation of the concept of the category of economic power, which is directly related to the problems of corporate governance in

commercial organizations. The need for this is long overdue, which is confirmed by the work of a number of authors. Modern legislative rules should reflect current trends and challenges. The author suggests directions and outlines the supposed boundaries of such research.

Keywords: *corporate relations, economic power, interests and rights of participants in legal entities, connection of official position with power, legislative rules of conduct, legal and economic behavior, legal nature of corporate governance, connection of power, service and management, encroachment, qualification of an act, criminal actions, the object of encroachment, the legal nature of management, the mechanism of management, the activities of the organization, joint-stock companies, minority shareholders, social factors, the social cadaster of the region.*

Происходящие в обществе и экономике объективные процессы обязательно должны отражаться в законодательных правилах поведения. Развитие и совершенствование в России рыночных отношений и совершенствование отечественного законодательства о юридических лицах актуализируют вопросы соблюдения законных прав и интересов участников юридических лиц. Речь может идти о мелких миноритарных акционерах в акционерных обществах, не участвующих в корпоративном управлении. Следует считать необходимым принятие кодекса корпоративного поведения, сославшись на законодательства ряда стран со специальными правами для миноритариев. В этой связи, сегодня актуализируется проблема правовой природы корпоративного управления в коммерческих организациях, содержания этого управления по осуществлению экономической власти участников коммерческих организаций – ее носителей и представителей.

В Уголовном кодексе РФ и, в частности, главе 23 УК РФ отсутствует понятие экономической власти. Однако прописан термин, который в той или иной мере коррелируется и пересекается с ним. В Кодексе рассматриваются интересы службы в коммерческих и иных организациях, так как власть, и служба напрямую связаны с управлением. Считаем, что экономическую власть можно определить как способность отдельного человека, руководства фирмы, крупной корпорации или заинтересованной группы оказывать экономическими средствами воздействие на отдельно взятого человека, группу людей или общество в целом с тем, чтобы приспособить их поведение к своим интересам. Здесь значение имеет не столько власть, связанная с личной квалификацией, сколько та власть, которая обусловлена различиями в доходах и имуществе [5].

Знание объекта посягательства делает возможной юридически правильно оценить преступные действия и выработать методы и приемы борьбы с ними. С практической точки зрения, значение объекта состоит в том, как законодатель, так и суд могут дать социально-политическую оценку противоправному деянию, преступлению, исходя из социальной ценности объекта, на который оно посягает. По объекту посягательства во многих случаях можно отграничить преступление от действия, не являющегося преступлением, так как уголовный закон охраняет не все, а только наиболее важные, основные общественные отношения, нарушение общественных отношений, не охраняемых уголовным законом, не образует состава преступления.

Немаловажное значение имеет объект посягательства и для разграничения сходных преступлений при квалификации деяния. Если неизвестно, какое

общественное отношение было объектом посягательства, то не известно и о каком преступлении может идти речь. Без уяснения самого объекта, на который было направлено преступное деяние, невозможно выяснить социальную сущность этого преступления, оценить его общественную опасность и дать правильную юридическую оценку. Объект посягательства обуславливает не только возникновение уголовно-правового запрета, но и его юридическую структуру, пределы и объем, круг запрещаемых действий, а также объективные и субъективные признаки состава преступления.

Несмотря на то, что в названии главы 23 УК РФ четко обозначен видовой объект посягательства – интересы службы, в юридической литературе имеются и другие позиции относительно определения объекта преступлений, предусмотренных данной главой. Так, по мнению П. С. Яни, объектом преступлений, закрепленных в этой главе, «является сфера отношений, связанных с реализацией работниками всех юридических лиц, за исключениями, установленными примечанием к статье 201 УК РФ, имеющих у них особых возможностей, прямо вытекающих из их служебного положения» [6, с. 45–49].

Участники коммерческих организаций, преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели, входящие в органы управления, например в члены совета директоров, в исполнительные органы, т. е. выполняющие управленческие функции, рассматриваются в юридической литературе в качестве служащих. Более того, например С. Гордейчук, основываясь на гражданском законодательстве, утверждает, что лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, следует также признавать участника хозяйственного общества или товарищества [1].

Считаем, что для того, чтобы понять истоки и правовую природу управления, которая имеет место в хозяйственных обществах, товариществах, необходимо определить характер общественных отношений, которые связаны с их образованием и деятельностью и которые именуется как корпоративные.

В наше время теория корпоративных отношений бурно развивается, порождая все новые теоретические и практические проблемы. В силу особой значимости научные исследования корпоративных отношений, занимающие огромное место в зарубежном праве, все больше захватывают внимание отечественных цивилистов. Анализ расширяется, детальному исследованию подвергаются различные вопросы, однако, как представляется, необходимо, прежде всего, четко определить, что следует понимать под корпоративными отношениями, поскольку единства мнений в этом вопросе не наблюдается.

По нашему мнению, более правильной позиция авторов, которые считают, что корпоративные отношения имеют имущественную природу, поскольку в их основе лежат экономические отношения собственности [4], а также и позиции авторов считающих, что все неимущественные права участников корпоративных отношений призваны «обслуживать» реализацию имущественных прав акционеров, так как акционерное правоотношение в целом носит имущественный характер [2].

Мы считаем, что корпоративные отношения в значительной мере наполнены экономическим содержанием отношений собственности. Наличие собст-

венности – это основа основ экономической власти. Наличие собственности всегда связано с правомочиями владения, распоряжения и пользования, а также бремени ответственности за нее, но главное здесь управлением этой собственностью. Речь идет о наличии отношения, в котором присутствует два начала – управляющий и управляемый. Считаем, что следует иметь в виду не только правовое, но и экономическое поведение людей. Не можем не привести пример двуединства, потребностей человека, где первичными, безусловно, являются витальные потребности индивидуума: питаться, одеваться, самовоспроизводиться. Только на втором месте за ними следуют адаптивные (социальные) потребности: необходимость общественной, социокультурной активности, трудовой, общественной и духовной жизни индивидуума и его саморазвитие (компетентный уровень). Хотелось бы назвать, наряду с этим ряд тенденций, которые также следует учитывать при анализе сущности экономической власти для исследования корпоративного управления. Здесь уместно рассматривать не только экономическое и правовое поведение людей, а в нем частноправовое и публично-правовое, но и ряд системных и стратегических составляющих, функциональных основ их действий в поведении при принятии своих решений и стратегий.

Исходя из изложенного, следует сделать вывод, что участники (или собственники) того или иного хозяйственного общества, товарищества, выполняя свои полномочия по управлению организацией и тем самым осуществляя корпоративную власть, в то же время в более содержательном плане реализуют свою экономическую власть. Следует учитывать также средства, приемы, правила, методы и формы осуществления этого в корпоративном управлении.

Сложность вызывает определение правовой природы функций, выполняемых единоличным исполнительным органом коммерческих организаций. Специфика профессиональной деятельности руководителя организации, его место и роль в механизме управления деятельностью организации предопределяет особый правовой статус этих лиц в трудовых отношениях, который существенно отличается от статуса иных работников организации. Особенности трудовой функции руководителя связаны, прежде всего, с тем, что в силу своих обязанностей по трудовому договору он реализует правосубъектность юридического лица как участника трудовых отношений, в том числе и гражданского оборота. В трудовых отношениях нормы трудового права не могут регулировать предоставление полномочий, характеризующих содержание труда при выполнении определенных функций и операций работником.

Считаем, что в актах единоличного исполнительного органа осуществляется и окончательно закрепляется правореализация актов корпоративного управления путем и через решения общего собрания коллектива, а также голосования совета директоров и акционеров. Через все это фактически и осуществляются правомочия юридического лица, такие как управление корпоративной собственностью в гражданском обороте.

Таким образом, единоличный исполнительный орган, представляя интересы коммерческой организации, также является одним из носителей экономической власти. Считаем уместным отметить, что исходя из специфики статуса

руководителя организации и его особой роли, регулируемой не столько трудовым, сколько гражданским правом, руководителя нельзя отнести к категории служащего. Гражданско-правовое регулирование предполагает отношения по горизонтали – равенство субъектов, при которых ни одна из сторон не может быть охарактеризована как служащий в силу сохранения самостоятельности в процессе исполнения обязанностей по соглашению.

В названии главы 23 УК РФ говорится о таком объекте посягательства, как интересы службы в коммерческих и иных организациях, однако, как следует из вышесказанного, ни участники коммерческих организаций, ни члены совета директоров, ни члены исполнительных органов не являются служащими, поэтому и совершить преступление против интересов службы они не могут. Вместе с тем, являясь носителями экономической власти, они при определенных обстоятельствах могут посягать на правильное – в соответствии с законом – осуществление этой власти.

Следует отметить, что еще ранее практические рекомендации по дальнейшей разработке конкретных действенных мероприятий реализации вышеизложенного нами уже были представлены в проекте по созданию Социального кадастра региона [3, с. 232–238]. Все это позволяет нам сделать вывод о необходимости внесения соответствующих дополнений и изменений в уголовное законодательство относительно объекта преступлений, совершаемых на правовом пространстве в сфере коммерческих организаций, связанных с корпоративным управлением и экономической властью. Считаю, что это лишний раз подтверждает необходимость незамедлительно приступить к разработке практических правоприменительных практик для реализации данных предложений. Практики с нетерпением ждут от исследователей эффективных действенных, конструктивных и своевременных предложений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гордейчик С. Ответственность лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7822> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение. М. : Спарк, 1997. 156 с.

3. Никитин В. В. К вопросу кадастровой оценки социальных факторов региона // Сборник научных трудов XIV Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее» (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) (14–15 декабря, Кострома, 2018). Кострома: Костромской государственный университет, 2019. С. 232–238.

4. Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 28 с.

5. Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: (власть и бизнес) / отд. экон. РАН ; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М. : Экономика, 2005. 413 с.

6. Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.

УДК 347.9

Пентелькин Павел Андреевич

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
miroнова2001@mail.ru

Куликов Даниил Валерьевич

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Daniilkulikovugrin@yandex.ru

Порохов Михаил Юрьевич

доцент, кандидат юридических наук, советник юстиции
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
more03@inbox.ru

**Проблемы применения института арбитражных заседателей
в арбитражном процессе**

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования института арбитражных заседателей в арбитражном процессе. Так, авторами уделяется особое внимание практическим аспектам становления данного института в отечественном праве, проблематике на всех этапах его развития, а также комплексному исследованию и оценке современного состояния, действующего арбитражного процессуального законодательства. В частности, немаловажной частью работы стало сравнение отечественного института арбитражных заседателей с аналогичным институтом в Китайской Народной Республике. Авторы акцентируют внимание на существующих проблемах и предлагают механизмы их решения.

***Ключевые слова:** арбитражный процесс, пробел в праве, арбитражные заседатели, Китай, исторический опыт, народные заседатели.*

Pentelkin Pavel Andreevich

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Kulikov Daniil Valeryevich

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Porokhov Mikhail Yuryevich

associate professor, candidate of law, adviser to justice

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the prosecutor's office of the Russian Federation

St. Petersburg, Russian Federation

Problems of application of the institute of arbitration assessors in arbitration process

This article is devoted to the study of the functioning of the institute of arbitration assessors in the arbitration process. Thus, the authors pay special attention to the practical aspects of the formation of this institution in domestic law, the problems at all stages of its development, as well as a comprehensive study and assessment of the current state of the current arbitration procedural legislation. In particular, an important part of the work was the comparison of the domestic institute of arbitration assessors with a similar institute in the People's Republic of China. The authors focus on the existing problems and propose mechanisms to solve them.

Keywords: arbitration process, gap in law, arbitration assessors, China, historical experience, people's assessors.

Стоит начать с того, что Конституция Российской Федерации закрепляет право гражданина в участии отправления правосудия, что является важным фактором формирования в российском менталитете высокого показателя правосознания и, как следствие, укрепление основ гражданского правового общества. 30 мая 2001 года Федеральным законом № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» был введен институт арбитражных заседателей в отечественное процессуальное право. Так, статья 1 закрепляет, что «арбитражные заседатели – граждане Российской Федерации, которые наделены в установленном порядке определенными полномочиями по осуществлению при рассмотрении арбитражными судами субъектов Российской Федерации в первой инстанции подведомственных им дел, возникающих из гражданских правоотношений» [2].

Изначально, институт арбитражных заседателей был нацелен на привлечение граждан к отпращиванию экономического правосудия и задумывался как эффективное средство борьбы с коррупционными процессами в судебной системе. При рассмотрении экономических споров судье иногда полезно учитывать мнение профессионалов из других сфер – экономистов, специалистов в области землепользования, технических специалистов и т. п. Это может способствовать принятию справедливого решения по делу и формированию доверия и уважения бизнеса к судебной системе. Но в 2010 году было принято решение внести изменения посредством ФЗ от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ» [3]. Данный федеральный закон в корне изменил порядок привлечения арбитражных заседателей в процесс. Главной причиной этих изменений были многочисленные случаи злоупотребления правом участниками арбитражного процесса. Часто целью привлечения арбитражных заседателей являлось затягивание судебного процесса. После изменений 2010 г. их привлечение к рассмотрению дела стало воз-

можным только в связи с особой сложностью дела и (или) необходимостью использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления. Стоит отметить, что действующий АПК РФ не определяет, так называемые, критерии характеризующие сложность дела, а это лишь свидетельствует о повышении роли судебного усмотрения в этом вопросе. Это не единственные изменения, был расширен перечень оснований, по которым судья вправе рассмотреть дело единолично, несмотря на удовлетворенное ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей.

Перечень дополнили основания: невозможность сформировать состав суда после отвода арбитражных заседателей; неявка арбитражных заседателей; наличие ходатайства стороны о единоличном рассмотрении, если после перерыва или отложения в связи с неявкой заседателя новое заседание невозможно по этим же причинам. Также был изменен порядок формирования состава арбитражного суда с участием арбитражных заседателей. До принятых изменений стороны имели возможность выбрать привлекающую их кандидатуру из предложенного списка. В случае отсутствия выбора сторонами, суд на свое усмотрение утверждал кандидатуру. В настоящее время выборка осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы, с учетом характера предмета спора и специализации кандидатов.

После введения данного ФЗ, в последующем было внесено еще ряд изменений в отдельные ФЗ, связанные с участием арбитражных заседателей в процессе. Данные изменения вызвали ряд положительных и негативных последствий, которые сохраняются до сих пор.

Во-первых, количество попыток недобросовестного использования этого института для затягивания процесса значительно сократилось.

Во-вторых, количество дел с участием арбитражных заседателей с каждым годом стало стремительно сокращаться. Так, в 2010 году было рассмотрено – 4119 дел, 2011 год – 1 248, 2012 – 159, 2013 – 45, 2014 – 14, 2015 – 4, 2016 и 2017 – 2 дела [1].

В-третьих, большая часть кандидатов – представители юридической сферы, что не соответствует значимости специальных познаний в сфере экономики, предпринимательстве и финансах. Оставшаяся часть состоит из экономистов предприятий малого и среднего бизнеса, которые не всегда могут объективно оценить сложившуюся ситуацию у сторон, ввиду недостаточности опыта и знаний.

В-четвертых, созданная автоматическая система выбора кандидатов предусматривает возможность конфликта интересов, личной заинтересованности. Ведь нет никакой гарантии, что программа не выберет какого-либо знакомого одной из сторон. Как и нет гарантии, что этот кандидат заявит самоотвод.

В-пятых, списки кандидатов направляют ассоциации, различные профессиональные объединения. С этим сразу связано две проблемы. Первая – процессуальная, не регламентирован срок и порядок подачи списков объединениями в суд, вторая – человеческий фактор, что подразумевает наличие каких-либо межличностных отношений, как хороших, так и плохих между руководителем объединения и участником.

В-шестых, усложнилась процедура подачи ходатайства, если раньше было достаточно подать ходатайство без мотивировки этого, то с появлением изменений теперь следует обосновать особую сложность дела и (или) необходимость использования специальных знаний. А при принятии или отклонении ходатайства судья руководствуется личным усмотрением, ведь критериев «особой сложности» предложено не было.

Как мы видим, негативных изменений стало больше, чем положительных, данный институт в арбитражном процессе постепенно стал умирать. Появилось много субъективных факторов, препятствующих нормальному функционированию данного института, начиная со стадии подачи списков кандидатов и заканчивая принятием или отклонением ходатайства о привлечении к рассмотрению дела арбитражных заседателей и связано это с человеческим фактором. Судьи не заинтересованы рассматривать дела с кем-либо еще, особенно, если это представители сферы юриспруденции. У предпринимателей нет особой заинтересованности в участии в отправлении правосудия, ведь для них не предусмотрено последующих социальных льгот, достойного финансового вознаграждения. Несомненно, заседателям компенсируются командировочные расходы, 1/4 должностного оклада судьи, но процессы затягиваются, специалисты отрываются от своих основных дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, где за аналогичный период они могут заработать гораздо больше.

В то же время аналогичный институт арбитражных заседателей отлично функционирует в Китайской Народной Республике, называемый как «народные заседатели». В частности, здесь можно провести аналогию с советской системой организации народовластия, строящейся на принципах социалистического гармоничного общества и, что очень важно, справедливого и эффективного правосудия [4].

Стоит отметить, что многие авторы-процессуалисты, а также специалисты в области арбитражного права отмечают, что модель участия граждан в осуществлении правосудия в КНР идет по пути шеффенской, которая подразумевает судебную организацию, в рамках которой члены судебной коллегии определяют итоговое разрешение дела вместе с судьей, являющимся председателем суда [5].

В процессе анализа и разбора китайского опыта функционирования деятельности арбитражных заседателей, мы будем оперировать законами КНР как «О народных заседателях», «Об организации народных судов» и «Об арбитражном процессе». Итак, согласно вышеупомянутым источникам китайского процессуального права, устанавливается, что состав народных заседателей при рассмотрении гражданских, административных и арбитражных дел дифференцируется:

1) в сокращенный состав может входить судья и два народных заседателя. Согласно статьям 15 и 16 закона «О народных заседателях», устанавливается категории дел, которые разрешают данный сокращенный состав. Так это дела, которые: затрагивают групповые или общественные интересы; привлекают широкое общественное внимание или оказывают сильное социальное воздействие;

носят в себе фактор сложных обстоятельств, вследствие которых участие народных заседателей необходимо для разрешения такого дела. В частности, в сокращенном составе арбитражные заседатели решают вопросы, касающиеся того, были доказаны все факты по делу. Данный пример показывает, что полномочия народных представителей приравнивается к полномочиям судей;

2) в расширенный состав могут входить трое судей и от четырех до семи народных заседателей, которые также согласно вышеупомянутым нормам статей 15 и 16 закона «О народных заседателях», рассматривают дела: по требованиям о защите неопределенного круга лиц; связанные с конфискацией земель, охраной окружающей среды [5]. При рассмотрении дел в расширенном составе суда заседатели обладают также равными с судьями полномочиями при установлении фактов по делу, но уже не обладают правом принимать определенные решения по вопросу о применимом праве. Народные арбитражные заседатели в Китае учувствуют в осуществлении правосудия в судах первой инстанции [5].

Рассматривая институт арбитражных заседателей более подробно, уточним, что каждая из сторон выбирает себе арбитра. В дальнейшем третьего арбитра необходимо выбрать обеими сторонам, так как он потом будет избран председателем процесса. В частности, китайское нормативное правовое законодательство содержит норму, согласно которой стороны могут поручить процедуру назначения председателю арбитражной комиссии. Далее, председатель арбитражной комиссии осуществляет выбор арбитров, если стороны не избрали последних в установленный законом срок, насчитываемый 20 сутками. Необходимо отметить, что состав заседателей формируется региональным органом юстиции совместно с органами безопасности и народными судами. Что касается срока, то рассмотрение дела не должно превышать 9 месяцев.

Исходя из вышесказанного можно установить, что китайская модель арбитража универсальна, если сравнивать с российской, в которой на одного профессионального судью приходится 2 народных представителя-коммерсанта, обладающего правом голоса при вынесении судебных решений. В частности, универсальность доказывается и тем, что китайский институт арбитражной комиссии сбалансированно комбинируют, с одной стороны, специалистов в области торгово-экономической деятельности, с другой – лиц, которые имеют широкий практический опыт в экономической сфере, позволяя сторонам избирать председательствующего судью, что, как кажется нам, влияет на объективность и обоснованность деятельности судов в рамках арбитражного производства.

Подводя итог, хотим предложить следующие изменения действующего законодательства: добавить критерии, характеризующие особую сложность дела; увеличить денежное вознаграждение арбитражных заседателей; предложить каждой стороне самостоятельно выбирать по одному заседателю; изменить порядок подачи списков кандидатур на места арбитражных заседателей и предложить направлять заявки самостоятельно желающим, с приложением своих так называемых регалий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Картоотека сайта Федеральные арбитражные суды Российской Федерации : офиц. сайт. URL:<http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Федеральный закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» от 30.05.2001 № 70-ФЗ (в ред. от 28.11.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31856/ (дата обращения: 25.11.2022).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.07.2010 № 228-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103105/ (дата обращения: 25.11.2022).
4. People's Assessors Law of the People's Republic of China (adopted and effective Apr. 27, 2018). URL: <https://npcobserver.com/legislation/peoples-assessors-law>. (дата обращения: 25.11.2022).
5. Van Rhee C. H., Fu Yulin. Civil Litigation in China and Europe: Essays on the Role of the Judge and the Parties. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice. N. Y. : London, 2014. P. 43–45.

УДК 343.195

Плотникова Татьяна Андреевна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
tatyana.pl1221@gmail.com

Яснева Елена Васильевна

старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

**Некоторые проблемные вопросы,
возникающие при рассмотрении уголовных дел
с участием присяжных заседателей**

Статья посвящена суду присяжных заседателей. В статье исследуются вопросы, связанные с отбором и формированием коллегии присяжных, о требованиях, предъявляемых к кандидатам в присяжные заседатели, обозначены некоторые проблемные вопросы при исследовании доказательств в суде присяжных.

Ключевые слова: суд, председательствующий, присяжные заседатели, требования к присяжным, формирование коллегии.

Plotnikova Tatyana Andreevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilevna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some problematic issues that arise when considering criminal cases involving jurors

The article is devoted to the jury trial. The article explores issues related to the selection and formation of a jury, the requirements for candidates for jurors, and identifies some problematic issues when examining evidence in a jury trial.

Keywords: court, presiding judge, jurors, requirements for jurors, formation of a panel.

Возрождая суд присяжных, ученые, законодатели полагали, что это будет способствовать обеспечению независимости судей, состязательности уголовного процесса, повышению авторитета судебной власти. Например, Ю. В. Стецовский писал: «именно непрофессионалы, руководствуясь совестью и жизненным опытом, в условиях подлинной состязательности и на основе того, что они услышат и увидят в суде, будучи изолированными от судей-профессионалов и независимо от него, могут свободно решать вопрос о невиновности подсудимого» [6]. Однако, за время действия суда присяжных заседателей было накоплено достаточно судебной практики, которая высветила множество проблем в правоприменении, спорность и неопределенность толкования некоторых норм уголовно-процессуального законодательства и других федеральных законов. Например, п. 5 ст. 32 Конституции РФ установил «Граждане РФ имеют право участвовать в отправлении правосудия» [4]. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О присяжных заседателях»), реализуя это конституционное положение, закрепил, что граждане имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции уголовных дел. Но участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является уже их гражданским долгом [8]. Другим примером проблемности института присяжных в правоприменении могут служить данные статистики. По данным Верховного Суда Российской Федерации за 2020 и 2021 год присяжные оправдали треть обвиняемых, что составляет 32 % от рассмотренных дел [2].

Среди ученых мы также не видим единства мнений на необходимость существования института присяжных заседателей. Ряд ученых считают, что суд присяжных имеет больше недостатков, чем достоинств, так как в качестве присяжных заседателей чаще всего выступают лица, не имеющие юридического образования и судебной практики. Например, Н. Л. Васляева приводит ряд ар-

гументов против суда присяжных: «в большинстве случаев присяжными заседателями становятся граждане пенсионного возраста, которые участвуют в судебном разбирательстве в силу того, что имеют много свободного времени; не все присяжные высказывают свое мнение, когда идут в совещательную комнату, чаще всего придерживаются мнения большинства или лидера; у присяжных, как правило, уже заложено убеждение, что подсудимый виновен, так как уголовное дело просто так никто возбуждать не будет; присяжных легко убедить, что подсудимый невиновен, если красноречиво об этом сказать» [1].

Сторонник суда присяжных С. А. Насонов утверждает следующее: «присяжные заседатели не обязаны обладать юридическими знаниями для участия в процессе. Судом руководит профессиональный судья, который и помогает присяжным разобраться во всех тонкостях рассматриваемого дела. Все транслируемые телепередачи, связанные с судом присяжных, наоборот помогают кандидатам адаптироваться к процессу; присяжные участвуют в процессе осознанно, так как понимают, что на них лежит ответственность за судьбу человека» [5].

Проанализировав научную литературу, мы выделили некоторые проблемные вопросы, возникающие на практике. В Федеральном законе «О присяжных заседателях» четко прописано, кто может быть присяжным заседателем. Это граждане РФ, достигшие 25-летнего возраста, дееспособные, не судимые, независимо от пола, расы, социального статуса и образования [8]. Отсутствие требований по образовательному уровню к кандидатам в присяжные заседатели, приводит к тому, что, участвуя в исследовании доказательств при рассмотрении уголовного дела, они не могут понять, о чем идет речь. И при этом они должны определить виновность или невиновность лица. Понятие «виновность» относится к категории юридических, и разобраться без должного образования в этих вопросах присяжным трудно. Стоит задуматься: почему мировой судья, имея юридическое образование, рассматривает дела небольшой тяжести, а присяжные заседатели, не имея образования, рассматривают дела, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких.

Кроме того, возникают проблемы и при отборе и формировании коллегии. Например, не все кандидаты в присяжные сообщают о себе и своих близких негативные данные. Поэтому, стороны не могут заявить мотивированные и немотивированные отводы, а последствием может быть отмененный приговор. Соккрытие значимой информации может свидетельствовать и о негативном отношении кандидата к правоохранительным органам и возможно неспособным объективно оценивать доказательства по делу и выносить решение по делу.

За все время действия суда присяжных в России можно с уверенностью сказать, что суд присяжных не является судом «народа». Это объясняется тем, что присяжные принимают решение, опираясь лишь на свой жизненный опыт, но никак не на профессиональные знания, а также основываются на том, насколько эмоционально выступили сторона обвинения и сторона защиты. Председательствующий не может влиять на решение присяжных, он выступает как наблюдатель [6]. Это подтверждается результатами опроса, проведенного в 2019 г. Н. Л. Васляевой, судей Московского областного суда. Многие из них переживают, когда присяжные уходят в совещательную комнату для принятия решения, так как не

могут дать подсказки или рекомендации, разъяснить спорные моменты [1]. Несмотря на то, что законодатель предусмотрел возможность присяжных обращаться к председательствующему за разъяснением каких-либо вопросов, однако это возможно, но только лишь в присутствии других участников процесса. При этом разъяснения председательствующего не должны склонять присяжных в какую-либо сторону. И здесь мы видим еще одну проблему – это обезличенные ответы на спорные вопросы, основанные на нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) [7], которые присяжным трудно понять в силу отсутствия у них юридического образования и опыта в судебной практике. Поэтому, вся ответственность за правильность и понятность разъяснений лежит исключительно на председательствующем.

Анализ некоторых проблемных вопросов позволяет сделать вывод о необходимости унификации законодательства Российской Федерации, регулирующие вопросы института присяжных заседателей. Так, необходимо дополнить часть 2 статьи 3 Федерального закона «О присяжных заседателях» пунктом 5 в следующей редакции: «не имеющие высшего юридического образования». Данное изменение позволит тщательнее подходить к отбору кандидатов, а сформированная из них коллегия более профессионально справится с решением вопросов о виновности или невиновности подсудимого. Мы видим, что суд присяжные имеет множество слабых сторон, но, тем не менее, полагаем, что и отказаться от него нельзя.

Закончить статью хочется словами Александра Федоровича Кони, которые и в настоящее время, как никогда звучат актуально: «За последнее десятилетие законодательство наше, судя по некоторым особенностям, стало смотреть на суд присяжных не как на прочное учреждение, которое надо развивать, а как на опыт, которым еще не сказано последнего слова в деле нашего современного судоустройства» [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васляева Н. Л. Суд присяжных: достоинства и недостатки // Журнал государство и право в XXI веке. 2019. № 2. С. 58–66.
2. Верховный суд Российской Федерации. Обзор материалов из СМИ. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30777/ (дата обращения: 19.11.2022).
3. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Юрид. лит. 1967. Т. 4. 217 с.
4. Конституция Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.11.2022).
5. Насонов С. А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Журнал актуальные проблемы российского права. 2014. №7(44). С. 1468–1473.
6. Стецовский Ю. И. Судебная власть. М. : Дело, 1999. 398 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.11.2022).
8. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/ (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 347.9

Убушиева Виктория Баатровна

студент, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ubushieva.vika@mail.ru

Порохов Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
kafedra_ayd309@mail.ru

Профессионально ли представительство в арбитражном процессе?

В данной статье рассмотрена проблема профессионального представительства в арбитражном процессе. Проведен краткий анализ развития института представительства в арбитражном судопроизводстве. Дана оценка действующего процессуального законодательства, регулирующего участие представителей в арбитражном суде.

Ключевые слова: арбитражный процесс, профессиональное представительство, высшее юридическое образование, адвокатура.

Ubushieva Victoria Baatrovna

Student, St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Porokhov Mikhail Yuryevich

candidate of law, associate professor, adviser of justice
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Is representation in the arbitration process professional?

This article discusses the problem of professional representation in the arbitration process. A brief analysis of the development of the institution of representation in arbitration proceedings is carried out. The assessment of the current procedural legislation regulating the participation of representatives in the arbitration court is given.

Keywords: arbitration process, professional representation, higher legal education, advocacy.

Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] дополнил положения ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2], предусматривающей требования к представителям, ведущим дела в арбитражном суде, условием об обязательном наличии у них высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности. Таким образом, в настоящий момент времени мы можем говорить о представительстве в арбитражном судопроизводстве, как о представительстве профессиональном, но так ли это?

Вопрос профессионального представительства в арбитражном процессе имеет уже долгую историю. В соответствии со ст. 36 АПК РФ [1] 1992 г. представителями в арбитражных судах могли выступать либо адвокаты, либо сотрудники предприятия. Проще говоря, профессиональным представительством в арбитражном судопроизводстве можно было назвать раньше. Более того, эта норма нашла свое отражение в ч. 5 ст. 59 АПК РФ 2002 г., т. е. даже для действующего кодекса это не столько новелла, сколько возврат к истокам.

Такая ситуация стала возможной во многом благодаря позиции Конституционного суда РФ. Постановлением от 16.07.2004 № 15-П [6] КС РФ признал неконституционными положения ч. 5 ст. 59 АПК РФ, касающиеся профессионального представительства в АПК РФ. Тем самым КС РФ фактически предоставил возможность для участия в арбитражном процессе в качестве представителей неограниченному кругу лиц, в том числе не имеющих юридическое образование и даже не имеющих высшее образование вообще [4]. Спустя ровно 16 лет постановлением от 16.07.2020 № 37-П [7] КС РФ признал конституционными положения ч. 3 ст. 59 АПК РФ, касающиеся все того же профессионального представительства. Невольно возникают сомнения в последовательности официальной правовой позиции относительно права лица, участвующего в деле, самостоятельно выбирать себе представителя [5].

Вернемся к вопросу о том, можно ли в настоящее время говорить о представительстве в арбитражном судопроизводстве, как о представительстве профессиональном. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2019 г. в разделе разъяснения процессуальных вопросов говорится, что для подтверждения юридического образования достаточно диплома бакалавра. Таким образом, для участия в судебном заседании достаточно лишь базовое юридическое образование без каких-либо дополнительных требований. Теперь же стоит вспомнить о замечании Международной комиссии юристов, приведенном в отчете комиссии за 2015 г.: «тот факт, что большинство юристов в России действуют за рамками какой-либо системы самоуправления, означает, что российская правовая система во многом полагается на лиц, которые не подчиняются требованиям кодекса этики и дисциплинарной системы. Следовательно, многие люди, которые обращаются к ним, чтобы получить доступ к правосудию, в том числе добиться исправления нарушенных прав человека, не смогут привлечь своих юридических представителей к ответственности, если обнаружат, что они проявляют некомпетентность, халатность или коррумпированность при ведении их дела». Другими словами, говорить о представи-

тельстве в арбитражном процессе, как о представительстве профессиональном в настоящее время не приходится.

Однако такого нельзя сказать об адвокатах, как о профессиональных представителях в судах. Ведь адвокатская деятельность имеет особые требования, установленные Законом об адвокатуре [10] и Кодексом профессиональной этики адвоката [3].

Можно придерживаться мнения о том, что профессиональное представительство в арбитражном судопроизводстве есть лоббирование интересов определенной профессиональной группы. Можно говорить о том, что это не столько повышает эффективность защиты интересов бизнеса, сколько обеспечивает работой юристов. Ведь позиция КС РФ, отразившаяся в постановлении от 2004 г., согласно которой указание на возможность участия в арбитражном процессе в качестве представителей организаций только лиц, состоящих в штате организации, либо адвокатов ограничивает право доверителя выбирать иных представителей, имеет место быть.

Можно принять позицию, согласно которой сообщество юристов-представителей должно быть организовано. Можно обращать внимание на то, что участие профессиональных представителей в арбитражном судопроизводстве оказывает положительное влияние на эффективность и качество разбирательства, которое осуществляется арбитражными судами. Ведь позиция КС РФ, выразившаяся в постановлении от 2020 г., в соответствии с которой должен быть установлен стандарт обеспеченности участников арбитражного судопроизводства квалифицированной юридической помощью в виде гарантированного участия в судебном разбирательстве профессионального представителя, тоже имеет место быть.

Фактом остается лишь то, что законодательство ушло от непрофессионального представительства в арбитражном процессе, но так и не пришло к представительству профессиональному. Действующая норма закона, регулирующая участие представителей в арбитражном судопроизводстве, не удовлетворяет, как сторонников профессионального представительства, так и его противников, что делает возможным критику с обеих сторон.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи [8], которая была предложена профессиональным сообществом адвокатов и Министерством юстиции РФ. Проект Распоряжения Правительства РФ готов, а позиция законодателя ясна, т. е., по сути, выбор уже сделан. Остается надеяться, что он воплотится в действительности, как можно скорее. Ведь когда это случится, то о представительстве в арбитражном процессе, как о представительстве профессиональном можно будет говорить без тени сомнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс (утв. Верховным Советом РФ 05.03.1992 № 2447-1) // Российская газета. 1992. 15 апр.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Собрание законодательства РФ. 2003. Ст. 4.

4. Кузнецов А. П. Эволюция института представительства в арбитражном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 232–234.

5. Павлюк Ю. Б. О высшем юридическом образовании представителя при ведении дел в арбитражном суде // Образование и право. 2021. № 1. С. 183–186.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3282.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 5000.

8. Проект Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=17410#RgQUmWTqoruxr3uK1> (дата обращения: 25.11.2022).

9. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7523.

10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. Ст. 6.

УДК 347.97

Черков Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Луганский государственный университет имени В. Даля

г. Луганск, Российская Федерация

Vladimir_Cherkov@mail.ru

К вопросу о полномочиях суда при осуществлении судебного контроля над производством отдельных следственных действий

Исследованы проблемы обеспечения эффективного судебного контроля над действиями органов предварительного следствия при производстве следственных действий, огра-

ничающих конституционные права граждан. Внесены предложения и рекомендации дополнить действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ с целью дальнейшего реформирования и оптимизации механизма осуществления судебного контроля в стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: судебный контроль, судья, конституционные права граждан, предварительное расследование, следственное действие, постановление, обжалование.

Cherkov Vladimir Alexandrovich

PhD in Law, Associate Professor

Lugansk State University named after V. Dal,

Lugansk, Russian Federation

The question of the powers of the court while implementation of judicial control over the carrying out of the certain investigative actions

The problems of ensuring effective judicial control over the actions of the preliminary investigation bodies while the production of investigative actions that are limit the constitutional rights of citizens are studied. Proposals and recommendations to supplement the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to further reform and optimize the mechanism for exercising judicial control at the stage of preliminary investigation have been made.

Keywords: *judicial control, judge, constitutional rights of citizens, preliminary investigation, investigative action, decision, appeal.*

Судебный контроль на стадии предварительного расследования представляет собой особую самостоятельную функцию суда, систему действий, направленную на обеспечение законности, защиту прав и свобод лиц, участников уголовного судопроизводства. Он обладает рядом преимуществ перед другими формами контроля и надзора. Кроме того, в рассматриваемой деятельности суда наиболее полно реализуются принципы уголовного судопроизводства, в частности, принцип обеспечения права на защиту при проведении следственных действия, ограничивающих конституционные права граждан, для производства которых требуется судебное решение.

Для удобства исследования порядка получения следователем судебного разрешения на проведение отдельных следственных действий попробуем условно разделить эту процедуру на три этапа: 1) подготовка документов следователем и их внесение в суд; 2) рассмотрение указанных документов судом; 3) вынесения судом решения на основании рассмотрения ходатайства следователя о даче соответствующего разрешения или отказе в этом.

Так, на первом этапе, согласно существующему порядку, для получения разрешения суда следователь (или дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, вносит на рассмотрение суда ходатайство о получении разрешения, согласованное в определенных законом случаях с прокурором.

Постановление о возбуждении ходатайства составляется в трех экземплярах и подписывается следователем, в производстве которого находится дело. В случае проведения следственного действия в отношении нескольких лиц ходатайство составляется на каждое лицо. Первый экземпляр доставляется в суд.

Второй экземпляр прилагается к делу, а третий, в случае выдачи разрешения, – направляется прокурору в надзорное производство.

Характерными чертами второго этапа, а именно рассмотрения судом внесенного следователем ходатайства, является следующее:

1) рассмотрение внесенного ходатайства не позднее 24 часов с момента поступления;

2) при рассмотрении ходатайства следователя ведение протокола судебного заседания не предусмотрено.

При решении вопроса о принятии к рассмотрению ходатайство о даче разрешения на проведение следственного действия, связанного с ограничением конституционных прав граждан, судом проверяется, содержит ли внесенное ходатайство достаточный объем сведений для принятия обоснованного решения.

На третьем этапе судья на основании рассмотрения ходатайства и материалов уголовного дела принимает решение о предоставлении разрешения на проведение следственного действия или отказе в этом путем вынесения мотивированного постановления.

Постановление подписывается судьей, скрепляется гербовой печатью и оформляется по правилам делопроизводства. Как и ходатайство следователя, соответствующее постановление суда о предоставлении разрешения на производство следственного действия, составляется в трех экземплярах.

Касательно вышеизложенной процедуры, как уже отмечалось, при рассмотрении постановления следователя ведение протокола судебного заседания законом не предусмотрено. На наш взгляд, при рассмотрении ходатайства следователя о проведении следственного действия, ограничивающего права граждан, протокол заседания должен вестись. Нельзя не согласиться в этом смысле с И. Л. Петрухиным, который указывает, что «желательно придать этой процедуре еще более судебный характер» [1, с. 33].

Целесообразность ведения протокола судебного заседания попробуем продемонстрировать следующим образом. Например, при рассмотрении уголовного дела в суде возникают сомнения в законности и обоснованности судебного разрешения на следственные действия, которые были проведены при расследовании преступления. Каким образом можно установить, были ли достаточные основания для проведения следственного действия, или оно проводилось по принципу «победителей не судят»? Отсутствие протокола судебного заседания по поводу предоставления разрешения делает эти сомнения непреодолимыми, а само постановление о предоставлении разрешения наделяется неопровержимой преюдициальностью. Итак, неустранимые сомнения относительно законности проведения следственного автоматически, учитывая презумпцию невиновности («все сомнения относительно доказанности вины лица истолковываются в его пользу»), повлекут недопустимость полученных во время следственного действия доказательств.

Но правила преюдиции должны соотноситься с требованиями, вытекающими из оценки доказательств, т. е. преюдиции не должны носить характера заранее установленных, сковывать убеждение судьи [2, с. 10]. Следовательно, для обеспечения возможности проверки законности и обоснованности предос-

тавленного разрешения и устранения сомнений относительно законного происхождения сведений, полученных в ходе следственного действия, следовало бы закрепить правило о ведении протокола во время судебного рассмотрения ходатайства следователя. Это требование сделает процедуру предоставления разрешения более прозрачной для ее последующей проверки.

Итак, познавательная ценность результатов следственных действий и соответствующий этому процесс более активного их использования в судопроизводстве требует создания условий для проверки законности и обоснованности получения указанных сведений. Одним из очевидных шагов на этом пути является закрепление обязанности ведения протокола судебного заседания при решении вопроса о предоставлении разрешения на проведение следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан.

По-разному в науке решается вопрос об объеме материалов, предоставляемых в суд: судья изучает материалы уголовного дела, при необходимости выслушивает субъекта внесения ходатайства и выносит мотивированное постановление об удовлетворении ходатайства или отказе в таком удовлетворении. Объемы предоставления материалов дела определяются судьей. Итак, необходимо подавать все дело или только отдельные документы? Если подавать все дело, то такой подход приведет к определенным сложностям для следователя. В следственной практике результаты расследования иногда фиксируются в многотомных делах, где, кроме сведений, касающихся фактических оснований для проведения следственных действий, содержится другая информация, которая не нужна судье для принятия взвешенного решения о предоставлении разрешения. Анализируя правило о необходимости предоставления всех материалов дела, сразу следует задать несколько вопросов. Если предоставлять судье все дело, состоящее, например, из 3–5 томов, сколько времени потребуется для его тщательного изучения? Как обеспечить его хранение в помещении суда? Зачем предоставлять судье подробные сведения обо всех соучастниках преступления, если, например, следственное действие планируется в отношении одного лица? Понятно, что подобное правило продиктовано стремлением установить более прочный барьер перед злоупотреблениями со стороны следователя, но получится, как у Ш. Монтескье: «Часто законодатель, желая прекратить какое-либо зло, только и думает о достижении этой цели. Он видит только одну сторону дела и не замечает связанных с этим неудобств [3, с. 233].

Обращает на себя внимание, прежде всего своей экспрессивностью, утверждение И. Л. Петрухина о том, что «тайны, скрывающиеся от суда, являются оскорбительными для правосудия» [4, с. 33]. Но, учитывая вышеописанное различие между судебным контролем и правосудием, этот эмоциональный лозунг должен иметь некоторые уточнения относительно контрольных полномочий суда в сфере уголовного судопроизводства. Предметом рассмотрения, полагаем, должны быть только те материалы, которые свидетельствуют о наличии оснований, с которыми закон связывает возможность проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан. В обязательном порядке, на наш взгляд, при этом должны исследоваться судом следующие материалы:

- 1) постановление о возбуждении ходатайства следователя, правильность, законность и обоснованность его составления;
- 2) постановление о возбуждении дела;
- 3) материалы, свидетельствующие о наличии фактических оснований для проведения следственного действия;
- 4) материалы, подтверждающие проживание конкретного лица в помещении, в котором планируется проведение обыска (при предоставлении разрешения на обыск в жилище или другом владении);
- 5) материалы, подтверждающие принадлежность конкретному лицу или использование им канала связи (при предоставлении разрешения на контроль и запись переговоров или ареста почтово-телеграфных отправок).

Учитывая большое количество проблем при применении действующего уголовно-процессуального закона в ходе осуществления судебного контроля над деятельностью органов предварительного следствия, считаем, что регламентация контрольных полномочий суда требует кардинальных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 288 с.
2. Резник Г. Внутреннее судебское убеждение и преюдиция // Советская юстиция. 1971. № 7. С. 10–11.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.
4. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М. : ИГиП РАН, 1998. 232 с.

УДК 343.156.2

Черкова Марина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент

Луганский государственный университет имени В. Даля

г. Луганск, Российская Федерация

marina.cher.80@mail.ru

Совершенствование процедуры апелляционного обжалования решения суда первой инстанции о заключении под стражу

Рассмотрены проблемные вопросы обеспечения эффективного судебного контроля над действиями органов предварительного следствия при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также процедура апелляционного обжалования соответствующего решения суда первой инстанции. В целях дальнейшего реформирования и оптимизации механизма осуществления судебного контроля в уголовном судопроизводстве Российской Федерации внесены предложения об усовершенствовании процедуры апелляционного обжалования постановления суда о заключении лица под стражу.

Ключевые слова: судебный контроль, судья, конституционные права граждан, мера пресечения, ходатайство, постановление, апелляционное обжалование.

Cherkova Marina Yrievna

PhD in Law, Associate Professor

Lugansk State University named after V. Dal

Lugansk, Russian Federation

Improving the procedure for appealing against the decision of the court of first instance on detention

The problematic issues of ensuring effective judicial control while choosing a preventive measure in the form of detention, as well as the procedure for appealing the relevant decision of the court of first instance are considered. In order to further reform and optimize the mechanism for realization of judicial control in the criminal proceedings of the Russian Federation have been made proposals to improve the procedure for appealing against a court decision of detention.

Keywords: judicial control, judge, constitutional rights of citizens, measure of restraint, petition, decision, appeal.

Частью 2 статьи 22 Конституции РФ, в соответствии с международной практикой и стандартами судопроизводства, установлен судебный порядок применения задержания и заключения под стражу. В развитие этого принципиального положения многие ученые подчеркивали необходимость наделения суда, кроме собственно осуществления правосудия, функциями контроля над законностью решений органов предварительного следствия и прокурора, введения предварительного судебного контроля над актами оперативных подразделений, органов следствия и прокурора, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

Учитывая то, что мера пресечения в виде заключения под стражу существенно ограничивает конституционное право человека на свободу и личную неприкосновенность, в законодательном определении нуждаются требования, предъявляемые к составлению постановления следователя о возбуждении ходатайства и обязательным его реквизитам. Представляется недостаточным при составлении этого процессуального документа ограничиваться только приведением мотивов и оснований заключения под стражу. Приведение в постановлении только этих данных без обоснования и игнорирование документального массива вины лица, в отношении которого оно выносится, чревато незаконным арестом. Обоснованным в этой связи представляется требование об обязательности включения в содержание постановления о возбуждении ходатайства о заключении под стражу доказательств виновности лица в совершении преступления, в котором оно подозревается (обвиняется). Это не исключает, а наоборот, предполагает обязанность следователя (наряду с ходатайством) представить суду материалы дела, подтверждающие его обоснованность. Как следствие, мотивы, основания, доказательства, приведенные в постановлении, будут полностью соответствовать и материалам дела, что позволит суду вынести решение в соответствии с принципами всесторонности, полноты и объективности.

Предусмотренное действующим Уголовно-процессуальным кодексом вынесение постановления, которым оформляется судебное решение, вполне приемлемо и при рассмотрении ходатайства о применении к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу или об отказе в нем. Целесообразно предусмотреть законодательно обязанность суда направить в суточный срок постановление об избрании или отказе в избрании меры пресечения в адрес заинтересованных участников процесса. К ним относятся следователь, который ходатайствовал об аресте, прокурор, поддержавший или не поддержавший его, обвиняемый (подозреваемый), потерпевший и его представители.

Учитывая характер принятого решения, постановление судьи, которым оно оформлено, должно подлежать немедленному исполнению. Направление в адрес заинтересованных участников процесса копий постановления не является самоцелью. Представляется, что оно может быть обжаловано в апелляционном порядке в апелляционный суд, для чего необходимо наличие копии указанного выше процессуального документа, его обжалование в апелляционном суде предполагает оспаривание решения суда первой инстанции и обоснование своей позиции в этой части. Рассмотрение жалобы на решение суда в порядке апелляции реально гарантирует не только проверку законности и обоснованности заключения под стражу в качестве меры пресечения, но и дает возможность без возврата материалов на новое судебное рассмотрение принять решение по существу. В этом, на наш взгляд, состоит преимущество апелляционного рассмотрения жалоб участников процесса перед кассационным. Оно конкретно заключается в том, что кассационный порядок рассмотрения предполагает только проверку соблюдения правильности применения закона, в то время как апелляционный суд не просто проводит судебную проверку законности и обоснованности применения или неприменения заключения под стражу в качестве меры пресечения, но и вправе разрешить жалобу по существу.

Достаточно четко данный тезис выражен Ю. Димитровым, который правильно отметил, что апелляционное производство отличается от кассационного тем, что служит рассмотрению по сути как незаконных, так и несправедливых с точки зрения фактических обстоятельств дела решений (вопросы права и факта), а кассационное – для отмены с направлением на новое рассмотрение в суде первой инстанции решений, принятых с нарушением процессуального и материального закона (только вопросы права) [1, с. 45]. При подаче апелляции апелляционный суд вправе исследовать доказательства, как проверенные ранее районными, городскими, областными судами, так и представленные дополнительно. При этом апелляционная инстанция вправе принять соответствующее решение. Апелляционное рассмотрение жалобы позволит проверить все доказательства по делу и тем самым исключить вероятность судебной ошибки.

Действенность апелляционного порядка рассмотрения жалобы основана, в первую очередь, на полномочиях апелляционного суда, который вправе вынести решение по существу поставленного вопроса. В этом контексте апелляционный суд, полагаем, в рамках осуществляемых им функций должен быть вправе:

- а) оставить жалобу без удовлетворения;
- б) применить меру пресечения в виде заключения под стражу;
- в) отменить меру пресечения в виде заключения под стражу и немедленно освободить обвиняемого (подозреваемого) из-под стражи.

Позитивный момент предлагаемой новеллы видится и в том, что участники процесса, представляющие как сторону защиты, так и сторону обвинения, получают правовую возможность непосредственно участвовать при рассмотрении судом ходатайства следователя, прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а в случае несогласия с принятым судом решением – обжаловать его в целях проверки законности и обоснованности.

Нельзя не учитывать полярность интересов сторон обвинения и защиты, одна из которых в любом случае останется неудовлетворенной решением суда о заключении под стражу. Законодательное лишение права его обжалования вряд ли будет способствовать укреплению авторитета суда.

Не совсем ясна позиция авторов, которые не допускают даже самую возможность вынесения судом необоснованного или незаконного решения. Проверка законности и обоснованности, причем, в апелляционном порядке решения, принятого судом первой инстанции по такому существенному вопросу, как право на свободу и личную неприкосновенность, должно, думается, гарантироваться не только наличием судебной процедуры обжалования, но и в обязательном порядке судебной проверкой законности и обоснованности решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Именно эти обстоятельства и лежат в основе предлагаемого нами порядка рассмотрения вопроса о применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Его основные положения состоят в следующем:

1. Ходатайство о заключении под стражу подается следователем в суд, расположенный по месту проведения расследования.

2. Суд с участием представителей стороны защиты и стороны обвинения рассматривает ходатайство с приложенными к нему материалами и выносит постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении срока содержания под стражей или не удовлетворяет ходатайство следователя и освобождает лицо из-под стражи.

3. Принятые судом решения могут быть обжалованы в Апелляционный суд с обязательным участием заинтересованных сторон.

Основное отличие предлагаемого варианта порядка обжалования от ныне действующей процедуры заключается в том, что существенно расширяется круг лиц, которые могут обжаловать судебное решение. Оно включает в себя не только сторону защиты, представленной обвиняемым, подозреваемым, его защитником, законным представителем, но и сторону обвинения в лице прокурора. Дело в том, что, по нашему мнению, апелляции может подлежать не только законность и обоснованность решения суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, но и решение о ее неприменении.

Отличительным моментом этой правовой конструкции является то, что стороны защиты и обвинения наделяются правом обжалования судебного решения, которое корреспондируется с первоначальным участием в рассмотрении

судом ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, отсутствует временной и пространственный разрыв между участием указанных сторон в суде первой инстанции и реализацией их права на обжалование решения суда первой инстанции в Апелляционный суд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Димитров Ю. Зачем нам нужен Апелляционный суд? // Право Украины. 2004. № 3–4. С. 45–47.

УДК 342

Шагабутдинов Анатолий Анатольевич

член Президиума Костромского областного суда

председатель совета судей Костромской области

г. Кострома, Российская Федерация

ssrf.kst@ssrf.ru

Роль правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики

В данной статье проанализированы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и определена их роль в формировании судебной практики. Рассмотрены проблемы толкования отдельных положений Кодекса об административных правонарушениях.

Ключевые слова: *запрос, Конституционный Суд Российской Федерации, разъяснения, судебная практика.*

Shagabutdinov Anatoly Anatolyevich

member of the Presidium of the Kostroma regional court

chairman of the council of judges of the Kostroma region

Kostroma, Russian Federation

The role of the Constitutional Court's legal positions the Russian Federation in the formation of judicial practice

This article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and defines their role in the formation of judicial practice. The problems of interpretation of certain provisions of the Code of Administrative Offences are considered.

Keywords: *inquiry, Constitutional Court of the Russian Federation, explanations, judicial practice.*

Тема данной статьи достаточно объемна и с точки зрения теории права, а это понимание статуса, полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, обозначение судебной практики как юридической категории, и с точки зрения практической деятельности Конституционного Суда, субъектов, имею-

щих полномочия по обращению в Конституционный Суд. В связи с этим ограничимся в основном практической стороной данной темы, связанной с деятельностью Костромского областного суда по направлению запросов в Конституционный Суд, причинами этих обращений и их результатами.

Если исходить из реалий сегодняшнего дня, следует сформулировать два подхода формирования судебной практики – формальный и неформальный.

Формальный – это прямое указание в Конституции Российской Федерации и в Федеральных конституционных законах «О Конституционном суде Российской Федерации», «О Верховном Суде Российской Федерации» на источники судебной практики.

Так, Конституционный Суд осуществляет конституционный контроль за соответствием Конституции Российской Федерации нормативно-правовых актов, а также дает толкование Конституции Российской Федерации. Позиция Конституционного Суда, выраженная в Постановлении, относительно того, соответствует ли Конституции Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего Постановления. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации формирует и правовые позиции, выражаемые в так называемых определениях «с позитивным содержанием», «положительных определениях», отказывая, например, в принятии к производству жалобы или прекращая производство по делу. В мотивировочных частях таких определений Конституционный Суд дает разъяснения по порядку применения оспариваемого закона или иного нормативно-правового акта, чтобы исключить нарушение конституционных прав граждан вследствие его неправильного применения, истолковывает конституционно-правовой смысл оспариваемых законоположений, исключая иное их истолкование в правоприменительной практике. Такие акты конституционного правосудия имеют прецедентный характер для судебных органов. По своему же содержанию они дополняют уже существующие законы новыми нормативными положениями.

Право Верховного Суда Российской Федерации давать разъяснения по вопросам судебной практики реализуется через полномочия Пленума и Президиума, которые осуществляют данную деятельность посредством вынесения постановлений Пленума, формирования обзоров судебной практики Верховного Суда, утверждаемых Президиумом, а также постановлениями Президиума по результатам проверки вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора.

К неформальному подходу формирования судебной практики можно отнести следующее.

Информатизация дает неоценимую возможность наблюдать за состоянием судебной практики. Это плюс. Но здесь же имеется и минус, когда судебная практика формируется как результат применения поисковых функций компьютера.

Например, иногда одним из мотивов принятия того или иного решения становятся найденные в справочно-правовых системах иные решения по анало-

гичной проблеме. В свою очередь, если начать анализировать и искать, чем были мотивированы те, другие, решения, в конечном итоге цепочка может привести к начальной точке – мировому судье, районному судье или судье областного суда. Ничего плохого в этом нет, если высказанная точка зрения мотивирована и обоснована, но так бывает не всегда. Бывает, что в решениях присутствует в основном волевое начало. Что в свою очередь в решениях других судов по тем или иным причинам не анализируется, а принимается как данность. Вот и представьте себе – примет решение один судья, а страна у нас большая, кликнут это решение в разных регионах несколько судей – вот и судебная практика готова.

Отдавая должное вновь созданным кассационным судам, необходимо отметить, что в их подходе к судебной практике также не исключен субъективный, волевой подход. Объяснить это можно и тем, что при формировании кассационных судов общей юрисдикции возникли проблемы, когда устанавливается практика соответствующего субъекта Российской Федерации, которая довольно часто отличается от практики иных субъектов. В частности, на это обстоятельство обращал внимание бывший член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, председатель Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции Магомед Магомедович Магомедов (журнал «Судья», № 9 за 2021 год).

Порядок обращения суда с запросом и рассмотрения его Конституционным Судом регламентирован Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Что же является причиной, мотивом обращения суда в Конституционный Суд с запросом?

Согласно статье 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд проверяет по запросам судов конституционность законов и иных нормативных актов, подлежащих применению в конкретном деле.

На практике это происходит вследствие отсутствия разъяснений Верховного Суда по вопросу применения нормативного акта, возникшему в ходе рассмотрения конкретного дела, или дачей такого разъяснения, которое, по мнению автора запроса, не соответствует конституционной норме.

Здесь нет упрека в адрес Верховного Суда, поскольку им проводится активная работа по обобщению судебной практики, даче разъяснений. К тому же Верховный Суд не уполномочен на дачу разъяснения по находящемуся в производстве судьи делу. В то же время Конституционный Суд именно по рассматриваемому судом делу дает оценку запросу суда. При этом суд, придя к выводу о несоответствии Конституции нормативного акта, подлежащего применению, должен приостановить производство по делу и обратиться с запросом в Конституционный Суд, а после принятия итогового решения по запросу возобновить рассмотрение дела.

Данное обстоятельство очень привлекательно для судьи, рассматривающего дело. И в этом смысле Кодекс об административных правонарушениях в сравнении с другими Кодексами занимает не последнее место. Не буду останавливаться с причинами указанного, здесь можно говорить об условиях созда-

ния данного Кодекса, его бесчисленных изменениях, о множестве органов, заинтересованных в продвижении своих интересов, сложных взаимоотношениях, если можно так сказать, с Уголовным кодексом и Кодексом об административном судопроизводстве.

И если Высоцкий про Уголовный кодекс написал «Открою кодекс на любой странице и не могу остановиться, читаю до конца», то про КоАП можно было бы сказать: «Открою кодекс на любой странице и нету сил страницу перевернуть». Настолько, особенно в последние годы, усложнено содержание статей, прежде всего о порядке назначения наказаний.

А ряд положений воспринимать без юмора довольно трудно. Так, КоАПом установлено, что в итоговых решениях, вынесенных мировыми судьями, судьями районного и областного суда должны быть указаны фамилия, имя и отчество судьи. А в итоговом документе, вынесенном судьей кассационного суда общей юрисдикции и судьей Верховного Суда Российской Федерации, указывается только фамилия и инициалы этого судьи. То есть, будучи судьей, указываю, что решение вынесено Шагабутдиновым Анатолием Анатольевичем, а судья вышестоящего суда должен ограничиваться указанием фамилии и своих инициалов. Немного обидно за судей вышестоящих судов, поскольку, на наш взгляд, они заслужили большего уважения.

За период менее трех лет Костромской областной суд обратился в Конституционный Суд с восемью запросами, девятый запрос был направлен в день открытия 10-го, юбилейного Всероссийского съезда судей Российской Федерации, которому посвящена наша конференция. Все запросы связаны с применением норм КоАП по конкретным делам, находящимся в производстве судьи.

Из восьми рассмотренных запросов Конституционным Судом по трем запросам вынесены постановления, в которых признаны не соответствующими Конституции ряд положений КоАП, предложено федеральному законодателю внести изменения в действующее законодательство, указано на то, как необходимо рассматривать дело до внесения изменений в закон, определен порядок действий административного органа. По остальным пяти запросам вынесены определения «с позитивным содержанием», так называемые «положительные определения», в которых Конституционным Судом высказана позиция, непосредственно влияющая на судебную практику.

То есть те задачи, которые судья при направлении запросов, ставил перед собой, выполнены на 100 %. Главное здесь, конечно, не в личных амбициях судьи, а в том, что каждый запрос помогает моим коллегам принимать решения при правильном применении правовых норм, что в конечном итоге и обеспечивает единство судебной практики.

Так, Конституционный Суд согласился, что вопросы административного наказания по статье 12.21.1 КоАП за движение транспортного средства с превышением допустимой массы, разрешены без учета того, что субъектом данного правонарушения является собственник транспортного средства, а им может быть водитель, предприниматель, юридическое лицо, т. е. лица, имеющие явно различные финансовые и материальные условия. Поэтому установленное для собственника, независимо от того, кем он является, наказание (по части 1 – 150 000 рублей,

по части 2 – 300 000 рублей, по части 3 – 400 000 рублей, по части 6 – 500 000 рублей) Конституционный Суд признал несоразмерным и определил правила назначения наказания по данной статье.

Согласно статье 4.6 КоАП лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым этому наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения этого постановления. Вместе с тем при рассмотрении дела об административном правонарушении было установлено, что назначенный административный штраф был уплачен в половинном размере до вступления постановления в законную силу. Вследствие этого при рассмотрении дела об административном правонарушении встал вопрос, как исчислять срок, в который лицо считается подвергнутым административному наказанию: с момента вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания или с момента уплаты штрафа, если он был уплачен до вступления постановления в законную силу.

Конституционный Суд признал, что возможность двух альтернативных, но не лишенных оснований вариантов толкования положений статьи 4.6 КоАП не согласуется с принципом правовой определенности. Между тем неопределенность правовой нормы влечет ее неоднозначное понимание и, следовательно, возможность ее произвольного применения, а потому и нарушение принципа равенства, соблюдение которого может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями; неопределенность же ее содержания порождает опасность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных Конституцией Российской Федерации гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Выбирая из двух возможных вариантов, Конституционный Суд пришел к выводу, что необходимо исходить из конституционного принципа презумпции невиновности привлекаемого к административной ответственности лица, требующей толковать неустранимые сомнения в виновности этого лица в его пользу, и постановил, что для лиц, уплативших административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, срок, в течение которого такие лица считаются подвергнутыми административному наказанию, оканчивается по истечении года со дня уплаты назначенного им административного штрафа.

Очень интересное, хотя и неоднозначное определение вынесено Конституционным Судом по запросу Костромского областного суда, в котором Конституционный Суд признал, что определение судьи о передаче дела об административном правонарушении другому суду не подлежит обжалованию, обязательно для судьи, к которому поступило дело, а законность рассмотрения дела этим судом подлежит проверке вышестоящим судом по результатам обжалования итогового решения. То, что такие определения не подлежат самостоятельному обжалованию, является, безусловно, положительным решением по мно-

гим причинам. Но одновременно Конституционный Суд указал, что в любом случае нарушение правил подсудности является безусловным основанием для отмены вынесенного по делу итогового решения. То есть, если буквально воспринимать позицию Конституционного Суда, то определение судьи о передаче дела об административном правонарушении на рассмотрение по подведомственности является обязательным для судьи, которому оно передано и который обязан рассмотреть соответствующее дело и вынести постановление, даже при явной, не вызывающей сомнений ошибочности передачи дела этому судье, а вышестоящий суд в свою очередь обязан отменить это итоговое решение в силу нарушения правил подсудности. Уверен, что судья, который не вправе рассматривать дело, получив его от другого суда, обязан передать его по подсудности, тем более что КоАП содержит механизм этого. Считаем, что главное в этой ситуации – определиться с подсудностью дела в соответствии с законом. Правда, с учетом особенностей КоАП, это бывает в ряде случаев очень непросто. Поэтому в Костромской области разработан определенный механизм решения спорных вопросов по определению подсудности.

Нашу страну, как и весь мир, не обошел ковид. С целью предупреждения, в том числе данного заболевания, в КоАП введена статья 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения», которая содержит квалифицирующий признак повторность. При применении данной нормы встал вопрос о последствиях отмены установленных правил поведения, после совершения данного административного правонарушения. Так, на граждан постановлением Губернатора Костромской области была возложена обязанность использовать на объектах с массовым пребыванием людей медицинские маски. По находящемуся у судьи делу гражданин был привлечен к административной ответственности по статье 20.6.1 КоАП РФ за нарушение данного нормативного акта, но на момент рассмотрения дела постановление Губернатора в этой части было отменено в связи с улучшением санитарной обстановки. При этом судья мог бы ограничиться разъяснением Президиума Верховного Суда Российской Федерации в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции № 3, утвержденном 17 февраля 2021 года, о том, что в случае отмены бланкетной нормы, которой является постановление Губернатора, подлежат применению положения части 2 статьи 1.7 КоАП об обратной силе закона, отменяющего административную ответственность. Следовательно, постановление о назначении административного наказания подлежало отмене, а производство по делу прекращению.

Говоря об обеспечении единства судебной практики, нельзя не учесть, что у судьи есть свой взгляд и убеждения, судья выносит свои решения, опираясь не только на нормативные акты и тенденции правоприменительной практики, но и на свое внутреннее убеждение. При рассмотрении данного дела у судьи внутреннее убеждение не совпало с позицией Верховного Суда, что послужило основанием для обращения с запросом в Конституционный Суд.

Конституционный Суд признал, что поскольку нормы статьи 20.6.1 КоАП сохраняют юридическую силу, соответственно, ни признание утратившими силу правил, обязывающих граждан выполнять определенные действия в период режима повышенной готовности, ни даже последующая полная отмена решения о введении режима повышенной готовности не может являться основанием для применения закона, отменяющего административную ответственность. В противном случае установление административной ответственности в условиях специальных (временных) режимов может утратить свое правовое значение, так как будет предполагать освобождение от публично-правовой ответственности лиц, нарушающих специальные требования и ограничения, после отмены такого режима, при том, что соответствующая публично-правовая ответственность изначально устанавливается для обеспечения соблюдения вводимых временных ограничений. Кстати, данная позиция Конституционного Суда может быть интересна и для криминалистов, например, при оценке наличия, недавно введенного в УК РФ обстоятельства, отягчающего наказание, – совершение преступления в период мобилизации.

Но принятие Конституционным Судом данного определения не поставило точку, поскольку Верховным Судом при рассмотрении конкретных дел вновь была подтверждена позиция, изложенная в названном Обзоре судебной практики.

В новом запросе в Конституционный Суд судья Костромского областного суда указал, что с учетом конституционно-правовых статусов Верховного Суда Российской Федерации, призванного обеспечивать единство судебной практики, и Конституционного Суда Российской Федерации, являющегося высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, возникла неоднозначность и неясность правового регулирования. Проще говоря, наличие двух взаимоисключающих позиций высших судов ставит перед судьей некоторые трудности при принятии решения по конкретному делу.

Конституционный Суд, рассмотрев запрос и проанализировав решения Верховного Суда, вновь подтвердил свою позицию и указал на обязательность своего решения для всех судебных органов государственной власти.

Таким образом, решения Конституционного Суда являются источником права, формирующим судебную практику. Но при отсутствии запроса суда данный источник не даст целебной воды. Мы можем быть не удовлетворены позицией Конституционного Суда, который может не согласиться с доводами автора запроса. Но каждое его решение по такому обращению дает возможность судам одинаково толковать и применять норму права на территории всего государства, всегда это шаг вперед в вопросах применения материального и процессуального законодательства, а следовательно, несет только положительный эффект для формирования судебной практики.

Яковенко Елена Владимировна

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой

Университет прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

yakovenko.elena.vl@yandex.ru

Упрощенное производство в гражданском процессе: проблемы и пути совершенствования

В настоящей работе рассмотрены основные проблемы правового регулирования упрощенного производства в гражданском процессе. Автор обращает внимание на сложности квалификации дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, особенности рассмотрения дел и вынесения решений. На основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практики сделаны выводы о необходимости совершенствования процедур упрощенного производства в гражданском процессе с учетом наработанного опыта, что позволит повысить эффективность его применения.

***Ключевые слова:** упрощенное производство; исковое производство; виды судопроизводства; гражданский процесс; ст. 232.2 ГПК РФ.*

Yakovenko Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Head of the Department

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Simplified production in the civil process: problems and ways of improvement

In this paper, the main problems of legal regulation of simplified proceedings in civil proceedings are considered. The author draws attention to the complexity of the qualification of cases considered in the simplified procedure, the specifics of the consideration of cases and making decisions. Based on the analysis of scientific literature, legislation and judicial practice, conclusions are drawn about the need to improve simplified procedures in civil proceedings, taking into account the accumulated experience, which will increase the effectiveness of its application.

***Keywords:** simplified proceedings; claim proceedings; types of legal proceedings; civil procedure; article 232.2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.*

Институт упрощенного производства в гражданском процессуальном законодательстве является относительно новым, был введен в ГПК РФ в 2016 году с учетом уже накопленного опыта рассмотрения дел в упрощенном порядке арбитражными судами.

Следует согласиться с тем, что упрощенное производство представляет собой подвид искового производства, направленный на ускорение рассмотрения и разрешения дел в суде. Категории дел, отнесенных законом к делам уп-

рощенного производства, обобщенно можно охарактеризовать следующими признаками: относительно просты по содержанию; незначительны по стоимости; обязательным их элементом является наличие спора о праве, что в целом характерно для дел искового производства.

Практика применения положений об упрощенном производстве в судах общей юрисдикции показала наличие многих проблем, требующих решения.

Одна из таких проблем заключается в разграничении дел упрощенного производства и дел, которые должны рассматриваться в ином порядке.

Статья 232.2 ГПК РФ указывает, какие споры подлежат рассмотрению в упрощенном производстве. Среди них можно выделить две группы:

1. Дела, которые рассматриваются в порядке упрощенного производства независимо от желания сторон. К таким отнесены:

– имущественные требования о взыскании денежных средств или об истребовании имущества или признании права собственности, если цена иска не превышает сто тысяч рублей;

– требования, основанные на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору. В этом случае цена иска не имеет значения.

Соответственно для констатации возможности перехода к упрощенному производству судье необходимо правильно квалифицировать заявленные требования. Во-первых, необходимо определить его природу – является оно имущественным или неимущественным. По общему правилу в упрощенном производстве подлежат рассмотрению только требования имущественного характера. Исключение составляют случаи, когда исковое заявление содержит в себе одновременно требования имущественного и неимущественного характера, при этом суд не выделил неимущественные требования в отдельное производство. Примером является требование о компенсации морального вреда, если оно заявлено совместно с требованием о взыскании денежных средств, в частности по спорам о защите прав потребителей, трудовым спорам и т. п. Во-вторых, необходимо правильно определить цену иска. Неверное определение цены иска может приводить к ошибкам в выборе порядка судопроизводства и впоследствии к отмене судебного решения. При этом должна учитываться общая сумма всех требований, заявленных в иске.

Цена иска не имеет значения, если заявленные требования признаются ответчиком или подтверждены такими документами, которые содержат письменное подтверждение ответчиком наличия у него задолженности перед истцом (например, согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» в качестве таких документов могут выступать расписка, подписанная ответчиком, ответ на претензию, подписанный сторонами акт сверки расчетов и т. п.) [3]. Если представленные документы подтверждают только часть задолженности, а остальная часть требований, которая не подтверждена такими до-

кументами, не превышает сто тысяч рублей, дело также может рассматриваться в порядке упрощенного производства, поскольку соответствует критериям п. 1 ст. 232.2 ГПК РФ в их системе.

Несмотря на достаточно развернутое толкование, данное Пленумом Верховного Суда РФ, в судебной практике встречаются ошибки, связанные с применением подп. 3 п. 1 ст. 232.2 ГПК РФ. Так, например, Центральным районным судом города Тюмени Тюменской области было вынесено решение на основании подп. 3 п. 1 ст. 232.2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства об обращении взыскания на заложенное имущество. Постановлением Президиума Тюменского областного суда от 28 марта 2019 г. указанное решение было отменено, при этом суд кассационной инстанции указал, что в соответствии с данной статьей в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению иски, основанные на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика. Требование об обращении взыскания на заложенное имущество является способом обеспечения исполнения обязательств при условии возникновения определенных к тому оснований, следовательно, по мнению Президиума областного суда, не может быть рассмотрено в порядке упрощенного производства [5].

Неоднократно встречаются случаи, когда решения, вынесенные в порядке упрощенного производства, были отменены постановлением суда кассационной инстанции в связи с неверным определением суммы требований и отсутствия подтверждающих задолженность документов [см., например, 6; 7].

2. В порядке упрощенного производства могут быть рассмотрены и иные дела, вне зависимости от его характера и стоимости, если стороны заявят соответствующее ходатайство и выразят согласие на переход к упрощенному производству.

При этом в судебной практике также встречаются ошибки в применении данных положений. Так, Президиум Ростовского областного суда отменил решение и апелляционное определение нижестоящих судов вследствие нарушения порядка перехода к рассмотрению дела в упрощенном производстве, указав, что согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например, следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон. Отсутствие возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства само по себе не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке [4].

Помимо проблем, связанных с разграничением различных категорий гражданских дел и определения возможности применения правил упрощенного производства, возникают вопросы в части процессуального порядка рассмотрения дел.

Переход к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства возможен либо на этапе вынесения определения о принятии иска к производству (в соответствии с п. 1 ст. 232.2 ГПК РФ), либо при подготовке дела к судебному разбирательству (в соответствии с п. 2 ст. 232.2 ГПК РФ).

Переход к рассмотрению дела в упрощенном производстве оформляется судебным определением. При этом в случае несогласия стороны с данным определением, оно не может быть обжаловано в апелляционную инстанцию в качестве самостоятельного судебного акта, поскольку такое определение не препятствует дальнейшему движению дела, и возможность его обжалования законом не предусмотрена.

Следует согласиться, что «в условиях существующих осложнений в применении критериев разграничения дел по видам (подвидам) производства участвующим в деле лицам должно быть предоставлено право обжаловать определение суда о принятии искового заявления (заявления) к рассмотрению в порядке упрощенного производства отдельно от решения. Выявление и устранение ошибок судов первой инстанции, заключающихся в неправильном определении процессуального порядка рассмотрения дела, до вынесения решения отвечает требованиям процессуальной экономии и может способствовать более быстрому разрешению спора» [8, с. 11]. Таким образом, представляется целесообразным включение в ст. 232.3 ГПК РФ прямого указания на возможность обжалования определения о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства отдельно от судебного решения.

По результатам рассмотрения дела в упрощенном производстве суд выносит резолютивную часть решения и направляет его лицам, участвующим в деле (ст. 232.4 ГПК РФ). Вынесение мотивированного решения по делам упрощенного производства возможно только в случаях:

- если лица, участвующие в деле, подадут соответствующее заявление в установленные сроки;
- если на решение подана апелляционная жалоба или апелляционное представление;
- по инициативе суда.

Последнее основание указано в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» и, по сути, дополняет положения ГПК РФ несмотря на то, что судебные органы не обладают правотворческими функциями.

Для обжалования судебного решения, вынесенного в порядке упрощенного производства, также установлены особые правила: сокращение сроков обжалования, рассмотрение в апелляционной и кассационной инстанциях жалобы судьями единолично и без вызова сторон и т. д. По действующему законодательству отмена решений, вынесенных в упрощенном порядке, возможна только в инстанционном порядке, в отличие от заочного производства. Вместе с тем в литературе встречается мнение, что это является пробелом в законодательстве, и предлагают еще более упростить процедуру, установив возможность отмены такого решения тем же судом, который его вынес, позаимствовав подобные положения из Кодекса административного судопроизводства [1, с. 120].

Представляется, что закрепление подобной конструкции в гражданском судопроизводстве нецелесообразно. Основания отмены судебного акта вынес-

шим его судом обычно сводятся к выявлению обстоятельств, которые не были известны на момент рассмотрения дела (в заочном производстве – уважительность причин неявки ответчика и существенные для дела факты; в приказном производстве – спорность правоотношений). Однако упрощенное производство в гражданском процессе предполагает всестороннее рассмотрение дела с соблюдением принципа состязательности, изучением обстоятельств дела и доказательств. Выявление же судебных ошибок как в части фактической, так и в части юридической является прерогативой вышестоящих инстанций, что позволяет обеспечить объективность вынесенных судебных постановлений.

В целом следует отметить, что институт упрощенного производства в ГПК РФ урегулирован достаточно поверхностно, рамочно, в связи с чем сложилась ситуация, когда постановление Пленума Верховного Суда РФ дает не просто расширительное толкование указанным нормам, а по сути вводит новые правила рассмотрения дел в упрощенном порядке, дополняющие и развивающие положения ГПК РФ.

Авторы, занимающиеся изучением особенностей упрощенного производства в гражданском процессе, отмечают, что такие дела составляют очень низкий процент от общей массы рассматриваемых гражданских дел (около 1 %). В последнее время можно проследить незначительную тенденцию к их увеличению, однако говорить о широком применении данного института пока рано [1, с. 120; 2, с. 24].

Все вышеизложенное означает необходимость дальнейшей работы по совершенствованию законодательных положений об упрощенном производстве, при этом всегда нужно помнить о важности соблюдения баланса между упрощением процедур и качеством правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Береговский М. С. Упрощенное производство как институт гражданского процессуального права в России // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 5. С. 116–123.

2. Имансакипова А. О. Проблемы и перспективы развития приказного и упрощенного судопроизводства // Правосудие на современном этапе. Новые вызовы времени : сборник материалов национальной научно-практической конференции (г. Чита, 21 сентября 2022 г.). Чита : Забайкальский государственный университет, 2022. С. 23–26.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 24.11.2022).

4. Постановление Президиума Ростовского областного суда № 44Г-29/2019 4Г-45/2019 4Г-5849/2018 от 21 марта 2019 г. по делу № 2-2035/2018. URL: [https:// sudact.ru/regular/doc/WFEoURW9jX5v/](https://sudact.ru/regular/doc/WFEoURW9jX5v/) (дата обращения: 26.11.2022).

5. Постановление Президиума Тюменского областного суда № 44Г-10/2019 4Г-134/2019 4Г-2104/2018 от 28 марта 2019 г. по делу № 2-8042/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jUQW0oiYkioH/> (дата обращения: 26.11.2022).

6. Постановление Президиума Ленинградского областного суда № 44Г-42/2019 4Г-551/2019 от 25 июня 2019 г. по делу № 2-4533/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RIWSiiKdDv1v/> (дата обращения: 26.11.2022).

7. Постановление Президиума Ростовского областного суда № 44Г-98/2019 44-Г-98/2019 4Г-2870/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 2-129/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W6MehgmA6b1v/> (дата обращения: 26.11.2022).

8. Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2021. 25 с.

СЕКЦИЯ 2

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

УДК 343.233

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Необходимая оборона как институт обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний

В данной статье проанализированы положения уголовного законодательства о необходимой обороне и рассмотрена его роль как института обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний. Проанализированы различные точки зрения на этот институт.

***Ключевые слова:** наказуемость деяния, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния.*

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Necessary defense as an institution of circumstances, excluding criminality and punishability of acts

This article analyzes the provisions of the criminal legislation on necessary defense and examines its role as an institution of circumstances that exclude criminality and punishability of acts. Various points of view on this institution are analyzed.

***Keywords:** punishability of the act, necessary defense, circumstances excluding the criminality of the act.*

Как известно, современное уголовное законодательство, в целях обеспечения реализации положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, в которой говорится о том, что «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», содержит ряд норм, определяющих некоторые

деяния не преступными, а наоборот общественно полезными. В данном случае мы ведем речь о деяниях, совершаемых при обстоятельствах, исключающих их преступность, следовательно, и их наказуемость. К числу таких обстоятельств законодатель отнес необходимую оборону (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ), физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41) и исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Социально-правовое значение перечисленных обстоятельств заключается в том, что посредством их реализации соответствующими должностными лицами и гражданами, в определенной мере, обеспечивается защита законных прав и интересов общества, государства и личности от общественно опасных посягательств. Кроме того, эти обстоятельства способствуют укреплению законности, правопорядка и безопасности общества, государства и граждан.

Несмотря на то, что действия лиц, совершенные при таких обстоятельствах, сопряжены с причинением вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам, закон признает их не преступными. Тем самым, признавая действия при необходимой обороне и других обстоятельствах не преступными, законодатель создал благоприятные условия для вовлечения не только сотрудников правоохранительных органов, но и широких масс общественности (граждан) в борьбу с преступностью.

В процессе пресечения общественно опасного посягательства или при устранении опасности, грозящей от иных источников, возникает опасность причинения вреда лицу, создавшему такую опасность, что внешне может напоминать деяние, запрещенное конкретной статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, однако в силу того, что этот вред причиняется в целях предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства, запрещенного той или иной статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, такие действия признаются не преступными в связи с тем, что в них отсутствует один из основных материальных признаков преступления – общественная опасность. В силу этого закон не просто провозглашает право на необходимую оборону, но предусмотрел правила его реализации, с определением того, что нарушение таких правил влечет за собой преобразование общественно полезных действий в общественно опасные и преступные.

Следовательно, если при расследовании факта причинения вреда, будет установлено, что имело место обстоятельство, исключающее преступность деяния, и при этом соблюдены правила правомерности причинения вреда, то в отношении этого лица должно быть прекращено уголовное преследование.

Если же вред причинен при превышении пределов либо при нарушении правил допустимости причинения вреда, предусмотренных нормами уголовного закона при подобных обстоятельствах, то налицо факт превышения допустимости причинения вреда, который подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке и может послужить основанием для наступления уголовной ответственности лица, нарушившего условия правомерности причинения вреда.

Говоря об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, представляется правильным определиться с понятийным аппаратом таких обстоятельств. В частности, в учебной литературе можно встретить следующее определение понятию обстоятельства, исключающего преступность деяния – это «общественно полезные и целесообразные действия, направленные на устранение угрозы, созданной для существующих общественных отношений» [1].

Представляется интересным определение обстоятельств, исключающих преступность деяния, данное А. В. Никуленко: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния – это предусмотренные уголовным законом, объективные основания правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершаемые для защиты иных более значимых правоохраняемых интересов или достижения общественно полезных целей» [2].

Как нам представляется последнее определение более полно отражает содержание таких обстоятельств. Однако, по нашему мнению, уголовный закон не предусматривает те или иные правила – он их устанавливает, следовательно, обстоятельства, исключающие преступность деяния – это установленные уголовным законом основания правомерного причинения вреда охраняемым этим законом интересам, совершаемые для защиты законных прав и интересов личности, общества и государства, либо достижения иных общественно полезных целей.

Анализ законодательной деятельности обуславливает вывод о том, что законодатель постоянно особо выделяет значимость таких обстоятельств в деле обеспечения безопасности и правопорядка в государстве, во главе которых ставит необходимую оборону. Однако следует отметить его некоторое непостоянство с определением понятия «необходимая оборона».

Анализируя положения диспозиций статей 37 и 13 уголовных кодексов Российской Федерации и РСФСР соответственно, можно увидеть, что диспозиции первых частей не претерпели смыслового изменения, однако текст этих норм систематически меняется. Так, если в диспозиции ч. 1 ст. 13 УК РСФСР (в редакции до 1 июля 1994 г.) указывалось: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [3]. То после вступления в силу Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» текст части 1 статьи 13 претерпел серьезные изменения и излагался в следующей редакции: «Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» [4].

Что же касается Уголовного кодекса Российской Федерации, то изначально, в ч. 1 ст. 37 УК РФ (в редакции от 24 мая 1996 г.) было изложено следующее: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [5].

Продолжая анализ обозначенных норм, мы видим, что в ч. 2 ст. 13 УК РСФСР (в редакции до 1 июля 1994 г.) законодатель указывал: «Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства». После внесения изменений и дополнений в эту статью 1 июля 1994 года, положения о превышении пределов необходимой обороны были закреплены в части 3 следующим образом: «Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» [3].

Вместе с тем после вступления в силу Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» текст статьи 13 претерпел серьезные изменения как структурно, так и содержательно, и излагался в следующей редакции:

«Статья 13. Необходимая оборона

Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» [4] (Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109).

Относительно внесенного изменения в содержание части первой статьи 13 УК РСФСР представляется справедливым критическое замечание уважаемого профессора Э. Ф. Побегайло, указывающего на то, что «попытка конкретизировать норму о необходимой обороне указанием на то, что обороняющийся вправе причинить любой вред посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для его жизни или жизни другого лица либо с непосред-

венной угрозой применения такого насилия, была явно неудачной. Она породила сомнения в правомерности лишения жизни, посягающего при совершении им преступлений, не сопряженных непосредственно с угрозой жизни потерпевшего (например, при угрозе причинения тяжкого вреда здоровью, изнасиловании, нарушении неприкосновенности жилища, похищении человека, посягательстве на охраняемые объекты собственности, вымогательстве и проч.)» [6].

Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции от 24 мая 1996 г.) в ч. 3 ст. 37 УК РФ, привел следующее определение превышению пределов необходимой обороны: «Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства», фактически продублировав положения ч. 2 ст. 13 УК РСФСР (в редакции до 1 июля 1994 г.) [5].

Изучение действий законодателя по реформированию положений, регулирующих право на необходимую оборону, обосновывает вывод о том, что эта норма регулярно подвергается изменениям или дополнениям.

Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (в редакции от 24 мая 1996 г) законодатель изложил текст статьи 37 «Необходимая оборона» в следующей редакции: «1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

2. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

3. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» [5].

Однако в такой редакции норма просуществовала до принятия 14 марта 2002 г. федерального закона №29-ФЗ. С принятием этого закона текст статьи 37 стал выглядеть следующим образом:

«1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

3. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного

положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» [7].

И в этой редакции текст просуществовал не продолжительное время. После принятия, 8 декабря 2003 г., Федерального закона № 162-ФЗ, содержание этой статьи дополнилось частью 2.1 в следующей редакции: «2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» [8].

Следующие изменения в эту статью внесены Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, после принятия которого эта статья была изложена в следующей редакции:

«Статья 37. Необходимая оборона

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

3. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» [9]. Данные положения действуют по настоящее время».

Вместе с тем, как показывает практика, все, вносимые изменения в содержание текстов статей уголовных кодексов РСФСР и Российской Федерации о необходимой обороне не вносили особой ясности, позволившей бы правоприменителю безошибочно толковать ее содержание, следовательно, правильно квалифицировать действия лица, оказавшегося как в состоянии явной необходимой обороны, так и в состоянии мнимой необходимой обороны.

В связи с чем в целях единообразного применения норм о необходимой обороне, высшая судебная инстанция Союза ССР и Российской Федерации, на основе анализа судебной практики по вопросам применения судами законодательства, обеспечивающего реализацию права на необходимую оборону от общественно опасных посягательств принимала соответствующие постановления.

Так, 23 октября 1956 г. Пленумом Верховного Суда СССР было принято постановление № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным

с применением законодательства о необходимой обороне». 4 декабря 1969 г. Пленум Верховного Суда СССР принимает постановление № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне». Следующее такое постановление принимается Пленумом Верховного Суда СССР 16 августа 1984 г. за № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». В настоящее время действует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, в редакции (от 31 мая 2022 г.) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Проводя анализ содержания названных постановлений, представляются справедливыми критические замечания авторов Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации, указывающих на определенную непоследовательность высшей судебной инстанции, которые указывают на то, что: «в ряде постановлений по конкретным уголовным делам (дело Ильяного и др.) Пленум Верховного суда СССР справедливо указывал: „Положения закона о необходимой обороне в равной степени распространяются на работников милиции, как и на всех граждан, и никаких повышенных требований к необходимой обороне работника милиции от нападения на него не устанавливаются“» [10].

В то же время в постановлении «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» от 16 августа 1984 г. Пленум Верховного Суда СССР занял по этому вопросу иную позицию. Так, в п. 4 указанного постановления говорится, что работники правоохранительных органов «не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягающему... если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основание и порядок применения силы и оружия» [10].

Между тем по своей правовой природе оборона от преступного посягательства, с одной стороны, и нарушение при этом правил применения физической силы, специальных средств и оружия – с другой, самостоятельные и качественно разные действия, которые требуют отдельной юридической оценки. Рассматривать требования нормативных актов, предусматривающих порядок применения силы и оружия, как дополнительные условия правомерности необходимой обороны – значит существенно ограничить право на самооборону для сотрудников органов правоохраны» [10].

Наши оппоненты по этому поводу могут сказать, что в настоящее время в ст. 19 Федерального закона «О полиции», наряду с тем, что в ч. 1 данной статьи приведены условия правомерности применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, обязывающие его выполнить предупредительные действия о непосредственном их применении, в ч. 2 существуют дополнительные указания на то, что «Сотрудник полиции имеет право не предупреждать о своем намерении применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, если промедление в их примене-

нии создает непосредственную угрозу жизни и здоровью гражданина или сотрудника полиции либо может повлечь иные тяжкие последствия», при этом законодатель не приводит разъяснений, что следует относить к «иным тяжким последствиям» [11]. Эту проблему попытался прояснить Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 28 названного выше постановления от 27 сентября 2012 г. № 19, в редакции от 31 мая 2022 г.: «Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением установленного действующим законодательством порядка их применения, если исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия (экологическую катастрофу, совершение диверсии и т. п.)» [12]. По нашему мнению, приведенные разъяснения не вносят полной ясности и существенно ограничивают правомочия сотрудника правоохранительного органа, находящегося в состоянии необходимой обороны, когда, например, происходит посягательство на половую неприкосновенность или на здоровье человека, несколькими посягателями или даже одним, с которым сотруднику полиции без непосредственного применения оружия или иных специальных средств в одиночку не справиться.

Кроме этого, остается не ясным, как быть сотруднику правоохранительного органа в ситуации, когда ему лично необходимо защититься от посягательства на его жизнь или здоровье, так как в данном случае, речь не идет об «экологической катастрофе или о совершении диверсии», а также нет непосредственной угрозы жизни людей, так как он является сотрудником правоохранительного органа и его жизнь, в подобных ситуациях не относится к категории «жизнь людей».

Такое, как нам представляется, стало возможным в силу того, что до настоящего времени существует, как справедливо отмечает в своей докторской диссертации А. В. Никуленко, не безупречность законодательной техники соответствующих формулировок статей, содержащихся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, усугубляющееся проблемой согласования с ними положений иных нормативных правовых актов, регламентирующих причинение вреда охраняемым законом интересам (в частности, Федеральных законов «О полиции», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности» и др.) [2].

В данном случае мы согласны с предложением А. В. Никуленко, который рекомендует исключить из некоторых нормативных правовых актов основания причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, оставив таковую возможность лишь для случаев, прямо предусмотренных уголовным законом. Так как только уголовный закон определяет, какое деяние является преступным или не является таковым. Реализация этих предложений, как представляется, приведет к тому, что причинение правомерного вреда при выполнении правоохранительной функции сотрудниками «силовых» структур или гражданами будет подлежать исключительно уголовно-правовой оценке и проверяться лишь на соответствие нормам Уголовного кодекса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М. : Юрид. лит., 1994. 222 с.
2. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: Концептуальные основы уголовно правовой регламентации : автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб. : С.-Петербур. ун-т МВД РФ, 2019. 47 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР (в ред. закона РФ от 27 сентября 1993 г. № 5668-1). URL: <http://www.fogrin.narod.ru/text/normaold/uk93.htm> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Уголовный кодекс РСФСР (в ред. от 18 июля 1995 г. № 109-ФЗ). URL: <https://legalacts.ru/kodeks/ugolovnyi-kodeks-rsfsr-utv-vs-rsfsr-27101960/> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ). URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5149509> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общей ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 1999. С. 76.
7. О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17913> (дата обращения: 25.11.2022).
8. О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20290> (дата обращения: 25.11.2022).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г., утвержден Сов. Фед. 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ] (в ред. от 21 ноября 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b5267e54e246ea6638ee31beff44931ebd331eae/ (дата обращения: 25.11.2022).
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. / Ю. И. Скуратов. URL: <https://laws.studio/pravo-rossii-ugolovnoe/statya-neobhodimaya-oborona-64348.html> (дата обращения: 25.11.2022).
11. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (в ред. от 7 декабря 2011 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 25.11.2022).
12. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 25.11.2022).

Назаров Илья Александрович

заместитель председателя Димитровского районного суда г. Костромы
г. Кострома, Российская Федерация
dimitrovsky.kst@sudrf.ru

**Практика применения судами положений уголовного закона
о необходимой обороне. Вопросы квалификации превышения
пределов необходимой обороны**

Статья посвящена вопросам квалификации превышения пределов необходимой обороны судебными органами Российской Федерации, понятию пределов необходимой обороны. Рассмотрено такое понятие, как реальность посягательства. Автор проанализировал судебную практику по этой проблеме.

***Ключевые слова:** квалификация превышения пределов необходимой обороны, необходимая оборона, уголовное наказание.*

Nazarov Ilya Aleksandrovich

deputy chairman of the Dimitrovsky district court of Kostroma
Kostroma, Russian Federation

**The practice of applying the provisions of the criminal law
on necessary defense by the courts.**

Questions of qualification of exceeding the limits of necessary defense

The article is devoted to the issues of qualification of exceeding the limits of necessary defense by the judicial authorities of the Russian Federation, the concept of the limits of necessary defense. Concepts such as the reality of encroachment are considered, the author analyzed judicial practice on this problem.

***Keywords:** qualification of exceeding the limits of necessary defense, necessary defense, criminal punishment.*

За последние 20 лет в Димитровском районном суде г. Костромы положения уголовного закона о необходимой обороне применялись по 4 уголовным делам. В 3 случаях была переквалификация с ч. 1 ст. 105 на ч. 1 ст. 108 УК РФ и один раз с п. «з» ч. 1 ст. 111 на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Проведенный анализ приговоров показал, что имеет место актуальность обсуждения вопроса о том, нужно ли в законе вообще понятие превышения пределов необходимой обороны.

Так, в трех случаях были нападения физически превосходящих агрессивных мужчин на женщин, одну из которых пытались изнасиловать, вторую жестоко избивали в области жизненноважных органов. Обороняясь, женщины ножами, случайно оказавшимися под рукой, нанесли телесные повреждения напа-

давшим. В третьем случае женщина защищала мать от агрессивного родственника, который до этого бил тетю осужденной и за которую заступилась мать. В результате обороны женщина ударила потерпевшего ножом. В последнем случае потерпевший бил осужденного молотком и гаечным ключом по голове, после чего были нанесены нападавшему удары ножом.

Главной причиной признания превышения пределов необходимой обороны являлся вывод: «ведь в руках у нападавшего ничего не было и можно было другим способом остановить его», т. е. якобы не было такого обязательного основания для обороняющегося как соразмерность. А в случае с молотком и гаечным ключом мотивировка суда сводилась к простой констатации факта превышения пределов необходимой обороны без указания, в чем это выразилось.

И вот тут возникает вопрос, как может лицо в явно стрессовой ситуации, которая тормозит сознательную интеллектуальную деятельность, в момент нападения или в краткий период времени, предшествовавший ему, скрупулезно оценить действия нападающего как перспективно реально опасные.

Обороняющийся практически всегда не может адекватно оценить опасность посягательства. Убедительно опровергнуть это взглядом со стороны, хоть и судейским, крайне затруднительно. И если не через сугубо субъективное усмотрение, а доказательно возможно, то, наверное, только через проведение психолого-психиатрической экспертизы, на разрешение которой будут поставлены такие вопросы:

– находился ли подсудимый в сильном эмоциональном возбуждении, вызванном действиями потерпевшего?

– если находился, то тормозило ли данное сильное эмоциональное возбуждение сознательную интеллектуальную деятельность, создавало ли напряжение, стрессовую импульсивность, в результате чего лицо не могло правильно оценить степень опасности посягательства?

В одном из упомянутых уголовных дел потерпевший избивал кулаками по голове тетю осужденной девушки. Потом мать девушки оттолкнула мужчину, чтобы прекратить избиение сестры. Тот встал и крайне агрессивно стал двигаться в сторону матери, очевидно, намереваясь причинить ей вред. Девушка встала между ним и матерью и нанесла удар ножом. В данном случае в такой ситуации девушка, не имеющая понятий о категориях преступлений, за секунды не могла абсолютно правильно оценить перспективу дальнейших действий нападавшего, точно спрогнозировать, что он будет делать: покажет кулак, даст пощечину или убьет женщину. Она не могла мысленно квалифицировать совершаемое общественно опасное посягательство и исключительно точно оценить характер и степень общественной опасности такого посягательства.

Или в случае с попыткой изнасилования. Как юридически неграмотная женщина для мгновенного правильного с точки зрения юриспруденции выбора соразмерности своих защитных действий могла спрогнозировать точно, что дальше будет делать нападавший, находящийся в состоянии алкогольного опьянения: только покусится на ее половую свободу или пойдет дальше и попыта-

ется избить ее, изуродовать, лишить ее жизни. При этом ранее на ее глазах в том же безлюдном месте он беспричинно обломком кирпича наносил умышленно удары в голову спящему знакомому.

Таким образом, полагаем, что если имело место понимание причинения очевидно неоправданного вреда, то субъект должен нести ответственность за обычное умышленное преступление с допусаемым смягчающим обстоятельством – противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом к совершению преступления. При определенных условиях возможно признание такого смягчающего обстоятельства как совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны.

Если же у лица не было и не могло быть понимания причинения очевидно неоправданного вреда, то имела место необходимая оборона с освобождением от уголовной ответственности без всякого превышения ее пределов. Если право на оборону было, то причинение любого вреда должно быть правомерным.

В поддержку такой позиции говорит и судебная практика. За последние 10 лет в Димитровском районном суде г. Костромы доводы защиты о необходимой обороне часто звучат там, где были конфликты, перерастающие в драки, причинение телесных повреждений. Суд, кроме указанных 4 дел, всегда исходил из очевидности неоправданного вреда и осуждал за умышленные преступления. А по делам, аналогичным четырем описанным, как представляется, надо выносить оправдательные приговоры. На это же косвенно указывает позиция государственных обвинителей, которые по 2 уголовным делам сами переквалифицировали действия подсудимых, и суд согласился с этим, не стал оправдывать. По сути, в подобных случаях обвинение использует статьи УК РФ о превышении пределов необходимой обороны как подстраховку от вынесения оправдательных приговоров, которые являются до сих пор чрезвычайным происшествием в правоохранительной системе с негативными последствиями в виде дисциплинарной ответственности, лишения премий и т. д.

Хотелось бы также отметить, что законодатель сузил причины введения в психологическое состояние обороняющегося, превышающего пределы необходимой обороны, временным понятием «неожиданность нападения», в результате чего лицо не может оценить степень и характер опасности нападения.

Если нападение буквально «ожидаемое», то получается ч. 2.1 ст. 37 УК РФ не применяется.

Однако представляется, что важны не ожидаемость нападения или его неожиданность, а наличие сильного душевного, эмоционального возбуждения и стрессовая импульсивность при которых лицо не может оценить соответствие причиняемого вреда опасности посягательства и обстановке защиты, что и должно быть прописано в законе.

Яблонцева Ирина Викторовна

судья Буйского районного суда Костромской области

г. Кострома, Российская Федерация

buisky.kst@sudrf.ru

Становление и развитие законодательства о необходимой обороне

Статья посвящена истории возникновения и развития законодательства о необходимой обороне, в том числе в России. Сделан вывод о расширении в законодательстве понятия уголовно-правой нормы о необходимой обороне, которая является гарантией реализации конституционных прав граждан. В действующем уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: древнерусское право, история, необходимая оборона, развитие норм права, советское право, уголовное право.

Yablontseva Irina Viktorovna,

judge of the Buisky district court of the Kostroma region

Kostroma, Russian Federation

Formation and development of legislation on necessary defense

The article is devoted to the history of the emergence and development of legislation on necessary defense, including in Russia. The conclusion is made about the expansion in the legislation of the concept of the criminal law norm on necessary defense, which is a guarantee of the realization of the constitutional rights of citizens. In the current criminal legislation, the necessary defense is considered as one of the circumstances precluding the criminality of the act.

Keywords: Old Russian law, history, necessary defense, development of legal norms, Soviet law, criminal law.

Законодательно закрепленное право на необходимую оборону представляет собой реализацию в законе естественного права человека. Такое законодательное решение характеризует закон как справедливый и гуманный. В качестве института уголовного права необходимая оборона имеет давнюю историю, являясь одним из первых уголовно-правовых институтов. О праве на необходимую оборону говорилось с самых древних веков.

Уже древнеиндусское право законами Ману (1200–200 гг. до н. э.) четко формулировало правило об оправданном убийстве при защите от посягательства на чью-либо жизнь. Лишение жизни в качестве акта необходимой обороны разрешалось как для самозащиты, так и для защиты некоторых других лиц, а именно: женщины и браминов. Причем такого рода убийство считалось не только правом, но и обязанностью обороняющегося, которую он должен был выполнить без колебания. Вместе с тем оборона допускалась только в защиту жизни, о защите имущества в них ничего не говорилось [2].

По египетским законам оборона также была не только правом, но и обязанностью третьих лиц. По этим законам смертной казнью карался тот, кто видел убийство и не защитил, имея на то возможность. В случае невозможности помочь потерпевшему он должен был донести об этом судебной власти, при неисполнении чего подвергался телесному наказанию и трехдневному лишению пищи.

В Римском законодательстве XII таблиц также разрешалось убийство ночного вора. Кроме того, можно было убить вора, совершившего кражу днем и оказавшего вооруженное сопротивление при поимке. Таким образом, уголовное право Древнего Рима с исключительной откровенностью любыми средствами, вплоть до ничем не прикрытого насилия, защищало частную собственность и систему рабства и содержало некоторые особенности, резко отличавшие его от уголовного права других рабовладельческих государств.

«Бывают случаи, – говорил Цицерон, – и эти случаи не редки, когда человек имеет право жизни над себе подобным. И если это право справедливо, если оно когда-либо является необходимостью, то это в том случае, когда приходится силу отражать силою. Неужели, – далее говорил Цицерон, – смерть, которая поражает разбойника, убийцу, может считаться несправедливою?» [2].

Исторически интересными представляются следующие положения германского законодательства, относящиеся к необходимой обороне:

1) если убивший другого в необходимой обороне сам принесет его на суд, он считается совершенно правым и освобожденным от суда;

2) если он не принесет трупа, а явится один на суд, но раньше чем кто-нибудь успеет обвинить его в убийстве, то его нельзя присудить к смертной казни, но он обязан заплатить пеню за убитого в пользу родственников его (которые троекратно вызываются к суду) или выйти с ними на суд Божий;

3) если тело убитого будет принесено в суд прежде явки оборонявшегося, то он обвиняется в убийстве, влекущем за собою смертную казнь, и чтобы оправдаться, должен представить семь свидетелей своей необходимой обороны. При этом каждый родственник убитого может, отвергнув показание этих семерых свидетелей, требовать суда Божия. Если убивший выйдет из судебного поединка победителем, то обязан только заплатить пеню за убийство и делается свободен от всякого преследования. Но если он будет побежден, то наказывается как убийца злоумышленный.

Необходимая оборона как правовой институт в России существует более десяти столетий. Развитие института необходимой обороны в России также шло непростым путем, он развивался и видоизменялся в зависимости от целого ряда условий, диктуемых существовавшим в разные времена уровнем общественного развития. Метод исторического анализа позволяет выявить тенденции развития отечественного уголовного законодательства и прогнозировать его совершенствование в перспективе.

А. Ф. Кони в своих рассуждениях о необходимой обороне указывает, что «во все периоды нашего законодательства, как древнего, так и нового, существовало понятие о необходимой обороне, и можно ясно видеть, что право это развивалось постепенно и последовательно» [1].

Можно выделить несколько этапов развития данного института в отечественном уголовном законодательстве.

Ряд российских ученых считает, что право необходимой обороны начало зарождаться в древней Руси, с 911 года, когда князь Олег заключил первый договор с Византией, который определял наказание за уголовные преступления, правила ведения судебного процесса и наследования. Так, в договоре содержалась статья, которая предоставляла право хозяину на месте преступления убить вора, который оказывает сопротивление на месте задержания. Ряд ученых придерживался мнения, что право необходимой обороны было переплетено с обычаями кровной мести, что не позволяло выделить ее в отдельный институт (Г. С. Фельдштен) и только с попытками ограничения права мести встречаются отдельные постановления об обороне. Так, в Русской Правде было закреплено право «убить вора на месте преступления». Вместе с тем действия обороняющегося от нападения, угрожающего его жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, не были связаны с установлением каких-либо пределов, ограничивающих естественное право защитить себя от грозящей опасности.

Вопрос о необходимой обороне был проработан в Соборном Уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича. Допускалось право на необходимую оборону – защиту личности, имущества и чести. Характерной его особенностью было то, что оборона обуславливалась почти исключительно противозаконным нападением. Если на обороняющегося нападали, то он пользовался полным правом защиты себя, вплоть до убийства нападающего. Уложение позволяло оборонять не только свои права, но и права посторонних лиц, не запрещалось убийство вора, пойманного с поличным. При этом Соборное Уложение 1649 г., уделяя регламентации необходимой обороны достаточно большое внимание, не употребляло в то же время понятие «необходимая оборона», по мнению большинства ученых именно в этом законодательном памятнике сформировался в общих чертах институт необходимой обороны, хотя он и не содержал данного понятия.

В дальнейшем российское уголовное право стало тяготеть к принципам немецкого законодательства, сужались рамки права на необходимую оборону, что нашло проявление в реформах Петра I.

Нормативным актом России, где содержались статьи о необходимой обороне, стал Воинский Устав Петра Великого 1715 г., который ограничивал применение необходимой обороны дополнительными требованиями, не вызываемыми необходимостью, ставя обороняющегося в невыгодное положение перед нападающим. Еще более строго к регулированию необходимой обороны подошел Морской Устав 1720 г., который отличался суровыми постановлениями. Тогда впервые появился термин «нужное оборонение» [2]. Наличие обороны обуславливалось тем, что нападение должно быть: противозаконным, насильственным, беспричинным, непосредственно предстоящим или только что начавшимся и требующим мгновенного отражения.

Петровское законодательство не нашло должной поддержки в русском праве. Уложение 1845 г. возвратилось в своих весьма подробных постановлениях об обороне к системе старого русского права.

Необходимая оборона (употребляется термин «самооборона») присутствовала в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Так, обороняющемуся не вменялось в вину причинение ран, увечий или смерти нападающему, если тот сам угрожал жизни, здоровью или свободе обороняющегося, отдельно было прописано, что оборона является необходимой при посягательстве на целомудрие и честь женщины, необходимая оборона позволялась не только для своей защиты, но и защиты других. Решался вопрос и о превышении пределов необходимой обороны – «всякий напрасный сделанный нападавшему, после уже отращения от его грозившей опасности вред» [4, с. 70].

Определенный вклад в развитие института самообороны внес знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони, который в 1866 году издал работу «О праве на необходимую самооборону». Кони А. Ф. отмечал, «что убийство является преступлением, когда совершается не для самообороны...», при этом он полагал возможным «наличие самообороны общества от произвола чиновников» [4].

А. Ф. Кони был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда и 24 января 1878 года приступил к выполнению своих обязанностей, председательствовал по делу В. Засулич. Дело было рассмотрено с участием присяжных заседателей, постановивших оправдательный вердикт.

При рассмотрении дела адвокатом был сделан акцент на жертвенный акт В. Засулич против преступной власти, данный «тезис» был сформулирован из работы А. Ф. Кони. Вердикт присяжных произвел большой общественный резонанс, А. Ф. Кони был снят с должности, дело впоследствии пересмотрено.

В Уголовном уложении 1903 года необходимой обороне было посвящено несколько статей, причем в нем впервые было введено понятие «превышение пределов обороны». При убийстве нападавшего при превышении необходимой обороны предусматривалось заключение на срок не свыше одного года, а при весьма тяжком или тяжком телесном повреждении – арест (без уточнения длительности).

В статье 45 Уголовного уложения необходимая оборона не считалась преступным деянием – «учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или иного лица».

В советский период развития уголовного законодательства впервые определение необходимой обороны было дано в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года, так статья 15 предусматривала наличие правомерной необходимой обороны от насилия над личностью лишь при определенных условиях: так не применяется «наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны» [3]. То есть действия обороняющегося признавались преступлением, но не влекли за собой наказание.

В статье 19 УК РСФСР 1922 года – первого УК РСФСР понятие необходимой обороны было несколько расширено: необходимая оборона признавалась правомерной при защите не только личности, но и прав обороняющегося лица,

а также других граждан. Тем самым был сделан еще один шаг вперед в расширении понятия необходимой обороны.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года к причинам необходимой обороны добавил «посягательства на советскую власть и революционный порядок» (статья 13), причем в документе они были указаны перед статьей о защите личности обороняющегося.

Определение необходимой обороны, данное в Основах 1958 года, в неизменном виде было воспринято УК РСФСР 1960 г. (действовал в России до 1 января 1997 года). Так, не являлось преступлением «действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства».

Главное отличие определения необходимой обороны заключалось в том, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, вообще не являются преступлением, тогда как ранее – эти действия лишь не влекли за собой применение наказания.

Согласно пункту 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации подчеркивает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В действующем Уголовном кодексе существует шесть обстоятельств, включающих преступность деяний, в том числе необходимая оборона.

Так, в Уголовном кодексе 1996 года (действует с 1 января 1997 года) необходимой обороне посвящена статья 37 УК РФ, согласно которой причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не является преступлением.

Изменениями в УК РФ от 8 декабря 2003 года в статью 37 был введен подраздел 1 пункта 2, которым уточнялось, что действия обороняющегося лица не являются превышением пределов необходимой обороны, если это лицо не может из-за неожиданности оценить объективно опасность нападения. 27 июля 2006 года в статью 37 УК РФ было внесено еще одно уточнение, согласно которому положения статьи о необходимой обороне распространялись на всех лиц, «независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения» и от того, мог ли обороняющийся обратиться за помощью к другим лицам, органам власти или избежать самого посягательства [3].

Таким образом, в ходе развития законодательства расширилось понятие уголовно-правовой нормы о необходимой обороне, которая является гарантией реализации конституционных прав граждан. В действующем уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается в качестве одного из

обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грачева Ю. В. Голоса из прошлого: актуальность правовых идей. Необходимая оборона: первое специальное исследование (к 150-летию выхода в свет монографии А. Ф. Кони) // История государства и права. 2015. № 1. С. 19–24.

2. Додонов В. Н., Капинус О. С. Необходимая оборона (сравнительный анализ современных уголовных законодательств) // Право и политика. 2005. № 3. С. 125–132.

3. Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть : монография. М. : Юнити, 2003. 21 с.

4. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М. : Остожье, 1996. 112 с.

УДК 34

Ярошенко Ольга Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, судья

Нижегородский областной суд

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

olga.yaroshenko.74@bk.ru

Квалификация действий в состоянии необходимой обороны, особенности и практическое значение данного института

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования института необходимой обороны. Анализируется ряд правовых проблем, связанных с особенностями квалификации действий в состоянии необходимой обороны. Исследование правовых норм, регулирующих вопросы необходимой обороны, позволяет выявить как положительные, так отрицательные аспекты квалификации действий в состоянии необходимой обороны. Автором исследуется место провокации как повода для совершения противоправных действий. В статье обоснованы предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования необходимой обороны, и значение данного правового института для практики.

Ключевые слова: квалификация, необходимая оборона, провокация, обстоятельства, исключаящие преступность деяния.

Yaroshenko Olga Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor, judge

Nizhny Novgorod regional court

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Qualification of actions in a state of necessary defense, features and practical significance of this institution

The article discusses the issues of legal regulation of the institute of necessary defense. A number of legal problems related to the peculiarities of the qualification of actions in a state of necessary defense are analyzed. The study of the legal norms regulating the issues of necessary defense allows us to identify both positive and negative aspects of the qualification of actions in a state of necessary defense. The author examines the place of provocation as a reason for committing illegal actions. The article substantiates proposals aimed at improving the legislative regulation of the necessary defense and the importance of this legal institution for practice.

Keywords: *qualification, necessary defense, provocation, circumstances excluding the criminality of the act.*

Существование такого правового института, как необходимая оборона свидетельствует о развитии правовой системы и процессуальной возможности гражданами защищать свои права и законные интересы, любыми не запрещенными законом способами, не допуская превышения пределов необходимой обороны. При этом, каждый гражданин имеет право на причинение вреда посягающему, но в то же время по характеру и степени общественной опасности причиняемый вред не должен быть безграничным. Так, по мнению А. Н. Попова, несоизмеримым будет умышленное причинение смерти лицу за повреждение, например автомобиля, кражу телефона, кошелька [1].

В современном мире актуальное значение имеет правильная квалификация действий в состоянии необходимой обороны, ее особенности и практическое значение приобретают концептуальный характер.

Квалификация действий в состоянии необходимой обороны представляет собой установление и юридическое закрепление соответствия совершенного конкретного действия признакам состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой с учетом состояния необходимой обороны и допустимости ее пределов.

Целесообразно отметить позицию А. В. Савинова, который считает, что необходимую оборону можно понимать как защиту, без которой невозможно обойтись, которая неизбежна и обязательна [2].

В целях совершенствования законодательного регулирования необходимой обороны следует обратить внимание на следующее. Положения ст. 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц, находящихся в пределах действия уголовного закона, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

По смыслу указанной нормы закона не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства,

если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

В данном случае имеется в виду, что общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. д.).

При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

Не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских действий, сокрытия другого преступления). Не могут признаваться провокацией нападения правомерные действия лица, в том числе направленные на пресечение нарушения общественного порядка. Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

О наличии реальной угрозы посягательства могут свидетельствовать агрессивное поведение посягающего при отсутствии высказывания конкретных угроз; попытка посягающего лица схватить либо удерживать обороняющегося за одежду, руки, туловище, преследовать обороняющегося или других лиц, резко сократить расстояние между ним и обороняющимся или другим лицом; оскорбительное приставание посягающего к обороняющемуся или другим лицам, в том числе сопровождаемое нецензурной бранью; иные действия посягающего, свидетельствующие о наличии непосредственной опасности начала осуществления посягательства [3].

Обоснованной является позиция В. В. Меркурьева, что своевременность оборонительных действий позволит сделать их более эффективными при отражении и пресечении общественно опасного посягательства, а уверенность граждан в правомерности причинения вреда посягающему лицу уже на стадии возникновения угрозы посягательства обеспечит наиболее полную реализацию естественного права каждого на необходимую оборону [4].

Под посягательством, защита от которого допустима, является совершение и иных деяний, в том числе по неосторожности, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения [3].

Состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, т. е. с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния.

При таких обстоятельствах следует установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства. В целях правильной квалификации действий лица, необходимо учитывать конкретные обстоятельства: время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения). В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства [5].

Состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т. п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства.

В заключение хочется отметить, что действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом. В целях правильной юридической оценки таких действий следует выяснять, не совершены ли они оборонявшимся лицом в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного общественно опасным посягательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов А. Н. Преступление против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 221 с.
2. Савинов А. В. Понятие и признаки причинения вреда при необходимой обороне. М., 2017. С. 39.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 25.11.2022).

4. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Необходимая оборона: проблема своевременности оборонительных действий при угрозе посягательства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2017. № 6(239). С. 91–95.

5. Пархоменко С. В. Почему необходимая оборона является необходимой? // Уголовное право. 2003. № 1. С. 49.

СЕКЦИЯ 3

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

УДК 342.565

Гиринская Александра Романовна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
alya.girinskaya@bk.ru

Гончарова Татьяна Сергеевна

кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
KovalenkoTS@mail.ru

**Направления совершенствования правовой основы
и правоприменительной практики осуществления
электронного правосудия в России**

В статье рассматриваются проблемы электронного правосудия в России. Авторы рассматривают возможности совершенствования порядка осуществления электронного правосудия как с точки зрения теории и нормативно-правового регулирования, так и с точки зрения практики. Авторами сформулированы конкретные направления и мероприятия по совершенствованию осуществления электронного правосудия. Сделан вывод о перспективности дальнейшего развития электронного правосудия.

***Ключевые слова:** правосудие, судебная власть, государственная деятельность, электронное правосудие, совершенствование законодательства.*

Girinskaya Alexandra Romanovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Goncharova Tatyana Sergeevna

candidate of law, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Directions for improving the legal framework and law enforcement practice of e-justice in Russia

The article discusses the problem in the field of e-justice in Russia and measures to eliminate them, concepts and signs of justice. The author considers the possibilities of improving the procedure for the implementation of electronic justice both from the point of view of theory, regulatory regulation, and from the point of view of practice. The author formulated specific directions and measures to improve the implementation of electronic justice. The conclusion is made about the prospects of further development of electronic justice.

Keywords: *justice, judicial power, state activity, electronic justice, improvement of legislation.*

Исследователи отмечают, что «перед юридической наукой стоят фундаментальные и прикладные задачи в части доктринального освоения имеющихся закономерностей развития и дальнейшего функционирования права и государственно-правовой сферы жизни российского общества в условиях цифровой реальности и определения путей их решения. Разработка научно обоснованных инструментов и моделей правового регулирования различных сфер общественной жизни позволит государству более эффективно реагировать на вызовы цифровой реальности, управлять происходящими трансформациями, регулировать новые, а также видоизменяющиеся общественные отношения» [6, с. 5–16; 7, с. 85–102].

В России особенно актуальным является вопрос: насколько вводимые электронные процедуры подачи обращений действительно упрощают доступ к суду и соответствуют принципу равенства, не допускают необоснованного ограничения права на судебную защиту? А также, в частности, можно ли считать оправданным установление подзаконным актом (приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ) дополнительных требований к форме электронного обращения по сравнению с традиционной письменной формой?

По мнению А. В. Карасева, А. В. Савоськина и В. А. Мещерягиной, подобная дифференциация правового регулирования, очевидно, оправдана в силу специфики электронной формы, необходимости установления дополнительных технических требований, связанных с прохождением заявителем процедуры идентификации и аутентификации, заверением документа электронной подписью. Вместе с тем серьезные сомнения вызывает установление Судебным департаментом таких требований к заполняемой заявителем на сайте форме, которые связаны не с технической стороной, а с представлением дополнительных сведений как о самом заявителе, так и об иных участниках процесса (т. е. об ответчике, третьих лицах, других заинтересованных лицах). Причем эти сведения не требуются вовсе либо являются факультативными при оформлении иска в традиционной бумажной форме [4, с. 73–74].

Другой стороной проблемы обращений граждан и организаций в государственных электронных приемных, форм обратной связи, либо портале ГАС «Правосудие» или иных интернет-порталах, является то, что технические возможности на многих из них не позволяют отслеживать судьбу обращения, кроме того, на многих из них для заявителя в принципе не очевиден факт – принято ли его заявление к рассмотрению. С целью повышения прозрачности элек-

тронного судопроизводства и гарантированности прав граждан на судебную защиту своих нарушенных прав.

Следующая проблема, выявленная в результате изучения практики применения электронного правосудия, являются вопросы применения видеоконференц-связи.

В российских реалиях участники процесса при использовании видеоконференц-связи сталкиваются со следующими проблемами. В качестве первой из них является фактическая нехватка оборудования для видео-конференц-связи (далеко не каждый зал судебных заседаний оборудован соответствующими техническими средствами), в связи с чем суды отказывают в удовлетворении ходатайств об использовании возможностей видеоконференц-связи, и такие отказы носят массовый характер [1; 2; 3].

Вместе с тем использование видеоконференцсвязи, будучи прогрессивным шагом, на практике осложняется качеством связи.

Многие исследователи подчеркивают, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует возможность проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи. В связи с этим Е. В. Марковичева с сожалением отмечает, что «многие нормы УПК РФ не позволяют сейчас использовать вполне доступные технологии, не требующие глобальных разработок. Редкое использование видеоконференцсвязи часто является не следствием отсутствия технической возможности для ее использования, а результатом пробелов в уголовно-процессуальном законе» [5, с. 214].

Выявленные проблемы правового регулирования и практики реализации электронного правосудия в России позволяют выделить несколько направлений совершенствования правовой основы и правоприменительной практики осуществления электронного правосудия.

Содержание элементов электронного правосудия в каждом из видов судопроизводства различается. Если, например, в арбитражном и гражданском судопроизводстве в большей степени выражено такое качество (свойство) электронного правосудия, как информационное обеспечение, то в уголовном судопроизводстве законодателем уделено внимание электронным доказательствам, порядку их изъятия. Такая ситуация представляется неверной, так как информационное обеспечение и электронное правосудие не являются равнозначными определениями. Термин «электронное правосудие» является более масштабным и включает не только информационное обеспечение судопроизводства, но и другие элементы: электронный документооборот, дистанционное разбирательство, доказывание при помощи электронных носителей информации и т. д., т. е. предполагает качественное изменение судопроизводства.

В связи с этим считаем целесообразным разработку и принятие Концепции электронного правосудия, которая будет иметь координирующий и программный характер, важным условием ее разработки и принятия должен стать универсальный характер, выработка общих принципов, инструментов и институтов электронного правосудия для всех видов судопроизводства, специфика

же правового регулирования элементов электронного правосудия должна получить отображения в соответствующем процессуальном кодексе.

Следующим направлением совершенствования положений об электронном правосудии должно стать решение технических вопросов.

В первую очередь, необходимо разработать и ввести единую форму обращения, дифференцированную в зависимости от того, с каким заявлением или обращением обращается гражданин – исковое заявление, жалоба, заявление, апелляционная жалоба и т. д. Это необходимо для определения перечня минимально возможных сведений, которые обращающийся должен заполнить в специальной форме для обращения на интернет-портале. При этом перечень документов, предоставляемых вместе с заявлением, а также персональные данные, должны коррелировать с нормативно установленным перечнем в соответствующем процессуальном кодексе. Требование о предоставлении иных персональных сведений при подаче заявления в электронном виде следует признать незаконным и необоснованным.

Кроме того, в решении нуждается такая проблема как отслеживание судьбы обращения гражданина. В настоящее время информационные технологии позволяют использовать такие технические возможности как автоматическая регистрация обращения в системе и направление заявителю сведений о присвоении номера обращения, даты и времени получения заявления системой. В дальнейшем, при наличии регистрации в единой системе регистрации обращений, информационной основой которых может стать уже действующая система ГАС «Правосудие», заявитель получит возможность отслеживать движение заявления, принятые по нему промежуточные и итоговые решения, получать уведомления. Эти возможности следует использовать и при реализации права на судебную защиту на интернет-порталах. Это повысит прозрачность электронного правосудия, а также будет способствовать защите прав и законных интересов заявителя.

Следует отметить, что на более широкое применение новейших технологий в отечественном судопроизводстве направлены разрабатываемые в настоящее время законодательные инициативы в части совершенствования взаимодействия участников процесса путем использования информационных технологий по следующим основным направлениям: дистанционное обращение в электронной форме в суд через личный кабинет участника судебного процесса; дистанционное получение судебных повесток и иных судебных извещений в личном кабинете участника процесса; дистанционное получение там же судебных актов и их копий в электронном виде; внедрение в работу судов допуска лиц к участию в судебных заседаниях через веб-конференцию, позволяющую дистанционно участвовать в судебном заседании в режиме реального времени без необходимости явки в суд посредством аутентификации гражданина по его биометрическим персональным данным) [8].

Основание проведения следственного действия с применением систем видеоконференц-связи должно быть непосредственным образом связано с невозможностью участника уголовного судопроизводства прибыть на место со-

вершения следственного действия, причем его отсутствие должно быть обусловлено факторами объективной природы: нахождение в иной местности, в учреждениях исправительного типа, в лечебных учреждениях при невозможности даже кратковременного нарушения предписанного врачом режима (например, подключение к медицинской аппаратуре, тяжелое состояние здоровья, карантинные меры), соблюдение гражданином режима самоизоляции и карантина в условиях пандемии и т. д.

Необходимо решать проблему технической оснащенности судов и органов предварительного расследования техническими средствами связи, как стационарными (специально оборудованными комнатами), так и передвижными, так как показало исследование правоприменительной практики, многие ходатайства об использовании видео-конференц-связи были отклонены судом из-за отсутствия технической возможности.

Анализ различных точек зрения показал, что многие авторы определяют употребляют термин «электронное доказательство» в совокупности с «электронной информацией» и «носители электронной информации» [9, с. 12], при этом не определяют источники происхождения электронных доказательств. На наш взгляд, это серьезное упущение, так как доказательство и источник должны быть соотносимы с целью сохранения свойств доказательства – относимости, допустимости и достоверности. Учитывая, что виртуальный характер среды образования электронных доказательств в силу особой природы подразумевает, что доступ к данной среде возможен исключительно опосредованно – при помощи электронных устройств с носителями памяти, полагаем, что в качестве источника доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ должен быть включен электронный носитель информации.

Особый интерес представляет опыт зарубежных стран в применении концепции электронного правосудия. Ряд государств – членов ЕС предприняли активные шаги по использованию цифровых инструментов судебной системой в связи с кризисом, вызванным коронавирусом. Данные сформированы на 28 апреля 2020 г. и не изменялись позднее [10, с. 238]:

1. Болгария: Высший судебный совет издал Распоряжение о подаче документов в суды по электронной почте или в цифровом виде.

2. Хорватия: связь со сторонами и всеми участниками судебного процесса, как правило, осуществляется в электронном виде. Дистанционная связь между участниками судебного процесса и административным персоналом суда осуществляется с помощью электронной почты, ВКС и других цифровых средств связи. Содержание судебных документов может быть изучено на сервисе eKomunikacija, если оно доступно в системе управления делами. Электронная коммуникация используется во всех коммерческих, муниципальных и окружных судах, а также в Высоком торговом суде Республики Хорватия. Сервис ePredmet предоставляет заинтересованным лицам информацию о ходе и динамике разрешения дел, но не дает представление о содержании судебных документов.

3. Эстония: суды обеспечены необходимым оборудованием для удаленной работы. Каждый, у кого есть эстонское удостоверение личности (ID), имеет

цифровой доступ к государственным услугам, документы могут быть подписаны и переданы в цифровом виде безопасным способом. Судьи и другие сотрудники суда могут вести большую часть судебных разбирательств в письменной форме из дома благодаря информационной системе и электронному приложению к судебным файлам. Для увеличения возможностей проведения ВКС созданы виртуальные переговорные комнаты для министерств, судов, прокуратуры и тюрем.

4. Франция: согласно Распоряжению от 25 марта 2020 г. «О корректировке процессуальных мер во время кризиса» предусматривается возможность передачи полномочий одного суда, не способного функционировать в названных обстоятельствах пандемии, другому или проведение судебных заседаний в режиме ВКС.

5. Нидерланды: введение возможности проведения судебного заседания в режиме ВКС и судебного разбирательства в письменной форме.

6. Швеция: увеличилось использование цифровых средств связи, видео- и телефонных конференций в судебных заседаниях.

Совершенствование положений электронного правосудия должно вестись одновременно по нескольким направлениям, связанным как с совершенствованием нормативно-правовой основы электронного правосудия, так и практики его применения:

1. Создание единой Концепции электронного правосудия, в соответствии с которой будет построено действующее законодательство, регламентирующее судопроизводство. При этом Концепция должна иметь руководящий характер, универсальный для всех видов судопроизводств.

2. Должна быть решена проблема включения электронного носителя информации в перечень источников доказательств, и дано определение электронному доказательству, определены пределы его использования в рамках реализации концепции электронного правосудия.

3. Со стороны совершенствования практического применения должна стать разработка и внедрение программного обеспечения, обеспечивающего бесперебойную работу сервисов и порталов, предоставляющих гражданам возможность реализовать свое конституционное право на судебную защиту, а также расширение их возможностей за счет включения таких функций как отслеживание судьбы обращения, оповещения участников дела, обмен информацией;

4. Улучшение снабжение судов техническими средствами связи и обеспечение устойчивого сигнала связи;

5. Должна быть разработана и введена в действие универсальная форма обращения с минимальным объемом данных, набор которых зависит от вида обращения; техническое оснащение судов и органов предварительного следствия стационарными и передвижными техническими средствами для обеспечения видео-конференц-связи.

6. Введение виртуальных переговорных комнат для проведения судебных заседаний;

7. Обеспечение удаленной работы суда в части тех заявлений, обращений и рассмотрений дел, которые не требуют участия других участников.

Предложенные меры рассчитаны как на краткосрочную, так и среднесрочную и долгосрочную перспективу реализации, и в целом способны повысить качество электронного правосудия.

Предложенные меры рассчитаны как на краткосрочную, так и среднесрочную и долгосрочную перспективу реализации, и в целом способны повысить качество электронного правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2020 г. № 309-ЭС20-1600 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2022).

2. Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2022 г. № 302-ЭС21-16443 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования системы видеоконференц-связи» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2022).

3. Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2022 г. № 302-ЭС21-18152 «Об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования систем видеоконференц-связи и об удовлетворении ходатайства об участии в заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ путем использования системы веб-конференции» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2022).

4. Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мерещягина В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2(30). С. 71–77.

5. Марковичева Е. В. Цифровизация уголовного процесса: мифы и реальность // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В. А. Семенцов. Краснодар, 2020. С. 213–217.

6. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

7. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

8. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» в части обеспечения возможности подачи документов в суд и судебного изве-

щения посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», участия в судебных заседаниях с использованием систем веб-конференции». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=109498> (дата обращения: 13.08.2022).

9. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

10. Электронное правосудие в цивилистическом процессе в условиях пандемии: сравнительно-правовой анализ / Т. А. Григорьева [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 235–247.

УДК 342.3

Груздев Владислав Владимирович

профессор, и. о. проректора по научной работе
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vgruzdev@ksu.edu.ru

Столяров Алексей Сергеевич

аспирант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
asstolyarov@yandex.ru

Процессы формирования цифровой реальности

В данной статье описаны процессы формирования цифровой реальности, их интенсивность и глубина проникновения в общество, экономику и государственные институты. Проведена попытка оценки влияния цифровой реальности на общество и индивидуальные предпочтения человека. В статье описан исторический опыт отторжения и принятия обществом новых технологий. Проанализировано влияние цифровой реальности на общественные отношения, позитивные возможности развития человека, формирование «цифрового менталитета» граждан. В статье высказываются риски расширения цифровой реальности и их последствий для общества и государства.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровая среда, цифровизация государственного управления, суверенитет, глобализация, цифровая трансформация, цифровое государство.

Gruzdev Vladislav Vladimirovich

professor, vice-rector for scientific work
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Stolyarov Alexey Sergeevich

postgraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The processes of formation of digital reality

This article describes the processes of digital reality formation, their intensity and depth of penetration into society, economy and state institutions. An attempt has been made to assess the impact of digital reality on society and individual preferences of a person. The article describes the historical experience of rejection and acceptance of new technologies by society. The influence of digital reality on public relations, positive opportunities for human development, the formation of a «digital mentality» of citizens is analyzed. The article discusses the risks of expanding digital reality and their consequences for society and the state.

Keywords: *digital reality, digital environment, digitalization of public administration, sovereignty, globalization, digital transformation, digital state.*

Чем выше уровень развития техники,
тем более стандартизированными
и одинаковыми становимся мы сами.

*Элвин Тоффлер, американский
социолог и футуролог*

В конце XX – начале XXI века на очередной волне глобализации человечество перешло на новый этап развития, обусловленный формированием «цифровой среды», ускоряющейся цифровой трансформацией практически всех сфер жизнедеятельности человека. Несмотря на трудности и риски развития цифровых технологий, в результате всепоглощающих процессов цифровизации сформировалась и продолжает активно расширяться цифровая реальность. Ее параметры, значение и динамика развития до настоящего времени недостаточно изучены. Однако, полагаем, что цифровая реальность устойчиво сформировалась, имеет стремительные, практически взрывные темпы распространения связанные в основном с развитием фундаментальных открытий в науке, скоростного беспроводного Интернета, цифровых технологий и уровнем формирования у населения планеты «цифрового менталитета».

В начале текущего столетия Генеральный секретарь ООН признал, что «интернет представляет собой... самое быстро растущее средство коммуникации и, вероятно, наиболее быстро распространяющийся инструмент из всех, которые когда-либо существовали» [1].

Человеческий страх перед очередными этапами технического прогресса и, как следствие, значительные изменения в общественном сознании сопровождает человечество с Первой аграрной революции (Э. Тоффлер) и продолжает овладевать им в настоящее время, не смотря на грандиозное развитие науки и общества. Так, немецкий историк и философ Р. П. Зиферле полагал, что в «истории почти всех высоких культур ... можно уловить скептическую настроенность по отношению к технике и пользе изобретений, или, по крайней мере, техника рассматривалась в демонически-зловещем свете» [2, с. 257].

Полагаем, что такой страх, может являться естественным предохранительным механизмом, не допускающим критического разрушения сложившихся на данном этапе развития общественных отношений и самой человеческой цивилизации. Подтверждением тому, можно найти в высказывании Ю. Н. Ха-

рари, который считает, что предстоящая технологическая революция может установить власть алгоритмов, и тогда об индивидуальной свободе можно забыть. Робототехника способна вытеснить огромное количество людей с их рабочих мест. Небольшая элита может править с помощью цифровой диктатуры благодаря алгоритмам больших данных. Технологическая революция может обернуться катастрофой, если что-то пойдет не так [3].

По другую сторону от негативных оценок и прогнозов взаимодействия техники и человека находятся сторонники идей жизненно важной необходимости технологического развития, культивирующие технику и технологии в качестве преимущественного средства для развития и совершенствования человека. В своих крайних мнениях сторонники развития техники считают, что именно технологии позволят сформировать наиболее совершенный путь развития человечества.

Так, например, Э. Тоффлер полагал, что микроэлектронная революция увеличивает мощь человеческого интеллекта. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, рождается новый цивилизационный уклад, в котором принципиально иной будет сфера труда, управления, досуга [4, с. 53].

Таким образом, мнения различных исследователей влияния техники и технологий на человека и общество порой диаметрально противоположны, что впрочем, не отменяет, а иногда лишь замедляет или ускоряет процессы развития принципиально новых технологий.

Формирование цифровой реальности происходило в течение нескольких этапов информационно-технологической революции, описанных Дж. Коэном [5, с. 210–256.]. Анализируя периоды и процессы описываемых этапов, можно сделать вывод, что они не имеют точных границ завершения и могут длиться и развиваться в течение последующих этапов. Их очередность достаточно условна, так как несколько этапов могут начинаться практически параллельно друг другу во времени. Каждый следующий этап технологического развития основывается на открытиях предыдущего или как было сказано выше параллельного этапа и вызывает усиливающий эффект в развитии новых технологий на новом этапе, который в свою очередь формирует платформу для следующего нового технологического прорыва. Кроме того, по мнению М. Кастельса, основанного на анализе исторического опыта индустриальных революций, «первая» информационно-технологической революция может являться лишь подготовительным этапом нового технологического скачка для формирования принципиально новых изменений в обществе и общественных отношениях [6, с. 59].

Наибольший интерес для понимания процессов формирования цифровой реальности и ее развития представляет именно четвертый этап информационно-технологической революции, связанный с формированием глобального информационного пространства. Рассматривая данный этап, можно утверждать, что предыдущие три этапа были лишь подготовительными для формирования технической возможности транслирования в планетарном масштабе информационных потоков в «цифровое общество». С одной стороны, информация представляет собой лишь сведения, несущие новые знания о предметах, фактах, со-

бытиях или явлениях и, как правило, связана с познавательной функцией человека, что в свою очередь указывает на добровольность выбора человеком получения и принятия информации. Так, А. Р. Алиев характеризует информацию как «систему идеальных (субъективных) образов объектов, процессов и явлений окружающего нас мира в сознании человека, а также множество признаков, присущих материи и формирующих идеальные образы» [7, с. 8].

С другой стороны, по мнению И. А. Умновой-Конюховой неотъемлемым важным аспектом понимания информации является ее привязанность к источнику, носителю, месту, времени и другим характеристикам ее идентификации, что исключает нейтральность ее характера [8, с. 58]. Соглашаясь с данным мнением, полагаем, что информация, распространяемая в информационном пространстве, никогда не может быть «обезличенной» и всегда имеет источник, свою целевую аудиторию, цель и планируемый результат воздействия.

Глобальность процессов формирующейся цифровой информационной среды ярко отражается в высказывании В. Моско, который утверждает, что «появление Интернета означает примерно то же, что и появление мирового языка, экономики, политики. «Всемирная паутина» являет собой пример практической модели законченной информационной глобализации...» [9, с. 310].

Параметры такой «цифровой глобализации» можно, например, оценить из ежегодных отчетов статистики интернета американской компании Global Digital. Наибольший интерес в этом отчете представляет показатель численности пользователей социальных сетей в мире, который на январь 2022 года насчитывает 4,62 млрд пользователей, или 58,4 % от общей численности населения мира и увеличился за 2021 год на 424 млн новых пользователей, или на 10 %, а по отношению к 2012 году выросло в 3,1 раза. Таким образом, за последнее десятилетие количество пользователей социальных сетей росло в среднем на 12 % в год [10].

Эти стремительные темпы прироста численности интернет-пользователей и пользователей социальных сетей ярко указывают на интенсивное расширение цифровой среды и погружения в цифровую реальность большей части населения планеты. По мнению В. В. Сорокина, в настоящее время в цифровой реальности идут революционные преобразования по созданию новейшей человеческой формации – сетевого общества или Сети, где «неуклонно устанавливаются связи всех со всеми» [11, с. 62].

Полагаем, что подтверждением интенсивного влияния цифровой реальности на общество, общественные отношения и начавшейся существенной корректировке имеющихся или создания в ближайшее время новых механизмов их регулирования может являться утверждение И. А. Умновой-Конюховой о непрерывном возрастании значимости информации в условиях интенсивного развития цифровых технологий, расширения интернет-пространства, формирования сетевых систем управления обществом [8, с. 54].

Также подтверждение гипотезы о создании механизмов внешнего и внутреннего влияния на общество и общественное мнение, и как следствие, возможного управления этим самым обществом можно найти в высказывании Дж. Дорси, сооснователя американской компании социальных сетей Twitter, Inc.,

который заявил, что «моей крупнейшей ошибкой было вкладываться в разработку инструментов, которые позволили бы компании управлять общественным мнением, а не в инструменты, которые помогли бы пользователям Twitter управлять своим мнением самостоятельно. Это обременило нас чересчур большой властью и сделало уязвимыми для давления извне» [12].

Помимо воздействия на огромное количество людей через социальные платформы, существенные изменения под воздействием цифровой реальности происходят в государственном управлении, праве, производственной и непроизводственной сферах экономики, финансах, образовании и науке, социальной сфере, медицине, обороне и безопасности, международных отношениях и других. Наверное, нет ни одной сферы деятельности человека, на которую не оказывается влияние цифровой реальности.

Например, в сфере государственного управления уже длительное время в целом ряде государств происходит цифровая трансформация государственного управления. Многие государства уже прошли путь или проходят стадию формирования «цифрового государства» (США, Сингапур, Япония, Китай, Южная Корея и др.). В отечественном варианте цифровая трансформация осуществляется в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление». Однако, необходимо отметить, что цифровизация сферы государственного управления и механизмов формирования государственной власти создает значительные риски и является серьезным вызовом самому институту современного государства и его основополагающему признаку – суверенитету.

Таким образом, можно утверждать, что цифровая реальность оказывает существенное влияние на общество, государство и право, воздействует на все сферы жизнедеятельности и сознание человека. Существовавшие в течение нескольких столетий традиционные ценности, правовые и социальные нормы трансформируются в условиях цифровой реальности. Как отмечает Т. Я. Хабриева, в цифровой реальности возникают не существовавшие ранее общественные отношения, например, субъектами которых являются «цифровые личности», действия, связанные с робототехникой или новой цифровой сущностью (например, криптовалютой) [13]. Наблюдается всеобщее признание и активное продвижение процессов цифровизации, выражающейся в создании «цифровой личности», «цифрового общества», «цифровой демократии», «цифровой экономики», «цифрового правительства» и «цифрового государства», фактически взрывном развитии и распространении социальных сетей, всевозможных мессенджеров, цифровых сервисов и всевозможных платформ, электронных денег, электронных двойников и т. д. Данные процессы сопровождаются сбором огромного объема информации о пользователях этих цифровых сервисов, платформ и социальных сетей, их физиологических, идеологических, моральных, политических и других предпочтениях. В результате чего с учетом уже имеющихся в настоящее время возможностей цифровых систем обрабатывать большие объемы данных и быстрым развитием искусственного интеллекта, можно говорить не только о формировании цифровой среды, но и о формировании в ней технологической возможности внешнего воздействия непосредственно на сознание человека.

Учитывая, что новые технологии способствуют практически не контролируемым процессам цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека и возможного воздействия на его сознание, полагаем необходимым сформировать защитные правовые механизмы, регулирующие безопасный для человека, общества и государства, уровень допустимой разработанности в сфере цифровых технологий. Полагаем, что дальнейшие исследования в сфере цифровых технологий должно придерживаться «осторожного прогресса», особенно в отношении таких технологий как искусственный интеллект и нейротехнологии, большие данные, высокоскоростная беспроводная связь, сенсорика и робототехника, а также квантовые технологии. Подтверждение данному утверждению, можно найти в высказывании Н. В. Кравчук, которая считает, что уровень применения новых технологий должен соответствовать уровню развития и интересам общества [8, с. 197].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад Генерального секретаря на Ассамблее тысячелетия ООН (Пятьдесят четвертая сессия) «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» 27.03.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/144358> (дата обращения: 22.11.2022).
2. Зиферле Р. П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 257–272.
3. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. URL: <https://www.litmir.mt/br/?b=649347&p=1> (дата обращения: 22.11.2022).
4. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002. 776 с.
5. Cohen J. Cyberspace fs/and space // Columbia law review. 2007. Vol. 107. P. 210–256.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура М. : Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000. 608 с.
7. Алиев А. Р. Международно-правовое регулирование в сфере информационного противоборства. М., 2017. 69 с.
8. Государство и право в новой цифровой реальности : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д. А. Ловцова. М. : РАН. Инион, 2020. 259 с.
9. Mosco V. After the Internet: New Technologies, Social Issues, and Public Policies // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10. Is. 3. P. 310–313.
10. Вся статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды из отчета Global Digital 2022. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 23.11.2022).
11. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2020. 432 с.

12. Основатель Twitter считает себя виноватым в том, что в соцсети есть политическая цензура. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16587451> (дата обращения: 14.12.2022).

13. Хабриева Т. Я. Право перед вызовом правовой реальности : доклад. URL: https://izak.ru/img_content/pdf/Право%20перед%20вызовами%20цифровой%20реальности.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

УДК 347

Калинина Екатерина Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Kalinina.kalin@icloud.com

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

Перспективы применения информационных технологий при осуществлении правосудия судами Российской Федерации

В статье предлагаются способы применения информационных технологий при осуществлении правосудия судами. Исследование действующих норм ГПК РФ и КАС РФ позволяют выявить актуальные проблемы института «электронного правосудия».

***Ключевые слова:** электронное правосудие, протокол судебного заседания, открытость правосудия, доступность правосудия, права участников процесса, замечания на протокол судебного заседания.*

Kalinina Ekaterina Alexeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Prospects for the use of information technologies in the administration of justice by the courts of the Russian Federation

The article suggests ways of using information technologies in the administration of justice by courts. The study of the current norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation allows us to identify the actual problems of the institute of “electronic justice”.

Keywords: *electronic justice, minutes of the court session, openness of justice, accessibility of justice, rights of participants in the process, comments on the minutes of the court session.*

В условиях повсеместного развития информационных технологий особую актуальность приобретает информатизация судебной системы. Внедрение IT-технологий способно повысить уровень доступности и качества правосудия: значительно ускорить процесс судопроизводства, сократить нагрузку на аппарат суда, повысить уровень открытости судебной системы.

Достижению поставленных целей может способствовать совершенствование процедуры судебного делопроизводства на различных стадиях движения дела при его рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства.

Особого внимания заслуживают стадии судебного разбирательства в первой и в апелляционной инстанциях, в ходе которых до сих пор изготавливаются протоколы судебных заседаний в письменном виде.

Протокол судебного заседания является документом, в котором отражаются все основные процедурные моменты. Он имеет важное доказательственное значение, поэтому его содержание, порядок составления и форма должны точно соответствовать требованиям закона.

25 мая 2022 г. председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев заявил, что ведение протоколов заседаний в письменной форме слишком нагружает секретарей заседаний, поэтому данная проблема требует незамедлительного решения [2].

В силу ст. 231 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации лица (далее по тексту – ГПК РФ), участвующие в деле, их представители вправе *ознакомиться* с протоколом и аудиозаписью судебного заседания или отдельного процессуального действия *и в течение пяти дней со дня подписания протокола подать в письменной форме замечания на такие протокол и аудиозапись* с указанием на допущенные в них неточности и (или) на их неполноту [1].

Согласно сложившейся практике судов для того, чтобы ознакомиться с протоколом судебного заседания, участникам судебного процесса или их представителям необходимо подать письменное заявление. Такое заявление регистрируется в канцелярии суда и передается на рассмотрение судье. Учитывая число дел, а также число судебных заседаний, которые проводятся в сутки, процессуальную активность сторон, подача таких заявлений об ознакомлении с протоколом судебного заседания не является единичными фактами.

После поступления такого заявления к судье оно должно быть рассмотрено и его исполнение поручается, как правило, или секретарю судебного заседания или помощнику судьи. Далее в своем плотном графике указанным должностным лицам необходимо найти время на то, чтобы предоставить участнику процесса возможность ознакомиться с таким протоколом. При этом процессуальное законодательство не наделяет работника суда правом на ограничение участника процесса во времени такого ознакомления и в числе раз такого ознакомления. А если участников по делу десять, пятнадцать и каждый из них заявит ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания, а если таких протоколов за время рассмотрения дела по первой инстанции будет 7–10? Фактически сотруднику суда значительный период рабочего времени придется

создавать условия для реализации участниками процесса их права на ознакомление с протоколом судебного заседания.

При этом такое ознакомление должно быть организовано в сроки, позволяющие участнику процесса подать замечания на протокол судебного заседания, а именно в течение пяти дней со дня подписания протокола, как это установлено ст. 231 ГПК РФ.

Изложенная ситуация фактически парализует работу суда.

Кроме того, участник судебного разбирательства имеет право на получение заверенной копии протокола судебного заседания в письменном виде. При этом число копий, которые может запросить участник процесса, Законом не ограничено. Изготовление копий протоколов судебных заседания и их заверение для каждого участника судебного разбирательства по делу, которые десятками, а то и сотнями ежедневно рассматриваются в каждом из судов России, не только парализует работу суда, но и влечет необходимость значительных расходов на бумагу и на другие материальные ресурсы суда.

В единичных случаях судами по запросу участника судебного разбирательства протоколы судебных заседаний направляются в сканированном виде по электронной почте.

Представляется, что решению данной проблемы будет способствовать публикация для лиц, участвующих в деле, протокола судебного заседания в электронном виде. При этом суды общей юрисдикции необходимо снабдить программным обеспечением схожим с программным обеспечением арбитражных судов, когда каждый участник процесса с определением о принятии судом к производству искового заявления (заявления), административного искового заявления получает код доступа к делу и имеет возможность в любой момент времени, из любой точки мира, получить доступ к основным процессуальным документам по делу, в том числе и к протоколам судебных заседаний.

При этом представляется важным предусмотреть такую функцию, как отображение даты и времени размещения судом копии протокола судебного заседания в информационной системе, даты и времени ознакомления участника процесса с таким протоколом.

Как отмечалось выше, ст. 231 ГПК РФ императивно установлен срок, в течение которого участник процесса может подать замечания на протокол. Однако, отсчет такого срока производится с даты подписания протокола, что на практике создает не мало проблем. Дата подписания протокола и дата фактического его изготовления, довольно часто не совпадает, что не позволяет участнику процесса в срок, установленный ст. 231 ГПК РФ, подать замечания на протокол или подача замечаний на протокол будет сопровождаться подачей ходатайства о восстановлении пропущенного срока, которое рассматривается судом в отдельном судебном заседании.

Ввиду изложенного обоснованно внесение изменений в ст. 231 ГПК РФ путем императивного установления обязанности принесения замечаний на протокол не с даты подписания такого протокола, а с даты его размещения в специализированной информационной системе, т. е. с даты, когда объективно все участники судебного спора получили доступ к тексту протокола судебного заседания.

Отображение даты размещения протокола судебного заседания в программном обеспечении позволит правильно производить подсчет срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания, а размещение в программном обеспечении даты ознакомления участника процесса с таким протоколом и его выгрузки из программы позволит фиксировать факт ознакомления с конкретным протоколом судебного заседания.

Вместе с тем, внося подобные предложения, мы настаиваем на учете и того факта, что не все лица имеют доступ к сети Интернет, не все лица, в том числе и преклонного возраста умеют работать в Интернете. Для таких ситуаций представляется обоснованным установление отдельных точек доступа к программным обеспечениям судов в офисах МФЦ, где компетентный сотрудник окажет помощь в получении доступа к любому документу в электронном виде и при необходимости в публикации такого документа на бумажном носителе информации.

Полагаем, что внедрение новых технологий не станет препятствием, а наоборот укрепит традиционные принципы судебного процесса: состязательность и равноправие сторон, диспозитивность, гласность и закрытое судебное заседание, а также участие граждан в отправлении правосудия.

Таким образом, институт «электронного правосудия» видится более объемным по своему содержанию и требует существенного и одновременного с техническими совершенствованиями дополнений процессуального законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 05 декабря 2022 года : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.12.2022).

2. Обзоры СМИ Верховного Суда Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 06.12.2022).

УДК 343

Кур Иосиф Николаевич

адъюнкт, Академия управления

Министерства внутренних дел Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

xvipetpro@gmail.com

Информация как предмет и средство совершения преступления

В настоящей статье информация рассматривается как предмет и средство совершения преступного посягательства. Основная проблема в данном аспекте заключается в определении роли информации среди указанных элементов состава преступления. Выдви-

гается положение о том, что информация может быть одновременно и предметом, и средством совершения преступного посягательства. Обоснование своей позиции автор строит на основании текущих положений уголовного и отраслевого законодательства, изучении развития информационного явления в советском уголовном праве, а также путем анализа научных позиций в данной сфере.

Ключевые слова: информация, защита информации, субъект совершения преступлений, средства совершения преступлений, уголовное преступление.

Kur Iosif Nikolaevich

adjunct, Academy of management of the Ministry
of internal affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Information as subject and means of committing crimes

In this article, information is considered as a subject and means of committing a criminal offense. The main problem in this aspect is to determine the role of information among the specified elements of the crime. A provision is put forward that information can be both an subject and a means of committing a criminal offense. The author substantiates his position on the basis of the current provisions of the criminal and sectorial legislation, the study of the development of the information phenomenon in Soviet criminal law, as well as by analyzing scientific positions in this area.

Keywords: Information, defense of information, subject of committing crimes, means of committing crimes, criminal offence.

Последнее десятилетие отмечается существенным ростом влияния информации на общественные отношения. Информация «проникает» во все сферы жизнедеятельности человека. Ведя обыденный образ жизни, мы сталкиваемся с информацией, представленной в различных формах. Под влиянием информации создаются и видоизменяются правоотношения, кроме того, она способна оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на общественные отношения, в связи с чем от государства требуется соответствующее правовое регулирование.

Конституция Российской Федерации, являясь гарантом охраны прав и свобод человека и гражданина, формулирует нормы, связанных с информацией. В ст. 29 Конституции Российской Федерации закреплено право человека и гражданина на информацию. Отражая данное положение, отраслевое законодательство преподносит правовое регулирование информационной сферы, в том числе и определение информации как правовой дефиниции, имеющей широкое значение.

В свою очередь, памятники отечественного конституционного и отраслевого права советского периода прямо не упоминают о праве граждан на оборот информации. В связи с чем можно сделать вывод о том, что законода-

тель не придавал особого значения информационности в обществе, государстве и праве.

В настоящее время, с учетом влияния информации, а также необходимости обеспечения правовой охраны интересов личности, общества, государства, создана система правовых механизмов, направленных на обеспечение указанных интересов. Одним из звеньев такого механизма является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), содержащий целую систему норм, которая направлена как на охрану информации, так и защиту от общественно опасных проявлений информации на охраняемые общественные отношения.

Стоит отметить, что в науке уголовного права не сложилось единого мнения насчет роли информации в системе элементов преступления: является ли она предметом либо средством совершения преступления.

Существует несколько научных позиций относительно предмета преступного посягательства. Одной из них является «материалистическая» (она же – «классическая») концепция, согласно которой предмет преступления – вещь объективной реальности, т. е. объект материального мира [1, с. 71; 3, с. 103; 6]. Несмотря на привлекательность в плане использования данной концепции в юридической деятельности, а также богатую правоприменительную практику, все же упускаются некоторые обстоятельства. В частности, данный подход не совсем увязывается с современными реалиями общественных отношений, поскольку в советское время значение информации как предмета преступного посягательства, выражалась посредством материализованных деяний, имеющих соответствующие последствия. В частности, в Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР) информация не рассматривалась как предмет преступления, либо рассматривалась косвенно, либо вовсе с позиции иного явления, речь о котором пойдет позже. С учетом многогранности информации как явления общественного и правового в настоящее время, стоит сказать, что данный подход постепенно исчерпывает свой карательный потенциал, в связи с чем стоит рассмотреть другую научную концепцию.

Сторонники другой позиции – «материально-идеальной», в свою очередь ведут дискуссию о том, что предмет преступления – не только нечто материальное, но и определенные информационные проявления такого предмета [4, с. 17]. Для подтверждения актуальности данной научной позиции, стоит привести в пример уголовно-правовую норму, предусмотренную ст. 273 УК РФ, предметом преступления которой, являются компьютерные программы либо иные формы компьютерной информации, которые мы ни коем образом не можем воспринимать, без использования технических устройств. Если рассматривать данный вопрос с технической точки зрения, то указанная информация может выражаться и в материальной форме – посредством использования электронного сигнала, имеющего свое содержание, позволяющего его измерить.

В связи с упомянутым, учитывая синергетическую сущность информации как правового, так и общественного явления, стоит предложить следующее оп-

ределение «предмета преступления» – это частное общественно опасное вмешательство в охраняемые уголовным законом правоотношения, выражающееся во влиянии на предметы материального мира, имеющих в том числе информационное содержание, либо информацию в различных ее выражениях, воздействуя на которые, наносится вред соответствующим правоотношениям.

Аналогично складываются научные подходы и к средству совершения преступления. «Узкая» концепция заключается в том, что средством преступления являются только предметы материального мира [3, с. 24] – т. е. с помощью информации воздействие на охраняемые законом правоотношения невозможно. В ответ на данное положение, с учетом развития уголовно-правовых отношений, появились две другие позиции. «Материально-идеалистическая» концепция занимает нейтральную позицию в данном вопросе, называя средством преступления не только материальное, но и влияние информации в том числе [2, с. 19–22]. «Расширенная» концепция, исходя из названия, называет средством все то, что способствует достижению цели преступного посягательства [5, с. 218], но по содержанию близка к «материально-идеалистической» идее.

С учетом изложенного стоит отметить, что при развитии общественных отношений, информация, как общественно-опасное явление может принимать формы как предмета, так и средства преступления, при этом данные элементы могут иметь определенную симбиотическую связь. В частности, ст. 310 УК РФ является таким примером. «Данные предварительного расследования» в контексте упомянутой нормы уголовного закона вполне могут являться одновременно как предметом, так и средством совершения преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2006. 183 с.
2. Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2. С. 70–74.
3. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
4. Кравцов С. Ф. Предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. 19 с.
5. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб. : Изд-во юрид. ин-та, 2004. 299 с.
6. Яшков С. А. Информация как предмет преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 151 с.

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

O_plusnina@ksu.edu.ru

Смирнова Яна Олеговна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

yana_smirnova@icloud.com

**Отдельные проблемы правового регулирования больших данных
в Российской Федерации**

В статье раскрывается содержание термина «большие данные» и различные подходы к его определению, а также термины «оператор больших данных» и «обработка больших данных», даются их основные характеристики, аргументируется возможность использования больших данных и рассматриваются проблемы и перспективы введения в оборот больших данных в Российской Федерации. Автор сосредотачивает внимание на анализе существующего в Российской Федерации законодательства в области регулирования данных. Автор приходит к выводу о том, что необходимо комплексное регулирование и изменение в существующем законодательстве, регулирующем оборот данных, определяя первичность защиты права граждан на информацию в контексте регулирования больших данных.

Ключевые слова: правовое регулирование, большие данные, операторы больших данных, цифровая экономика, цифровой актив, цифровая трансформация, информация, информационные технологии.

Plyusnina Olga Vitalievna

candidate of legal sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Smirnova Yana Olegovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Separate problems of legal regulation of big data
in the Russian Federation**

The article reveals the content of the term “big data” and various approaches to its definition, as well as the terms “big data operator” and “big data processing”, their main characteristics are given, the possibility of using big data is argued and the problems and prospects of introducing big data into circulation in the Russian Federation are considered. The author focuses on the analysis of the existing legislation in the field of data regulation in the Russian Federation. The author comes to the conclusion that comprehensive regulation and changes in the existing legisla-

tion regulating data turnover are necessary, determining the primacy of protecting the right of citizens to information in the context of big data regulation.

Keywords: *legal regulation, big data, big data operators, digital economy, digital asset, digital transformation, information, information technology.*

В современном мире данные являются одними из основных источников информации. С развитием цифрового общества и внедрением новых технологий увеличиваются объемы накопленной информации, поэтому источником становятся большие данные, их использование является важным инструментом как государственного, так и управления деятельности частного сектора. Новые способы сбора информации, обработки и передачи увеличили ее доступные объемы настолько, что применение, использование и защита такой информации становится проблематичной, и наряду с открывающимися возможностями использования больших данных, возникает ряд вопросов правового регулирования статуса таких данных в России [7, с. 232].

В России в 2017 году принята Национальная программа «Цифровая экономика РФ», в которой говорится, что на первом месте в перечне цифровой трансформации стоят большие данные, а программа должна способствовать этому развитию. В настоящее время в Российском законодательстве нет четко закрепленного определения понятия «большие данные», им присущи различные характеристики: сбор, анализ и использование этих данных. В российских нормативно-правовых актах встречается использование определений «набор данных», «большой объем данных». Термин «большие данные» в научной литературе связывают с именем Клиффорда Линча и Дага Лейни, который в своих работах впервые определили мировую тенденцию роста огромных объемов информации, а так же характерные признака больших данных: большой объем данных, скорость обновления, разнообразие обрабатываемых данных, позже учеными были дополнены еще два признака – ценность и достоверность [1, с. 152]. Русские ученые, такие как Л. В. Санникова и Ю. С. Харитонава, рассматривали большие данные в виде цифрового актива. Известный юрист и профессор А. И. Савельев считает, что «большие данные – это динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной и быстрой обработки автоматизированными средствами, что, в свою очередь, обеспечивает его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов» [5].

Следует отметить, что на сегодняшний день правовое регулирование, касающееся оборота больших данных строится на основных федеральных законах: от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Одной из новейших попыток урегулировать оборот больших данных стал Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в ч. 1, ч. 2 и ст. 1124 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» в части дополнения в Гражданский кодекс. «Особенности договора об оказании услуг по

предоставлению информации». Закон принят в целях защиты сбора и обработки информации значительных объемов обезличенной информации. В Гражданский кодекс РФ введено условие заключения договора об оказании услуг по предоставлению информации (ст. 783.1) [2, с. 15].

Следующим шагом в правовом регулировании больших данных стал проект разработанный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», стоит отметить, что по информации собеседников «Ведомостей» после резкой критики Ассоциации Больших Данных и Российского союза промышленников и предпринимателей Правительство России приняло решение приостановить работу над законопроектом [4, с. 22].

Считаем необходимым закрепить в российском законодательстве понятие больших данных, также необходимо четко разграничивать понятия персональных данных и больших данных. Кроме того, необходимость принятия нового нормативно-правового акта в отношении больших данных обусловлена ситуацией сложившейся в России в связи с пандемией коронавируса (Covid-19). Органами статистики ежедневно проводился мониторинг сведений о заболевших, выздоровевших и погибших от нового вируса [3]. Большие данные стали самым действенным способом отслеживания распространения вируса и прогнозирования для борьбы над пандемией. В сложившейся ситуации возникли вопросы, связанные с правовой защитой лиц, о которых разглашаются сведения, а также обязанности носителей этих данных или по-другому, операторов таких данных [6, с. 71].

Предлагаем дополнить ст. 2 п. 23–24 закона «Об информации, информационных технологий и о защите информации» тремя пунктами, содержащими ряд определений – «большие данные», «оператор больших данных», «обработка больших данных». В законопроекте предлагаем дать такое определение: «большие данные – совокупность обезличенных данных, классифицирующая по различным групповым признакам, в том числе информационные и статистические сообщения, сведения о местоположении движимых и недвижимых объектов, количественные и качественные характеристики видов деятельности, поведенческие аспекты движимых и недвижимых объектов, полученных от различных держателей данных либо из различных структурированных или неструктурированных источников данных, посредством сбора с использованием определенных технологий, способов и методов обработки данных, технических средств, обеспечивающих объединение указанной совокупности данных, ее повторное использование, систематическое обновление, форма представления которых не предполагает отнесение к конкретному физическому лицу». Данное определение формально соответствует подходу Клиффорда Линча и Дага Лейни. Оператором больших данных следует признать муниципальный или государственный орган, физическое или юридическое лицо, организацию или иное общественное объединение, которые совместно с другими лицами или само-

стоятельно будут осуществлять обработку больших данных, а также определяют цель обработки этих данных, состав, алгоритм операций с большими данными. Под обработкой больших данных будут понимать алгоритм действий или совокупность действий, совершаемых с использованием автоматизированных технологий или без использования таких технологий, включая сбор, загрузку, систематизацию, накопление, хранение, обновление, извлечение, передачу, доступ, удаление и анализ больших данных.

В законопроекте предполагается также возложить установление принципов, правовых оснований, прав и обязанностей операторов больших данных, порядок и условия оборота обработки больших данных, а также контроль за обработкой больших данных на Правительство РФ. Создание, ведение рееста операторов больших данных и контроль за обработкой и оборотом больших данных предлагается возложить на Роскомнадзор. Необходимо особое внимание обратить на реальные и потенциальные проблемы правового регулирования оборота больших данных. Предлагаемый законопроект позволит, по нашему мнению, решить поставленную задачу введения в гражданский оборот больших данных.

Таким образом, регулирование больших данных является одним из важных направлений развития российского законодательства. В условиях цифровой трансформации действующее законодательство нуждается в серьезной доработке, чтобы соответствовать потребностям современного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антипова К. Г. Способы определения больших данных: Российский и зарубежный опыт. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47109280> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Данилов А. Big Data: обзор и перспективы правового регулирования. URL: https://law-journal.ru/files/pdf/202104/202104_14.pdf (дата обращения: 25.11.2022).
3. Карта распространения коронавируса в России и мире. URL: <https://yandex.ru/webmaps/covid19?ll=41.775580%2C54.894027&z=3> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Романова А. Ю. К вопросу о правовом режиме Больших данных // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 21–24.
5. Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7498> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики. URL: <https://publications.hse.ru/articles/416142767> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Суй Чжиюн. Анализ проблем и предложения по совершенствованию экономической статистики в эпоху больших данных. URL: <https://moluch.ru/archive/386/85026/> (дата обращения: 25.11.2022).

Солдатова Дарья Андреевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

dariasoldatova10@gmail.com

Проблемы правового регулирования продажи лекарственных препаратов дистанционным способом

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования продажи лекарственных препаратов через Интернет. Автором рассматривается российское законодательство, регулирующее дистанционную продажу лекарственных средств, дается оценка нововведениям, вызванным необходимостью реализации лекарств в период пандемии COVID-19. В статье обосновывается необходимость устранения пробелов в законодательстве, внесения изменений в существующую российскую нормативно-правовую базу онлайн-торговли фармацевтическими препаратами. Автором выявлены дискриминационные условия в законодательстве и указаны пути их решения, а также выявлены направления, где необходимо принимать меры, направленные на процесс цифровизации в медицинской сфере.

Ключевые слова: дистанционная продажа, лекарственные средства, интернет-аптека, онлайн-торговля рецептурными препаратами, эпидемическая ситуация, лицензирование, фальсификация.

Soldatova Daria Andreevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of the sale of medicines remotely

The article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of the sale of medicines via the Internet. The author examines the Russian legislation governing the distance sale of medicines, assesses the innovations caused by the need to sell medicines during the COVID-19 pandemic. The article substantiates the need to eliminate gaps in the legislation, to amend the existing Russian regulatory framework for online trade in pharmaceuticals. The author has identified discriminatory conditions in the legislation and indicated ways to solve them, as well as identified areas where it is necessary to take measures aimed at the digitalization process in the medical field.

Keywords: distance selling, medicines, online pharmacy, online trade of prescription drugs, epidemic situation, licensing, counterfeiting.

Дистанционная продажа лекарственных препаратов, до недавнего времени, была под запретом российского законодательства. Лекарственные препарат – это особый вид товаров, поэтому возможность реализовать их дистанционно, а именно посредством сети Интернет, могла создать высокий риск наступления негативных последствий для граждан. Большинство аптечных организаций имели свои интернет-сайты, но они позволяли потребителям только ознакомиться с ассортиментом товаров и ценами на них, а также оформить заказ

с последующим приобретением товаров непосредственно в самой аптеке. Это не могло быть признано дистанционной торговлей в связи с тем, что отсутствовал один из главных ее признаков: доставка заказанного товара по установленному адресу.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19 в России, ситуация начала меняться: стала необходимой организация дистанционного взаимодействия общества и государства. Большое количество граждан, переносящих болезнь в домашних условиях, а также установление «режима самоизоляции, предусматривавшего преимущественное нахождение людей дома и их перевод на удаленную работу» [10, с. 145], послужили поводом для возвращения к работе над законопроектом, разрешающим дистанционную продажу лекарств, который был одобрен Государственной Думой РФ в первом чтении еще в сентябре 2017 года. В результате 3 апреля 2020 года вступил в силу федеральный закон, снимающий запрет на розничную торговлю безрецептурными лекарственными препаратами дистанционным способом [2].

В мае 2020 года вступило в силу постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» от 16 мая 2020 г. № 697, которое предполагает розничную торговлю фармацевтическими препаратами только безрецептурных препаратов. Кроме этого, запрещена дистанционная продажа наркотических лекарственных препаратов и психотропных лекарственных препаратов, а также спиртосодержащих лекарственных препаратов с объемной долей этилового спирта свыше 25 процентов.

Продавать лекарства дистанционно могут только аптечные организации (за исключением индивидуальных предпринимателей), имеющие лицензии на реализацию лекарств не менее 1 года при наличии:

а) оборудованных помещений (мест) для хранения сформированных заказов;

б) сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Допускается наличие мобильного приложения;

в) собственной курьерской службы, имеющей оборудование, обеспечивающее поддержание необходимого температурного режима для доставки термолабильных лекарственных препаратов, или договора со службой курьерской доставки, имеющей такое оборудование;

г) электронной системы платежей и (или) мобильных платежных терминалов, предназначенных для проведения электронных платежей, в том числе с помощью банковских карт, непосредственно в месте оказания услуги [4].

Разрешение на розничную торговлю лекарствами дистанционным способом выдает Росздравнадзор.

В связи с распространением коронавирусной инфекции, Федеральным законом № 105 с 1 апреля по 31 декабря 2020 года было разрешено продавать ре-

цептурные лекарства по интернету. Продажа рецептурных лекарств осуществлялась только на основании электронного рецепта [2].

Такая временная мера стала толчком к разработке законопроекта об онлайн-продаже рецептурных лекарств. 20 октября 2022 года Президентом был подписан Федеральный закон № 405 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств». В соответствии с этим федеральным законом, в течение трех лет – с 1 марта 2023 до 1 марта 2026 года в Москве, Белгородской и Московской областях в рамках эксперимента будут онлайн продавать рецептурные лекарства. Закон предполагает утверждение перечня доступных для дистанционной торговли лекарств Министерством здравоохранения РФ. Документ также обязывает аптечные организации при подобных продажах обеспечить идентификацию личности гражданина, которому оформлен рецепт на лекарственный препарат, с личностью гражданина, которому доставят лекарство [3].

Если проанализировать период 2020 года, когда была разрешена продажа рецептурных лекарств онлайн, то можно сделать вывод, что имела место проблема недостаточной информатизации медицинской отрасли.

В современной российской медицинской отрасли действует система выдачи электронных рецептов, на основании которых в дальнейшем можно приобрести рецептурное лекарство дистанционно. Электронный рецепт – это юридически значимый документ, подтверждающий факт назначения медицинским работником лекарственных препаратов и содержащий его квалифицированную электронную подпись [9]. Здесь необходимо указать на отсутствие законодательно закрепленного определения «электронный рецепт», что порождает некоторые сложности с формулированием единых подходов и требований к структуре этого документа.

Согласно изменениям, внесенным еще в 2018 году в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств», рецепт на лекарственный препарат может быть выдан как на бумажном носителе, так и в электронной форме [1]. При этом, как отмечается в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24 ноября 2021 г. № 1093н, решение об использовании на территории того или иного субъекта системы отпуска лекарств по электронным рецептам, должен принимать уполномоченный орган субъекта Российской Федерации [6].

Цифровизация документооборота уже активно реализуется в некоторых регионах страны, но все же существует разница в информационном развитии регионов, существенно затрудняющая государственное решение задач в сфере лекарственного оборота. Например, механизм электронных рецептов, предусмотренный в Единой государственной информационной системе сферы здравоохранения, есть далеко не во всех медицинских учреждениях страны.

Можно выделить следующие пути решения проблем, связанных с совершенствованием процесса цифровизации в медицинской сфере.

Во-первых, необходимо выработать законодательное определение понятия «электронный рецепт» и закрепить его в подпункте 53.2 статьи 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61 ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

Во-вторых, необходимо выработать дополнительные меры, направленные на преодоление неоднородности функциональных мощностей информационных систем регионов России, представление унифицированного подхода к учету информации об обороте лекарственных средств [8, с. 23].

Таким образом, необходимо сформировать единое федеральное информационное пространство, охватывающее аптечные организации, поликлиники, больницы и обеспечивающее взаимодействие врачей, фармацевтов и пациентов. Только в этом случае будет успешным проведение эксперимента по продаже рецептурных лекарств онлайн с 1 марта 2023 года.

Постановление Правительства РФ № 697 вводит прямой запрет на онлайн-торговлю лекарствами для аптек, принадлежащих индивидуальным предпринимателям [4]. Это может создавать дискриминационные условия и оказывать негативное влияние на обеспечение населения труднодоступных и малонаселенных регионов РФ лекарственными препаратами. Дело в том, что аптеки индивидуальных предпринимателей играют важную роль в отдаленных регионах, малонаселенных городах – там, где крайне редко представлены федеральные сети, поскольку им это экономически невыгодно.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» индивидуальные предприниматели обязаны иметь лицензию для осуществления фармацевтической деятельности, как и остальные участники рынка, но Положение исключает возможность для индивидуальных предпринимателей открывать больше одной аптеки. Кроме того, данное Положение предусматривает обязательное наличие высшего фармацевтического образования для индивидуальных предпринимателей (требование о стаже исключено) [5].

Таким образом, индивидуальный предприниматель, занимающийся аптечной деятельностью, обязан иметь лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, а также обязан иметь высшее фармацевтическое образование. Тем самым индивидуальный предприниматель, во-первых, на законных основаниях осуществляет фармацевтическую деятельность, а, во-вторых, имеет достаточные знания, чтобы понимать, как правильно должны храниться и доставляться лекарственные средства. Следовательно, запрет индивидуальным предпринимателям осуществлять онлайн-торговлю лекарствами не имеет достаточных обоснований.

Для устранения дискриминационных условий в законодательстве необходимо пункт 5 Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом изложить в следующей редакции: «Розничная торговля лекарственными препаратами дистанционным способом осуществляется аптечными

организациями (в том числе индивидуальными предпринимателями), имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности с указанием выполняемой работы (оказываемой услуги) по розничной торговле лекарственными препаратами и владеющими такой лицензией не менее одного года (далее – аптечная организация), при наличии...».

Наконец, в связи с разрешением онлайн торговли лекарствами, в том числе рецептурными с 1 марта 2023 года, остро встают вопросы фальсификата, роста числа недобросовестных поставщиков и непроверенных производителей препаратов. По данным ВОЗ, около 10 % заказываемых в интернет-аптеках препаратов оказываются фальсифицированными [7]. Кроме этого, существуют риски создания мошеннических сайтов, выявление которых, как и прекращение их деятельности, требует внимания и усилий правоохранительных органов.

Решением данной проблемы может стать ужесточение уголовного и административного законодательства, а именно внесение изменений в статьи 238.1 УК РФ и 6.33 КоАП РФ, предполагающих ответственность за обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок.

Таким образом, можно сделать вывод, что технический прогресс, стремительное развитие цифровых технологий и сервисов, пандемия Covid-19 способствовали разработке и формированию нормативно-правовой базы продажи лекарственных средств дистанционным способом, что можно считать адекватным ответом на вызовы времени. Вероятно, в скором времени такой способ приобретения лекарств будет востребован не меньше, чем онлайн-продажа других товаров. Тем не менее, обозначенные проблемы требуют совершенствования законодательства в области продажи лекарственных средств дистанционным способом, а также необходима совместная работа органов государственного управления, науки, бизнеса и населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.

2. Федеральный закон от 03.04.2020 № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2035.

3. Федеральный закон от 20.10.2022 № 405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7268.

4. Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 № 697 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 21. Ст. 3278.

5. Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15. Ст. 2469.

6. Приказ Минздрава России от 24.11.2021 № 1093н «Об утверждении Правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, медицинскими организациями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, и их обособленными подразделениями (амбулаториями, фельдшерскими и фельдшерско-акушерскими пунктами, центрами (отделениями) общей врачебной (семейной) практики), расположенными в сельских поселениях, в которых отсутствуют аптечные организации, а также Правил отпуска наркотических средств и психотропных веществ, зарегистрированных в качестве лекарственных препаратов для медицинского применения, лекарственных препаратов для медицинского применения, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, в том числе Порядка отпуска аптечными организациями иммунобиологических лекарственных препаратов». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403036823/> (дата обращения: 25.11.2022).

7. Бурмистрова И. К., Кублин И. М. Актуализация проблемы моделирования управления инновационным развитием на современном этапе функционирования экономики // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 1(05). С. 10–15.

8. Раузина С. Е., Щелгунов В. А., Зарубина Т. В. Проблемы и перспективы системы «Электронный рецепт» в России. Систематический обзор // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 66(5). С. 1–35.

9. Электронный рецепт на лекарства: тяготы внедрения. Опыт делится заведующая государственной аптекой. URL: <https://pharmznanie.ru/article/rabota-v-apteke/elektronniy-recept-na-lekarstva> (дата обращения: 25.11.2022).

10. Яценко А. М. О некоторых проблемах правового регулирования продажи лекарственных средств дистанционным способом // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2021. № 22. С. 143–150.

УДК 347

Соловьева Ангелина Дмитриевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

gelkasol77@mail.ru

Ваганова Алла Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

89092533025@mail.ru

Мелехин Данил Михайлович

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Jodig140@gmail.com

Хвалыгина Наталия Лазаревна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

natalikos2011@yandex.ru

**Судебный и внесудебный порядок признания информации,
размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях,
в том числе в сети «Интернет», информацией,
распространение которой в Российской Федерации запрещено**

В статье анализируется, в каких случаях, и в каком порядке (судебном или внесудебном) информация, размещенная в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», может быть признана информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Ключевые слова: информация, распространение которой запрещено, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, судебный порядок, внесудебный порядок.

Solovieva Angelina Dmitrievna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Vaganova Alla Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melekhin Danil Mikhailovich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khvalygina Natalia Lazarevna
Senior Lecturer
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Judicial and out-of-court judicial procedure for recognizing information posted in information and telecommunication networks, including the Internet, as information whose dissemination is prohibited in the Russian Federation

The article analyzes in which situations, and in what order (judicial or extrajudicial) information posted in information and telecommunications networks, including the Internet, can be recognized as information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation.

***Keywords:** information, the dissemination of which is prohibited, information and telecommunication networks, the Internet, judicial procedure, extrajudicial procedure.*

Федеральным законом от 28.11.2018 года № 451 [4] в Кодекс административного судопроизводства была введена глава 27.1 «Производство по административным делам о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [13].

Актуальность данной главы четко прослеживается в судебной статистике. Уже в 2019 году таких административных дел было 58 469, в 2020 году – 67 971, а в 2021 году – 87 361. При этом в каждом году доля удовлетворения административных исков – 99 % [1].

Это обуславливает необходимость детального рассмотрения вопросов установления оснований для признания информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению.

Важно обратить внимание, что существует внесудебный порядок признания информации запрещенной – включение доменного имени, указателя страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [2].

Основания для включения доменного имени, сайта в данный реестр указаны в ч. 5 ст. 15.1 ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] – это, например, указанные в пункте 1 решения

уполномоченных Правительством Российской Федерации федеральных органов исполнительной власти в отношении распространяемой информации о способах совершения самоубийства, о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, о розничной торговле лекарственными препаратами, розничная торговля которыми ограничена или запрещена в соответствии с законодательством, информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий и так далее.

Список является закрытым, однако незаконной может быть признана и другая информация, согласно пункту 2 – основанием для включения в реестр является решение суда. Судебный порядок признания информации размещенной в сети «Интернет», информацией, распространение которой запрещено, не применяется в случаях, предусмотренных статьей, указанной выше. В отличие от внесудебного порядка, здесь отсутствует примерный перечень случаев и критериев, которые бы свидетельствовали о том, что информация запрещена к распространению.

Вместе с этим, нормативно-правовые акты устанавливают запреты на размещение самой разной информации. В связи с чем в данной статье считаем необходимым исследовать разновидности часто рассматриваемых дел и нормативно-правовые акты, используемые в обосновании того, что информация запрещена к распространению в Российской Федерации.

Зачастую, суды ссылаются на ч. 6 ст. 10 ФЗ №149 [5] – запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. В основном это упоминание уголовной ответственности.

Например, Нижнегорский районный суд Республики Крым [8] признал информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, информацию на интернет сайте, которая размещала публичную оферту по продаже удостоверений сотрудников правоохранительных органов, а согласно ч. 1 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [15] предусмотрена уголовная ответственность за подделку официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыт такого документа либо изготовление в тех же целях. То есть информация пропагандирует противоправные действия, как подделка служебных удостоверений и их использование.

Похожая ситуация (и решение суда) [12] была также с интернет-сайтом, на котором была размещена информация о продаже за денежную плату поддельных документов об образовании, а именно аттестатов, свидетельств ЕГЭ, дипломов, выполненных на бланках гознака, которые можно было приобрести без обучения и сдачи экзамена. В обоснование того, что распространение данной информации запрещено в РФ, была также использована статья 327 УК РФ

[15], а также 324 УК РФ [15] – приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград.

В похожих делах также используется ст. 19.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [14] – подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт.

Основания признания информации запрещенной к распространению могут быть указаны и в других федеральных законах. Например, информация о приобретении российских водительских удостоверений без сдачи экзамена и получения медицинского заключения противоречит ч. 2–4, 6 ст. 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [3] – право на управление транспортными средствами предоставляется лицам, сдавшим соответствующие экзамены, при соблюдении условий, перечисленных в статье 26 настоящего Федерального закона. Это подтверждает, например, решение Чулымского районного суда Новосибирской области № 2а-97/2022 [9].

Также о запрете распространения определенной информации указано в различных приказах министерств. Например, размещенная на сайте информация о ловушках в виде петли, запрещена п. 62.24 Приказа Минприроды России № 477 «Об утверждении Правил охоты» [7] – при осуществлении охоты запрещается применение петель для добычи копытных животных, медведей, пушных животных, птиц, за исключением некоторых животных указанных в этом же пункте. Суд признал, что указанная информация о способах отлова диких животных может мотивировать пользователей «Интернет»-ресурса на совершение неправомерных действий, а значит должна быть признана информацией, запрещенной к распространению на всей территории Российской Федерации [11].

Или Приказом Минздрава России от 14.09.2020 № 972н утвержден Порядок выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений [6], в котором указано, что выдача медицинских справок производится на основании записей врачей, отраженных в медицинской документации, по результатам медицинского обследования в соответствии с установленной законом программой. Но существуют сайты, которые предлагают продажу медицинских справок различных форм без прохождения соответствующих медицинских осмотров и освидетельствования, и суды признают эту информацию, распространяемую посредством сети Интернет и размещенную на данных интернет-сайтах, информацией, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации [10].

Также в судебной практике есть случаи о запрещенной к распространению в Российской Федерации информации:

- 1) о покупке трудовой книжки;
- 2) продаже паспортов, а также изготовлении штампов, оформление виз, подготовка пакета документов для выезда из РФ;
- 3) изготовлении взрывчатого вещества пороха; изготовлении «Этиленгликольдинитрат» (ЭГДН) и так далее.

Таким образом, существуют как судебные, так и внесудебные способы признания информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено, но в основном это судебный порядок – при помощи главы 27.1 КАС РФ [13] «Производство по административным делам о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено», которая используется очень часто, а основания удовлетворения исков по данным делам – самые различные.

На наш взгляд, одной из проблем при рассмотрении судами споров данной категории дел является отсутствие закрепления на законодательном уровне понятия «информации, запрещенной к распространению посредством в сети Интернет» и ее перечня, что на практике вызывает определенные сложности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Административное судопроизводство (публично-правовые споры) // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/> (дата обращения: 23.11.2022).

2. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 23.11.2022).

3. О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 № 196 (ред. от 29.11.2021) : принят Государственной Думой 15 ноября 1995 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.11.2018 (ред. от 17.10.2019) : принят Государственной Думой 20 ноября 2018 года : одобрен Советом Федерации 23 ноября 2018 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.11.2022).

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 №149 (ред. от 14.07.2022) : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

6. Приказ Минздрава России от 14.09.2020 № 972н (ред. от 12.11.2021) «Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и ме-

дицинских заключений» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

7. Приказ Минприроды России от 24.07.2020 № 477 (ред. от 05.04.2022) «Об утверждении Правил охоты» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

8. Решение Нижнегорского районного суда Республики Крым от 12 февраля 2020 № 2А-89/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 24.11.2022).

9. Решение Чулымского районного суда Новосибирской области от 14 февраля 2022 № 2а-97/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 24.11.2022).

10. Решение Шебекинского районного суда Белгородской области от 4 февраля 2022 № 2А-1945/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 24.11.2022).

11. Решение Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 17 февраля 2022 №2А-63/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 24.11.2022).

12. Решение Ясненского районного суда Оренбургской области от 22 февраля 2022 № 2|1|А-77/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 24.11.2022).

13. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: КАС : текст с изменениями и дополнениями на 20 июня 2022 года : принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.11.2022).

14. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: КоАП : текст с изменениями и дополнениями на 04 ноября 2022 года : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.11.2022).

15. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК : текст с изменениями и дополнениями на 24 сентября 2022 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

УДК 343.163

Фатеев Роман Сергеевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vasechkin.i@inbox.ru

Гончарова Татьяна Сергеевна

кандидат юридических наук

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

KovalenkoTS@mail.ru

Индикаторы эффективности цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры

В настоящее время в системе отечественной прокуратуры реализуется «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года», призванная оптимизировать ее деятельность посредством внедрения современных цифровых технологий. Автор анализирует основные показатели, посредством которых планируется обеспечить достижение целей, поставленных вышеуказанной «Концепцией...», и приходит к выводу о том, что система таких показателей требует дополнения.

***Ключевые слова:** информатизация, правовая информатизация, цифровизация, прокуратура, сеть «Интернет», электронное взаимодействие.*

Fateev Roman Sergeevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Goncharova Tatyana Sergeevna

candidate of law, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Indicators of the effectiveness of digital transformation of prosecutor's offices and organizations

Currently, the system of the national prosecutor's office is implementing the “Concept of digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office until 2025”, designed to optimize its activities through the introduction of modern digital technologies. The author analyzes the main indicators through which it is planned to achieve the goals set by the above-mentioned “Concept...”, and comes to the conclusion that the system of such indicators requires additions.

***Keywords:** informatization, legal informatization, digitalization, prosecutor's office, Internet network, electronic interaction.*

Современные условия требуют от публичных субъектов активного использования в своей повседневной практической деятельности новейших цифровых (информационных) технологий, позволяющих взаимодействовать с гражданами и юридическими лицами, а также с иными органами государственной власти в электронной среде. Формирование цифровой инфраструктуры выступает важнейшим залогом эффективной деятельности любого государственного органа, в том числе и органов прокуратуры, которые занимают особое место в единой системе публичной власти и призваны обеспечивать законность практически во всех сферах общественной жизни.

Как справедливо отмечает Е. А. Иванченко, недочеты в разработке и реализации программ цифровизации отечественной прокуратуры в конечном итоге могут привести к ее существенному «отставанию» от реалий общественной жизни [4, с. 179].

Представляется очевидным, что такое отставание будет не только и столько проблемой самой прокуратуры, сколько всего общества в целом, поскольку именно прокуратура в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1], именно органы прокуратуры призваны обеспечивать верховенство закона, защиту прав и свобод человека и гражданина.

Соответственно, анахроничные формы и методы правоприменения, не учитывающие потребности современного цифрового общества, не позволят гражданам и организациям рассчитывать на эффективную защиту их прав посредством прокурорской деятельности.

Важно учитывать, что пандемия Covid-19 наглядно продемонстрировала, что «онлайн» взаимодействие органов государственной власти с гражданами и организациями, осуществляемое исключительно в электронной среде, выступает не просто возможной, но и оптимальной формой публично-частных коммуникаций [3, с. 68].

Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 года № 627 утверждена «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (далее по тексту статьи – «Концепция...») [2].

В Концепции закреплено, что ее реализация направлена на комплексную оптимизацию деятельности органов прокуратуры в целях:

- преимущественного использования данных в цифровой форме;
- формирования среды электронного взаимодействия с учетом потребностей граждан, общества и государственных органов в получении качественных и достоверных сведений;
- развития цифровой инфраструктуры на основе применения российских информационно-телекоммуникационных технологий и формирования новой технологической основы для исполнения полномочий органами прокуратуры;
- создания методической и технологической основы для формирования и развития компетенций сотрудников органов прокуратуры в области реализации своих полномочий в условиях цифровой экономики.

Целями цифровой трансформации органов прокуратуры выступают:

– повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства;

– создание условий для оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора;

– обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры, повышение ее информационной безопасности;

– создание условий готовности к изменениям в общественно-политической и экономической ситуации, связанным с переходом к цифровой экономике;

– переход к сервисной модели владения собственной цифровой инфраструктурой и ее развития;

– развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления.

Как отмечает В. В. Стрельников, основными посылами, заложенными в цели цифровизации прокуратуры, выступают понимание необходимости повышения оперативности и эффективности деятельности органов прокуратуры в условиях современного высокотехнологичного, информационного общества. Без внедрения соответствующих информационных технологий прокуратура рискует серьезно отстать от реалий социально-экономического и политико-правового развития России, что, в силу ее особой роли в государственном механизме, негативно скажется на множестве областей общественной жизни [5, с. 142].

При этом представляется очевидным, что цифровизация органов и организаций прокуратуры является процессом, требующим максимально конкретизированной оценки, иными словами, в 2025 году, когда цели и задачи «Концепции...» запланированы к достижению (выполнению), необходимо будет получить четкий ответ на вопрос о том, действительно ли произошла цифровая трансформация прокуратуры, и данный орган государственной власти всецело удовлетворяет потребностям современного информационного общества? И ответ на такой вопрос должен базироваться не на, например, субъективном восприятии руководящего звена отечественной прокуратуры, а на строгой системе критериев с запланированными показателями.

Такие показатели предусмотрены в разделе 9 «Концепции...» и включают в себя два блока: внешний и внутренний.

Внешние индикаторы относятся к гражданам и организациям, по тем или иным вопросам обращающимся к органам прокуратуры или ее информационным системам.

В частности, среди таких индикаторов – удовлетворенность граждан и организаций (представителей организаций) качеством взаимодействия с органами прокуратуры. В 2025 году данный показатель должен составить 90 %, оп-

ределяться он будет, очевидно, посредством опросов граждан и представителей организаций на сайтах органов прокуратуры, путем заполнения бумажных форм при личном обращении и т. д.

Безусловно, к данному показателю следует относиться с осторожностью, например, гражданин, жалоба которого в органы прокуратуры будет оставлена без удовлетворения как действительно необоснованная, скорее всего в любом случае останется «недовольным», даже если само по себе качество взаимодействия было на высоком уровне. Иначе говоря, большинство лиц, оценивающих степень своей удовлетворенности качеством взаимодействия с органами прокуратуры, будет исходить из результата, а не качества процесса, соответственно, данный индикатор нельзя назвать в полной мере объективным. Кроме того, в систему внешних индикаторов входит доля обращений граждан и представителей организаций, рассмотренных без продления первичного срока (должна составить 90 %), доля субъектов РФ, в отношении которых на публичном портале правовой статистики в сети «Интернет» (<http://crimestat.ru>) должны быть размещены статистические данные о состоянии преступности до уровня городов и районов (требуемый к 2025 году показатель – 100 %) и др.

Внутренние индикаторы характеризуют качество цифровой инфраструктуры, обеспечивающей надлежащий уровень исполнительской дисциплины, ведомственный контроль, требуемый профессиональный уровень работников прокуратуры.

В частности, среди таких индикаторов:

- доля прокурорских работников, прошедших профессиональную переподготовку в соответствии с реалиями цифровой трансформации (к 2025 году должна составить 70 %);
- доля информационных систем прокуратуры, которые перемещены в государственную единую облачную платформу (не менее 80 %);
- доля органов прокуратуры, в которых успешно внедрены стандарты безопасного электронного информационного взаимодействия (100 %).

При этом обращает на себя внимание, что предусмотренная «Концепцией...» система индикаторов охватывает не все направления цифровой трансформации прокуратуры, в частности, одним из таковых выступает формирование высокотехнологичного надзора, который осуществляется исключительно посредством электронного взаимодействия.

Вместе с тем в разделе 9 «Концепции...» отсутствует четкий индикатор, позволяющий оценить эффективность внедрения механизмов высокотехнологичного надзора, например, удельный вес мер прокурорского реагирования, реализованных исключительно в электронном виде и т. д. Очевидно, что без строгих индикаторов сделать обоснованный вывод о том, действительно ли органам прокуратуры удалось сформировать систему высокотехнологичного надзора, будет крайне сложно.

Подытоживая, следует отметить, что предусмотренные «Концепцией...» индикаторы эффективности ее реализации подразделяются на внешние (связанные с взаимодействием с гражданами и организациями) и внутренние (соотнесены с внутриведомственными механизмами). Представляется, что положе-

ния «Концепции...» также следует дополнить четкими показателями, характеризующими формирование механизмов высокотехнологичного надзора (например, удельный вес мер прокурорского реагирования, реализованных в электронной среде).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.07.2022).

3. Зенин С. С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов государственной власти в условиях пандемии Covid-19 // Lex Russica. 2021. № 6. С. 66–70.

4. Иванченко Е. А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества // Основы экономики, управления и права. 2020. № 5. С. 178–183.

5. Стрельников В.В. Проблемы информационного обеспечения в органах прокуратуры Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 6. С. 141–145.

УДК 343

Шулякова Мария Владимировна

студент, Ростовский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России)

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

mari.shulyakova.99@inbox.ru

Алибеков Шахизин Ильмутдинович

доктор экономических наук, профессор

Ростовский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России)

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

**Расследования криптовалютных преступлений,
основанных на блокчейне**

В данной статье автор затрагивает механизмы передачи зашифрованной информации технологии блокчейна. В связи с передачей и хранением различных данных, в том числе конфиденциальной информации при использовании криптовалюты, становится все чаще

и прощя совершение преступлений в этой сфере, таких как: приобретение оружия, мошенничество в крупных размерах, наркотических средств, легализации преступных доходов, преступления против государственной безопасности и ряд других. Рассмотрим, как исследуют «следы» в данных информационных, киберпреступлениях с использованием криптовалюты в криминальных целях, а также алгоритмы расследования и обработки ключевых данных для дальнейшей возможности привлечения к уголовной ответственности.

***Ключевые слова:** блокчейн, криптовалюта, расследование киберпреступлений, информационно-телекоммуникационные технологии, биткоин-кошелек, транзакции.*

Shulyakova Maria Vladimirovna

student, Rostov Institute (branch)

VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Rostov-on-Don, Russian Federation

Alibekov Shakhizin Ilmutdinovich

doctor of economics, professor

Rostov Institute (branch)

VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Rostov-on-Don, Russian Federation

Investigations of cryptocurrency, crimes based on blockchain

In this article, the author touches upon the mechanisms for transferring encrypted information to blockchain technology. In connection with the transfer and storage of various data, including confidential information when using cryptocurrency, it is becoming more and more common to commit crimes in this area, such as: acquisition of weapons, large-scale fraud, narcotic drugs, money laundering, crimes against state security and a number of others. Let's consider how the «traces» in these informational, cybercrimes using cryptocurrency for criminal purposes are investigated, as well as algorithms for investigating and processing key data for the further possibility of bringing to criminal responsibility.

***Keywords:** blockchain, cryptocurrency, cybercrime investigation, information and telecommunication technologies, bitcoin wallet, transactions.*

Блокчейн можно представить как непрерывную последовательную цепочку блоков, выстроенную на основе определенных правил, содержащую информацию. Связь между такими блоками цепи обеспечивается как определенной нумерацией, так и тем, что отдельный блок содержит свою собственную хеш-сумму и хеш-сумму блока, стоящего перед ним. Любое изменение в блоке изменит и информацию о его хеш-сумме [8, с. 2]. И если после изменяемого блока уже было создано продолжение цепи, то изменение станет весьма сложным. Все дело в том, что обычно копии таких цепочек хранятся на множестве компьютеров, которые независимы друг от друга, именно поэтому представляет широкий спектр возможностей для расследования преступлений и предупреждения киберпреступлений. Такие технологии позволяют отслеживать подозрительные транзакции, блокировать движение средств на счета потенциальных преступников и связанных с ними лиц. А также необходимые данные расследования (данные о самом преступном деянии и связанных с ним действий, био-

метрические данные граждан и лиц без гражданства, сведения о судимости, списки разыскиваемых лиц и прочее) сохраняются, в том числе в ряде баз данных судебной экспертизы, посредством чего становятся более доступными и безопасными.

Появились случаи угроз террористических группировок с требованиями криптовалюты, что в свою очередь отразило ей некую негативную сторону, как дополнительный предмет криминальных посягательств. Изначально криптовалюта не имели никаких границ обращения, что создает огромные риски в контроле и соответственно безопасности [2, с. 1]. Из-за этого ряд стран запрещают или ограничивают использование криптовалюты на своей территории. Сейчас появились различные компании, активно работающие над блокчейн-технологиями для борьбы с отмыванием денег.

Сегодня часто мы слышим о взломе и краже персональных данных, а также интеллектуальной собственности. И зачастую в раскрытии таких преступлений правоохранительные органы недостаточно подготовлены и оснащены. Охват таких преступлений велик, ведь они могут происходить как на местном уровне, например, взлом Yahoo, посягательство на 3 миллиарда учетных записей пользователей, а также участились случаи международного уровня, где правительство одной страны обвиняет во взломе другую, или ряд стран, что влияет на международные отношения в целом [3, с. 3].

Интеллектуальный уровень преступности растет прямо пропорционально развитию цифрового пространства. В даркнете возможно даже получить платную юридическую консультацию, т. е. существуют юристы, которые за биткоины проконсультируют вас, как выдать себя, не оставить следы, используя криптовалюту в криминальных целях. Существуют и другие виды организованной преступности, в которой задействованы профессиональные хакеры со всего мира. Криптокриминал стал частью реального мира преступности, людей похищают и требуют передачи адресов криптовалютных кошельков под угрозой смерти или причинения различного вида ущерба. Однако вернемся к тому, что биткоин-транзакции записываются в блокчейне, соответственно их можно отслеживать, в том числе доходы, полученные незаконным путем [4, с. 2]. Любой может загрузить историю транзакций биткоина и проверить ее, либо использовать один из ряда сервисов, чтобы проверить транзакцию онлайн.

Тщательно исследовав процессы блокчейна, можно установить учетные записи, которые, очевидно, относятся к одному биткоин-кошельку, а значит, регулируются одним и тем же пользователем. Описанное получило название кластеризации. Другим моментом, на который стоит обратить внимание, – остаток после первичной биткоин-транзакции направляют обратно на счет, но отличный от счета отправителя, начавшего данный финансовый процесс [5, с. 276]. И когда мы выявили, что несколько учетных записей связаны с одним субъектом, мы можем приступать к выявлению данного субъекта, а именно установлению его личности. Что опять же говорит о реальной работе блокчейн-расследования.

Из-за указанных ограничений конфиденциальности биткоина многие, и конечно же криминальные личности, переходят на новые криптовалюты, на-

пример Z-кэш и Монэро, которые создают минимум следов после транзакций. Названные криптовалюты, конечно, ставят конфиденциальность на планку значительно выше. Однако и здесь есть свои возможности для расследования. Группа исследователей Принстонского университета во главе с Мальтом Мозером посредством анализа и исследований доказали, что даже в отношении таких новых криптовалют можно установить более 60 % необходимых данных о транзакциях [6, с. 189].

Говоря об опыте нашей страны, в России уже почти 2 года существует сервис «Прозрачный блокчейн», который был создан Росфинмониторингом для отслеживания транзакций криптовалюты [7, с. 3]. Эта технология направлена не только на анализ самих транзакций, но и на выявление признаков преступных действий, благодаря чему постепенно нарабатывается практика расследований, а также судебная практика по таким делам. Более того, ранее отраженные особенности технологий блокчейна могут действительно содействовать в расследовании преступлений с криптовалютой. Наибольший уклон здесь не на установление личности преступника, в первую очередь необходимо установить все движения его средств и связь между ними, именно поэтому правоохранительным органам стоит взаимодействовать с криптовалютными компаниями для выявления и пресечения криминальной деятельности посредством блокчейн-технологий. Важно создание специальных групп для мониторинга с целью выявления подозрительной активности и блокировки таких незаконных финансовых операций [8, с. 2]. Разумеется, решение этой важной и сложной проблемы носит комплексный характер, и требует постоянного исследования и развития для усиления контроля и пресечения преступных финансовых обращений криптовалюты, в том числе для большего доверия в сфере безопасного пользования ею внутри стран и на международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Посиделки с кибер-детективами: расследуем преступления с криптовалютами // Безопасность. URL: <https://hub.forklog.com/posidelki-s-kiber-detektivami-rassleduem-prestupleniya-s-kriptovalyutami/> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Возможности блокчейна в расследовании уголовных дел // Блокчейн. URL: <https://ru.bitcoinethereumnews.com/blockchain/opportunities-for-blockchain-in-police-investigations/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Журнал о блокчейне. URL: <https://blockchain24.pro/o-blokchejn-rassledovaniyah-i-specifike-kriptovalyutnyh-prestuplenij-s-georgiem-rahaevym> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Крипто. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/602fb2449a7947f67080807f> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Мельников В. Ю. Уголовная ответственность за преступления : учеб. пособие. Ростов н/Д : Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России, 2022. 565 с.

6. Проблемы реализации уголовной политики на современном этапе развития российского общества : монография. Ростов н/Д : ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), 2020. 270 с.

7. Сервисы для отслеживания блокчейн и их значение. URL: <https://cryptonews.net/ru/news/blockchain/5555673/> (дата обращения: 25.11.2022).

8. Умная безопасность. URL: <https://dzen.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1a/prestuplenie-i-blokchein-instrumenty-analiza-blokcheinov-i-otslejivaniia-tranzakcii-v-rukah-pravoohranitelnyh-organov-5c88af0943a7b600b05bcb1f> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 343.98

Яркова Елизавета Сергеевна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
liza.yar@bk.ru

Галичева Анастасия Сергеевна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
galicheva.anastasya@yandex.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

**Цифровизация деятельности следователя
при раскрытии и расследовании преступлений**

В данной статье авторы рассматривают вопросы использования следователями средств цифровизации в процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Ими обращено внимание на широкое применение компьютерных и им подобных технических средств при производстве следственных действий. Также авторами рассмотрены проблемы, связанные с отсутствием, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России, норм, регулирующих порядок их использования в уголовном судопроизводстве, следовательно, не урегулирован вопрос признания полученных результатов доказательств по уголовному. В связи с этим, в статье обосновывается целесообразность внесения дополнений и изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, что позволило бы следователю, на законном основании, использовать средства цифровизации в его деятельности и снять вопросы о признании доказательств результатов их применения в процессе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: Следователь, следственные действия, следственная деятельность, уголовное дело, преступление, цифровизация, компьютеризация, правоохранительные органы, цифровые технологии.

Yarkova Elizaveta Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Galicheva Anastasia Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, docent
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Digitalization of the investigator's activities in the disclosure and investigation of crimes

In this article, the authors consider the use of digitalization tools by investigators in the process of solving crimes and investigating criminal cases. They drew attention to the widespread use of computer and similar technical means in the production of investigative actions. The authors also considered the problems associated with the absence, in the current criminal procedure legislation of Russia, of norms regulating the procedure for their use in criminal proceedings, therefore, the issue of recognition of the results obtained as evidence in criminal proceedings has not been settled. In this regard, the article substantiates the expediency of making additions and amendments to the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which would allow the investigator, on a legal basis, to use the means of digitalization in his activities and remove questions about the recognition of evidence of the results of their application in the investigation of criminal cases.

Keywords: Investigator, investigative actions, investigative activity, criminal case, crime, digitalization, computerization, law enforcement agencies, digital technologies.

Современное развитие общества немислимо без использования цифровых технологий. Такие свойства цифровизации всех направлений деятельности человека как мобильность, доступность, компактность, простота в использовании и относительно не высокая цена, стали основными причинами ее стремительного внедрения во все сферы жизнедеятельности. Сейчас фактически у каждого пользователя электронно-вычислительной техники имеется доступ к сети Интернет (Internet – intr + net – объединение сетей) – всемирная компьютерная сеть, объединяющая миллионы компьютеров в единую информационную сеть для хранения и передачи информации. По имеющимся данным в мире более 3 миллиардов пользователей, регулярно использующих Интернет. Как показывают результаты исследований, услугами Интернета пользуются различные слои населения, в том числе и дети. Сама Сеть играет существенную роль и имеет важное значение в развитии современного общества и затрагивает фак-

тически все сферы жизнедеятельности человека. Но, несмотря на все плюсы и полезные свойства компьютеризации и цифровизации, Интернет, в меру его доступности, является не только средством общения, взаимосвязи, но и совершения противоправных деяний. Развитие глобальной сети Интернет делает возможным свободное взаимное общение людей, находящимся не только в различных городах, странах, но и в космосе, при помощи персональных компьютеров, смартфонов и прочих технических устройств.

Простота в использовании, мобильность, широта диапазона действия и относительная компактность таких устройств способствует расширению круга пользователей причем не только добропорядочных, но и недобросовестных пользователей компьютерной техникой, которые стали использовать компьютерные (цифровые) технологии в своих преступных целях.

Проводимые исследования свидетельствуют о том, что процесс компьютеризации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности в современном мире, хоть и имеет широкое распространение, но до настоящего времени мы не имеем законодательного определения данным понятиям. В настоящей работе мы коснемся лишь отдельных направлений цифровизации деятельности отдельной категории пользователей цифровых технологий.

Изучение различных научных работ свидетельствует о том, что в научных источниках термин «цифровизация» трактуется по-разному.

Так, С. Д. Бодрунов под цифровизацией понимает «образное выражение, охватывающее комплекс решений, связанных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (интернет, мобильная связь, обработка больших массивов информации, искусственный интеллект и т. п.) преимущественно в цифровой форме» [2, с. 62].

В то же время, по мнению Я. В. Гайворонской, О. И. Мирошниченко и А. Ю. Мамычева, «применительно к гуманитарным исследованиям на сегодняшний день можно выделить три значения, в которых используется термин «цифровизация»: 1) «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую; 2) «оцифровывание информации», перевод информации в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования; 3) широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни» [3, с. 27].

В целом же, обобщая сказанное специалистами процессуалистами, можно сделать вывод о том, что цифровизация – это процесс переноса информации с бумажного (физического) носителя на цифровой, который в свою очередь подстраивается под человека.

Как уже было сказано, цифровизация затрагивает все сферы жизнедеятельности человека и существенно облегчает такую деятельность. Не является исключением и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Представители правоохранительных органов широко используют в своей работе цифровые технологии, в том числе и в процессе раскрытия и расследования

преступлений.

Следственный комитет Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Как следует из положений ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2022 г. № 621-ФЗ), «основными задачами Следственного комитета являются:

1) оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;

2) обеспечение законности при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях, возбуждении уголовных дел, производстве предварительного расследования и судебной экспертизы, а также защита прав и свобод человека и гражданина;

3) осуществление процессуального контроля деятельности следственных органов Следственного комитета и их должностных лиц;

3.1) организация и производство в судебно-экспертном учреждении Следственного комитета судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;

4) организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств;

5) осуществление в пределах своих полномочий международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;

б) разработка мер по реализации государственной политики в сфере исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве;

7) совершенствование нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности;

8) определение порядка формирования и предоставления статистических отчетов и отчетности о деятельности следственных органов и учреждений Следственного комитета, процессуальном контроле» [5].

Как мы видим, основной деятельностью следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации является деятельность по оперативному и качественному расследованию преступлений, приему, регистрации, проверке сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел, производству предварительного расследования и судебной экспертизы, а также защите прав и свобод человека и гражданина; организации и производству в судебно-экспертном учреждении Следственного комитета судебных экспертиз, т. е. осуществление следственной деятельности.

Говоря о понятии следственной деятельности, нам представляется верным определение, данное Г. З. Адигамовой, по ее мнению «следственная деятельность – это система познавательных, организационно-распорядительных, тактических, процессуальных и иных действий, и решений следователя, на-

правленных на раскрытие преступления и расследование уголовного дела» [1, с. 261–263].

Продолжая рассуждения о цифровизации следственной деятельности, стоит отметить то, что теоретические положения уголовного процессуального права являются основополагающими как для следственной деятельности, так и для ее цифровизации. Таким образом, процесс цифровизации деятельности следователей распространяет свое влияние не только на практику расследования преступлений, но и на теоретические положения уголовно-процессуального права и в полной мере должен строго соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, т. е. внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводства должно основываться на действующих положениях закона. В то же время, несмотря на расширение сфер внедрения цифровых технологий в процесс расследования уголовных дел (это и прием заявлений и сообщений о преступлениях, применение компьютерной техники в процессе производства следственных действий, подготовки различных процессуальных документов, производства судебных экспертиз и др.), действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит норму, в которой лишь указывается на то, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств» [4, ст. 164]. Кроме этого, в ч. 3 ст. 170 УПК РФ имеется предписание об использовании технических средства фиксации: «В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов» [4, ст. 170]. Несмотря на то что действующее уголовно-процессуальное законодательство России, в одних случаях позволяет, а в других – обязывает использовать технические средства, оно не содержит норм, устанавливающих правила и порядок их использования при производстве того или иного следственного действия. Что, как нам представляется, является пробелом в законодательстве, делающим проблематичным использование доказательств, полученных при производстве следственных действий с использованием того или иного технического средства.

В настоящее время во всех подразделениях Следственного комитета России, в качестве технических средств фиксации хода и результатов следственного действия используются, наряду с персональным компьютером и принтером, с помощью которых изготавливаются (печатаются) протоколы следственных действий, цифровые фотоаппараты и цифровые видеокамеры, а при копировании документов используются различные сканеры и многофункциональные установки, способные отцифровать и сохранить в электронной памяти, копируемый документ или предмет. Также при производстве осмотров места происшествия, освидетельствования все чаще используются дактилоскопические сканеры, позволяющие сканировать (откопировать) и зафиксировать обнаруженные папиллярные узоры рук, ног на цифровой носитель и произвести сверку отсканированных папиллярных узоров на наличие аналогичных узоров в существующей автоматической базе данных и, в случаях обнаружения аналогичных

следов в базе данных, установить, кому они принадлежат, а также где может находиться это лицо в данное время.

Следственной практике известны случаи использования устройства «ЮФэд тач», которое может извлекать из мобильного телефона, имеющуюся в нем информацию – изображения, видео- и звукозапись, переписку с другими абонентами. Кроме того, это устройство способно извлекать данные, которые были удалены из памяти мобильного телефона много лет назад. Как показала практика применения этого устройства, оно работает с любимыми марками мобильных телефонов [6].

Кроме этого, в настоящее время, в целях розыска преступников и транспортных средств, также широко используются различные системы интеллектуальной видео аналитики, с помощью которых, в режиме реального времени, на основе высокоточных технологий, происходит распознавание объектов поиска в видеопотоке. К числу разыскиваемых объектов могут относиться, в частности сами люди, их лица, силуэты, автотранспорт и др. Комплексы таких систем (например, система FindFace, АИС «Спецлаб Паутина») выполняют их идентификацию, как в статичном, так и в динамичном режиме, при обнаружении совпадений искомого объекта автоматически уведомляется об этом инициатор, а также ему сообщается о его месте нахождения.

Возвращаясь к следственной деятельности, следует не забывать про то, что следственная деятельность обладает особыми отличительными признаками, среди которых выделяют:

- оперативное и качественное расследование преступлений;
- двойственность регламентации следственной деятельности: с одной стороны законодательная, с другой стороны следователь обладает процессуальной самостоятельностью;
- самостоятельное направление хода расследования, принятие самостоятельных решений о производстве следственных и иных процессуальных действий;
- следственной деятельности присуще использование человеческих мыслительных процессов, замена которых невозможна искусственным интеллектом.

Таким образом, каким бы глубоким и широким не было введение цифровизации в уголовное судопроизводство, оно не может исключать участие следователя в такой деятельности.

В то же время, для правильного понимания и оценки значимости процесса цифровизации деятельности следователей следственных подразделений Следственного комитета России, как нам представляется, необходимо проанализировать процесс производства отдельных следственных действий, выполняемых в ходе расследования уголовных дел.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует производство следующих следственных действий: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроля и записи переговоров, допроса, очной

ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, производство экспертизы [4, с. 176–204].

Итак, осмотр производится в целях обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, выяснения других обстоятельств, могущих иметь значение для уголовного дела.

В процессе расследования уголовного дела могут быть выполнены следующие виды осмотра: места происшествия, местности, жилища, иного помещения, не являющегося местом происшествия, предметов, документов, трупа или его частей, а также практике известны случаи осмотров животных, их трупов и частей трупов животных, а также транспортных средств.

Как известно, осмотр – это специфическое следственное действие, требующее от следователя особой внимательности, что бы можно было обнаружить, зафиксировать и изъять даже самые мелкие, слабо видимые, а порой и невидимые следы. Для решения этой задачи, вряд ли возможно обойтись без использования специальных технических средств, в том числе и цифровых.

Ввиду того что существуют следы, которые невозможно обнаружить невооруженным взглядом, на месте происшествия могут быть использованы цифровые технологии, способные выявить и зафиксировать слабо видимый или невидимый след, в том числе биологического происхождения или какой-либо микрообъект, могущие иметь важное значение для расследуемого уголовного дела и способствовать их изъятию для дальнейшего исследования и идентификации. Как нам представляется, все эти технические средства также могут быть использованы при производстве таких следственных действий как обыск и выемка.

Одной из разновидностей осмотра является освидетельствование, которое проводится посредством обследования тела живого человека, выполняемого в целях обнаружения на теле особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. При проведении этого следственного действия, как правило, используется помощь специалиста, обладающего познаниями в той или иной сфере научного знания. Так, например, при медицинском освидетельствовании человека на состояние алкогольного опьянения специалистом может быть использован газоанализатор паров спирта. Кроме этого, при производстве данного следственного действия могут быть использованы, ранее называемые цифровые средства фиксации хода и результатов освидетельствования.

В процессе расследования уголовных дел, самым распространенным следственным действием, без производства которого не обходится ни одно уголовное дело, является допрос, при его выполнении используются компьютерная техника, цифровые видео и фотокамеры, а также аудио записывающие устройства, способствующие получению объективной информации от допрашиваемого лица, а также установлению истины по делу. Кроме этого, использование таких технических средств дисциплинирует участников следственного действия, делает маловероятной проблему изменения данных показаний допрошенным

лицом, как в процессе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства. Все технические средства, которые используются при допросе, могут быть использованы как при производстве очной ставки, так и проверки показаний на месте.

Названные выше технические средства могут быть применимы и при производстве следственного эксперимента, который проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. Следственный эксперимент выполняется путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события. Например, при расследовании дорожно-транспортных происшествий, наряду с уже называемыми техническими средствами, возникает необходимость в определении особенностей движения транспортного средства, обстановки места происшествия, для чего используются различные технические средства, в частности, это могут быть GPS-трекер, GPS-навигатор, ноутбуки, смартфоны с выходом в сеть Интернет, лазерная рулетка, мобильная связь, секундомер и др.

Предъявление для опознания – следственное действие, заключающееся в установлении потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым тождества, или групповой принадлежности ранее воспринимавшегося объекта по его мысленному отображению. Данное следственное действие предусматривает участие как минимум двух человек вместе с опознаваемым, плюс не менее двух понятых, следователя и опознающего. Как и при производстве любого другого следственного действия, при проведении предъявления для опознания возможно использование цифровых средств дополнительной фиксации хода и результатов этого следственного действия. В случае невозможности участия, при предъявлении для опознания, двух понятых, следователь обязан обеспечить использование средств дополнительной фиксации хода и результатов предъявления для опознания. Кроме того, уголовно-процессуальный закон позволяет, при невозможности предъявления объекта в натуре, проводить опознание по его фотографии. Исходя из буквального толкования данного предписания, закон не позволяет проводить предъявление для опознания по видеозаписи, хотя практике известны случаи предъявления для опознания живых лиц по кино-съемке и видеозаписи.

Как нам представляется, данное обстоятельство является упущением действующего уголовно-процессуального законодательства России. Кроме того, представляется возможным разрешить на законодательном уровне производство опознания живых лиц по системе распознавания лиц с использованием современных цифровых технологий по имеющимся в автоматизированной базе данных лицам людей, а результат такого распознавания оформлять соответствующим протоколом или справкой, приравняемой к заключению эксперта.

Кроме того, по нашему мнению, представляется целесообразным, разрешить, на законодательном уровне, признавать доказательством результаты идентификации следов рук при их проверке по автоматизированной информационно-поисковой системе «АДИС-Папилон», оформленные в виде соответствующей справки, также приравняв ее с заключением эксперта.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о том, что следователи

в деятельности по расследованию уголовных дел сталкиваются с такой проблемой, как отсутствие законодательного регулирования использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. В определенной мере данную проблему можно разрешить посредством дополнения уголовно-процессуального законодательства нормами, регламентирующими порядок использования системы распознавания лиц, а также идентификации личности по следам рук с помощью системы «АДИС-Папилон».

В качестве другой проблемы, как нам представляется, является низкий уровень цифровой или компьютерной некомпетентности следователей следственных подразделений Следственного комитета России. Для разрешения данной проблемы представляется целесообразным, в образовательных учреждениях создать учебные курсы с выделением достаточного объема учебных часов на изучение проблем компьютеризации и цифровизации следственной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адигамова Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 261–263.

2. Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации : монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 62 с.

3. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. № 18(4). С. 27–34.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 30.12.2022).

5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32484> (дата обращения: 30.12.2022).

6. Как уникальные приборы помогают воронежским следователям распутывать преступления. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/26597.4/3612128/> (дата обращения: 10.12.2022).

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 343.98

Акулов Иван Андреевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Kuku5henok@yandex.ru

Хвалыгина Наталия Лазаревна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

natalikos2011@yandex.ru

Правовые основы коллекторской деятельности: российский и зарубежный опыт

В данной статье анализируются правовые основы коллекторской деятельности и рассматривается правовое регулирование данной деятельности в России и в зарубежных странах. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в законодательство, регулирующее данный вид деятельности, о необходимости принятия нормативного правового акта, который станет правовой основой деятельности коллекторов, позволяющей устранить любые их незаконные действия, вносится предложение об установлении уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов, путем внесения изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: коллектор, коллекторская деятельность, задолженность, долг, взыскание.

Akulov Ivan Andreevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Khvalygina Natalia Lazarevna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal Basis of Collection Activities: Russian and Foreign Experience

In this article the legal bases of collecting activity are analyzed and the legal regulation of this activity in Russia and in foreign countries is considered. The author concludes that it is necessary to amend the legislation regulating this type of activity, the need to adopt a regulatory legal

act that will become the legal basis for the activities of collectors, allowing to eliminate any of their illegal actions, a proposal is made to establish criminal liability for illegal activities of collectors by amending the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: collector, collection activity, indebtedness, debt, collection.

Актуальность темы публикации обусловлена наличием проблем, связанных с правовым регулированием коллекторской деятельности в Российской Федерации.

Коллекторское агентство (от англ. collection – сбор) – это организация, которая специализируется на досудебном взыскании задолженности.

Причинами возникновения коллекторской деятельности являются рост количества неоплаченных в установленный срок долгов в различных сферах общества, потребность в эффективной системе взыскания этих долгов, а также возможность извлечения прибыли от данной деятельности.

Коллекторская деятельность в России появилась относительно недавно. Первое профессиональное коллекторское агентство было зарегистрировано 9 августа 2004 г.

В отличие от России, деятельность коллекторов за рубежом имеет более продолжительную историю. Впервые деятельность коллекторов была узаконена в США в 1977 году: данный вид деятельности регулирует Закон о добросовестной практике взимания долгов (The Fair Debt Collection Practices Act) [1].

В нем установлены принципы, на которых строится деятельность коллекторских организаций, а также содержится перечень ограничений и запретов этой деятельности таких как: запрет на многократные досаждающие звонки должнику в целях скорейшего возврата долга, а также на звонки вне границы времени с 9 утра до 10 вечера; запрет любой деятельности коллекторских организаций в отношении должника после письменного обращения последнего о том, что он не желает в любом виде, кроме судебного, контактировать с коллекторами; запрет на обращение на работу должника по поводу его задолженности; запрет на публикацию личных и контактных данных должника; запрет на оскорбительные действия в отношении должника. В вышеуказанном Законе также прописан порядок действий коллекторов по взысканию задолженности: должник уведомляется о том, что с определенного момента взысканием задолженности занимается коллекторская организация; должник уведомляется о том, что может оспорить долговое обязательство; осуществляется проверка суммы долга, наименования и адреса первоначального кредитора. Анализируя вышеуказанный Закон, можно сделать вывод о том, что коллекторы в США действуют не как взыскатели долгов, а как финансовые советники должников.

Деятельность коллекторов в Великобритании регламентируется Актом «Об осуществлении правосудия» 1970 года (Administration of Justice Act). Согласно параграфу 40 указанного акта запрещено осуществлять любое давление на должника [2].

В Германии коллекторы должны получить лицензию на осуществление своей деятельности и зарегистрироваться в Ассоциации коллекторских агентств для того, чтобы иметь доступ к базе данных банковского сектора [3].

В Норвегии Закон «О коллекторской деятельности и иных видах сбора долгов» был принят в 1988 г. Он предусматривает обязательное страхование ответственности коллекторского агентства. Регулирование, выдача разрешений и надзор осуществляются со стороны Агентства по финансовому надзору (Finanstilsynet). Защита персональных данных регулируется Законом «О личной информации».

В Дании Закон «О взыскании долгов» был принят в 1997 г. Особенностью Закона, как и в Норвегии, является статья 9, которая говорит, что взыскание должно осуществляться в соответствии с «надлежащей практикой взыскания», при этом надлежащая практика описывается общими словами и понимается как отсутствие чрезмерного и «травмирующего» воздействия на должника [4].

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что зарубежные законодатели во всех нормативных правовых актах в первую очередь указывают на необходимость соблюдения прав и законных интересов, чести и достоинства человека, что, несомненно, весьма актуально и для законодательства о коллекторских организациях в России.

Анализируя законодательство Российской Федерации, можно говорить о том, что деятельность коллекторов в нашей стране до сих пор не имеет правовых основ. Фактически до 2014 года деятельность коллекторских организаций в нашей стране не регулировалась специальным законодательством, чем, собственно, последние и пользовались. Коллекторы приходили ночью и врываются в квартиры, беспокоили должников невероятным количеством телефонных звонков и СМС-сообщений и иным образом нарушали права людей. Естественно, такая деятельность сотрудников коллекторских агентств не вяжется с понятием «профессионализм». Она не поддается пониманию как с моральной, так и с правовой точки зрения. В связи с чем возникла необходимость правовой регламентации деятельности коллекторских агентств. Был разработан и принят Федеральный закон № 230-ФЗ «О защите прав законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – ФЗ № 230-ФЗ) [5].

Анализируя ФЗ № 230-ФЗ можно сказать о правовых положениях, которые регулируют деятельность коллекторских агентств. Так, из смысла статьи 4 можно сделать вывод, что при осуществлении действий, которые направлены на возвращение задолженности, используются исключительно следующие виды взаимодействия с должником: личные встречи или телефонные переговоры; телеграфные, текстовые, голосовые, электронные и иные сообщения; почтовые отправления по месту жительства должника, при этом в указанном законе установлено, что другие формы взаимодействия с должником не допускаются, если только такие формы не были установлены в соглашении между должником и кредитором. Такое соглашение должно содержать конкретные указания на способы взаимодействия с должником. Законом установлен ряд требований о том, как именно должно осуществляться непосредственное взаимодействие. В частности, лицо, занимающееся данным видом деятельности, не может им заниматься в рабочие дни с 22 до 8 часов, а в выходные дни с 20 до 9 часов; личные

встречи не должны превышать одного раза в неделю, а телефонные переговоры не более одного раза в сутки, двух раз в неделю и более восьми раз в месяц. В праздничные дни звонки недопустимы. Ограничены также личные встречи сотрудников коллекторского агентства и должника (один раз в неделю).

Также коллекторские организации не могут взаимодействовать с несовершеннолетними гражданами, ограниченно дееспособными или недееспособными лицами, инвалидами I группы, гражданами, находящимися в стационаре на лечении, и лицами, признанными банкротами. Устанавливаются и иные правила осуществления данной деятельности.

Кроме этого, с 1 июля 2021 г. вступило в действие Постановление Правительства РФ № 1004 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности» [6].

Данный правовой акт наделил сотрудников ФССП дополнительными полномочиями по отношению к коллекторским агентствам, а также ввел классификацию коллекторских организаций в зависимости от степени причиненного ими вреда должнику или третьим лицам. К низкой категории риска относятся коллекторские организации, которые в течение предыдущего календарного года хотя бы один раз нарушили одно из установленных перечнем требований, предъявляемых к юридическому лицу, осуществляющему рассматриваемый вид деятельности. Если коллекторская организация два и более раза нарушила требования, ее следует отнести уже в группу значительного риска. По состоянию на 22 мая 2022 г. из 487 коллекторских организаций, зарегистрированных в госреестре, к высокой категории риска относятся только 22 агентства, к значительной и средней – по 8 агентств, что в целом составляет 7,8 % от общего числа. Это достаточно низкий показатель.

Также следует отметить, что за последнее время нормативно-правовая база в сфере регулирования коллекторской деятельности значительно улучшилась, что, безусловно, способствовало устранению пробельности в данной области. Но, как показывает практика, в настоящий момент коллизии и пробелы в законодательстве все еще присутствуют.

В связи с чем полагаем необходимым на законодательном уровне разработать и принять нормативный правовой акт, который станет правовой основой деятельности коллекторов, позволяющей устранить любые их действия, нарушающие права и законные интересы должников, ущемляющие их честь и умаляющие достоинство. При создании нормативного правового акта, регулирующего деятельность коллекторских организаций, необходимо использовать передовой опыт зарубежных стран (в частности, США, Великобритании и Германии).

В связи с отсутствием законодательно закрепленного понятия коллекторской деятельности предлагается следующее определение этого понятия: «Коллекторская деятельность – это деятельность специально уполномоченных и получивших соответствующую лицензию организаций, направленная на содейст-

вие добровольному погашению должником (физическим или юридическим лицом) его задолженности перед кредитором в досудебном порядке».

В законе следует закрепить признаки коллекторского агентства, указав, в частности, что это – коммерческая организация (юридическое лицо), имеющая соответствующую лицензию и своими законными действиями способствующая погашению должником долга перед банком, кредитной организацией. Закон должен предусмотреть следующие принципы коллекторской деятельности: приоритет жизни и здоровья должника; уважение чести и достоинства должника; неприкосновенность частной жизни, и личной тайны законность; профессионализм.

Предлагается также установить уголовную ответственность за незаконную деятельность коллекторов путем внесения изменений в Уголовный кодекс РФ дополнив главу 22 УК РФ статьей 172.4 следующего содержания:

«Статья 172.4. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц

1. Совершение лицом, действующим от имени кредитора или в его интересах, кредитором – физическим лицом, работником организации-кредитора действий, направленных на возврат просроченной задолженности физических лиц, сопряженных с применением насилия или угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, угрозой таких уничтожения или повреждения, либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство физического лица, –

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Те же деяния, совершенные организованной группой, – наказываются лишением свободы на срок до десяти лет».

Считаем, что это поможет устранить проблемы, возникающие при взаимодействии коллекторов и должников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The Fair Debt Collection Practices Act. URL: <https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/fair-debt-collection-practices-act-text> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Administration of Justice Act 1970. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1970/31> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Как работают коллекторы за рубежом. URL: <http://www.credits.ru/social/user/3266127/blog/41762> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Международное взыскание долгов oddcoll. URL: <https://oddcoll.com/ru/международное-взыскание-долгов> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятель-

ности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 1004 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть 2). Ст. 5391.

УДК 347.77

Балакирев Александр Сергеевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
balakirevalx@gmail.com

Грачев Эдуард Дмитриевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
edikgrachov2002@mail.ru

Николаев Михаил Сергеевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
mihailnikolaev6@gmail.com

Хлестакова Любовь Анатольевна

кандидат педагогических наук,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

К вопросу о снижении количества заявок на государственную регистрацию изобретений в России

В последние годы в Российской Федерации актуализировались вопросы, связанные с реализацией права на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец. Предметом настоящей статьи является систематическое падение интереса изобретателей к государственной регистрации объектов патентных прав, а не проблемы развития патентного права в целом. Авторами рассматриваются причины данного явления и предлагаемые пути решения указанной проблемы.

Ключевые слова: патентное право, интеллектуальная собственность, регистрация изобретений, технический прогресс, патентование, инновационные ваучеры.

Balakirev Alexandr Sergeevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Grachov Eduard Dmitrievich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Nikolaev Mikhail Sergeevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of reducing the number of applications for state registration of inventions in Russia

In recent years, issues related to the implementation of the right to obtain a patent for an invention, utility model or industrial design have been updated in the Russian Federation. The subject of this article is the systematic decline in the interest of inventors in the state registration of objects of patent rights, and not the problem of the development of patent law in general. The authors consider the causes of this phenomenon and the proposed solutions to this problem.

***Keywords:** patent law, intellectual property, registration of inventions, technological progress, patenting, innovation vouchers.*

Человеческое стремление к созданию чего-то нового и неизвестного на протяжении всей истории двигало научный и технический прогресс. Новаторы и изобретатели во все времена разрабатывали удивительные изобретения, которые служат человечеству и по сей день. К сожалению, в своей научной и изобретательской деятельности им часто приходится сталкиваться с различными трудностями, некоторые из которых рассматриваются в данной работе.

В настоящее время очень остро стоит проблема снижения заинтересованности изобретателей в патентовании своих изобретений. Исходя из статистики, предоставляемой Федеральной службой по интеллектуальной собственности в ежегодных отчетах, можно сделать вывод о том, что начиная с 2018 года по настоящее время наблюдается отрицательная динамика в регистрации заявок на получение патента (рис.). Количество изобретений с каждым годом увеличивается, но количество заявок постоянно уменьшается. Такая тенденция объясняется разными причинами, в том числе неспособностью изобретателей правиль-

но оформить заявку на патент в силу недостаточной юридической грамотности и отсутствия понимания процедуры патентования.

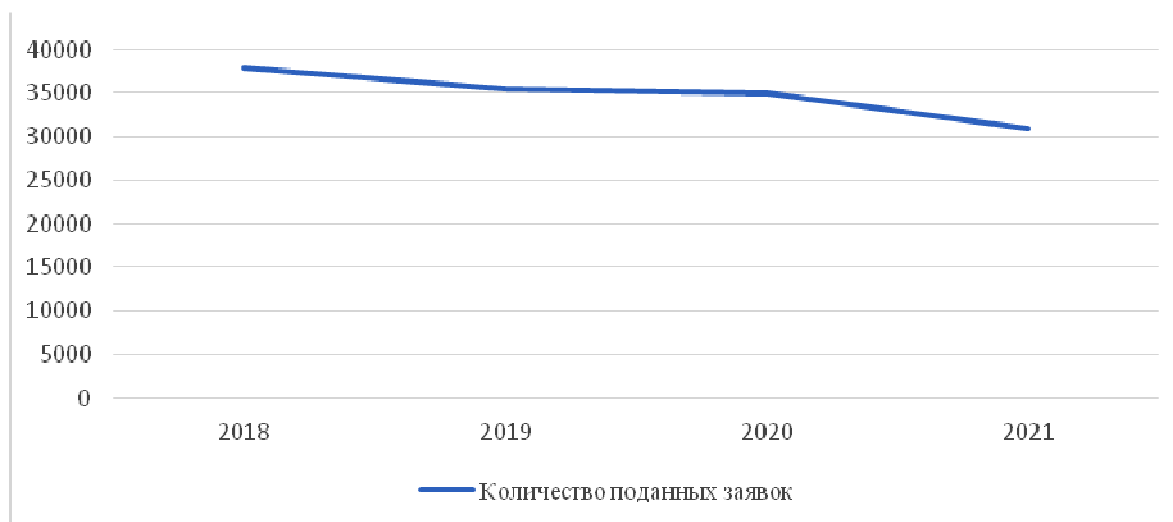

Рис. Количество поданных заявок, 2018–2021 гг.

Из представленного графика видно, что уменьшение количества поданных заявок в 2019 году составило 6,4 % по сравнению с 2018 годом, в 2020 году 1,5 % по сравнению с 2019 годом, и 11,5 % в 2021 году по сравнению с 2020 годом. В 2020 году в своих трудах актуальность проблемы подчеркнули К. Т. Шмачкова, С. Е. Меркуль, обозначив слаборазвитость патентного права в Российской Федерации. В среднем в год в России регистрируется всего 35000–40000 патентов и проводится не более 4500 сделок с ними. Эти данные в несколько раз меньше, чем на лидирующих рынках: патентные ведомства Китая и США получают 1,38 млн и более 600000 заявок в год на одни только патенты по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности WIPO [5].

Приведенные выше обстоятельства указывают на злободневность проблемы, с которой столкнулось отечественное патентное право. Ее решение является ключевым поворотным фактором для появления в России новых изобретений и нестандартных научных открытий.

Данная проблема в большей мере была вызвана финансовыми изменениями в процедуре патентования. Согласно отчету Роспатента за 2019 год, количество заявок уменьшилось на 6,4% по отношению к 2018 году [1]. Такую тенденцию можно объяснить изменениями в тарифном плане, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2017 г. № 1151. Постановлением были увеличены размеры государственных пошлин, уплачиваемых при регистрации изобретения. В положении о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий сказано, что Пошлина, уплаченная в соответствии с настоящим Положением, возврату не подлежит, за исключением определенных случаев [2]. Таким образом, увеличение го-

сударственной пошлины и невозможность ее возврата в случае отказа оказали серьезное влияние на изобретательское общество. Следовательно, такую тенденцию можно объяснить определенными финансовыми рисками, которые понесут изобретатели, получившие отказ.

На основе данных обстоятельств можно сделать вывод о том, что в настоящий момент принимаются лишь решения, усугубляющие положение изобретателей, чем и объясняется систематическое уменьшение заинтересованности в государственной регистрации.

Решение проблемы юридической безграмотности предлагал в 2018 году сам же глава Роспатента Г. Ивлиев. Суть решения заключалась в создании широкой программы переобучения, переквалификации, программы дополнительного образования. Предлагалось создать центр компетенций в сфере интеллектуальной собственности во всех крупнейших университетах страны. По его словам, необходимо внедрять в вузах комплексные программы обучения патентоведению, которые будут направлены на повышение понимания патентования у потенциальных изобретателей. На данный момент такие программы работают в трех российских вузах – Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Университете ИТМО в Санкт-Петербурге и Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана [4]. В подобном подходе действительно видится выход из сложившейся ситуации, а следовательно, разрешение одной части общей проблемы. Такое предложение поможет поднять уровень образования изобретателей в сфере патентования и, соответственно, сделать их более подготовленными к трудностям, с которыми они могут столкнуться в процедуре государственной регистрации изобретения. Посредством такого метода действительно можно помочь многим новаторам избавиться от страха перед такой сложной процедурой и увеличить их заинтересованность в патентовании своих разработок. Данная инициатива была поддержана ректором Санкт-Петербургского политехнического университета одного из крупнейших вузов России Андреем Рудским. Обосновано такое отношение к предложению было тем, что в вузе уже имелся положительный опыт, так как патентоведение преподавалось в учебном заведении ранее. Учащиеся сотрудничают с действующими предприятиями и тем самым получают практические навыки оформления заявки на патент. Мы полностью поддерживаем данную инициативу, так как она может стать ключевым фактором в решении проблемы с юридической безграмотностью и отсутствием понимания процедуры патентования. Кроме того, мы предлагаем сделать подобную программу доступной для всех желающих, а не только учащихся определенных университетов, так как изобретатели встречаются не только среди студентов.

Разрешение ситуации с повышением размеров государственных пошлин, а, следовательно, увеличением финансовых рисков мы видим в создании нормативной базы для использования инновационных ваучеров. Данная инициатива была предложена Всероссийским обществом изобретателей и рационализаторов. Суть решения заключается в создании инновационных ваучеров, кото-

рые позволят получить необходимые для изобретателей услуги и работы в аккредитованных оператором организациях [3]. Данное решение действительно может поднять спрос и вызвать новый интерес к регистрации изобретений, так как у изобретателей появится мотивация к получению так называемых «льгот» на патентование.

Данная проблема является результатом двух явлений, которые нуждаются в скорейшем решении, иначе наше государство рискует столкнуться с серьезным изобретательским кризисом. В Российской Федерации достаточно светлых умов, которые способны на создание невообразимых изобретений, но в силу своего незнания, финансовых трудностей и страхов, лишены возможности поведать о них миру. Таким образом, принятие и развитие двух приведенных выше инициатив сможет в корне изменить ситуацию со стабильным уменьшением интереса к государственной регистрации изобретений и решить проблему комплексно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Годовые отчеты Роспатента за 2018–2021 годы. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 28.11.2022).

2. Постановление Правительства РФ от 10.12.2008 № 941 (ред. от 17.06.2021) «Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82755/ (дата обращения: 28.11.2022).

3. Предложения ВОИР по формированию современного рынка интеллектуальной собственности в Российской Федерации. URL: <https://www.rosvoir.ru/ru/intellectualpropertymarket-page> (дата обращения: 28.11.2022).

4. Роспатент: число изобретений в России растет, а число заявок на патенты – нет. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/5517974> (дата обращения: 28.11.2022).

5. Шмачкова К. Т. Проблемы российского патентного права. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71729/> (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 343

Белехова Виктория Евгеньевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

viktoriya98000@icloud.com

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

**Совершенствование российского законодательства
об уголовной ответственности за преступления
в сфере компьютерной информации**

В настоящей статье исследуются вопросы становления и развития российского законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации с использованием компьютерных технологий, цифровые имущественные преступления, имущественные преступления в сфере цифровой экономики

Belekhova Victoria Evgenievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalya Vladimirovna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Improvement of the Russian legislation on criminal liability
for crimes in the field of computer information**

This article examines the issues of the formation and development of Russian legislation on criminal liability for crimes in the field of computer information.

Keywords: fraud, fraud in the field of computer information using computer technologies, digital property crimes, property crimes in the digital economy

Общество не стоит на месте и вместе с ним развиваются общественные сферы деятельности. Так, с появлением компьютера и интернета стали появляться новые виды деятельности, стала развиваться компьютерная информация как способ развития деятельности. Также стоит отметить, что компьютерная

информация, начиная с 80-х годов, получило свое развитие и не останавливается до сих пор. С развитием данной сферы появился и новый вид общественных отношений, а с ним и общественно опасные деяния, такие как преступления в сфере компьютерной информации. В 1979 г. было зафиксировано первое компьютерное преступление, причинившее ущерб в 80 тыс. рублей СССР, прогремевшее на весь мир, которое было зарегистрировано Международной организацией уголовной полиции «Интерпол» в г. Вильнюсе. Преступление было совершено оператором почтовой связи путем мошенничества с использованием автоматизированного программно-технического комплекса «Онега», с помощью чего, совершалось хищение денежных средств у СССР [11, с. 113].

В связи с данными событиями и началось развитие законодательства по защите прав и свобод человека в компьютерной сфере, которое можно разделить на два этапа.

Первый этап затрагивает правовое регулирование в нормативно-правовых актах, которые закрепляли основные положения информационного обеспечения инновационной деятельности. Как и во всех сферах, основным источником послужили положения Конституции Российской Федерации, в которой в свою очередь закреплено «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» – ст. 29 Конституции Российской Федерации [1]. В статьях 23, 24, 56 Конституции Российской Федерации также закреплены положения о защите прав граждан, организаций и государства на тайну, что обязывает законодателя в каждом конкретном случае находить баланс между обеспечением тайны и обеспечением права на информацию.

Важным моментом в развитии правовых норм, регулирующих отношения в сфере компьютерной информации, было признание России в сети Интернет, в связи с тем, что в 1994 году был зарегистрирован домен RU, т. е. появление Рунета.

Начиная с 1991 года были приняты указы президента, федеральные законы, регулирующие правоотношения в информационной деятельности в различных сферах. Например, Федеральный закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» № 2124-1 [4], а также затрагивающие правовую охрану в топологии интегральных микросхем, программ для ЭВМ и баз данных.

Большую роль в правовом регулировании имел Указ Президента Российской Федерации № 334 от 3 апреля 1995 г. «О мерах по соблюдению законности в области разработки, производства, реализации и эксплуатации шифровальных средств, а также предоставления услуг в области шифрования информации» [10], который в свою очередь был направлен на усиление борьбы с организованной преступностью и повышение защищенности информационно-телекоммуникационных систем органов государственной власти, российских кредитно-финансовых структур, предприятия и организаций. Также 26 июня 1995 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 608 «О сертификации средств защиты информации», целью которого было реализация положений Указа Президента Российской Федерации. Таким образом, с принятием Постановления Правительства у соответствующих мини-

стерств и ведомств появились обязательства разработки и введения Положений, определяющих систему сертификации, порядок производства средств, порядок оплаты услуг по их разработке, установке и эксплуатации и т. д.

Информационная сфера также затронула и международные отношения России, в связи, с чем обеспечение информационной безопасности было рассмотрено на международном уровне. Так, был принят Федеральный закон № 85 от 04.07.1996 г. «Об участии в международном информационном обмене», в котором была установлена ответственность за предоставление ложной информации при международном обмене и предусматривалась ответственность как гражданско-правового характера, так и административного и уголовного – за противоправный обмен информацией на территории Российской Федерации.

Однако, учитывая все преимущества данных правовых актов, принятых до 1997 г., к сожалению, отметим, что они не устанавливали уголовно-правовые средства защиты, т. е. об эффективности правовой системы защиты компьютерной информации говорить было рано. Поэтому второй этап развития законодательства начинается с введением в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», куда входило всего три нормы, предусматривающие уголовную ответственность в данной сфере.

Некие изменения были внесены и в саму структуру органов внутренних дел. В 1999 года благодаря Распоряжению Правительства Российской Федерации № 1701-р от 22.10.1999 г. «Об усилении борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий и реализации международных договоренностей и обязательств Российской Федерации» были выделены бюджетные средства для борьбы с преступностью в рамках Федеральной программы. Также были организованы и проведены международные семинары и конференции по борьбе с компьютерными преступлениями, налажено взаимодействие со специальными службами зарубежных стран. Итогом чего было достижение нового более высокого уровня в противодействии компьютерным преступлениям в России и на мировом уровне.

9 сентября 2000 года Президент Российской Федерации утвердил «Доктрину информационной безопасности Российской Федерации» [9], которая устанавливала национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере и их обеспечение. В ней выделялись разновидности и источники угроз информационной безопасности Российской Федерации, определялись методы, которые обеспечивали информационную безопасность Российской Федерации во многих сферах общественной жизни. В этой же доктрине были утверждены основные положения государственной политики по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации и мероприятия, которые должны быть проведены в первую очередь для ее реализации. Положения Доктрины были направлены на защиту от несанкционированного доступа, затрагивающие информационные ресурсы как уже созданные, так и создаваемые на территории России.

С развитием информационных технологий, интернета, все сферы деятельности стали компьютеризированными, что послужило принятию таких Фе-

деральных законов, как: «Об электронной цифровой подписи» [5], «О противодействии экстремистской деятельности» [6] и др.

Был принят Федеральный закон № 126 «О связи» [7], который устанавливает правовые основы деятельности в области связи на территории Российской Федерации и на находящихся под юрисдикцией Российской Федерации территориях, определяет полномочия органов государственной власти в области связи, а также права и обязанности лиц, участвующих в указанной деятельности или пользующихся услугами связи.

В 2011 г. были также внесены нововведения в Уголовный кодекс Российской Федерации, так появился квалифицирующий признак в статье 272 – корыстная заинтересованность. А частью 3 статьи 273 предусматривает неосторожное причинение тяжких последствий, при этом санкция предусматривает самое строгое наказание равное до семи лет лишения свободы. В 2016 году в связи с участившимся неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3] в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 194-ФЗ [8], т. е. появился новый состав преступления в сфере компьютерной информации – неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Таким образом, можно прийти к выводу, что законодательство Российской Федерации в сфере компьютерной информации начало формироваться с 1991 года, однако на первом этапе формирования не была предусмотрена ответственность уголовно-правового характера, т. е. правовая система по защите информации в компьютерной сфере не была эффективной. Поэтому важным моментом в формировании законодательства по защите информационной безопасности считается принятие новых норм и введение дополнительной главы в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Существующая в теории уголовного права классификация преступлений в сфере компьютерной информации является, с одной стороны, основополагающей для отечественного правоприменителя в силу ее прагматичности, с другой – требует дальнейшего развития путем совершенствования юридических конструкций и признаков имеющих составов преступлений, а также включения новых преступлений, отражающих современные потребности уголовно-правовой охраны компьютерной информации. Например, включения в главу 21 Уголовного кодекса нового состава преступления, а именно ст. 165.1 УК РФ: «Незаконное получение имущественной выгоды путем неправомерного воздействия на объекты в сфере информационно-телекоммуникационной сети и компьютерной информации». Кроме того, отечественному законодателю, а также специалистам в области уголовного права и криминологии необходимо находиться в постоянной динамике, чутко реагируя на любые изменения в сфере компьютерных преступлений и преступлений в сфере высоких технологий как в России, так и за рубежом. Только таким образом можно привести россий-

ское уголовное законодательство в соответствие с быстро развивающимися технологиями и получить надежную правовую защиту от компьютерной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

4. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.1991 года № 2124-1-ФЗ «О средствах массовой информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

5. Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

6. Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

7. Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 года №126-ФЗ «О связи» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

8. Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

9. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

10. Указ Президента Российской Федерации от 03.04.1995 года № 334 «О мерах по соблюдению законности в области разработки, производства, реализации и эксплуатации шифровальных средств, а также предоставления услуг в области шифрования информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2022).

11. Бегишев И. Р. Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 112–117.

УДК 343

Бобровская Маргарита Владимировна

адъюнкт, Академия управления МВД России, лейтенант полиции

г. Москва, Российская Федерация

margachan@yandex.ru.

Об уголовно-правовом статусе медицинских работников: постановка проблемы

В статье автор рассматривает правовой статус медицинского работника и возможность наличия у него статуса должностного лица при осуществлении профессиональной деятельности. Автор приходит к выводу о неравномерности правового статуса субъектов медицинской деятельности в связи с осуществлением медицинской деятельности как лицами, непосредственно вовлеченными в процесс оказания медицинской помощи, так и лицами, которые обладают иными профессиональными функциями, и указывает на вытекающую из несовершенства терминологического аппарата проблему классификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *правовой статус, медицинский работник, субъект медицинской деятельности, классификация преступлений, должностное лицо.*

Bobrovskaya Margarita Vladimirovna

adjunct, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs

of Russia, police lieutenant

Moscow, Russian Federation

On the criminal legal status of medical workers: statement of the problem

In the article, the author considers the legal status of a medical worker and the possibility of having the status of an official in the exercise of professional activities. The author comes to the conclusion that the legal status of the subjects of medical activity is uneven in connection with the implementation of medical activities by both persons directly involved in the process of providing medical care, and persons who have other professional functions, and points to the problem of classifying crimes arising from the imperfection of the terminological apparatus, committed by medical workers in the field of professional activity.

Keywords: legal status, medical worker, subject of medical activity, classification of crimes, official.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. устанавливает, что медицинским работником является физическое лицо, которое либо состоит в трудовых отношениях с медицинской организацией, подразумевающих осуществление данным лицом медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое осуществляет данную деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, что подразумевает двойственный статус медицинского работника.

Несмотря на то, что под медицинской деятельностью понимается только профессиональная деятельность, связанная с оказанием медицинской помощи и иных медицинских услуг, а также осуществлению мероприятий санитарно-эпидемического характера, и профессиональная деятельность, в сфере трансплантации органов и (или) тканей человеческого тела и обращения донорской крови и ее компонентов в медицинских целях, медицинский работник может обладать статусом должностного лица в случае, если занимает руководящую должность, а следовательно, обладает организационно-распорядительными функциями, как при замещении должности главного врача или заведующего отделением, или же временно исполняет данные обязанности в качестве дежурного врача. Признаками должностного лица обладают также лица из числа медицинских работников, в чьи должностные (трудовые) обязанности входит исполнение административно-хозяйственных функций (старшая медсестра) [4].

Стоит отметить и тот факт, что понятие, даваемое в вышеуказанном федеральном законе, подразумевает под собой не только лиц, вовлеченных в осуществление медицинской деятельности в форме непосредственного оказания медицинской помощи лицам, нуждающимся в ней, но и лиц, обладающих иными профессиональными функциями, например, врача-статистика или врача-методиста. Здесь стоит согласиться с позицией Л. В. Боровых и Т. А. Кировой, которые указывают на необходимость отделять первую категорию лиц, т. е. собственно медицинских работников, от иных лиц, занятых в сфере здравоохранения, в связи с различием степени и характера общественной опасности их преступных деяний [1].

Помимо этого, для внутренней дифференциации правового статуса медицинских работников существует еще одно основание: номенклатура медицинских работников, утвержденная приказом Минздрава России от 20.12.2012 № 1183н. В ней определено, к какой категории относится каждый специалист, что обуславливает наличие у него определенного правового статуса, который предусматривает в том числе различие в профессиональных обязанностях и правах данных лиц.

Неоднородность рассматриваемой категории лиц предопределяет невозможность качественной классификации видов преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.

Классическое деление данной группы преступлений на умышленные и неосторожные является верным с точки зрения формальной логики, но по объективным причинам не представляет особого научного интереса.

Тем не менее, в связи с обозначенными выше причинами, данное основание для классификации является единственно возможным, поскольку распространяется на всю совокупность преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.

Классификация по иным основаниям, например, по объекту совершения преступления, неизменно порождает необходимость обозначать конкретную категорию субъектов преступления применительно к каждой из выделенных групп.

Данная закономерность прослеживается в классификациях, предложенных И. Ф. Огарковым [2, с. 34–44], Н. А. Огнерубовым [3, с. 53–61] и Е. В. Червонных [5, с. 53–61], причем в последней наиболее ярко, поскольку автор напрямую указывает на основной и дополнительные критерии классификации, что не противоречит правилам проведения классификации, но усложняет ее понимание.

Указанные обстоятельства обуславливают наличие проблем в правоприменительной практике, связанных с трудностью понимания статуса медицинского работника. Ошибка при определении субъекта преступления ведет к ошибочной квалификации совершенного деяния, а следовательно, к возможному нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Из указанного выше следует вывод о том, что необходимо произвести уточнение терминологии, которое позволит обособить конкретную группу преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боровых Л. В., Кирова Т. А. Уголовно-правовой взгляд на профессиональный статус медицинских работников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-vzglyad-na-professionalnyy-status-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 21.11.2022).

2. Огарков И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л. : Медицина. Ленингр. отд-ние, 1966. 196 с.

3. Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 167 с.

4. Сучкова Т. В. К вопросу о наделении врача статусом должностного лица. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa> (дата обращения: 21.11.2022).

5. Червонных Е. В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 252 с.

УДК 347.73(045)

Богомолов Максим Эдуардович
магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
Akromont@yandex.ru

К вопросу о понятиях «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» в законодательстве Российской Федерации

В статье анализируются определение понятия «цифровые финансовые активы» и соотношение данного понятия с такими категориями как «цифровая валюта», «цифровой рубль». Сделан вывод, что цифровые финансовые активы и цифровая валюта являются разными понятиями, в отношении каждого из которых установлено разное правовое регулирование. Также автор уделяет внимание новой категории «цифровой рубль» и ставит вопрос о неопределенности соотношения понятий «цифровая валюта» и «криптовалюта».

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль, криптовалюта.

Bogomolov Maksim Eduardovich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of the concepts of “digital financial assets” and “digital currency” in the legislation of the Russian Federation

The article analyzes the definition of the concept of “digital financial assets” and the relationship of this concept with such categories as “digital currency”, “digital ruble”. It is concluded that digital financial assets and digital currency are different concepts, each of which has different legal regulation. The author also pays attention to the new category “digital ruble” and raises the question of the uncertainty of the relationship between the concepts of “digital currency” and “cryptocurrency”.

Keywords: digital financial assets, digital currency, digital ruble, cryptocurrency.

Развитие цифровых компьютерных технологий оказало существенное влияние практически на все сферы общественной деятельности, в первую очередь на экономические отношения, в которых широко применяются электронные платежи, дистанционная торговля, онлайн-услуги и прочее. Появляются совершенно новые явления, ранее не регламентированные законодательством [3]. Одним из таких новых финансовых инструментов, сравнительно недавно введенных отечественным законодателем в правовое поле, стали цифровые финансовые активы.

На бытовом уровне под цифровыми активами понимаются огромные объемы нефинансовой информации, такой как учетные записи электронной почты, списки контактов, учетные записи в социальных сетях, переведенные в цифровой формат фотографии, музыкальных произведений, фильмы и т. д. Очевидно,

что большая часть таких активов сама по себе не представляет финансовой ценности, но является шлюзами для доступа к активам, имеющим важное значение для сферы расчетов, таким как учетные данные для входа в интернет-банк или брокерские счета.

В рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был принят ряд нормативных правовых актов, в том числе и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Согласно части 2 статьи 1 Закона о ЦФА цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Законом о ЦФА, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы [6].

Таким образом, законодатель определяет цифровые финансовые активы как определенный перечень цифровых прав. Легальное понятие цифровых прав содержится в п. 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Для понимания специфики правового регулирования общественных отношений, возникающих относительно ЦФА, следует учитывать, прежде всего, особенность формы таких отношений, двоичную форму существования цифровых активов, их способность к обладанию реальной или потенциальной стоимостью.

Цифровые права, представляющие собой цифровые финансовые активы, возникают на основании решения о выпуске ЦФА, и их осуществление возможно только в информационной системе. Выпуск цифровых финансовых активов вправе осуществлять индивидуальные предприниматели и юридические лица. ЦФА выпускаются только через операторов, включенных Банком России в специальный реестр – реестр операторов информационных систем. По состоянию на 03.02.2023 года в данном реестре состоят четыре оператора информационных систем: ООО «Атомайз», ПАО «Сбербанк», ООО «Лайтхаус», АО «АЛЬФА-БАНК» [5].

Основное назначение ЦФА – привлечение инвестиций. По сравнению с другими финансовыми инструментами преимущество ЦФА состоит в быстром процессе заключения сделки, которая совершается в информационной сис-

теме по заявке инвестора с использованием смарт-контракта без участия посредников, и снижении затрат на оформление. Кроме того, осуществление выпуска, учета и обращения ЦФА на основе распределенного реестра (технология блокчейн) гарантирует неизменность данных.

Цифровые финансовые активы и цифровая валюта являются разными понятиями, в отношении каждого из которых Законом о ЦФА установлено разное правовое регулирование, хотя именно криптовалюта выступила технологическим фундаментом, на котором формировалось представление о ЦФА как о специфическом средстве накопления, платежа и инвестирования.

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей (ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА), в то время как согласно принятому в июле 2022 года закону на передачу или прием цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав в качестве средства платежа установлен прямой запрет.

Цифровая валюта может быть принята не только как средство платежа, но и в качестве инвестиций (с учетом установленных ограничений). Основным отличием цифровой валюты от ЦФА является то, что в отношении цифровой валюты по общему правилу нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Интересно, что закон о ЦФА не использует термин «криптовалюта», что, в свою очередь, порождает вопрос о том, как указанный термин соотносится с понятием «цифровая валюта», а именно вопрос о том, являются ли данные понятия идентичными или понятие «цифровая валюта» является более широким, включая в себя криптовалюты как разновидность цифровой валюты.

Т. М. Гандилов и А. В. Тумаков совершенно обоснованно обращают внимание на то, что в соответствии с нормами закона о ЦФА «выпуск цифровых финансовых активов обеспечивается имуществом лица, выпускающего эти активы, или имуществом третьих лиц» [2, с. 62]. В то же время стоимость биткоина как криптовалюты базируется в зависимости от биржевого баланса, объема транзакций, курса в долларах и оттока обменного капитала.

Главным отличием электронных денег от криптовалют является наличие у электронных денег центрального эмитента и отсутствие его у криптовалют. Другим важным отличием криптовалют от электронных денег является способ их эмиссии и хранения. Криптовалюты хранятся и выпускаются децентрализованно, а информация об электронных деньгах и операциях с ними может быть централизована на одном сервере.

При этом следует учесть то, что в РФ оплачивать товары и работы цифровой валютой запрещено, в отличие от таких стран, как Германия, США, Италия и многих других.

По мнению ряда специалистов, цифровые права, закрепленные в гражданском законодательстве, по своей природе аналогичны обеспеченным токенам, хотя законодатель решил не использовать данный термин. Л. Ю. Василевская считает, что если российский законодатель ввел цифровые права в гражданский оборот, то теперь необходимо предусмотреть правовой режим, анало-

гичный режиму «ценных прав», существующему в ряде европейских стран (Германии, Австрии, Швейцарии), сходному с режимом, используемым для бездокументарных ценных бумаг [1, с. 116].

Вопроса соотношения понятий «цифровая валюта» и «криптовалюта» приобретает более актуальный характер с учетом включения в ближайшем будущем в правовое поле понятия «цифровой рубль». Банк России представил концепцию цифрового рубля в октябре 2020 года, старт проекта ориентирован на апрель 2023 года.

Цифровой рубль – дополнительная форма российской национальной валюты, которая будет эмитироваться Банком России в цифровом виде. Цифровой рубль сочетает себе свойства наличных и безналичных рублей. Подобно банкнотам, каждая из которых имеет свой номер, «единицы» цифрового рубля будут идентифицироваться уникальным цифровым кодом.

Если говорить о том, как соотносятся понятия ЦФА и цифровой рубль, можно сказать, что ЦФА подразумевает под собой записи (токены) в системе блокчейн, которые предполагают наличие у держателей токенов цифровых прав. А цифровой рубль – цифровая валюта, которой можно будет расплачиваться за товары и услуги, делать переводы. Она во многом похожа по своему принципу на криптовалюту. Но в отличие от криптовалюты цифровой рубль будет обеспечен тем же, что и обычные фиатные валюты. Исследователи приходят к выводу, что цифровая валюта и цифровой рубль не тождественны, и последний «представляет собой отдельную правовую сущность, которая требует самостоятельного осмысления в рамках юридической науки» [4, с. 269].

Говоря об обязательственных денежных требованиях, правах по эмиссионным ценным бумагам, праве требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, правах участия в капитале непубличного акционерного общества (что является содержанием ЦФА в соответствии с действующим легальным определением), достаточно просто установить управомоченных и обязанных лиц, тогда как при использовании цифровой валюты – это невозможно. Цифровой рубль является обязательством центрального банка, реализуется посредством цифровых технологий и не имеет никакого отношения к криптовалютам. Это фиатная валюта, т. е. валюта, устойчивость функционирования которой обеспечивается государством в лице центрального банка.

Использование новых технологических решений является очень важным направлением, в связи с чем эффективное и безопасное функционирование цифровой экономики требует качественного нормативного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5(102). С. 111–119.

2. Гандилов Т. М., Тумаков А. В. Некоторые правовые вопросы цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 60–63.

3. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.

4. Шараев П. С. Правовая сущность цифрового рубля // Вестник СГЮА. 2021. № 6(143). С. 268–276.

5. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Официальный сайт ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ois/> (дата обращения: 03.02.2023).

6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5018.

УДК 35.08

Булатова Ксения Александровна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

kсениya.bulatova@mail.ru

Ответственность государственных служащих

В данной статье сделана попытка освещения вопроса дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской Федерации, дана характеристика государственной службы как правового института, а также рассмотрены проблемы, стоящие перед законодателем на настоящем этапе.

Ключевые слова: государственная служба, дисциплинарная ответственность, юридическая ответственность, нормативное регулирование.

Bulatova Kseniya Aleksandrovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Responsibility of civil servants

In this article, an attempt is made to highlight the issue of disciplinary responsibility of civil servants in the Russian Federation, the characteristics of the civil service as a legal institution are given, and the problems facing the legislator at the present stage are considered.

Keywords: public service, disciplinary responsibility, legal responsibility, regulatory regulation.

Актуальность рассматриваемой темы определена тем, что государственная служба в РФ является одним из наиболее важных и значимых правовых институтов, основные положения которого регулируют обе нормы государствен-

ной службы. А именно организацию самой государственной службы и практическое осуществление государственными служащими своих полномочий.

Государственный сектор включает в себя целый ряд режимов занятости. В разных странах действуют разные механизмы, поэтому часто существуют многочисленные группы государственных служащих [2].

Суть статуса государственного служащего заключается в том, что правовая основа занятости отличается от той, которая существует в других отраслях экономики, как это определено в общем трудовом законодательстве, а также в государственном секторе, например, в здравоохранении, образовании или на государственных предприятиях.

Сегодня работа на государственной службе имеет схожие черты с добровольным соглашением между работодателем и работником в частном секторе. Тем не менее, несколько критериев продолжают отличать статус государственного служащего от других форм занятости [1].

Эти критерии можно обобщить следующим образом:

1. Государственные служащие назначаются на должность по решению государственного учреждения в соответствии с законом о государственной службе и по установленным правилам, структурирующим процесс найма.

2. После назначения на должность существует множество ограничений на увольнение. Это связано с тем, что государственные служащие являются не просто служащими государства; они также выполняют конституционную роль.

3. На действия государственных служащих накладывается больше ограничений, чем на другие группы. Опять же это объясняется стратегической и конституционной роли государственных служащих.

Законы о государственной службе могут определять должностные обязанности и ответственность государственных служащих. В то время как по общему трудовому законодательству работники несут ответственность только за выполнение своего трудового договора, на государственных служащих может быть возложена всеобъемлющая обязанность служить государству или правительству страны [2].

Законодательство также может определять порядок предоставления сроков службы и гарантии занятости. По общему трудовому законодательству работники могут быть уволены работодателем в соответствии с их трудовым договором при условии соблюдения некоторых общих минимальных стандартов. Государственные служащие, как правило, имеют более высокий уровень защиты, требующий всесторонней правовой и административной процедуры, прежде чем они могут быть уволены [3].

Результаты деятельности государственных служащих не всегда являются положительными, в некоторых случаях они могут привести к тяжким последствиям.

Поэтому существует необходимость правовой процедуры, которая регулировала и обеспечивала законность действий государственного аппарата и ликвидировала бы негативные последствия. Несмотря на то, что институт дисциплинарной ответственности является общепризнанным, по мнению многих ученых, его нормативное закрепление имеет ряд недостатков. Руководители го-

сударственных органов не заинтересованы в выявлении фактов злоупотребления по службе, а непоследовательность правового регулирования и пробелы законодательстве «помогают» избежать наказаний, и тем самым порождают латентность правонарушений в системе.

Дисциплинарная ответственность в нашем государстве является наиболее применяемым видом ответственности.

Дисциплинарная ответственность государственных служащих как один из видов юридической ответственности, обладает рядом специфических признаков, к которым можно отнести: сферу действия дисциплинарной ответственности; собственное основание наступления (дисциплинарный проступок); наличие собственной нормативно-правовой базы; дисциплинарные взыскания, как внешнее проявление дисциплинарной ответственности государственных служащих; особый порядок привлечения к дисциплинарной ответственности [1].

Дисциплинарные меры также урегулированы законодательством. Работодатель может налагать дисциплинарные взыскания по общему трудовому законодательству в соответствии с коллективным договором любым законным способом, хотя судебный пересмотр часто возможен. Гражданские служащие могут быть подвергнуты дисциплинарному взысканию в соответствии с конкретными законодательными дисциплинарными положениями. Обычно они определяются как выговор, частичная потеря зарплаты, понижение в должности или увольнение.

При этом может возникнуть ряд проблем: невозможность отграничения законодательной дефиниции дисциплинарного проступка от административных правонарушений и преступлений; отсутствие четкой связи нарушений должностных обязанностей государственных гражданских служащих с видом и мерой юридической ответственности в должностных регламентах; противоречия между нормами различных отраслей права относительно возможности привлечения государственного служащего к ответственности.

В настоящее время действующее законодательство как никогда нуждается в изменениях в соответствующие нормативно-правовые акты:

1. Уточнить понятия дисциплинарного проступка государственного гражданского служащего в тексте вышеупомянутого закона;
2. На нормативном уровне более четко определить основания привлечения к различным видам ответственности, в особенности к дисциплинарной;
3. Определить порядок привлечения к дисциплинарной ответственности и законодательно закрепить исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков.

Таким образом, институт дисциплинарной ответственности государственных служащих имеет особую значимость в силу того, что особенность служебных функций, выполняемых государственными служащими, предполагает наличие у них полномочий властного характера, исходя из которых они принимают решения, затрагивающие практически все социально значимые сферы жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поплавская В. Анализ судебной практики по вопросам привлечения государственных (муниципальных) служащих к дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия за нарушения требований законодательства о противодействии коррупции // Административное право. 2019. № 4. С. 73–78.

2. Чаннов С. Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 59–69.

3. Лещина Э. Л. Дисциплинарный (служебный) проступок как основание дисциплинарной ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 55–59.

УДК 341

Вечер Сергей Владиславович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Vardy2010@yandex.ru

Общее и особенное в процедуре формирования судейского корпуса России и Франции

В статье объясняется актуальность сравнительного анализа процедуры отбора судей в Российской Федерации и Франции на современном этапе. Рассматривается механизм комплектования судейского корпуса в Российской Федерации на основе законодательных документов, а также роль отдельных специализированных органов, осуществляющих данную процедуру. Указан порядок формирования судейских должностей во Франции, отмечается значительная роль в этом процессе Национальной школы магистратуры в г. Бордо. Анализируются и выделяются общие и особенные точки соприкосновения при формировании судейского корпуса во Франции и Российской Федерации с точки зрения законодательных источников.

***Ключевые слова:** судья; квалификационная коллегия судей; экзаменационные комиссии; Кадровая комиссия при Президенте РФ; Национальная школа магистратуры; процедура формирования судейского корпуса.*

Vecher Sergey Vladislavovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

General and special in the procedure for the formation of the judicial corps of Russia and France

The article explains the relevance of a comparative analysis of the procedure for selecting judges in the Russian Federation and France at the present stage. The mechanism of staffing the

judiciary in the Russian Federation on the basis of legislative documents, as well as the role of individual specialized bodies that carry out this procedure, is considered. The procedure for the formation of judicial positions in France is indicated. The most significant role in this process belongs to the National School of Masters in Bordeaux. General and special points of contact are analyzed and highlighted in the formation of the judiciary in France and the Russian Federation from the point of view of legislative sources;

Keywords: *referee; qualification board of judges; examination boards; Personnel Commission under the President of the Russian Federation; National School of Graduate Studies; procedure for the formation of the judiciary.*

Взаимоотношения Российской Федерации и стран Европейского союза (далее по тексту – ЕС) на современном этапе переживают глубокий кризис. После начала проведения специальной военной операции на территории Украины в феврале 2022 года страны ЕС начали вводить широкомасштабные санкции против экономики России. В свою очередь Москва обратила свой взор на Восток и стала налаживать экономические контакты со странами Азиатского региона. В то же время нельзя полностью отвергать опыт европейских государств в правовой сфере. Представляется важным изучить и использовать положительные наработки западных стран, связанные с формированием кадрового состава судей.

Модель Французской республики среди Европейских стран нами была выбрана не случайно. Дело в том, что на сегодняшний момент Франция является одной из наиболее развитых стран Европейского континента. Она имеет богатейший опыт как правового государства, так как именно здесь впервые в Старом Свете началась Великая революция 1789 года, провозгласившая равенство прав человека и гражданина. Кроме того, Франция среди других стран имеет в большей степени отличную от российской модель формирования судебного корпуса (об этом будет сказано ниже).

Следует сразу оговориться, что в настоящей статье при рассмотрении вопроса о формировании судейского корпуса мы будем говорить о судьях районных судов. Механизм комплектования судей в РФ указан в нескольких законодательных актах, среди которых можно выделить Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон от 14.03.2002 №30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007), Указ Президента РФ от 17.02.2021 № 97 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий».

Специально для проверки уровня знаний кандидата формируются экзаменационные комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи (далее по тексту – ЭК). ЭК по субъекту РФ на основании части 2 статьи 11.1 Федерального закона от 14.03.2002 №30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» состоят из: «1) судей судов общей юрисдикции и судей арбитражных судов, при этом в составе соответствующей экзаменационной комиссии число судей судов общей юрисдикции должно быть рав-

ным числу судей арбитражных судов и вместе они должны составлять не менее трех четвертей от общего числа членов экзаменационной комиссии; 2) преподавателей юридических дисциплин образовательных организаций высшего образования, научных работников, имеющих ученую степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук, представителей общероссийских общественных объединений юристов» [5].

Органом, который производит отбор большинства судей, является квалификационная коллегия судей субъекта РФ (далее по тексту – ККС). В соответствии с частью 2 статьи 19 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» ККС «рассматривает заявления лиц, претендующих на соответствующую должность судьи, и с учетом результатов квалификационного экзамена дает заключение о рекомендации данных лиц на должность судьи либо об отказе в такой рекомендации» [5]. В силу того, что данный орган рассматривает заявление кандидата, законодатель наделил его функцией проверки достоверности сведений. Так, ККС субъекта Федерации «организует проверку достоверности биографических и иных сведений, представленных кандидатами на вакантные должности, при необходимости запрашивает по основаниям и в порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и других государственных органов данные, необходимые для принятия решения по заявлению о рекомендации на вакантную должность судьи» [5].

После успешной сдачи квалификационного экзамена на должность судьи следующим шагом является процедура согласования кандидатуры Комиссией по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий (далее по тексту – Кадровая комиссия при Президенте РФ) и наделение полномочиями судьи. Данная процедура прописана в статье 6 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Задачей Кадровой комиссии при Президенте РФ прежде всего является «рассмотрение внесенных в установленном порядке с учетом мнения полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах материалов по кандидатурам на должности судей... иных материалов, связанных с подбором кандидатов на должности судей федеральных судов, подготовка по указанным материалам предложений Президенту Российской Федерации» [4]. При этом для рассмотрения того или иного кандидата Кадровая комиссия при Президенте РФ вправе «запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и должностных лиц» [4]. Таким образом, Кадровая комиссия при Президенте РФ дублирует функцию ККС, проводя проверку сведений о кандидате еще раз. После предварительного одобрения данной комиссией в соответствии с ч. 5 ст. 6 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» назначает на должность судьи.

Порядок формирования судейского корпуса во Франции сложен, поскольку существует несколько путей к судейской должности, и в большей час-

ти определен Ордонансом № 58-1270 от 22.12.1958 года, содержащим органический закон о статусе магистратуры. Стоит отметить, что магистрат во Франции – это любое должностное лицо в сфере государственной власти. Самым распространенным путем становления судьей является обучение в Национальной школе магистратуры, расположенной в городе Бордо. Таким образом, принципиальным отличием от существующего российского механизма формирования судейского корпуса во Франции является образовательное учреждение, которое специализируется на обучении судей как узких специалистов, предназначенных именно для этой работы.

Весь учебный процесс в Национальной школе магистратуры построен на предоставлении знаний, необходимых именно для работы в качестве судьи. Так, на первом году обучения слушателям преподают методологию судебных функций, фундаментальные принципы судебных процессов на основе международных норм в области правосудия и прав человека, ораторское искусство, профессиональную этику судьи. «Второй год обучения... слушатель полностью проводит в суде и других органах под контролем судьи или прокурора, ответственных за стажировку, знакомясь с работой суда всех инстанций, органов расследования и прокуратуры, полицейских и жандармских служб, учреждений правовой защиты несовершеннолетних, исправительных учреждений, судебных исполнителей, а также с деятельностью адвокатов» [1]. На третьем году обучения слушатели Национальной школы магистратуры проходят заключительные испытания и сдают квалификационный экзамен, после которого им предлагается список должностей. После сделанного выбора слушатели еще 5 месяцев проходят теоретическую часть с учетом выбранной должности.

После обучения специально созданное квалификационное жюри «дает классификацию слушателям, которых оно считает способным к выполнению судебных функций... Соответствующий список доводится до сведения министра юстиции» [3]. Последний в свою очередь предоставляет данный список Высшему совету магистратуры (члены назначаются Президентом. – *Прим. автора*), которая дает свое заключение. Далее, данный список утверждается декретом Президента Франции. «После опубликования списка в Официальном вестнике Министерства юстиции с указанием судейской должности в конкретном суде выпускник Национальной школы магистратуры приступает к судебским обязанностям» [1].

Таким образом, если в России кандидат проходит через квалификационный экзамен, организуемый экзаменационной комиссией по субъекту, то во Франции прежде чем стать полноценным судьей необходимо пройти два серьезных экзамена: вступительный в Национальную школу магистратуры и выпускной, после которого и происходит назначение на должность. Оба экзамена принимают комиссии, в состав которых входят судьи. Так, при вступительном экзамене в состав экзаменационной комиссии входит «11 человек: представители от Кассационного суда и от Государственного совета, профессор права, четыре представителя от магистратуры (судьи и прокуроры), адвокат, психолог, рекрутер Школы, внешний представитель не из судебной сферы» [2]. Выпускной экзамен принимает комиссия, которая «формируется на внешней по отно-

шению к Школе основе, состоит из 9 человек и возглавляется судьей или прокурором Кассационного суда» [2]. Отличительной особенностью данных комиссий от ЭК в России является более широкое включение специалистов. Если в России в состав ЭК кроме судей входят преподаватели юридических дисциплин и представители общероссийского объединения юристов, то во Франции в состав обязательно должны быть включены не только юристы, но психолог и люди, которые вообще не связаны с судебной системой.

В России предварительным согласованием кандидатов на должность судьи занимается Комиссия при Президенте РФ, которая вправе провести специальные проверки по кандидату и отказать в назначении. Во Франции слушатели Национальной школы магистратуры в зависимости от успехов в учебе и результатов сдачи выпускного экзамена назначаются на те или иные судебные должности по своему выбору. Список прошедших испытания слушателей утверждается декретом Президента республики. Следует также отметить, что само по себе поступление в указанное образовательное учреждение является довольно сложным испытанием, так как на законодательном уровне установлен ряд барьеров для кандидатов в слушатели (наличие национального диплома о втором цикле высшего образования, французское гражданство, дееспособность и хорошие моральные качества и т. д.). По окончании всех испытаний Высший совет магистратуры дает свое заключение о соответствии кандидата заявленным требованиям. В этом ее функция схожа с Кадровой комиссией при Президенте РФ, которая также по окончании всех испытаний проверяет кандидатов на соответствие заявленным требованиям. Таким образом, несмотря на некоторые различия в процедуре отбора на должность судей в обеих странах прослеживается одна общая, закономерная и, на наш взгляд, очень важная черта. Как в России, так и во Франции кандидат на должность судьи проходит ряд серьезных испытаний, которые весьма обоснованы, поскольку судья в обеих странах решает важнейшую задачу государства по отправлению правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдрасулов Е. Б. Некоторые аспекты подготовки кандидатов и отбора на судебские должности во Франции и Испании. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-podgotovki-kandidatov-i-otbora-na-sudeyskie-dolzhnosti-vo-frantsii-i-ispanii/viewer> (дата обращения 16.11.2022).

2. Бочаров Т. Ю., Дмитриева А. В., Скугаревский Д. А. Профессиональное образование судей. Сравнительный анализ центров подготовки судей в Европе (Франция, Португалия, Польша). URL: https://enforce.spb.ru/images/Products/reports/IRL_Professional_education_of_judges.pdf (дата обращения 16.11.2022).

3. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26. 06.1992 №3132-1 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс», раздел «Законодательство». URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2022).

4. Закон Франции о магистратуре. Ордонанс №58-1270 от 22.12.1958 года, содержащий органический закон о статусе магистратуры // Библиотека Консти-

туции Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=877> (дата обращения 16.11.2022).

5. Соловьев А. А. Европейские модели организации и функционирования органов судейского сообщества. Королевство Бельгия и Французская Республика. М., 2016. 155 с.

УДК 342.56

Власик Александр Сергеевич

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

jd199@mail.ru

Верховный Суд Российской Федерации: некоторые проблемы и пути их решения

В статье рассматриваются некоторые положения Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации», высказывается ряд предложений относительно компетенции и полномочий Президиума Верховного Суда РФ, обосновывается необходимость изменений по порядку формирования состава Президиума Верховного Суда РФ, сменяемости судей Верховного Суда РФ, для подготовки научно-обоснованных проектов изменений в законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, Президиум, коллегия, беспристрастность, конфликт интересов, сменяемость.

Vlasik Alexander Sergeevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Supreme Court of the Russian Federation: some problems and ways to solve them

The article discusses some provisions of the Federal Constitutional Law “On the Supreme Court of the Russian Federation”, makes a number of proposals regarding the competence and powers of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, justifies the need for changes in the order of formation of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the turnover of judges of the Supreme Court of the Russian Federation, for the preparation of scientifically-based draft amendments to the legislation of the Russian Federation.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, Presidium, collegium, impartiality, conflict of interests, turnover.

Верховный Суд Российской Федерации является одной из высших судебных инстанций. Его возглавляет Председатель Верховного Суда Российской Федерации. Правовой статус Председателя отличается от иных руководящих должностей федеральных судов тем, что законодательно предусмотрены иные требования к предельному возрасту (он отсутствует) и сроку полномочий. С 2012 года

было упразднено ограничение сроков назначения на данную должность, а также предельный возрастной ценз. Представляется, что возврат указанных ограничений в назначении Председателя Верховного Суда Российской Федерации способствовало бы повышению эффективности публичного управления.

Во-первых, произошла бы сменяемость судебной власти, как в персональном, так и в поколенческом плане. Обновление управленческих кадров препятствует формированию и укреплению коррупционных связей, устраняет застойность в поиске оптимальных управленческих решений.

Во-вторых, омоложение судейского корпуса способствует внедрению современных технологий. В настоящее время в условиях цифровизации и формирования «электронного государства» данный момент эффективности управления не переоценить. Продолжительное нахождение на публичных должностях, в том числе руководящих, людей одного поколения приводит к невозможности занять эти должности людьми следующего поколения. Такая ситуация разрушает социальные лифты, что может создать условия оппозиционности как в самом обществе, так и в государственных органах.

При сохранении условий профессионального долголетия и кадрового сбережения для большинства сфер, включая публичное управление, руководящий состав может иметь некоторые привилегии в части возрастных рамок. Но привилегии не должны вести к так называемому межпоколенческому разрыву, когда на смену пожилым руководителям приходят их дети (нередко в буквальном смысле), а не следующее профессиональное поколение.

Целесообразно решить данную проблему изложив часть 2 статьи 12 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ в следующей редакции, закрепив сменяемость Председателя Верховного Суда РФ: «Одно и то же лицо может быть назначено на должность Председателя Верховного Суда Российской Федерации не более двух сроков. Предельный возраст пребывания в должности Председателя Верховного Суда Российской Федерации – 70 лет».

Одним из структурных подразделений Верховного Суда Российской Федерации является его Президиум [1], который представляет собой последнюю судебную инстанцию Верховного Суда Российской Федерации, осуществляя пересмотр вступивших в законную силу решений в порядке надзора. Порядок работы Президиума определяется Регламентом Верховного Суда Российской Федерации. В составе Президиума действует 13 судей, в состав которых входят Председатель Верховного Суда и его заместители, а также судьи, чьи кандидатуры утверждаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, основанном на предложении Председателя Верховного Суда. В данном составе Президиума, на наш взгляд, возникает проблема, которая состоит в следующем: наличие в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации председателей судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, что порождает конфликт интересов, поскольку Президиум пересматривает решения этих коллегий в надзорном порядке. Данную проблему можно было бы решить путем внесения изменения в действующее законодательство, в частности, часть 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» добавить абзацем сле-

дующего содержания: «Председатель коллегии Верховного Суда Российской Федерации не может участвовать в рассмотрении дела в составе Президиума Верховного Суда Российской Федерации, если ранее это дело рассматривалось возглавляемой им Коллегией Верховного Суда Российской Федерации».

Еще одним спорным вопросом остается вопрос об обязательности постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. По мнению одних авторов, положения, закрепленные в них, носят рекомендательный характер. Например, А. И. Рарог отмечает, что ни в одном нормативном правовом акте нет положений, из которых бы следовал обязательный характер разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Дополнительным аргументом является тот факт, что некоторые разъяснения «букве закона» не соответствуют. По мнению М. В. Баглая, несмотря на все важность обобщения судебной практики, но в любом случае всю ее объять невозможно даже в пределах законности [2, с. 53].

Согласно другой точке зрения [3, с. 22] (В. В. Демидов, Н. В. Михалева), Постановления Пленума Верховного Суда имеют обязательный характер. Придерживающиеся данной точки зрения авторы ссылаются на ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой «вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации». Еще одним аргументом является то обстоятельство, что в компетенцию Верховного Суда Российской Федерации входит возможность давать разъяснения по вопросам применения законодательства, из чего приверженцы второй точки зрения делают вывод о том, что это подразумевает неукоснительное следование им.

Представляется, что второй подход неверен по следующим причинам. Любое решение или постановление любого суда любого уровня, вступившее в законную силу, обладает признаками незыблемости, преюдициальности. У любого судебного акта есть обязательная сила, за неисполнение любого судебного акта наступает предусмотренная законодательством ответственность. Приостановить действие любого судебного акта можно только в установленном процессуальным законодательством порядке, т. е. путем его отмены. Преюдициальными являются факты, которые до их опровержения принимаются другим судом по другому делу, если они значимы для разрешения данного дела. Законная сила судебного акта означает, что все установленные им факты и правоотношения не подлежат пересмотру, пока решение не будет отменено. Факты, которые охватывал предмет доказывания, становятся достоверными и незыблемыми до отмены акта. Преюдициальные обстоятельства, лежащие в основе ранее вынесенного по другому делу и вступившего в силу судебного решения, когда они имеют значение для разрешения в последующем возникшего спора.

Думается, что общеобязательность судебного акта является аргументом в пользу вывода о недопустимости игнорирования судебного решения как доказательства. Можно согласиться с В. В. Азаровым, что «столь специфическое письменное доказательство, как судебный акт, часто вызывает у судей большее доверие, чем иные письменные документы» [4]. Тем не менее нельзя забывать о том, что преюдициальны установленные вступившим в законную силу решением суда обстоятельства, а не их правовая оценка. Суды не связаны выводами других судов о правовой квалификации отношений и толковании правовых норм. Например, установленные судебным актом обстоятельства причинения ущерба являются преюдициальными, а вывод о доказанности размера причиненного ущерба нет. Таким образом, считаю, что суды должны давать собственную правовую оценку фактам и обстоятельствам, учитывая в качестве доказательства руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Если принять точку зрения профессора В. М. Лебедева, по мнению которого постановления Пленума носят нормативный характер и занимают место подзаконного источника [5], то тогда деление власти на законодательную, исполнительную и судебную теряет всякий смысл. И если признать их источниками права, то необходимо, по крайней мере, прописать в законе порядок их обжалования.

Тем не менее, полагаю, что нельзя не умять роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в толковании и применении правовых норм, они оказывают существенное влияние на ход любого процесса, в связи с чем, являются одним из средств правового воздействия, помогают преодолевать трудности понимания нормативных предписаний, восполняют, иногда, пробелы в законодательстве.

В целях снятия различных оценок толкований значений постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации целесообразно было бы внести следующее дополнение в действующее законодательство, а именно изложить пункт 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ в редакции, указывающей на обязательность постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для применения их нижестоящими судами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

2. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57.

3. Демидов В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 21–24.

4. Азаров В. В. Судебные акты как письменные доказательства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9. С. 7–13.

5. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб. : Лань, 2001. – 214 с.

УДК 351

Войцеховская Анастасия Максимовна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vojcehovskaya99@mail.ru

Личная заинтересованность как сущность содержания конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации

В статье обосновывается необходимость включения в законодательное определение понятия личной заинтересованности указания на ее нематериальный (нематериальный) характер с учетом анализа положений действующего законодательства, разъяснений Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, а также позиции, сложившейся в научной литературе. Проанализирована перспектива включения в состав лиц, относящихся к близким родственникам и свойственникам государственного служащего, бывших супругов согласно действующему национальному плану противодействия коррупции. Рассмотрена возможность дополнения отечественного понятия конфликта интересов указанием на условия принятия служебных решений по примеру Республики Беларусь.

Ключевые слова: личная заинтересованность, конфликт интересов, государственная служба, нематериальная выгода, нематериальный характер.

Voitsekhovskaya Anastasia Maksimovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Personal interest as the essence of the content of the conflict of interests in the Civil Service of the Russian Federation

The article substantiates the need to include in the legislative definition of the concept of personal interest an indication of its non-material (immaterial) nature, taking into account the analysis of the provisions of the current legislation, explanations of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the position established in the scientific literature. The prospect of including former spouses in the composition of persons belonging to close relatives and relatives of a civil servant in accordance with the current national anti-corruption plan is analyzed. The possibility of supplementing the domestic concept of conflict of interest with an indication of the conditions for making official decisions, following the example of the Republic of Belarus, is considered.

Keywords: personal interest, conflict of interests, public service, intangible benefit, non-property character.

В условиях противодействия коррупции в Российской Федерации в целом и на государственной службе в частности представляется особенно важным разрешение ситуаций, связанных с конфликтом интересов.

Согласно части 1 статьи 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ № 273), применительно к государственной службе, конфликт интересов представляет собой возникновение у государственного служащего личной заинтересованности, влияющей или способной повлиять на надлежащее исполнение государственным служащим своих обязанностей в соответствии с требованиями объективности и беспристрастности. Часть 2 указанной статьи раскрывает содержание личной заинтересованности, определяя ее как «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ)...» [7].

Как мы видим, позиция законодателя сводится к получению государственным служащими или иными указанными в законе лицами только материальных выгод. При этом наличие стремления к нематериальным благам не учитывается. Отсутствие прямого указания на то в законе может позволить государственным служащим уйти от предусмотренной законодательством ответственности за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. В современной научной литературе часто поднимается вопрос нематериального характера личной заинтересованности при конфликте интересов, что свидетельствует об актуальности данной проблемы.

С. П. Коваль, О. Ю. Таибова и М. Ю. Цветков исходят из необходимости более широкого толкования личной заинтересованности, предлагая относить к данному понятию любое противоречащее интересам общества и государства поведение государственного служащего. Таковым авторы считают «протекционизм, поддержку личных интересов, покровительство «нужным лицам», преследование «неудобных лиц» [4, с. 196]. Перечисленные деяния имеют немущественный характер, однако, безусловно, выражают ненадлежащее исполнение своих обязанностей государственным служащим, проявление в его поведении пристрастного и далеко не объективного отношения к лицу, на которое направлены указанные действия, приобретающему в сложившейся ситуации различные нематериальные блага.

Н. А. Боброва также обращает внимание на то, что государственные служащие могут стремиться к получению выгод немущественного характера, обусловленных «семейственностью, карьеризмом, желанием получить взаимную услугу...» [1, с. 46]. Государственный служащий – часть общества, человек, у которого есть такие же социальные потребности, как и у тех, кто его окружает. Исходя из этого, эмоциональная поддержка друзей и родных или укрепление взаимоотношений с близкими являются не менее важными, чем перспектива получения материальных благ.

О получении выгод не только имущественного, но и немущественного характера свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – Пленум).

Абзац 3 пункта 12.1 Пленума разъясняет, что такая выгода может быть выражена в получении взаимных услуг или поддержке при разрешении различных вопросов, например, связанных с трудоустройством родственников [5].

Сферу трудоустройства как область распространения потенциальных и реальных ситуаций конфликта интересов рассматривает и Н. А. Булгакова. Автор отмечает, что проявление нематериальной личной заинтересованности имеет место в случаях, когда родственники государственных служащих получают приоритетное право замещения вакантных должностей [2, с. 41]. М. И. Филиппова также поддерживает необходимость дополнения понятия личной заинтересованности указанием на ее нематериальный характер, что, по мнению автора, способствует расширению круга лиц, входящих в понятие конфликта интересов [8, с. 100–101].

С учетом приведенных разъяснений Пленума и сложившейся в научной литературе объективной позиции относительно содержания личной заинтересованности предлагаем внести изменения в часть 2 статьи 10 ФЗ № 273, а именно: дополнить после слов «(преимуществ)» словами «, в том числе неимущественного характера».

На совершенствование понятия конфликта интересов и составляющей его сущность личной заинтересованности в настоящее время направлена и деятельность государства. В этих целях Президентом Российской Федерации регулярно издается Указ «О национальном плане противодействия коррупции», рассчитанный на определенный период. Действующий национальный план противодействия коррупции, утвержденный Указом Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (далее – Указ), является седьмым в общем числе утвержденных планов, в каждом из которых ставится ряд вопросов, направленных на решение проблемы предотвращения и урегулирования конфликта интересов.

Абзац 3 подпункта «б» пункта 7 раздела II Указа предписывает Правительству Российской Федерации уточнить состав лиц, относящихся к близким родственникам и свойственникам государственного служащего [6]. Предлагается, помимо прочего, включить в этот перечень бывших супругов государственных служащих. Полагаем, что такое включение вызовет некоторые споры в обществе, поскольку расторжение брака в большинстве ситуаций ведет к прекращению между супругами личных отношений в лучшем случае и в худшем – к возникновению и разрастанию между ними споров, порожденных последствиями расторжения брака. Во втором случае предоставление бывшим супругам каких-либо выгод, материальных или нематериальных, не представляется возможным в условиях сложившихся негативных межличностных отношений.

Обращаясь к зарубежному опыту правового регулирования конфликта интересов, следует рассмотреть законодательный подход Республики Беларусь. Понятие конфликта интересов закреплено в абзаце 12 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» [3]. Важно отметить, что действие этого закона распространяется на государственных должностных лиц и приравненных к ним лиц, перечень которых строго определен в той же статье 1. О применении норм данного закона к государственным слу-

жащим (в законе, регулирующем их правовое положение) сведений не имеется. Однако ввиду внешней идентичности термина «конфликт интересов» в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь, полагаем возможным рассмотреть их в сравнении.

В отличие от отечественного определения здесь отсутствует дополнительно понятие личной заинтересованности, в которой бы раскрывался личный интерес не только государственного должностного лица непосредственно, но лиц, состоящих с ним в близком родстве или свойстве. Как мы видим, интерес этих лиц уже включен в понятие самого конфликта интересов. Стоит, однако, заметить, что при этом отсутствует указание на возможность наличия такого интереса у иных граждан или организаций, которые связаны с государственным должностным лицом (или лицами, связанными с ним близким родством или свойством) отношениями имущественного или корпоративного характера, как это предусмотрено законодательным определением личной заинтересованности в Российской Федерации. Отсутствуют здесь и такие требования к исполнению государственным должностным лицом обязанностей, как объективность и беспристрастность, в отличие от отечественных критериев.

Особенностью законодательного определения конфликта интересов в Республике Беларусь является указание на осуществление государственным должностным лицом своих обязанностей в условиях принятия служебных решений, а также участия в их принятии и осуществления иных действий, связанных со службой. Мы считаем, что применительно к государственной службе Российской Федерации в рамках противодействия коррупции данное уточнение имеет важное значение, поскольку зачастую конфликт интересов ошибочно усматривается в ситуациях, когда государственный служащий не оказывает и не может оказать какое-либо воздействие на принятие решения, касающегося лиц, связанных с ним близким родством или свойством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боборова Н. А. Непотизм и конфликт интересов – системообразующие факторы коррупции. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45771356> (дата обращения: 26.11.2022).

2. Булгакова Н. А. Конфликт интересов на государственной гражданской службе. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46696453> (дата обращения: 26.11.2022).

3. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» : от 15.07.2015 № 305-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/> (дата обращения: 26.11.2022).

4. Коваль С. П., Тайбова О. Ю., Цветков М. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44642722> (дата обращения: 26.11.2022).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» : от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) // Офи-

циальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=19&nd=204002460&collection=1 (дата обращения: 26.11.2022).

6. Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» : от 16.08.2021 № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=602370769> (дата обращения: 26.11.2022).

7. Федеральный закон «О противодействии коррупции» : от 25.12.2008 № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года (в ред. от 07.10.2022) (по состоянию на 26.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657> (дата обращения: 26.11.2022).

8. Филиппова М. И. Конфликт интересов на государственной службе и личная заинтересованность. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35414629> (дата обращения: 26.11.2022).

УДК 34.096

Гречишкина Анна Геннадьевна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
anyaga.0199@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Усовершенствование процедуры осуществления органами прокуратуры Российской Федерации мониторинга правоприменения в рамках участия в правотворческой деятельности

Немаловажной составляющей информационного обеспечения функций прокуратуры Российской Федерации является проведение ею мониторинга правоприменения. В данной статье рассматривается законодательная регламентация осуществления прокуратурой Российской Федерации мониторинга правоприменения, была выявлена проблема относительно отсутствия последовательности действий осуществления мониторинга правоприменения, был предложен путь решения данной проблемы в виде внесения дополнений в Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 23 июня 2011 № 180 «Об организа-

ции исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

Ключевые слова: законодательная регламентация, методика проведения мониторинга правоприменения, мониторинг правоприменения, правотворчество, прокуратуры Российской Федерации.

Grechishkina Anna Gennadievna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalya Vladimirovna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Improvement of the procedure for monitoring law enforcement by authorities of the prosecution office of the Russian Federation within participation in law-making activities

An important component of the information support of the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation is its monitoring of law enforcement. This article discusses the legislative regulation of the implementation of law enforcement monitoring by the Prosecutor's Office of the Russian Federation, a problem was identified regarding the lack of a sequence of actions for monitoring law enforcement, a way was proposed to solve this problem in the form of amendments to the Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated June 23, 2011 № 180 "On the organization of enforcement Decree of the President of the Russian Federation "On monitoring law enforcement in the Russian Federation".

Keywords: legislative regulation, methodology for monitoring law enforcement, law enforcement monitoring, lawmaking, prosecutor's offices of the Russian Federation.

Частью 1 статьи 129 Конституции Российской Федерации установлено, что прокуратура Российской Федерации (далее – прокуратура, органы прокуратуры) наряду с надзорными функциями выполняет и иные функции, в соответствии со своими полномочиями [1].

Согласно статье 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 07.01.1992 № 2202-1 (далее – Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»), «прокурор при осуществлении своих полномочий по совершенствованию действующей нормативно-правовой базы вправе вносить предложения в законодательные органы и органы, имеющие право такой инициативы соответствующего или нижестоящего уровня об отмене, изменении и принятии новых законов и иных нормативных правовых актов» [2].

На примере Костромской области, в течение 2021 года органами государственной власти осуществлялась активная работа по осуществлению правотворческой деятельности как в целях совершенствования регулирования отдельных правоотношений, так и в целях приведения регионального законодательства в соответствие с изменениями в федеральном законодательстве. В 2021 (2020) году органами государственной власти Костромской области принято 1736 (1607) нормативных правовых актов, из них Законов Костром-

ской области – 145 (131) [3], постановлений администрации области – 587(648), постановлений губернатора – 280(296), актов нормативного правового характера, принятых органами исполнительной власти – 724 (532) [4].

Наряду с основными направлениями участия в правотворческой деятельности прокуратуры, с целью активного взаимодействия с органами государственной власти, органами прокуратуры осуществляется мониторинг федерального и регионального законодательства [5].

Мониторинг правоприменения осуществляется органами прокуратуры в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 25.05.2014 г.), а именно «Генеральной прокуратуре Российской Федерации рекомендовано ежегодно направлять в Министерство юстиции Российской Федерации предложения к проектам плана мониторинга и доклада Президенту Российской Федерации о результатах мониторинга» [6].

Прокуратура Российской Федерации и иные субъекты, в данной сфере руководствуются правилами, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 года № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [7]. По структуре данная методика включает в себя описание видов мониторинга правоприменения, указание на те нормативные правовые акты, в отношении которых осуществляется мониторинг правоприменения, использование практики судов, статистической и социологической информации, также в целях реализации антикоррупционной политики, мониторинг правоприменения осуществляется по показателям относительно коррупциогенных факторов.

Проанализировав методику осуществления мониторинга правоприменения, мы выявили, что на практике невозможно установить последовательность действий при осуществлении прокуратурой Российской Федерации мониторинга правоприменения, поэтому нельзя гарантировать эффективное и качественное проведение данной процедуры.

В целях реализации органами прокуратуры Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» Генеральной прокуратурой Российской Федерации был издан приказ от 23 июня 2011 № 180 «Об организации исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Данный Приказ устанавливает определение понятия мониторинга правоприменения, цели осуществления данной деятельности и ее субъекты [8].

Целесообразно было бы дополнить Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 23 июня 2011 № 180 «Об организации исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» последовательностью действий осуществления мониторинга правоприменения.

В связи с этим предлагаем внести следующие изменения: пункт 1 дополнить подпунктом 1.3 и изложить его в следующей редакции: «При осуществлении мониторинга правоприменения следует соблюдать следующую последова-

тельность: 1) при поступлении соответствующего задания о проведении в установленные сроки мониторинга правоприменения, определить круг проблем, которые следует выявить в ходе сбора информации о практике применения правовых актов и их анализа; 2) после определения круга проблем, начать сбор информации из всех открытых и закрытых источников (доступ к закрытым источникам предоставляется с согласия субъекта, участвующего в мониторинге правоприменения); 3) обработку результатов сбора информации следует осуществлять по критериям, указанным в п. 8 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694); 4) по результатам мониторинга правоприменения, в случае выявленных проблем, требующих совершенствования федерального законодательства, незамедлительно информировать правовое управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 5) предложения о совершенствовании федерального законодательства направлять в виде проектов нормативных правовых актов с обоснованием необходимости их принятия либо в виде доклада, который содержит подробное изложение выявленных проблем; 6) мониторинг правоприменения осуществлять в срок, установленный планом, который ежегодно утверждается Правительством Российской Федерации.

Таким образом, при дополнении Приказа Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 23 июня 2011 № 180 «Об организации исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» методикой осуществления мониторинга правоприменения последовательностью проведения мониторинга можно добиться достаточно эффективного и качественного проведения данной процедуры. Предложенные изменения позволят также соблюсти сроки проведения данной процедуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.11.2022).

2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2022).

3. Итоги работы Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации за период осенней сессии 2021 года. URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022)

4. Статистика законодательного процесса Костромской областной думы за 2020–2021 гг. URL: <https://kosoblduma.ru/> (дата обращения: 20.11.2022)

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшения взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2022).

6. Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (с изменениями и

дополнениями от 25.05.2014 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2022).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 года № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2022).

8. Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 23 июня 2011 № 180 «Об организации исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2022).

УДК 343

Гурко Алексей Константинович

студент, Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Иркутск, Российская Федерация

gurkoak@mail.ru

Малозначительность взяточничества: судебная практика

В статье рассматривается вопрос возможности признания малозначительными деяний, формально образующих признаки деяний, криминализирующих взяточничество (дача взятки, посредничество во взяточничестве и получение взятки), однако не представляющих общественной опасности. Основной посыл статьи заключается в анализе решений судов разных инстанций Российской Федерации сквозь призму малозначительности – возможно ли признавать деяния, содержащие в себе признаки взяточничества малозначительными, и представляется ли возможным выделить определенные критерии для признания того или иного деяния малозначительным. Также в статье рассматриваются основные позиции судов относительно категории малозначительности при квалификации взяточничества.

Ключевые слова: малозначительность, преступление, взяточничество, правоприменение, уголовный закон.

Gurko Alexey Konstantinovich

student, Irkutsk law institute (branch)

University of the prosecutor's office of the Russian Federation

Irkutsk, Russian Federation

The insignificance of bribery: judicial practice

The article considers the issue of the possibility of recognizing insignificant acts that formally form the signs of acts criminalizing bribery (bribery, mediation in bribery and receiving a bribe), but do not pose a public danger. The main message of the article is to analyze the decisions of courts of different instances of the Russian Federation through the prism of insignificance – is it possible to recognize acts containing signs of bribery as insignificant, and is it possible to iden-

tify certain criteria for recognizing this or that act as insignificant. The article also discusses the main positions of the courts regarding the category of insignificance in the qualification of bribery.

Keywords: *insignificance, crime, bribery, law enforcement, criminal law.*

Категория малозначительности, закрепленная в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) гласит, что не является преступным действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Исходя из буквального толкования уголовного закона можно заключить, что в законе отсутствуют какие-либо ограничения по применению данной категории при разрешении уголовных дел.

Если рассуждать о категории малозначительности в ключе взяточничества, то стоит отметить два момента: во-первых, на практике очень редки случаи признания взяточничества малозначительным, и, во-вторых, большинство исследователей сводят малозначительность к определенному минимальному порогу взятки [1, с. 77; 2, с. 71].

Если переходить к рассмотрению решений судов, то стоит отметить, что по сути суды разделились на несколько лагерей: вне зависимости от обстоятельств дела (в том числе от размера взятки) преступления, криминализирующие взяточничество, не могут быть признаны малозначительными. И вторая позиция состоит в признании за рядом деяний в зависимости от установленных обстоятельств по уголовному делу качества малозначительного.

Среди решений судов, отрицающих малозначительность деяний по данной категории дел, следует разделить на две позиции: решения судов, приводящих общие, не в полной мере связанные с обстоятельствами конкретного уголовного дела аргументы, и решения судов, никак не аргументирующих малозначительность таких деяний.

Среди последних можно найти следующую типичную фразу:

«Причин считать, что совершенное деяние не представляет общественной опасности и является малозначительным, суд не видит» [6].

«Между тем, указанное выше преступление является общественно опасным преступлением, и не может быть отнесены к малозначительному деянию» [8].

Как видно из последнего, единственным «аргументом» является общественная опасность преступления, которой согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ обладает любое преступление, т. е. такой тезис вряд ли можно признать аргументом.

Если обратиться к решениям судов, аргументирующих общими, особо несвязанными тезисами с конкретными обстоятельствами уголовного дела, то можно привести следующие примеры:

«Доводы жалобы о малозначительности совершенного деяния судебная коллегия находит безосновательными.

Бурхонов И. С. признан виновным в покушении на дачу должностному лицу взятки в виде денег за совершение заведомо незаконных действий (без-

действия), за которое предусмотрено наказание, в том числе, в виде лишения свободы сроком до 8 лет. Уголовным законом такое деяние отнесено к категории тяжких преступлений, кроме того, оно совершено в сфере государственной службы, в отношении представителя власти и в силу этих обстоятельств оно не может быть признано малозначительным. Незначительный размер взятки не умаляет преступный характер содеянного» [3].

«Обстоятельства того, что преступление, совершенное ФДА, обладает высокой степенью общественной опасности, им были существенно нарушены охраняемые правом общественные отношения, совершен квалифицированный состав дачи взятки, относящийся к категории тяжких преступлений, преступление совершено в сфере государственной службы, в отношении представителя власти, не позволяют в данном случае принять решение об изменении установленной законом категории преступления.

По этим же основаниям судебная коллегия находит необоснованными доводы жалобы адвоката о необходимости прекращения уголовного дела в связи с малозначительностью деяния» [4].

«Совершенное Кривошеиной Г. В. деяние направлено против интересов государственной службы, обладает повышенной общественной опасностью, в связи с чем, независимо от суммы незаконного вознаграждения, не может расцениваться как малозначительное» [5].

«Суд не находит оснований для прекращения уголовного дела по малозначительности, как заявлено адвокатом в судебных прениях. *ФИО2* совершила умышленное преступление, за которое предусмотрено наказание, в том числе и в виде лишения свободы. Кроме того, оно совершено в сфере государственной службы, в отношении представителя власти и в силу этих обстоятельств не может быть признано малозначительным» [10].

Исходя из приведенных выше решений можно выделить следующие критерии, на которые ориентируются суды при непризнании взяточничества малозначительным: 1) объект уголовно-правовой охраны и глава, в которой содержится соответствующий состав преступления; 2) тяжесть совершенного преступления; 3) как следствие из предыдущего, наличие среди наказаний за совершенное деяние лишения свободы на определенный срок; 4) повышенная общественная опасность; 5) нередко среди таких решений указывается, что незначительный размер взятки не имеет значения для признания деяния преступным.

Нам представляется, что данные критерии не являются состоятельными аргументами, поскольку по большей мере не основываются на конкретных обстоятельствах уголовного дела, а выводятся из состава преступления. По нашему мнению признание данных деяний малозначительными возможно, однако для этого нужно наравне с вышеназванными критериями, которые тоже не стоит забывать в виду уголовно-политического курса Российской Федерации, посвященного борьбе с коррупцией, необходимо давать оценку всем обстоятельствам, установленным по уголовному делу.

Перейдем к рассмотрению группы решений судов, которые считают возможным признавать за рядом деяний качества малозначительного.

«Суд тщательно проанализировал фактические обстоятельства дела и пришел к выводу о том, что это деяние в силу малозначительности размера полученной взятки в сумме 500 рублей не представляет общественной опасности и поэтому не является уголовно наказуемым преступлением. Федотов В. Г. не причинил и не создал угрозы причинения вреда личности, обществу и государству, способ совершения деяния не является насильственным, факт получения взятки не повлек общественно опасных и тяжких последствий.

В материалах уголовного дела не содержится доказательств, свидетельствующих о том, что содеянное Федотовым В. Г. обладает признаками высокой общественной опасности, вредоносности деяния, которая позволила бы признать содеянное им преступлением» [9].

В другом решении говорится следующее:

И еще одним решением является небезызвестное решение Верховного Суда Российской Федерации по делу С. В. Гейдемана.

«Таким образом, 20 ноября 2002 года Т. передала добровольно в порядке вознаграждения, подарок в виде спиртного, фруктов и денег, всего на общую сумму 1000 рублей, Гейдеману...

Причем характер и содержание подарка дает основание считать, что он был предназначен не только осужденному, но и как знак благодарности его сослуживцам...

Несмотря на то, что указанное поведение Гейдемана формально и содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, но в силу конкретных обстоятельств дела и малозначительности (исходя из размера полученного Гейдеманом вознаграждения в 1 000 рублей, добровольности его вручения Т., законного и своевременного характера действий Гейдемана по организации опознания угнанного автомобиля и передаче его собственнику), содеянное Гейдеманом не представляет общественной опасности, а потому, в соответствии со ст. 14 УК РФ, не является преступлением» [7].

Исходя из обозначенных решений, можно выделить следующие критерии, позволяющие отнести деяние, квалифицированное по составам взяточничества, как малозначительное: 1) «незначительность» размера взятки (как правило, в пределах 1000 рублей); 2) отсутствие причинения угрозы причинения вреда личности, обществу и государству; 3) факт получения взятки не повлек тяжких последствий (например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций). Однако не стоит воспринимать данные критерии как золотое правило, все пункты которого необходимо соблюсти. Эти критерии являются лишь приблизительными, выведенными из судебной практики – разрешать вопрос о малозначительности того или иного деяния необходимо не только учитывая названные критерии, но и все иные конкретные обстоятельства, установленные по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванчин А. В. Служебные преступления : учеб. пособие. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2013. 156 с.
2. Шарапов Р. Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 70–80.
3. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 7 августа 2015 года // ГАС «Правосудие» : офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigshowDocument.html?id=33e9f3bd59f2bbf8a9c10a0d0440fc14&> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 26 февраля 2014 года по делу № 22-824 // ГАС «Правосудие» : офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigshowDocument.html?id=3979eb5b555615693ac20b68d701ba96&> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Апелляционное определение Октябрьского районного суда г. Иваново от 14 сентября 2017 года по делу № 10-12/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9CHAgq6ltVNV/> (дата обращения: 26.11.2022).
6. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 26 апреля 2018 года по делу № 22-1404/2018 // ГАС «Правосудие» : офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigshowDocument.html?id=3fa8ec1ab0f377c64849e1b9a335aa7c&> (дата обращения: 26.11.2022).
7. Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2007 года по делу № 51-Д06-58 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=168490 (дата обращения: 27.11.2022).
8. Приговор Гиагинского районного суда Республики Адыгея от 8 июня 2022 года по делу № 1-45/22 // ГАС «Правосудие» : офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigshowDocument.html?id=c21a479fe67f565ac126a495082dc586&> (дата обращения: 26.11.2022).
9. Приговор Соль-Илецкого районного суда от 5 сентября 2011 года по делу № 1-61/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/975uwv1D2DNw/> (дата обращения: 25.11.2022).
10. Приговор Черняховского городского суда от 21 октября 2016 года по делу № 1-126/2016 // ГАС «Правосудие» : офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigshowDocument.html?id=bd76f6a48b78a8ebe85ddac7a5d05d10&> (дата обращения: 26.11.2022).

УДК 343.288

Гусева Дарья Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

dashaguseva969@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении

В статье исследуются проблемы риска рецидива преступлений осужденных, в отношении которых ранее удовлетворялось ходатайство об условно-досрочном освобождении. Возникновение риска рецидива преступления у данной категории лиц, в большинстве случаев связано с тем, что осужденный не имеет возможности войти в процесс социализации, так как у него, как правило, утрачены связи с близкими, отсутствует место постоянного проживания, а также проблемы с трудоустройством. Авторами проанализированы статистические данные о характеристике данной категории осужденных, имевших неснятую или непогашенную судимость. Проанализированы отдельные положения Законопроекта № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации», принятого Государственной Думой в первом чтении и предложено изменение редакции части 1 статьи 28 данного законопроекта.

Ключевые слова: осуждение, осужденный, условно-досрочное освобождение, рецидив, проблемы риска рецидива, пробация, ресоциализация, социальная адаптация.

Guseva Darya Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of relapse risk during parole

The article examines the problems of the risk of recurrence of crimes of convicts in respect of which a petition for parole was previously granted. The occurrence of the risk of recidivism in this category of persons, in most cases, is due to the fact that the convict does not have the opportunity to enter the process of socialization, as a rule, has lost ties with relatives, there is no place of permanent residence, as well as problems with employment. The authors analyzed statistical data on the characteristics of this category of convicts who had an unexpunged or outstanding conviction. Separate provisions of the Draft Law No. 232770-8 “On Probation in the Russian Federa-

tion”, adopted by the State Duma in the first reading, are analyzed and a change in the wording of Part 1 of Article 28 of this bill is proposed.

Keywords: conviction, convict, parole, relapse, relapse risk problems, probation, resocialization, social adaptation.

Изучение вопроса о институте условно-досрочного освобождения, принципов его действия и реализации в правоприменительной практике представляется действительно необходимым в виду того, что данный институт представляет собой одну из форм проявления гуманизма как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном праве. Однако во все времена существования данного института проявляется проблема рецидива преступлений со стороны осужденных, в отношении которых ранее удовлетворялось ходатайство об их условно-досрочном освобождении, которая, по нашему мнению, обуславливает актуальность избранной нами темы.

Актуальность исследуемой темы обуславливается и тем, что при удовлетворении ходатайства осужденного о применении к нему условно-досрочного освобождения, велика возможность проявления детерминирующих факторов рецидива преступлений, связанных с тем, что данное лицо, после «освобождения от дальнейшего отбытия наказания, в большинстве случаев, не имеет возможности войти в процесс ресоциализации, так как у него, как правило, утеряны взаимные связи с близкими, отсутствует место для постоянного проживания и возникают большие проблемы с трудоустройством.

Анализ принимаемых мер государством, а также законодателем свидетельствует об устойчивом направлении уголовно-правовой политики нашего государства на гуманизацию наказания и его исполнения. По нашему мнению, представляются справедливыми высказывания К. Ф. Шергиной, которая считает, что, когда цели исправления осужденных достигаются тем или иным образом, то дальнейшее отбывание данного наказания считается нецелесообразным [1, с. 216]. Действительно, если при исполнении наказания цель исправления осужденного достигнута, то к такому осужденному возможно применить некие меры, которые положительно повлияют на это лицо и его дальнейшую жизнь. Одной из таких мер, по нашему мнению, является действие института условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания.

Представляются верными высказывания специалистов о том, что условно-досрочное освобождение – это один из видов досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, являющийся формой дифференциации наказаний и представляет собой такой институт, который состоит в досрочном освобождении лица от отбывания наказания, в связи с достижением целей его наказания, при наличии оснований, предусмотренных законом.

Данное положение находит свое законодательное закрепление в положениях ст. 79 УК РФ, в части 1 которой указано: «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично),

причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания» [2].

Исходя из законодательного предписания, закрепленного в ст. 79 УК РФ, следует, что применение условно-досрочного освобождения возможно в отношении любого осужденного после фактического отбывания им строго определенной части наказания, если судом будет признано, что для своего исправления осужденный «не нуждается в полном отбывании, назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда».

Как следует из предписания закона, одним из оснований для применения судом условно-досрочного освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания является достижение целей наказания, т. е. осужденный встал на путь исправления, восстановлена социальная справедливость, и осужденный не встанет на путь совершения новых преступлений. Продолжая эту мысль, мы считаем, чтобы после применении условно-досрочного освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания были сокращены риски рецидива преступлений необходимо предпринять меры, которые положительно повлияли бы на осужденного и позволили бы ему, если не воссоединиться с семьей, то получить место для постоянного проживания и трудоустроиться, что, по нашему мнению, сделает минимальной вероятность совершения им нового преступления.

Анализ статистических данных о характеристике осужденных, которые ранее уже имели неснятую или непогашенную судимость и им было удовлетворено ходатайство об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания, за 2008–2021 годы позволяет констатировать тот факт, что количественный показатель применения условно-досрочного освобождения к осужденным с рецидивом преступлений, каждый год уменьшается. Так, согласно данным за 2008 год, всего было осуждено 260 711 человек, а показатель условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания составил – 55 957 человек, что составило 21,46 % от общего числа таких осужденных; за 2015 год – осуждено 234 543 человек, а условно-досрочно было освобождено 28 955 человек, или 12,34 % от общего их числа. В 2016 году осуждено 221 578 ранее судимых лиц, а освобождено от дальнейшего отбывания наказания условно-досрочно – 25 746 человек, или 11,5 % от общего числа данной категории осужденных; за 2017 год осуждено 224 107 человек, из них условно-досрочно освобождено от дальнейшего отбывания наказания 22 476 человек, или 10,03 % от их общего числа; за 2020 год осуждено 204 790 человек, а условно-досрочно освобождено от дальнейшего отбывания наказания 15 878 человек, или 7,75 % от общего числа таких осужденных; в 2021 году осуждено 212 579 человек, в то время как условно-досрочно освобождено от дальнейшего отбывания наказания 14 988 человек или 7,05 % от общего числа осужденных [3].

Из приведенных данных видно, что наблюдается тенденция к снижению количества лиц, освобождающихся условно-досрочно. Такое положение дел,

вызывает некоторую неудовлетворенность осужденных, так как, по их мнению, многие из них не могут реализовать свое право на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания. Однако следует учитывать тот факт, что данная статистика показывает нам количество условно освобожденных из числа ранее судимых, которые имеют неснятую и непогашенную судимость, т. е. при наличии рецидива преступлений.

Приведенные данные обуславливают вывод о том, что из числа лиц, освобождавшихся от отбывания наказания условно-досрочно достаточно высокий уровень рецидива.

В данном случае, как нам представляется, необходимо предпринять такие меры, которые положительно повлияли бы на условно-досрочно освобождающееся лицо. Т. е. меры, которые помогли бы ему социально адаптироваться, например, оказание психологической помощи, помощи в трудоустройстве и обретению постоянного жилья, а также обеспечили бы надлежащий контроль за данным лицом.

В этом плане, как нам представляется, является полезным и своевременным, внесенный, в Государственную Думу Российской Федерации законопроект федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» и успешно прошедший 6 декабря 2022 г. первое чтение. Как следует из пояснений к этому проекту закона, сделанными Министерством Юстиции России, он призван «Урегулировать вопросы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и создать систему пробации, деятельность которой будет направлена на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных как на этапе отбывания наказания, так и после освобождения.

В качестве мероприятий, направленных на ресоциализацию и социальную адаптацию, законопроектом предусмотрено оказание психологической помощи, оказание содействия в получении документов, необходимых для реализации своих прав, трудоустройстве, получении социального обслуживания, а также оказание иной помощи лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы или принудительных работ» [4].

В законопроекте обозначено, что задачами закона является: создание условий для оказания помощи в восстановлении социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройстве, обеспечении жильем, получении образования, реализации права на социальное обслуживание, оказание медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечении гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина, а также осуществление контроля и надзора за лицами, в отношении которых применяется пробация [4].

При изучении проекта Федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» мы пришли к выводу о том, что в отношении лиц, осужденных к лишению свободы и условно-досрочно освободившихся от дальнейшего отбывания наказания, должна применяться приговорная (исполнительная) пробация, под которой понимается «вид пробации, включающий совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями при ис-

полнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и иных мер уголовно-правового характера» [4].

В статье 17 данного законопроекта определено, что «основанием для применения приговорной (исполнительной) пробации является решение суда», а в статье 18, посвященной основным направлениям деятельности в сфере приговорной (исполнительной) пробации, определены лица, в отношении которых применяется приговорная (исполнительная) пробация. В п. 2 ч. 1 ст. 18 законопроекта указано, что «приговорная (исполнительная) пробация применяется к лицам: ...2) освобожденным условно-досрочно от отбывания наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ» [4].

Анализ главы 3 данного законопроекта, посвященной основным направлениям и организации деятельности в сфере приговорной (исполнительной) пробации, позволяет констатировать, что размещенные в ней правовые нормы регулируют порядок применения этого вида пробации в отношении осужденных лиц, в том числе и условно-досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания. Так, статья 19 законопроекта определяет права и обязанности уголовно-исполнительных инспекций в сфере приговорной (исполнительной) пробации. Согласно предписаниям этой нормы «Уголовно-исполнительная инспекция обязана обеспечивать: контроль и надзор, проведение социальной и воспитательной работы, оказание психологической помощи, оказание содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышение квалификации и трудоустройство в соответствии с законодательством Российской Федерации лицам, в отношении которых осуществляется приговорная (исполнительная) пробация; осуществление профилактики правонарушений в формах профилактической беседы, объявления официального предупреждения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, профилактического учета» [4].

Наряду с этим, в отношении лиц, к которым назначена приговорная (исполнительная) пробация, может применяться постпенитенциарная пробация, на что прямо указано в ч. 1 ст. 27 анализируемого законопроекта.

Как следует из положений ч. 1 ст. 28 законопроекта № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации», «основанием применения постпенитенциарной пробации является заявление лица (его законного представителя), в отношении которого осуществляется приговорная (исполнительная) пробация, освобождающегося из учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, либо отбывшего уголовное наказание, направляемое соответственно администрации учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы или в уголовно-исполнительную инспекцию» [4]. На наш взгляд, основанием применения постпенитенциарной пробации должно быть не только заявление, одного из указанных в данной норме лиц, но и ходатайство представителей администрации учреждения, исполняющего наказание или уголовно-исполнительной ин-

спекции, которые осуществляют контроль и надзор за лицом, в отношении которого применена приговорная (исполнительная) пробация.

В связи с этим предлагаем часть 1 статьи 28 законопроекта № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» излагать в следующей редакции:

«Основанием применения постпенитенциарной пробации является заявление лица (его законного представителя) или ходатайство представителей администрации учреждения, или уголовно-исполнительной инспекции, которые осуществляют контроль и надзор за данным осужденным, на основании того, что приговорная (исполнительная) пробация, примененная в отношении лица, освобождающегося из учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, либо отбывшего уголовное наказание, не привела к положительным результатам, направляемые соответственно администрации учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы или в уголовно-исполнительную инспекцию».

Также нам представляется целесообразным внести дополнения в соответствующие нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о применении пробации.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время, принимаются меры по снижению риска рецидива, подтверждением тому может служить, прошедший первое чтение, Федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации». И, как мы считаем, принятие предложенной нами редакции части 1 статьи 28 данного законопроекта поможет правоприменителю наиболее эффективно разрешать проблемы профилактики рецидива условно-досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Учебно-практический комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. 2-е изд., испр. и доп. М. : Eksmoeducation : Эксмо, 2013. 1086 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.12.2022).

3. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 годы – характеристика осужденных, ранее судимых, имеющих неснятую или непогашенную судимость. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>(дата обращения: 20.12.2022).

4. О пробации в Российской Федерации : проект Федерального закона № 232770-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8/> (дата обращения: 20.12.2022).

УДК 347.78

Дубинов Егор Олегович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

port1519@yandex.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Персонаж как объект правовой охраны института авторского права в Российской Федерации

В данной работе рассматривается персонаж в качестве объекта правовой охраны института авторского права в Российской Федерации. Автором проанализированы как доктринальные цивилистические подходы к определению охраноспособности персонажа, так и правоприменительная практика. Сделаны выводы об определении понятия и ключевых характеристиках персонажа с позиции авторско-правовой охраны.

Ключевые слова: персонаж, авторское право, охраноспособность, произведение, цивилистика, интеллектуальная собственность.

Dubinov Egor Olegovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

A character as an object of legal protection of the copyright institute in the Russian Federation

In this paper, the character is considered as an object of legal protection of the copyright institute in the Russian Federation. The author analyzes both doctrinal civil approaches to the definition of a character's protective capacity and law enforcement practice. Conclusions are drawn about the definition of the concept and the key characteristics of the character from the position of copyright protection.

Keywords: character, copyright, protectability, work, civics, intellectual property.

Гражданское законодательство устанавливает правовую охрану объектов авторских прав, в том числе, правовую охрану персонажа. В соответствии с пунктом 7 статьи 1259 Гражданского кодекса РФ, авторско-правовая охрана

распространяется на часть произведения, на его названия, на персонаж произведения при условии, что они по своему характеру могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают установленным в законодательстве требованиям [1].

Легальной дефиниции термина «персонаж» законодателем не закреплено. Однако, уже с первой половины 2000-х годов начались обширные дискуссии относительно правовой природы рассматриваемой категории, а также о необходимости правовой охраны персонажа как самостоятельного элемента [6, с. 26]. Данные вопросы актуальны до настоящего времени и в российской цивилистической доктрине, и за рубежом. Необходимо отметить, что, например, в Соединенных Штатах Америки такая категория авторского права как «персонаж» защищена более широко, чем в Российской Федерации. Это выражается в первую очередь в том, что в США отсутствует потребность в доказывании охраноспособности персонажа: для признания факта нарушения одним из авторов авторских прав другому суду достаточно установить значительное совпадение некоторых индивидуализирующих черт персонажей. Однако такой подход законодателя вызывает ряд вопросов, обсуждаемых в кругу американских исследователей [7, с. 782].

В России одни исследователи рассматривают персонажа с позиции производного произведения, другие считают персонажа самостоятельным произведением. Так, Е. А. Смирнова и А. А. Шишанова считают, что «изображение персонажа, созданное на основании существующего описания из литературного произведения, является производным произведением, т. е. переработкой» [5, с. 28]. Если рассматривать персонажа с позиции экранизации литературного произведения, то можно согласиться с авторами, поскольку вновь созданный образ литературного героя будет являться производным аудиовизуальным произведением. Однако поскольку производное произведение имеет самостоятельную правовую судьбу, то справедливо согласиться с позицией В. С. Витко, который отмечал, что «персонаж – это идея действующего лица, изложенная оригинальной совокупностью слов, линий, цветов и т. д.», причем идея, воплощенная в объективной форме, что позволяет считать персонаж не частью произведения, а именно произведением [3, с. 38].

В современной действительности судебная практика в России исходит из того, что при использовании охраняемых частей произведения нарушается право на произведение в целом, поэтому для самостоятельной авторско-правовой охраны, например, персонажа как части произведения, необходимо доказать, что персонаж соответствует критериям охраноспособности, одним из которых является признак узнаваемости динамического образа персонажа, который определяется комплексом отличительных черт, присущих соответствующему виду произведения.

Такой подход отражен и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса» [2]. В пункте 82 персонаж отражен как совокупность описаний и (или) изображений того или иного действующего лица в произведении в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения,

в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др. Кроме этого, Верховный Суд РФ указывает, что не любое действующее лицо произведения является персонажем: судам в каждом конкретном случае необходимо устанавливать обладает ли конкретное действующее лицо произведения, описанное в качестве персонажа, достаточными индивидуализирующими его характеристиками (внешний вид действующего лица произведения, его характер, отличительные черты и иные особенности).

Из представленной правовой позиции Верховного Суда РФ следует, что персонажем может быть только такое действующее лицо (герой) произведения, которое обладает теми или иными индивидуальными особенностями, в силу которых является узнаваемым даже при его использовании отдельно от всего произведения в целом. Тем самым можно выделить специальный признак – узнаваемость персонажа. При этом речь идет именно о «маркетинговой узнаваемости», суть которой заключается в его определенной «известности». Узнаваемость как специальный признак персонажа можно характеризовать как результат творческой деятельности автора, в процессе которой осуществляется внешняя визуализация описания персонажа, а именно, индивидуальные черты лица, телосложения, прическа, характерные детали одежды. То есть задача правоприменителя в таком случае будет заключаться в том, чтобы выделить персонаж из состава произведения и дать ему самостоятельную правовую оценку, в том числе с субъективной стороны.

«Союзмультфильм» 01 апреля 2018 года выпустил продолжение знаменитого мультфильма под названием «Новое Простоквашино». Между тем детский писатель Эдуард Успенский, по мотивам повести которого и сняты первые серии, написал по этому поводу открытое письмо Президенту Российской Федерации Владимиру Путину, а также заявил о намерении подать на киностудию в суд. Успенский утверждал, что он, как обладатель патента на жителей деревни Простоквашино, не давал согласия на использование третьими лицами персонажей, имен и оригинальных названий, в том числе и на экранизацию продолжения «Простоквашино». Однако конфликт удалось разрешить мировым соглашением [4]. Данный пример ярко отражает специальный признак – узнаваемость персонажей указанного мультсериала.

Помимо узнаваемости, как специального признака, персонаж должен иметь изображение: внешнюю визуализацию в объективной форме – графической, объемно-пространственной, голографической или иной, которая позволяет публике воспринимать его и «узнавать» в отрыве от самого произведения. Внешняя визуализация возможна только в случае, если есть вымышленный персонаж, реализованный с помощью авторского воображения. То есть признание персонажа самостоятельным объектом правовой охраны возможно в отношении лишь тех произведений, в которых присутствуют описания лиц, в качестве элементов образной системы, на основании которых можно выполнить изображение.

Таким образом, охраняемый авторским правом персонаж произведения литературы и искусства можно определить как внешне визуализированное описание вымышленного лица, представленное в объективной форме в виде изо-

бражения, серии изображений, трехмерного объекта или голограммы, представляющего собой результат интеллектуальной деятельности, позволяющий использовать его в гражданском обороте независимо от основного произведения, отделимой частью которого является.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : ГК : текст с изменениями и дополнениями на 07 октября 2022 года : принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года : одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.11.2022 г.).

2. О применении части четвертой Гражданского кодекса : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 года № 10 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2022 г.).

3. Витко С. В. Можно ли уже сказать: «мы знаем, что такое персонаж»? // Патенты и лицензии. 2020. № 9. С. 38–39.

4. Михайлова А. Споры об авторстве на произведения искусства. URL: <http://pravo.ru/story/207110/?ysclid=lb0zxtbdu314325367> (дата обращения: 25.11.2022 г.).

5. Смирнова Е. А., Шишанова А. А. О сложной юридической судьбе персонажей мультипликационных фильмов // Авторское право и смежные права. 2018. № 6. С. 19–30.

6. Филин Д. К. Охрана персонажа: проблемы и перспективы // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2005. № 5. С. 26–32.

7. Zahr S. Fixing Copyright in Characters: Literary Perspectives on a Legal Problem // *Cardozo Law Review / University of Washington School of Law Research Paper*. 2013. Vol. 35, № 2. P. 769–829.

УДК 342.565

Дурягина Анна Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

zelentsova11022000@gmail.com

Проблемы реализации принципа независимости судей

В статье рассматриваются понятие, сущность и гарантии применения одного из основных конституционных принципов судебной деятельности, а именно независимости судей. Также исследуются проблемы, которые возникают в процессе реализации этого принципа. Автор приходит к выводу, что данный принцип не в полной мере реализуется в нашей

стране, потому что судьи зависят от исполнительной власти, прокуратуры, председателя суда и иных факторов.

Ключевые слова: судья, независимость судей, судебное решение, правосудие, конституционно-правовые принципы.

Duryagina Anna Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of realization of the principle of independence of judges

The article discusses the concept, essence and guarantees of the application of one of the basic constitutional principles of judicial activity, namely the independence of judges. The problems that arise in the process of implementing this principle are also investigated. The author comes to the conclusion that this principle is not fully implemented in our country, because judges depend on the executive branch, the prosecutor's office, the chairman of the court and other factors.

Keywords: judge, independence of judges, judicial decision, justice, constitutional and legal principles.

Независимость судебной власти является конституционным принципом обеспечения законности при отправлении правосудия и главной гарантией справедливого судебного разбирательства.

Данный принцип закрепляет статья 120 Конституции РФ, которая гласит о том, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону [5]. Помимо основного закона государства данный принцип провозглашают федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», закон «О статусе судей в Российской Федерации». Обязанностью судьи является соблюдение данного принципа при рассмотрении гражданских, уголовных, административных и иных судебных дел.

Вмешательство в работу судьи в любой форме, дача указаний о разрешении судебного дела, оказание давления на судью является нарушением принципа независимости и влечет установленную законом ответственность.

Понятие «независимость» по своему содержанию очень схоже с такими понятиями, как «автономия», «независимость». К. Ф. Гуценко считает, что независимость судей – это «гарантированная возможность принимать ответственные решения при осуществлении правосудия на основании предписаний закона, на основе внутреннего убеждения, без какого-либо давления, вмешательства или иного внешнего воздействия» [4, с. 234]. Г. Д. Садовникова также толкует исследуемый принцип: она считает, что независимость судей выражается в самостоятельном принятии ими решений по уголовным, гражданским и иным делам, руководствуясь только Конституцией и законом, независимо от чьей-либо воли [7, с. 112].

Законодательством нашей страны во всех случаях предусмотрено обеспечение независимости и самостоятельности судьи, начиная от соответствующего денежного содержания и заканчивая защитой государством членов его семьи.

Статья 9 Закона Российской Федерации «О статусе судей» гласит, независимость судьи обеспечена и гарантирована [2].

При рассмотрении дела судья обязан быть беспристрастен и независим от чьего-либо мнения или действия, никто не имеет права оказывать влияние на его решения.

Следует отметить, что существуют законодательно закрепленные гарантии независимости судей. Они закреплены в статье 9 Закона «О статусе судей»: независимость судьи обеспечивается: 1) предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия; 2) запретом, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; 3) установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи; правом судьи на отставку; 4) неприкосновенностью судьи; 5) системой органов судейского сообщества; 6) предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу [2]. Данные гарантии должны способствовать реализации принципа независимости судей в должной мере, а также выявлять и предотвращать коррупцию в сфере правосудия.

Несмотря на то, что независимость судей является основным принципом отправления правосудия и обеспечивается рядом гарантий, на практике возникают некоторые проблемы и спорные моменты при реализации этого принципа.

Например, на практике распространены такие случаи, когда судья при вынесении итогового решения опирается на мнения прокурора, тем самым придерживаясь убеждения, что позиция прокурора, как представителя органа власти, как правило, верна и обоснована. Как показывает практика, процент решений, противоречащих позиции прокурора крайне мал. Исходя из этого, возникает вопрос: а беспристрастен ли судья в данном случае? Несмотря на то, что прокурор не оказывает прямого воздействия на судью, а лишь высказывает в процессе свое мнение, суд, скорее, руководствуется принципом «мы с тобой одной крови» и поэтому поддерживает орган, выступающий от имени государства, указывая в мотивировочной части своего решения доводы представителя прокуратуры [6, с. 112].

Следующей проблемой является зависимость судьи от органов исполнительной власти. По мнению Р. Т. Искандаровой, при рассмотрении большинства уголовных дел, связанных с совершением преступлений представителями органов власти (получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств и прочие) судьи назначают виновным лицам максимально мягкое наказание, «относясь к рассмотрению дела не объективно». Судья понимает, что, назначив должностному лицу более строгое наказание, оно, скорее всего, будет изменено судом вышестоящей инстанции из-за высокого статуса и положения осужденного лица, а судью тем временем могут привлечь к дисциплинарной ответственности [3, с. 37].

Доктор юридических наук Н. А. Гущина в своей статье «Независимость судей как важнейшая гарантия усиления власти» выделяет еще одну проблему. Она пишет, что нередки случаи, когда судья, убежденный в правильности сво-

его поведения в процессе осуществления правосудия, может оказаться полностью зависимым от руководства суда.

В силу того, что председатель суда обладает достаточно широким кругом полномочий, он может оказывать властное воздействие на судей в различных формах. Пагубность такого негативного явления заключается в формировании психологического давления на независимого компетентного судью с целью изменения модели его судейского поведения. Косвенно на судью может повлиять пристальное внимание к соблюдению процессуальных сроков, рассмотрение непроцессуальных обращений (жалоб) на судью и качество его работы. Председатель суда может акцентировать внимание на факты отмены судебных актов, вынесенных этим судьей, и т. д.

По решению лица, возглавляющего судебный орган, принимаются меры о поощрении и материальной поддержке судей: его решения могут отразиться на негативном отношении остальных сотрудников суда, в том числе и коллег-судей к такому судье. В психологической науке для такого явления используется термин «моббинг», что означает «административно-властный произвол председателя суда, порождающий групповое психологическое давление» [1, с. 93].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопросы укрепления независимости судебной власти нуждаются в особом внимании и безотлагательном решении. Деятельность судьи требует обеспечения вынесения объективных и беспристрастных решений, следовательно, должно быть исключено любое влияние со стороны главы государства, органов исполнительной и законодательной власти, а также внутри судебной системы, с целью недопущения какого-либо вмешательства в разрешение судебных дел в целях эффективной защиты прав, свободы и законных интересов человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гущина Н. А. Независимость судей как важнейшая гарантия усиления власти // Современное право. 2015. № 4. С. 91–97.

2. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.11.2022).

3. Искандарова Р. Т. Проблема независимости судей в Российской Федерации. URL: <https://apni.ru/article/859-problema-nezavisimosti-sudej-v-rf> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Конституционное право : энциклопедический словарь / Авакьян С. А., Гуценко К. Ф., Ковлер А. И., Марченко М. Н. ; отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Норма-Инфра-М, 2001. 675 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Корнус Н. С. Проблема реализации принципа независимости судей. URL: <https://moluch.ru/archive/198/48927/> (дата обращения: 25.11.2022).

7. Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный. 10-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 194 с.

УДК 343

Дремова Мария Васильевна

адъюнкт, Академия управления

Министерства внутренних дел Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

Dremova.87@mail.ru

**К вопросу об уголовно-правовом предупреждении преступлений,
связанных с уклонением от исполнения
обязанностей военной службы**

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы уголовно-правового и криминологического предупреждения преступлений, связанных с уклонением от военной службы. Обращается внимание на важность патриотического воспитания подрастающего поколения. Констатируется отсутствие четкого и действенного алгоритма предупреждения преступлений в Российской Федерации. Предполагается гипотеза о причине введения новых квалифицирующих признаков в ст. 339 УК Российской Федерации. Высказываются некоторые предложения по внесению корректирующих и уточняющих поправок в Уголовный кодекс.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, профилактика преступлений, уклонение от военной службы, военнослужащий, военное время.

Dremova Maria Vasilyevna

adjunct, Academy of management

of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

**On the issue of criminal law prevention of crimes related to evasion
of military service duties**

The article discusses some topical issues of criminal law and criminological prevention of crimes related to evasion from military service. Attention is drawn to the importance of patriotic education of the younger generation. The absence of a clear and effective algorithm for the prevention of crimes in the Russian Federation is stated. The hypothesis of the introduction of new qualifying features in Article 339 of the Criminal Code of the Russian Federation is assumed. Some proposals are being made to introduce corrective and clarifying amendments to the Criminal Code.

Keywords: crime prevention, crime prevention, evasion from military service, soldier, wartime.

Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России (статья 59 Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция)). В связи с чем на него возлагается обязательство, предусмотренное Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ заключающееся в выполнении гражданами конституционного долга и обязанности по защите Отечества, а также иностранных граждан.

Нельзя переоценить вклад в воспитание подрастающего поколения России К. Д. Ушинского, пропагандировавшего в своих трудах идею развития у детей чувства патриотизма и глубокой любви к Родине. Известный педагог ставил акцент на то, что еще в начальной школе в воспитании детей следует уделять большое значение изучению русской истории, географии России, ее природе. Он писал о том, что без любви к Отечеству нет человека, считал, что патриот должен быть готовым принести себя в жертву, защищая честь своего государства, его независимость и свободу. Трудно не согласиться с вышесказанным умозаключением. Такое воспитание являлось нравственной основой качественного предупреждения преступлений против государственной власти.

К сожалению, в настоящее время в Российской Федерации не имеется четкого и действенного алгоритма предупреждения преступлений [3, с. 209–210], в том числе предупреждения уклонения от исполнения обязанностей военной службы.

Вместо этого в нашей стране чаще всего реализуются меры пресечения уголовного правонарушения лиц, уже его совершивших, т. е. данные лица привлекаются к уголовной-правовой ответственности. Касаясь уклонения от военной службы в законодательстве Российской Федерации, статья 339 «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами» Уголовного кодекса предусмотрен ряд наказаний.

А конкретнее, уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана наказывается ограничением по военной службе на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года. Если данное деяние совершено в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы, то оно наказывается лишением свободы на срок до семи лет

В сентябре 2022 года статью 339 УК РФ законодатель дополнил новой частью, которая предусматривает новые квалифицирующие признаки: мобилизация, военное время и военное положение. В связи с новыми обстоятельствами деяния, предусмотренные двумя первыми частями настоящей статьи, совершенные в период военного положения либо мобилизации, в условиях вооруженного конфликта, ведения боевых действий увеличился срок лишения свободы.

Предполагаю, что законодатель ввел данную норму в связи с обострением внешнеполитической обстановки и объявлением 21 сентября 2022 г. частичной мобилизации в Российской Федерации, в рамках которой осуществился призыв граждан России на военную службу. Изменения направлены на то, чтобы в период мобилизации усилить уголовную ответственность за уклонение от испол-

нения обязанностей военной службы, в этих действиях можно проследить профилактическую функцию закона.

В настоящее время существует несколько точек зрения пути решения данной проблематики. С криминологической стороны она рассматривалась не единожды.

В. А. Маркелов писал, что уклонение от военной службы следует рассматривать в двух аспектах – уклонение от призыва на военную службу и уклонение от прохождения военной службы [1, с. 5–7].

Из вышесказанного можно определить, что предупреждение данных видов преступлений должно иметь характер комплексного и взаимосвязанного подхода.

К основным направлениям предупреждения преступлений необходимо относить следующие элементы:

- по модернизации воспитания молодежи к военно-патриотическому духу;
- обеспечении Вооруженных Сил РФ своевременным финансированием и материально-техническим оснащением;
- организации и проведении призыва на военную службу с учетом специфики алгоритмов такой работы;
- совершенствованию системы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации на основе контрактных соглашений;
- обеспечению гарантиями о недопущении и устранении неуставных отношений в воинских частях;
- разработке новых инновационных форм и методов воспитательной и профилактической работы в подразделениях воинских частей.

И. М. Мацкевич подразумевал под предупреждением преступности военнослужащих применение ряда разносторонних мер, направленных на целостность политических, экономических и социально-психологических процессов, которые препятствуют исполнению возложенных на военнослужащих обязанностей. При этом профилактическую систему он рассматривал применительно к отдельным видам преступности военнослужащих [2, с. 5–7].

Автор особенным образом отмечал, что предупредительные меры данной точки зрения направлены, главным образом, на сохранение и упрочение противодействия криминогенных направлений, заложенных в воинском быту. Кроме того, возлагал надежды на вероятное возрождение профилактической деятельности в России на проведение эффективной предупредительной работы в войсках.

Предупреждение преступлений, связанных с уклонением военнослужащих от исполнения обязанностей по службе рассматривалось с точки зрения тактических и стратегических мер предупреждения М. В. Шайковой в статье: «Основные направления профилактической деятельности по предупреждению и профилактике преступлений среди военнослужащих в условиях стратификации общества», а именно:

- совершенствование методики организации и морально-психологической подготовки.
- корректировка дисциплинарной практики.

- устранение фактов укрытия командованием преступлений, совершенных подчиненными военнослужащими.
- пресечение превышения должностных полномочий командирами.
- оптимизирование распорядка службы в военных частях в соответствии с основными положениями устава.
- исключение правонарушений в расположениях военных частей, касающихся не уставных отношений, в том числе и устранения проблем быта, медицинского обеспечения.
- ужесточение контроля личного состава в условиях казарменно-бытовых отношений и соблюдения военнослужащими уставных отношений в расположениях военных частей.
- уделение особого внимания дисциплинарному поведению в области культурно-нравственного поведения [4, с. 12–15].

Отдельно было отмечено, что в предупреждении преступности в войсках Российской Федерации важное значение играет совещание руководителей, на котором рассматриваются вопросы, связанные с определением оптимальных вариантов борьбы с преступлениями, а также проведение правового информирования и разъяснительной работы прокурором совместно с непосредственным командованием войсковой части.

Трудно не согласиться с вышеизложенными точками зрения, но данные исследователи уделяли основное внимание криминологическим мерам предупреждения. Полагаю, что необходимо высказать некоторые предложения в дополнении к вышеизложенным взглядам в уголовно-правовом аспекте.

Одна из задач УК РФ – предупреждение преступлений, закрепленная в его второй статье.

Исходя из положений вышеназванной статьи уголовного законодательства, применительно к отношениям в военных частях, необходимо сказать, что назначение наказания военнослужащим уже совершившим противоправные деяния, является формой предупреждения преступлений в обозначенной категории. Аналогично, как и угроза вероятности его применения к военнослужащим с поведением не уставного характера, в том числе склонных к совершению действий уголовно-правового характера. Уголовно-правовое предупреждение преступлений оказывает воздействие на преступников как на уже совершивших преступление, так и на потенциальных.

Следует ли рассматривать как уклонение от призыва на военную службу поступление граждан на обучение по очной форме в образовательные организации по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета, магистратуры, в том числе по очной форме обучения в образовательных организациях и научных организациях по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), ординатуре или программам ассистентуры-стажировки? Не будут ли пользоваться граждане, желающие избежать военной службы, Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» как правом на отсрочку от призыва на военную службу в личных целях.

Из вышесказанного можно заключить, что существует противоречие между отграничением уклонения от настоящего желания повышать свой образовательный уровень в учебных заведениях в соответствии с указанным законом. Эта проблема связана, прежде всего, с неточностью формулировок Уголовного кодекса РФ, произвольной интерпретацией его норм, ошибками правоприменителей.

Из сказанного вытекают проблемы правильной правовой оценки и квалификации противоправных действий против военной службы, которые нивелируются внесением уточняющих поправок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркелов В. А. Уклонение от военной службы (понятие, виды, предупреждение) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : Саратов. юрид. ин-т МВД РФ, 2005. 25 с.

2. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 40 с.

3. Титушкина Е. Ю. Проект закона «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3(2). С. 207–210.

4. Шайкова М. В. Основные направления профилактической деятельности по предупреждению и профилактике преступлений среди военнослужащих в условиях стратификации общества // Военно-юридический журнал. 2020. № 5. С. 12–15.

УДК 343.8

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Кокоринова Екатерина Михайловна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ekaterina.kokorinova@yandex.ru

Проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы

В статье рассматриваются проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы, такие как: возвращение к полноценной жизни, а именно: решение проблем возвращения в семью, к своим детям, поиска места проживания, трудоустройства, и др. Рассматриваются основные факторы, оказывающие негативное влияние на

осужденных женщин и свидетельствующие о пробелах в данной сфере. Представлен анализ факторов, играющих значительную роль как в успешной ресоциализации, так и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы в современной России.

Ключевые слова: преступление, наказание, ресоциализация, адаптация, женщины, осужденные, лишение свободы, трудоустройство, семья.

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Kokorinova Ekaterina Mikhailovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Problems of re-socialization and adaptation of women,
sentenced to imprisonment**

The article deals with the problems of resocialization and adaptation of women sentenced to imprisonment, such as: return to a full life, namely: solving the problems of returning to the family, to their children, finding a place of residence, employment, etc. The main factors that have a negative impact on convicted women and indicate gaps in this area are considered. An analysis of the factors that play a significant role in both the successful resocialization and adaptation of women sentenced to imprisonment in modern Russia is presented.

Keywords: crime, punishment, resocialization, adaptation, women, convicts, imprisonment, employment, family.

Современное Российское государство заинтересовано в создании безопасных условий жизнедеятельности всего населения страны. Нам представляется бесспорным тезис о том, что женщина, как представитель населения страны, обладает особым статусом, что подтверждается рядом законодательных предписаний. Исходя из этого, по нашему мнению, одним из приоритетных направлений политической деятельности государства является разработка и принятие комплекса мер, направленных на предотвращение рецидива преступлений среди женщин и снижения уровня как преступности в целом, так и женской в частности.

Вместе с тем современная действительность складывается так, что среди лиц, совершающих преступления немалое число женщин, которые отбывают практически все виды наказаний, за исключением пожизненного лишения свободы и, не применяемой в России, но не исключенной из Уголовного кодекса – смертной казни. Проводимые исследования позволяют констатировать то, что изоляция осужденных женщин от общества, специфические условия пребывания в исправительных учреждениях и воспитательных колониях для несовершеннолетних женского пола, оказывают глубокое влияние на их психику, заставляют по-особому переживать свое пребывание в колонии. Во всех случаях в период отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами следует

учитывать их особое психологическое состояние, так как они отличаются повышенной эмоциональностью и впечатлительностью. Такое их свойство особенно ярко проявляется в реакциях на факт лишения свободы, отрыва от семьи, детей и привычной обстановки. Нахождение женщин в местах лишения свободы создает определенную психологическую атмосферу, которая, в значительной мере отражается и на протекании исправительного процесса. Мы полагаем, что сказанное обуславливает целесообразность исследования проблем исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, указывая на особую актуальность и значимость избранной нами темы.

Ее актуальность подтверждается и тем, что женская преступность, в первую очередь, ставит под угрозу такую социальную структуру общества, как семья.

Закрепление в статье 38 Конституции Российской Федерации положения о поддержке и защите семьи, государственной ее охране является показателем того, что современная Россия заинтересована в укреплении и сохранении семьи как социального института, который способен выполнять различные особо важные социальные функции. Обязанность государства по созданию нормальных условий для семьи и несовершеннолетних не должна умиляться и в случаях, когда само существование семьи ставится под угрозу в силу возникновения уголовно-правовых отношений между женщиной, совершившей преступление, и государством в лице его компетентных органов.

Женская преступность, в определенной мере оказывает значительное влияние на криминогенную обстановку, прежде всего, на преступность несовершеннолетних, так как большинство женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы имеют несовершеннолетних детей, воспитанием которых, в период отбывания наказания, они не занимаются. Дети осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, оказываясь в подобных ситуациях, нередко остаются без достаточного присмотра и в условиях крайне низкой материальной обеспеченности вовлекаются в противоправную деятельность [1, с. 7].

По нашему мнению, сказанное обуславливает необходимость в усовершенствовании форм, средств и методов исполнения наказания в отношении женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. При этом, как показывают результаты проводимых исследований, особое место должно отводиться обеспечению занятости осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы, посредством привлечения к труду, обучению, в том числе и с целью получения новых профессий, а также в культурно-массовые мероприятия.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает трудовую деятельность и обучение осужденных, находящихся в местах лишения свободы, как средство исправления. Следовательно, привлечение осужденных к труду способствует их исправлению, а если они работают по специальности, то это позволяет совершенствовать профессиональные навыки, которые они смогут применять после освобождения из мест лишения свободы. Следует отметить, что стаж работы в местах лишения свободы засчи-

тывается в общий трудовой стаж и будет учитываться при реализации права на получение пенсии.

Осужденные женщины, не занятые полезной деятельностью, в том числе и трудовой деятельностью, которые, как правило, не поддерживают регулярных связей с близкими, внутри исправительного учреждения представляют собой контингент повышенной опасности как в объективном, так и в субъективно-психологическом отношении.

Опрошенные нами, в качестве экспертов, сотрудники женских исправительных учреждений, отмечают повышенную тревожность осужденных женщин, не занятых общественно полезной и трудовой деятельностью. В сложившихся условиях они впадают в депрессию, становятся нервно неустойчивыми, порой даже агрессивными, быстро сходятся с такими же осужденными женщинами, нередко создают ситуации, требующие немедленного психологического и даже медицинского вмешательства, а также мер дисциплинарного воздействия для снятия состояний агрессии, истерии, психоза.

В то время как осужденные женщины, занятые общественно полезной и трудовой деятельностью более устойчивы к стрессовым ситуациям, имеют хорошую выдержку в психологическом отношении, быстрее и эффективнее реагируют на меры исправительно-воспитательного воздействия, а в последующем, успешнее и быстрее достигают целей исполнения наказания и более эффективно проходят процесс ресоциализации [2, с. 158].

Как показывают результаты исследований, женщины, освобождающиеся из мест лишения свободы, оказавшись на свободе, сталкиваются с рядом жизненно важных проблем, в первую очередь, что не мало важно для профилактики рецидива и нормального процесса ресоциализации, – это трудоустройство и получение легального заработка, что, в свою очередь, препятствует ее нормальной социальной адаптации в новых жизненных условиях. Не менее важной, как нам представляется, проблемой является определение места жительства женщиной, освободившейся из мест лишения свободы. Ведь не является секретом то обстоятельство, что освободившиеся из мест лишения свободы женщины, да, как и мужчины, зачастую остаются без определенного места жительства.

Исследования специалистов показывают, что, неразрешимость обозначенных выше проблем является одним из основных факторов рецидива преступлений. Как нам представляется, в настоящее время, одна из основных целей совершения новых преступлений данной категорией лиц – обеспечить себе хотя бы минимальный уровень средств к существованию либо возврат обратно в места лишения свободы, где они обеспечены относительно нормальными условиями для проживания. Этим, по мнению специалистов, обусловлен рецидив преступлений, особенно корыстно-насильственных преступлений.

Сказанное обуславливает вывод о том, что женщины, освободившиеся из мест лишения свободы, вынужденно встречаются с серьезными проблемами, препятствующими им возвратиться к полноценной жизни, а именно: решать проблемы возвращения в семью, к своим детям, поиска места проживания, трудоустройства и др.

Как известно, если человек трудоустроен и способен покрывать не только свои расходы, но и обеспечивать нормальное проживание семьи, то вероятность совершения им новых преступлений значительно снижается. В данном случае мы разделяем точку зрения специалистов, считающих, что труд не только создает материальную базу и является источником средств существования, но и расширяет круг общественно полезных связей, формирует новую личность, менее склонную к совершению общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом. Трудовая занятость – одно из основных условий возвращения бывших осужденных к нормальной жизни в условиях свободы [3, с. 1].

Отсутствие жилья, неприятие освободившейся женщины близкими, отказы в приеме на работу – все эти социальные и психологические проблемы, становятся практически не разрешимыми для лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Как нам представляется, разрешение этих проблем требует государственного вмешательства. По нашему мнению, нужна государственная программа по обеспечению освободившихся из мест лишения свободы лиц жильем, работой и досугом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Высоцкая Д. С. Женская преступность: причины и пути решения // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 6(45). С. 77–80.
2. Емельянова Е. В. Правовая обусловленность содержания труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 158–163.
3. Кирса А. С. Проблемы трудоустройства граждан, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Молодой ученый. 2021. № 42(384) С. 90–93.

УДК 343.1

Ераксина Евгения Романовна

магистрант, Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

г. Владивосток, Российская Федерация

eraksina1999@gmail.com

О различиях в полномочиях прокурора России и Таджикистана в досудебном производстве по уголовным делам

В России объем полномочий прокурора в досудебном производстве обусловлен формой предварительного расследования (дознание или предварительное следствие). Законодатель, подчеркивая надзорный характер деятельности прокуратуры, исключил из полномочий прокурора право возбуждать уголовные дела и осуществлять предварительное расследование. Такой подход снизил возможности прокуратуры по осуществлению уголовного преследования и детерминировал проблемы реализации надзорных полномочий в отношении органов предварительного расследования. Интересен опыт Таджикистана, где прокурор обладает

большим объемом полномочий. Автором исследованы положения российского и таджикского уголовно-процессуального законодательства, выявлены сходства и различия в регламентации полномочий.

Ключевые слова: уголовное преследование, прокурорский надзор, уголовный процесс, органы предварительного расследования, прокурор, Таджикистан, сравнительно-правовой анализ.

Eraksina Evgeniya Romanovna

undergraduate, Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russian Federation

About the differences in the powers of the prosecutor of Russia and Tajikistan in pre-trial proceedings in criminal cases

In Russia, the form of preliminary investigation (inquiry or preliminary investigation) determines the scope of the prosecutor's powers in pre-trial proceedings. The legislator, emphasizing the supervisory nature of the prosecutor's office, excluded from the powers of the prosecutor the right to initiate criminal proceedings and conduct a preliminary investigation. This approach has reduced the ability of the Prosecutor's Office to carry out criminal prosecution and determined the problems of exercising supervisory powers in relation to the preliminary investigation bodies. The experience of Tajikistan is interesting, where the prosecutor has a large amount of authority. The author has studied the provisions of the Russian and Tajik criminal procedure legislation, identified similarities and differences in the regulation of powers.

Keywords: criminal prosecution, procedural supervision, criminal procedure, preliminary investigation bodies, prosecutor, Tajikistan, comparative legal analysis.

В статье 5 Конституционного закона Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» [2] к направлениям деятельности прокуратуры определен в числе прочего надзор за соблюдением и исполнением законов органами предварительного расследования и расследование преступлений. Статьями 1 и 29 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» к направлениям деятельности прокуратуры отнесена надзорная функция за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, а также функция уголовного преследования [7]. Таким образом, оба нормативных акта определяют двойственную роль прокурора в досудебном уголовном производстве. В законодательстве России и Таджикистана прокурор обладает надзорными полномочиями. Второе направление в России определено как уголовное преследование, а в Таджикистане – расследование уголовных дел.

Понятие «уголовное преследование» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6] и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) [5] имеет сходство. В статье 5 УПК РФ уголовное преследование определено как процессуальная деятельность стороны обвинения для изобличения виновного лица в совершении преступления [6]. В статье 6 УПК РТ уголовное преследование определено как процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом,

и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер [5]. По нашему мнению, определение в УПК РТ сформулировано лучше, поскольку уголовное преследование не ограничивается собственно возбуждением и расследованием уголовного дела. В УПК РФ законодатель лишь закрепляет положение об изобличении виновного в совершении преступления лица.

В России и Таджикистане в уголовном производстве у прокурора имеются одинаковые полномочия в части проведения проверок исполнения требований закона при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях и при производстве дознания и предварительного следствия. Кроме того, в обоих уголовно-процессуальных кодексах установлена обязанность органа предварительного расследования уведомлять прокурора о любом случае задержания подозреваемого и направлять ему копии постановлений о возбуждении, приостановлении и прекращении уголовного дела. Однако имеются существенные различия в объеме предоставленных полномочий прокурору.

Законодатель Республики Таджикистан устанавливает одинаковый объем полномочий вне зависимости от формы предварительного расследования (дознание или предварительное следствие). Напротив, прокурор в России обладает меньшими возможностями по осуществлению надзора за органами предварительного следствия в сравнении с дознанием.

В УПК РТ закреплено полномочие прокурора возбуждать уголовное дело (ч. 1 ст. 146) [5]. Право возбуждать уголовное дело в УПК РТ дополнено правом проведения доследственной проверки: прокурор обязан принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление и сообщение о преступлении и принять одно из трех решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении дела; о передаче заявления, сообщения по подследственности (ч. 1 и 6 ст. 145, ч. 1 ст. 149). При этом прокурор на основании ст. 148 УПК РТ вправе после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела самостоятельно приступить к расследованию дела или направить его дознавателю или следователю. Как справедливо отметил Р. Р. Юлдошев, в досудебном производстве прокурор является руководителем уголовного преследования [8, с. 120].

Как отмечалось выше, в России у прокурора отсутствуют полномочия по возбуждению уголовного дела, законодатель установил лишь право прокурора в соответствии с п. 2 и 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направить материалы в орган предварительного расследования для разрешения вопроса об уголовном преследовании и отменить незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При проверке сообщения о преступлении зачастую нарушаются разумные сроки уголовного производства (ст. 6.1 УПК РФ), в связи с неоднократным принятием органами предварительного расследования незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела [3]. Так, в 2021 году органами прокуратуры отменено 1 586 962 (2020 год – 1 809 511) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. По результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела возбуждено 155 152 уголовных дел (2020 год – 165 099). Кроме того, в 2021 году направлено 5 006 материалов (в 2020

году – 5 468) для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по результатам рассмотрения которых возбуждено 4 529 (в 2020 году – 5 051) [4]. Таким образом, в связи с наличием большого количества нарушений, допускаемых при рассмотрении сообщений о преступлениях, отсутствие у прокурора права самостоятельно возбуждать уголовные дела не позволяет обеспечивать быстрое реагирование государства на совершаемые преступления.

Мы разделяем мнение А. В. Верещагиной о том, что является неправильным возложение на прокурора обязанности утверждать обвинительные заключения и поддерживать обвинение в суде по уголовным делам, расследованным в форме предварительного следствия, поскольку в 2007 году прокурор был отстранен от инициирования возбуждения уголовного дела и фактически от надзора за предварительным следствием [1, с. 80–81].

Выше упоминалось о том, что в Таджикистане прокуратура обладает правом расследовать уголовные дела. В ч. 3 ст. 161 УПК РТ установлена подследственность уголовных дел, расследуемых следователями прокуратуры, к числу таких дел относятся: преступления, совершенные судьями, прокурорами, следователями и должностными лицами органов внутренних дел и таможни, агентством по борьбе с коррупцией, агентством по контролю за наркотиками, а также о преступлениях, совершенных в отношении указанных лиц в связи с их служебной деятельностью, по уголовным делам коррупционного характера.

Процессуальные возможности в досудебном производстве в Таджикистане усилены предоставлением прокурору права независимо от подследственности истребовать любое уголовное дело у органа дознания и следствия и принять к своему производству (ч. 5 ст. 161 УПК РТ), производить любые процессуальные действия, включая собирание доказательств (ч. 2 ст. 78, ч. 2 ст. 86 УПК РТ), обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде ареста (заключения под стражу) (ч. 2 ст. 111 УПК РТ) и домашнего ареста (ч. 5 ст. 111 УПК РТ) [5] и др.

Имеются особенности в порядке и сроках рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие), решения органов предварительного расследования. Во-первых, в законодательстве Республики Таджикистан установлены сроки обжалования трех процессуальных решений, принимаемых в досудебном производстве по уголовному делу: об отказе в возбуждении уголовного дела – обжалование возможно в течение 14 суток с момента вручения копии постановления (ч. 4 ст. 149 УПК РТ), о прекращении уголовного дела – в течение 7 суток с момента вручения копии постановления или уведомления о принятом решении, о приостановлении предварительного следствия – в течение 5 суток с момента уведомления о принятом решении (ч. 1 ст. 231 УПК РТ). Кроме того, УПК РТ установил право обжаловать указания начальника органа дознания по уголовным делам (ч. 4 ст. 41 УПК РТ), необоснованный отказ в приеме заявления или сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 145 УПК РТ), без установления сроков для обжалования.

Таким образом, в УПК РТ регламентируется, что подлежит обжалованию, а также устанавливаются сроки для обжалования некоторых процессуальных

решения. Мы поддерживаем решение законодателя Республики Таджикистан об установлении конкретных сроков для обжалования процессуальных решений, поскольку такой подход дисциплинирует участников уголовного производства к соблюдению сроков расследования, препятствует допущению волокиты по проведению процессуальных проверок и расследованию уголовных дел, не допускает утраты доказательств по уголовным делам, способствует принятию окончательного решения по материалу доследственной проверки или уголовному делу. Во-вторых, отличаются сроки рассмотрения жалоб. В Таджикистане жалоба рассматривается в течение 3 суток, а в случае ее продления с извещением об этом лица, подавшего жалобу, до 7 суток (ч. 2 ст. 123 УПК РТ), в России этот срок составляет 3 суток, а в случае его продления с извещением об этом лица, подавшего жалобу, до 10 суток. По нашему мнению, в связи с ограниченными сроками расследования, необходимостью соблюдения прав и свобод участников уголовного производства и принятия окончательного процессуального решения, установление максимально предельного семисуточного срока для рассмотрения жалобы является целесообразным.

Из вышеизложенного следует, что уголовно-процессуальные кодексы России и Таджикистана устанавливают двойственный статус прокурора в досудебном производстве. В отличие от уголовного процесса в России, в Республике Таджикистан, прокурор обладает равными возможностями по осуществлению надзорных полномочий в отношении органов предварительного расследования. В УПК РТ прокурор обладает правом проводить доследственные проверки, возбуждать и расследовать уголовные дела. Прокурор в России фактически лишен возможности осуществлять уголовное преследование, несмотря на прямое закрепление этой функции ФЗ «О прокуратуре РФ».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В. Результаты реформы досудебного производства и перспектива дальнейшего совершенствования этой стадии процесса // Российское правосудие. 2011. № 4 (60). С. 78–83.

2. Конституционный закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» (ред. от 29.01.2021). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9039/ (дата обращения: 19.11.2022).

3. Куломзина А. А. К вопросу об обеспечении эффективности прокурорского надзора за исполнением органами следствия требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 118–121.

4. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры за январь – декабрь 2021 : офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/?SHOWALL_1=1/ (дата обращения: 28.11.2022).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (ред. от 19.07.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304/ (дата обращения: 19.11.2022).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.11.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.11.2022).

7. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.11.2022) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 19.11.2022).

8. Юлдошев Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 212 с.

УДК 34.096

Иванова Дарья Андреевна

студент, Московский финансово-промышленный
университет Синергия
г. Москва, Российская Федерация
darinazarubina@mail.ru

Проблемы механизма предоставления независимой гарантии в сфере государственных закупок

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются государственные заказчики и поставщики (подрядчики, исполнители) при заключении и реализации контрактов в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также предложены пути решения этих проблем.

Ключевые слова: *государственный заказчик, государственный контракт, заказчик, поставщик, подрядчик, исполнитель, бенефициар, гарант, принципал, государственные закупки, независимая гарантия, денежные средства.*

Ivanova Daria Andreevna

student, Moscow Financial and Industrial
University Synergy
Moscow, Russian Federation

Problems of the mechanism for providing an independent guarantee in the field of public procurement

This article discusses the problems faced by state customers and suppliers (contractors, performers) when concluding and implementing contracts under Federal Law № 44-FZ dated 05.04.2013 “On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs”, and also suggests ways to solve these problems.

Keywords: *state customer, state contract, customer, supplier, contractor, executor, beneficiary, guarantor, principal, public procurement, independent guarantee, funds.*

Актуальность научной статьи обусловлена значимостью теоретических и практических проблем правового регулирования государственных закупок, что в последнее время влияет на экономическое развитие нашего государства. Закупки для обеспечения государственных нужд – особый инструмент государства, позволяющий регулировать рыночную экономику.

Роль системы государственных закупок в правовом пространстве сложно недооценить, ведь государство выступает крупнейшим субъектом гражданско-правовых отношений, направленных на обеспечение своих функций и полномочий. В широком смысле под государственными нуждами понимают «потребности государственных и муниципальных заказчиков в определенных услугах, товарах, работах, которые необходимы им, чтобы исполнять конкретные функции, обязательства и полномочия» [1].

Изменяющиеся экономические условия России и развивающаяся рыночная экономика обуславливают необходимость законодательного изменения в сфере государственных закупок.

Так, принятый в 2013 году Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ от 05.04.2013 (далее – ФЗ № 44), достаточно всеобъемлющ. В нем содержатся все основные положения по организации и реализации проведения государственных закупок. Однако данный нормативный акт в полной мере не избавил заказчиков и поставщиков от многочисленных проблем, связанных с договорными отношениями. На сегодняшний день существует необходимость определения круга указанных проблем и причин, в связи с которыми они возникают.

Статья 1 ФЗ № 44 закрепляет, что настоящий Федеральный закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, в части, касающейся:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения предусмотренных настоящим Федеральным законом контрактов [5].

Полномочия и функции государства реализовываются через организации, уполномоченные принимать бюджетные обязательства и осуществляющие закупки. Такие организации обладают статусом государственного заказчика.

Статьей 45 ФЗ № 44 установлены условия независимой гарантии. Исходя из норм ФЗ № 44 и Постановления Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] (вместе с «Дополнительными требованиями к независимой гарантии, используемой для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «Правилами ведения и размещения в единой информационной системе в сфере закупок реестра неза-

висимых гарантий», «Правилами формирования и ведения закрытого реестра независимых гарантий») (далее – ПП РФ № 1005) под независимой гарантией понимается документ выдаваемый банком (Гарантом) заказчику (бенефициару) во исполнение обязательств по контракту поставщиком (принципалом).

Актуальной и нерешенной на сегодняшний день проблемой является условие возвращения средств по независимой гарантии Заказчикам.

При выплате аванса Заказчиком Поставщику и не отработке такого аванса, а именно не выполнением обязательств, установленных в контракте Поставщиком, Заказчик имеет право на основании части 8 статьи 95 ФЗ № 44 расторгнуть контракт в одностороннем порядке и потребовать от Поставщика возврата фактически неотработанного аванса. При отказе Поставщика возратить неотработанный аванс, Заказчик направляет в банк, выдавший независимую гарантию, требование об осуществлении уплаты денежной суммы по независимой гарантии.

Подпунктом «б» Пункта 2 перечня документов, представляемых заказчиком гаранту одновременно с требованием об осуществлении уплаты денежной суммы по независимой гарантии ПП РФ № 1005 установлено, что Заказчик (Бенефициар) одновременно с требованием по независимой гарантии, предоставленной в качестве обеспечения исполнения контракта, требований к гарантии качества товара, работы, услуги, а также требований к гарантийному сроку и (или) объему предоставления гарантий их качества, к гарантийному обслуживанию товара, направляет гаранту документы, в том числе платежное поручение, подтверждающее перечисление бенефициаром аванса принципалу, с отметкой банка бенефициара либо органа Федерального казначейства об исполнении (если выплата аванса предусмотрена контрактом, а требование по независимой гарантии, предоставленной в качестве обеспечения исполнения контракта, предъявлено в случае ненадлежащего исполнения принципалом обязательств по возврату аванса).

Банк (Гарант) вправе отказать Заказчику (Бенефициару) в удовлетворении требований об осуществлении уплаты денежной суммы по независимой гарантии, если это требование или приложенные к нему документы не соответствуют условиям гарантии.

Однако, согласно части 5.12 и 5.13 раздела II Постановления Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе» Федеральное казначейство «осуществляет в установленном порядке кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и обеспечивает проведение кассовых выплат из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации от имени и по поручению соответствующих органов, осуществляющих сбор доходов бюджетов, или получателей средств указанных бюджетов, лицевые счета которых в установленном порядке открыты в Федеральном казначействе» [2]. Что говорит о неправомерных отказах банка (гаранта) в удовлетворении требований об осуществлении уплаты денежной суммы по независимой гарантии.

Судебная практика по данному вопросу складывается таким образом, что Бенефициар обращается в суд для защиты своих прав, так как Гарант отказывает бенефициару в выплате денежных средств по требованию в виду отсутствия

на копии платежных поручений о перечислении авансовых платежей штампа банка Бенефициара и подписи сотрудника Банка Бенефициара, а также штампа банка Принципала и подпись уполномоченного лица банка Принципала (решение Арбитражного суда города Санкт-Петербург и Ленинградской области от 18.08.2022 по делу № А56-28646/2022). «Банк (Гарант) ссылаясь на абзац 1 пункта 45 приложения № 1 к Положению Банка России от 29.06.2021 № 762-П «правилах осуществления перевода денежных средств» полагает, что «в платежном поручении на бумажном носителе проставляются штамп банка плательщика и подпись уполномоченного лица банка плательщика, штамп банка получателя средств и подпись уполномоченного лица банка получателя средств». И только при наличии указанных положений гарант имеет право выплатить денежные средства бенефициару по независимой гарантии.

Суд, отклоняя доводы ответчика о том, что платежные поручения не соответствуют нормам закона, взыскивает с Гаранта сумму выплаты по независимой гарантии и неустойку в пользу Бенефициара».

Проблема существенно тормозит работу органов власти в части исполнения их функции по проведению государственных закупок, а также в огромном объеме загружает работу органов суда.

Для решения указанной проблемы предлагается привести абзац первый пункта 45 приложения № 1 к Положению Банка России от 29.06.2021 № 762-П «Правилах осуществления перевода денежных средств» который закрепляет, что «В платежном поручении на бумажном носителе проставляются штамп банка плательщика и подпись уполномоченного лица банка плательщика, штамп банка получателя средств и подпись уполномоченного лица банка получателя средств» [4] в соответствии с Подпунктом «б» Пункта 2 перечня документов, представляемых заказчиком гаранту одновременно с требованием об осуществлении уплаты денежной суммы по независимой гарантии ПП РФ № 1005. Изложить положение в следующей редакции:

«В платежном поручении на бумажном носителе проставляются штамп банка плательщика и подпись уполномоченного лица банка плательщика, штамп банка получателя средств и подпись уполномоченного лица банка получателя средств либо штамп органа Федерального казначейства о проведении платежа с указанием даты исполнения такого платежа и инициалов уполномоченного лица на проведение платежа».

Эффектом данного нововведения нам видится, во-первых, решения проблема в законодательстве, а именно приведение в соответствие норм законодательства в сфере государственных закупок, во-вторых, способствует уменьшению объема работы судов на местах, что существенно повлияет на качество их работы, поскольку данная практика, которая складывается последние годы, должна быть «изжита» из современного правового пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сироткина Н. Г. Механизмы реализации политики преференциальной поддержки и национального режима в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 4. С. 118–124.

2. Постановления Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

3. Постановление Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 (ред. от 15.10.2022) «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (вместе с Дополнительными требованиями к независимой гарантии, используемой для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «Правилами ведения и размещения в единой информационной системе в сфере закупок реестра независимых гарантий», «Правилами формирования и ведения закрытого реестра независимых гарантий»). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

4. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 № 64765). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

5. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

УДК 347

Кадочникова Наталия Алексеевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

asuna843266@yandex.ru

Кузьмина Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

kuzmina.nat@yandex.ru

Особенности правового регулирования комплексного развития территорий

В настоящей статье автором исследуются проблемы, связанные с предоставлением земельных участков при реализации комплексного развития территорий по инициативе правообладателей, являющегося одним из механизмов преобразования территорий, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации. Проанализированы требования, которым должны соответствовать земельные участки, включаемые в границы территории комплексного развития, сформулирован вывод о необходимости совершенствова-

ния действующего законодательства. Кроме того, в работе проанализированы положения Градостроительного и Земельного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, правообладатели, застройщик, земельные участки, многоквартирные дома.

Kadochnikova Natalia Alekseevna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Features of legal regulation of integrated development of territories

In this article, the author examines the problems associated with the provision of land plots in the implementation of the integrated development of territories on the initiative of copyright holders, which is one of the mechanisms for the transformation of territories provided for by the Urban Planning Code of the Russian Federation. The requirements to be met by land plots included in the boundaries of the territory of integrated development are analyzed, a conclusion is made about the need to improve the current legislation. In addition, the paper analyzes the provisions of the Town Planning and Land Codes of the Russian Federation.

Keywords: *integrated development of territories, right holders, developer, land plots, apartment buildings.*

На сегодняшний день комплексное развитие территорий (далее – КРТ) является одним из ключевых направлений градостроительного развития регионов Российской Федерации, которое осуществляется для повышения эффективности использования территорий, создания необходимых условий для развития инфраструктуры, расселения аварийного жилья, обновления застроенных территорий.

По состоянию на 1 октября 2022 года субъектами Российской Федерации в рамках реализации КРТ достигнуты следующие показатели:

- 1) подготовлен 281 проект решений о КРТ;
- 2) принято 226 решений о КРТ, в том числе 81 решение о КРТ жилой застройки;
- 3) по 91 территории проведены торги в целях заключения договора о КРТ;
- 4) заключен 151 договор о КРТ, в том числе 32 договора о КРТ жилой застройки;
- 5) разработана и утверждена документация по планировке 50 территорий под комплексное развитие;
- 6) выдано 70 разрешений на строительство.

Тем не менее существует ряд вопросов, которые требуют законодательного регулирования.

Рассмотрим проблемы, касающиеся реализации КРТ по инициативе правообладателей, а также вопросы, связанные с арендными отношениями при КРТ.

Правовой основой реализации указанных мероприятий является Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» [1, с. 168].

Под КРТ понимается непосредственно совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности, и территорий общего пользования поселений, городских округов [2, ст. 1].

Можно выделить следующие отличительные признаки комплексного развития территорий: осуществляется на крупных по площади территориях; предусматривает осуществление строительства и (или) реконструкции совокупности различных объектов недвижимости в зависимости от преследуемых задач; как правило, основано на сотрудничестве частных лиц (правообладателей земельных участков, юридических лиц, выступающих в роли инвестора) и публичного субъекта (органа государственной власти или органа местного самоуправления) путем распределения между ними обязанностей [5, с. 76].

Так, КРТ впервые определено как единый механизм осуществления развития территорий, обладающих различным правовым режимом (от территорий, занятых аварийными многоквартирными домами, до промышленных территорий), четко описаны цели КРТ, которые ранее могли быть выведены лишь посредством систематического толкования различных норм Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), а также зафиксирована необходимость осуществления КРТ в соответствии с требованиями иного отраслевого законодательства, в том числе и земельного [4, с. 45].

Пункт 4 ч. 1 ст. 65 ГрК РФ в качестве одного из видов КРТ выделяет КРТ, осуществляемое по инициативе правообладателей земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимости [3, ст. 65].

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что КРТ по инициативе правообладателей – единственный вид КРТ, при реализации которого не требуется принятие решения о КРТ.

Решение о КРТ представляет собой непосредственно нормативный правовой акт, принимаемый органом публичной власти, запускающий процедуру КРТ. При этом основные виды разрешенного использования земельных участков, перечень предельных параметров разрешенного строительства, содержащиеся в решении о КРТ, могут не совпадать с теми, которые установлены в правилах землепользования и застройки (далее – ПЗЗ), используются в дальнейшем при подготовке документации по планировке территории (далее – ДПТ) [3, ст. 45].

На сегодняшний день КРТ по инициативе правообладателей является одним из законодательно неурегулированным вопросом.

ГрК РФ не регламентирует вопросы предоставления земельных участков, а лишь определяет критерии, которым должны соответствовать территории КРТ. Часть 3 ст. 68 ГрК РФ, характеризующая предмет договора о КРТ, указывает на то, что соответствующим договором предусматривается в том числе распределение обязательств его сторон по предоставлению земельных участков [3, ст. 68].

При этом п. 10 ч. 4 ст. 68 ГрК РФ устанавливает необходимость включения в договор о КРТ обязательства публичной власти по предоставлению в аренду земельных участков в соответствии с требованиями земельного законодательства [3, ст. 68]. Как результат, заключение договора о КРТ само по себе не является юридическим фактом, порождающим возникновение прав на земельные участки, находящиеся в публичной собственности.

На основании вышеизложенного полагаем необходимым установить в Земельном кодексе Российской Федерации нормы, регламентирующие предоставление земельных участков при реализации КРТ.

Также необходимо рассмотреть вопрос арендных отношений при КРТ.

Часть 16 ст. 68 ГрК РФ предусматривает, что отказ лица, заключившего договор о КРТ, от его исполнения влечет прекращение права аренды земельного участка, предоставленного ему для целей КРТ, а также прекращение субаренды земельного участка в случае предоставления его (или его части) в субаренду [3, ст. 68].

Используемая в названной норме формулировка о признании права на односторонний отказ, с одной стороны, позволяет рассматривать договор о КРТ и договор аренды земельного участка в качестве взаимосвязанных договоров, но с другой стороны, подрывает интерес правообладателей к реализации проектов КРТ, значительно снижая для них гарантии защиты принадлежащих им прав. Эта норма фактически блокирует возможность правообладателя использовать отказ от исполнения договора КРТ в качестве инструмента защиты своих прав. Иначе говоря, само по себе существование такой возможности обесценивается [4, с. 50].

Подводя итог изложенному, отметим, что на сегодняшний день остается ряд нерешенных проблем, связанных с реализацией КРТ в регионах, в том числе, недостаточное регулирование вопросов предоставления земельных участков при реализации КРТ, а также повышения уровня гарантий защиты прав правообладателей.

Таким образом, для решения указанных проблем необходимо провести работу по законодательному регулированию рассматриваемых вопросов, на федеральном уровне предусматривать задачи совместного развития субъектов Российской Федерации при взаимном обмене имеющимися преимуществами, принятой нормативно-правовой базой, рассмотреть возможность разработки методических рекомендаций, позволяющих решить ряд вопросов, связанных с реализацией положений закона о комплексном развитии территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Королева Д. В. Обеспечение жилищных прав граждан при осуществлении комплексного развития территории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11–2 (62). С. 168–171.

2. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий: Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ (последняя редакция) : принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.11.2022).

3. Российская Федерация. Законы. Градостроительный кодекс Российской Федерации: ГрК : текст с изменениями и дополнениями на 2 июля 2021 года : принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года// Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.11.2022).

4. Бандорин Л. Е., Башарин А. В. О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей // Закон. 2021. № 11. С. 41–52.

5. Румянцев Ф. П. Особенности правового режима территорий, предназначенных для комплексного развития // Аграрное и земельное право. 2021. № 6 (198). С. 75–80.

УДК 343.8

Ковальчук Владлена Владиславовна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

iavnova98@bk.ru

Ларин Дмитрий Анатольевич

прокуратура Костромской области

г. Кострома, Российская Федерация

dlarin056@gmail.com

**К вопросу о проблеме трудоустройства осужденных
к исправительным работам**

(на примере г. о. г. Буй и Буйского района Костромской области)

Актуальность темы исследования определяется тем, что на протяжении достаточно длительного времени не решенной до сих пор остается проблема трудоустройства лиц, осужденных к исправительным работам. Недостатки правового регулирования указан-

ного вопроса заключаются в том, что в уголовно-исполнительном, трудовом законодательстве отсутствуют четкие и определенные формулировки по возможному отказу работодателей от трудоустройства таких осужденных. В свою очередь, это негативно сказывается на практике реализации такого уголовного наказания, а, следовательно, и на достижении целей и задач уголовного и трудового законодательства, и в результате, затягиванию исполнения приговора суда, повышению уровня рецидивной преступности. Для решения существующей проблемы сформулирован ряд решений, среди которых введение административной ответственности, введение дополнительной налоговой льготы.

Ключевые слова: принцип гуманизма, исправительные работы, восстановление прав потерпевших, отказ работодателей от трудоустройства осужденных, квотирование рабочих мест, налоговые льготы, административная ответственность.

Kovalchuk Vladlena Vladislavovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Larin Dmitry Anatolyevich

prosecutor's office of the Kostroma region

Kostroma, Russian Federation

To the issue of employment of offenders sentenced to correctional labor (on the example of Bui and Buysky district of the Kostroma region)

The relevance of the research topic is determined by the fact that for quite a long time the problem of employment of offenders sentenced to correctional labor has remained unsolved. The shortcomings of the legal regulation of this issue are caused by the fact that criminal enforcement and labor legislation lacks clear and definite formulations on the possible refusal of employers to hire such convicts. This, in turn, has a negative impact on the implementation of such criminal penalties and, consequently, on the achievement of the goals and objectives of criminal and labor legislation, and, as a result, the delay in the enforcement of court sentences, the increase in the level of recidivism. To solve the existing problem, a number of solutions have been formulated, including the introduction of administrative liability and the introduction of an additional tax credit.

Keywords: principle of humanism, corrective work, restoration of rights of victims, refusal of employers to hire convicts, job quotas, tax benefits, administrative responsibility.

Ключевой основой реализации задач уголовного законодательства являются основополагающие принципы, а именно принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, а также принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ), который выражается в недопущении унижения человеческого достоинства и уважении к личности. В настоящее время наблюдается рост назначения судами уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, одним из которых являются исправительные работы, в основе которых лежит труд. В 2020 году исправительные работы были назначены 40 924 осужденным, в 2021 году – 46 271, за 1 полугодие 2022 года – 22 831 осужденному, что говорит о широком применении данного вида уголовного наказания. Наибольшее количество назначения такого уголовного наказания, как исправительные работы, было вменено по ст. 157 УК РФ,

а именно в 2019 году в отношении 30 216 осужденных, в 2020 и 2021 годах 23 608 и 29 955 соответственно, а за 1 полугодие 2022 года уже назначено 14 298 осужденным [4]. Помимо реализации целей наказания в виде восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений, такой вид наказания, как исправительные работы позволяет восстановить права потерпевших. К примеру, суды, назначая исправительные работы лицам, осужденным по ст. 157 УК РФ (так называемые алиментщики), обеспечивают восстановление прав потерпевших, так как из заработной платы таких осужденных удерживаются денежные средства на содержание его несовершеннолетних детей, что является эффективным механизмом по взысканию задолженности для такого рода преступлений. Кроме этого, суды не редко назначают исправительные работы и по ст. 115, 112 УК РФ, где последствиями совершения таких преступлений является причинение телесного вреда здоровью потерпевшему. В 2020 году по ст. 115 УК РФ исправительные работы были назначены 1057 осужденным, а 2021 году – 885, по ст. 112 УК РФ в 2020 году – 220 осужденным, в 2021 году 256. В данном случае суд, избирая в качестве наказания исправительные работы, не только восстанавливает права потерпевшего в связи с причинением физического ущерба, обязывая его на труд, но и позволяет потерпевшему получить компенсацию за моральный вред здоровью, а также возмещение за понесенные им расходы на лечение от полученных травм. Кроме всего вышеперечисленного, суд предоставляет ему возможность получать постоянный доход, предоставляя ему возможность самому себя обеспечивать, что в свою очередь, предотвращает рост безработицы, а за счет удержаний из его заработной платы позволяет увеличивать доход в бюджет государства. Более того, как отмечает Е. В. Авдеева, в процессе трудовой деятельности лицо подвергается прямому воспитательному воздействию как трудом, так и социальной средой в виде трудового коллектива, тем самым, не вовлекая осужденного в социально негативную среду [2, с. 56]. На наш взгляд, это способствует развитию у него чувства ответственности перед обществом, сохранению потребности к нормальной жизни, что считаем весьма важным.

Особенность указанного вида уголовного наказания заключается в обязанности осужденного трудиться, поэтому при исполнении данного вида наказания права осужденного охраняются ТК РФ. Однако на практике трудоустройства осужденных к исправительным работам возникает много вопросов и пробелов правового характера. В соответствии со ст. 39 УИК РФ исправительные работы отбываются осужденным по основному месту работы, а осужденным, не имеющим основного места работы, в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с УИИ, но в районе места жительства осужденного. Исходя из буквального толкования данной нормы права, следует, что орган местного самоуправления составляет такой список только совместно с УИИ. Согласия организаций по их включению в перечень не требуется. Такая же позиция отражена и в Постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда. Вместе с тем, в настоящее время законодатель не установил каких-либо критериев по определению таких организаций, следовательно,

в данный перечень могут быть включены любые организации по различным профилям их деятельности, с разной организационно-правовой формой и видом собственности. Так же считает и О. Н. Уваров, отмечая, что законом предусмотрено согласование перечня мест лишь с УИИ, и предусмотрен лишь один критерий для таких организаций – это расположение их в административных границах муниципального образования [5, с. 49]. Более подробные действия со стороны УИИ регламентирует Приказ Министерства юстиции от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». Согласно п. 70 вышеуказанной Инструкции по окончании первоначальной беседы инспекция выдает осужденному предписание о необходимости явки в организацию для отбывания исправительных работ. Как отмечает уполномоченный по правам человека в Саратовской области, предписания, выдаваемые осужденным УИИ, не являются гарантией их трудоустройства. В соответствии с п. 73 инспекция направляет в организацию извещение с копией приговора суда. Так, к примеру, на территории г. Буй и Буйского района действуют два нормативно-правовых акта, устанавливающих места отбывания уголовного наказания в виде исправительных и обязательных работ. Анализируя указанные акты, отметим, что перечень содержит различные организации: муниципальные предприятия, крестьянско-фермерские хозяйства, ООО, ОАО, ИП. Указанные НПА имеют юридическую силу и обязательны для исполнения всеми субъектами, находящимися на территории г. Буй и Буйского района, что прямо закрепляет ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об общих принципах организации органов местного самоуправления» № 131 от 06.10.2003. Однако на практике применения указанного вида наказания имеются случаи отказов организаций в приеме осужденных по причине отсутствия вакантных мест. Так, по данным Буйского межмуниципального филиала ФКУ УИИ ФСИН по Костромской области, судами (Буйским районным судом и мировыми судьями) к исправительным работам были осуждены в 2018 – 59, в 2019 – 47, в 2020 – 37, в 2021 – 47, а за 9 месяцев 2022 года – 36 осужденных. Однако статистика показывает, что количество исполненных уголовных наказаний в виде исправительных работ гораздо меньше назначенных судами, а именно в 2018 году исполнено – 16, в 2019 – 18, в 2020 – 10, в 2021 – 18, и за 9 месяцев 2022 года – 10 исполненных наказаний в виде исправительных работ. Так, в 2019 году было 3 отказа организаций по трудоустройству осужденных, в 2020 – 10, 2021 – 12, а за 9 месяцев 2022 года – 26 таких отказов и во всех организациях причина отказа это отсутствие вакансий. А ведь одним из главных оценочных показателей, характеризующих деятельности УИИ является уровень привлечения к труду осужденных к исправительным работам. Возникает вопрос: правомерен ли данный отказ? И здесь на практике реализации данного наказания в случае такого отказа работодателя мы встречаемся с противоречием норм публичного права с нормами частного права (уголовно-исполнительного, муниципального с трудовым). В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ трудовое законодательство не предусматривает обязанности работодателя заключить трудовой договор с осужденным к исправительным работам, поскольку работодатель самостоятельно под свою ответст-

венность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) и заключение трудового договора с конкретным лицом, является правом, а не обязанностью работодателя, это положение отражено в ч. 1 ст. 22 ТК РФ. Однако ст. 64 ТК РФ закрепляет, что запрещается необоснованный отказ от заключения трудового договора. Законодатель не регламентирует дальнейших действий ни со стороны УИИ, ни со стороны органа местного самоуправления. При этом, не уполномочивая их какими-либо властными средствами воздействия на организации, что, в свою очередь, затрудняет исполнение приговора суда, привлечение осужденного к отбыванию наказания в установленные сроки, и тем самым, порождает безнаказанность осужденных, создает условия для совершения ими новых преступлений. В кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции отмечено, что полномочия органа местного самоуправления по определению указанного перечня организаций (мест) представляет собой непрерывную планомерную работу, включающую в себя, в том числе, установление порядка определения таких мест, с учетом фактического наличия рабочих мест, что предполагает, в том числе, взаимодействие с предприятиями и организациями, и согласование с ними указанных вопросов. Однако хочется отметить, что в данном случае имеется ввиду не согласование с ними самого факта включения в перечень, а деятельность органа местного самоуправления по запросу о наличии и количестве вакантных мест. Рассуждая по данному вопросу, хочется предложить обязать органы местного самоуправления в дальнейшем извещении работодателей (организаций и индивидуальных предпринимателей) о включении их в вышеуказанный перечень.

Возможно ли обязать работодателя по установлению квот рабочих мест для трудоустройства осужденных к исправительным работам? На данный вопрос имеется разъяснение Верховного Суда РФ, где указано, что квоты федеральным законом установлены для социально незащищенных лиц, а именно для инвалидов, лиц страдающих психическими расстройствами и отмечено, что лица, осужденные по приговору суда к отбытию наказания в виде исправительных или обязательных работ, не относятся к числу социально незащищенных. Федеральное законодательство не содержит положений, дающих право органам местного самоуправления без согласия работодателя устанавливать для них квоты для приема на работу, как гарантии трудоустройства. Подобное положение изложил и Арбитражный суд Волго-Вятского округа. Следовательно, фактически для резервирования мест отбывания наказания в виде исправительных работ необходимо обязательное согласие работодателя. На наш взгляд, в таком случае следует выработать эффективные методы стимулирования работодателей для их заинтересованности на предоставление рабочих мест, например, налоговые льготы. Так, по мнению В. Н. Аммосовой, Л. Н. Поповой, Л. Н. Тарабуева необходимо предусмотреть предоставление налоговых льгот при применении наказания в виде исправительных работ [1]. Авторы рекомендуют снижение налоговой ставки на прибыль предприятий и организаций, которые трудоустраивают лиц, осужденных к исправительным работам. Они отмечают, что опыт такого стимулирования уже имеется в некоторых субъектах РФ, а именно

в Чеченской республике, Мордовской республике, Ленинградской, Томской и Мурманской областях.

В соответствии со ст. 284 НК РФ налоговая ставка на прибыль организаций составляет 20 %. К примеру, ст. 1 Закона Чеченской республики от 19 ноября 2009 года № 62-рз [3] устанавливает ставку налога на прибыль в размере 13,5 % для организаций, предоставляющих рабочие места лицам, осужденным к наказанию в виде исправительных и принудительных работ. Такую же налоговую ставку в бюджет субъекта устанавливает и Закон Томской области, и Ленинградской области (в размере 13,5 %) для указанных выше организаций, что благоприятно сказывается на дальнейшем социальном образе жизни осужденных лиц. В настоящее время такая налоговая льгота продлена до 1 января 2024 года.

На наш взгляд, опыт вышеуказанных регионов может стать положительным примером и для нашего региона и будет способствовать скорейшему началу срока отбывания наказания осужденным и исполнению приговора суда. Однако в Костромской области более развит малый и средний бизнес. Большинство организаций, предпринимателей используют упрощенную систему налогообложения, согласно которой указанный налог не уплачивается, ведь этот вид налога характерен для общей налоговой системы. В соответствии со ст. 346.14 НК РФ при упрощенной налоговой системе налогоплательщиками платятся лишь один налог, объектом налогообложения которого являются доходы или доходы, уменьшенные на величину расходов. Согласно ч. 1, ч. 2 ст. 346.20 НК РФ при объекте налогообложения «доходы» ставка составляет 6 %, а при «доходы минус расходы» – 15 %. При этом обе ставки налогов могут быть снижены в соответствии с законами субъектов РФ, налоговое законодательство закрепляет за ними такое право. На территории Костромской области действует Закон Костромской области от 21.12.2021 № 169-7-ЗКО. Согласно этому закону налоговая ставка на доходы снижается до 4 и 10 % соответственно выбранному объекту налогообложения для отдельных категорий организаций (налогоплательщиков), к примеру, занимающихся оптовой или розничной торговлей, в сфере гостиничного бизнеса, общественного питания. Согласно вышеперечисленным законам для организаций, индивидуальных предпринимателей, предоставивших резервирование (квоту) рабочих мест для лиц, осужденных к исправительным работам, такой налоговой льготы нет.

Мы предлагаем внести дополнение в вышеуказанный закон Костромской области о предоставлении права указанным организациям и индивидуальным предпринимателям на снижение налоговой ставки на «доходы» до 3 %, а на «доходы, уменьшенные на величину расходов» до 9 %, предоставив им тем самым явное преимущество и экономически выгодное положение.

В целях решения вопроса законности отказов организаций по трудоустройству осужденных к исправительным работам, уголовно-исполнительная инспекция обращается в органы прокуратуры. Согласно данным Буйского межмуниципального филиала ФКУ УИИ ФСИН по Костромской области в 2019 году было 1 обращение УИИ в межрайонную Буйскую прокуратуру Костромской области, в 2020 г. – 6 обращений, в 2021 – 2, за 9 месяцев 2022 г. – 25 обраще-

ний, можно отметить рост таких обращений. Согласно ст. 24 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор вправе вынести представление об устранении нарушений закона. Буйской межрайонной прокуратурой за 2020 г. вынесено 6 представлений организациям об устранении нарушения уголовно-исполнительного законодательства, а за 2022 г. – 24. Фактически при вынесении таких представлений прокурор подменяет функции органа контроля, к которым относятся уголовно-исполнительная инспекция. Но данная мера является вынужденной для обеспечения законности и исполнения наказания. Согласно ч. 2 ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Следовательно, мы считаем, что такой контроль должен быть возложен на органы местного самоуправления, поскольку их нормативно-правовой акт не исполняется.

Обратимся к судебной практике. Так, ООО «ПП Ока-Медик» подал жалобу в Первый кассационный суд общей юрисдикции, где просит по делу об административном правонарушении производство прекратить. По материалам дела С. осужден к наказанию в виде исправительных работ. УИИ осужденному выдано предписание для трудоустройства в ООО «ПП Ока-Медик», в трудоустройстве было отказано. Соглашаясь с позицией суда о том, что генеральный директор общества обязан был во исполнение постановления Администрации г. о. Навашинский Нижегородской области от 21 февраля 2019 года № 153 «Об определении объектов для отбывания осужденными уголовного наказания в виде исправительных работ на территории г. о. Навашинский» принять меры и своевременно организовать рабочее место для отбывания наказания. У него имелась реальная возможность исполнить указанное постановление, однако данные обязанности не исполнил, необоснованно отказав в приеме на работу по причине отсутствия вакансий. Суд ссылается на ст. 9.3 Кодекса Нижегородской области об административных правонарушениях (неисполнение решений органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления). Аналогичной правовой позиции придерживается Лысковский районный суд Нижегородской области, отмечая, что доводы организации об отсутствии вакантных мест не могут служить основанием для освобождения от ответственности руководителя, он мог предпринять меры для недопущения подобной ситуации. Такая практика зарекомендовала себя не только в Нижнем Новгороде, но и в Республике Татарстан.

Таким образом, мы предлагаем два решения указанной проблемы:

1) введение административной ответственности в КоАП Костромской области, что будет способствовать своевременному трудоустройству лиц, осужденных к исправительным работам, исполнению приговора суда, достижению целей уголовного наказания, соблюдению принципа защиты от безработицы и содействию в трудоустройстве;

2) внесение в законодательство субъекта дополнений о снижении налоговой ставки на доход организаций и индивидуальных предпринимателей, предоставивших квоту (резервирование) рабочих мест указанной категории лиц, позволит эффективно стимулировать работодателей к взаимному сотрудниче-

ству с уголовно-исполнительной инспекцией и органами местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аммосова В. Н. О трудоустройстве лиц, осужденных к исправительным работам по согласованию с органами местного самоуправления. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22010349> (дата обращения: 14.10.2022).
2. Авдеева Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22010349> (дата обращения: 14.10.2022).
3. Закон Чеченской Республики от 19 ноября 2009 г. № 62-РЗ «О снижении ставки налога на прибыль организаций отдельным категориям налогоплательщиков...» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.10.2022).
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020, 2021, 2022 года // Официальный сайт Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Костромской области. URL: <http://usd.kst.sudrf.ru/> (дата обращения 09.10.2022).
5. Уваров О. Н. К вопросу об исполнении исправительных работ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23032880> (дата обращения: 14.10.2022).

УДК 343

Кузнецов Олег Владимирович

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

markpetrov.2021@mail.ru

Предупреждение организации

незаконного вооруженного формирования или участия в нем

В статье обосновывается необходимость острого внимания к вооруженным организованным группам. По поводу содержания понятия «незаконное вооруженное формирование» в уголовно-правовой литературе высказаны различные мнения. Далее расписаны предупредительные меры организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, среди которых выделены следующие: перекрытие каналов финансирования, пропагандистская деятельность об экстремистских организациях, контроль за миграцией, строгий контроль за оружием и др.

Ключевые слова: *незаконное вооруженное формирование, участие в незаконном вооруженном формировании, профилактические меры организации незаконного вооруженного формирования.*

Kuznetsov Oleg Vladimirovich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prevention of the organization of an illegal armed formation or participation in it

The article substantiates the need for acute attention to armed organized groups. Various opinions have been expressed regarding the content of the concept of “illegal armed formation” in the criminal law literature. Further, preventive measures for organizing an illegal armed formation or participating in it are outlined, among which the following are highlighted: blocking funding channels, propaganda activities about extremist organizations, migration control, strict control of weapons, etc.

Keywords: *illegal armed formation, participation in illegal armed formation, preventive measures of organization of illegal armed formation.*

Незаконным признается вооруженное формирование, создание которого осуществлено вопреки требованиям, установленным федеральным законодательством. Незаконными могут признаваться и такие вооруженные формирования, которые создаются на основе решений органов власти и управления субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также федеральных органов исполнительной власти, в связи с тем, что оборона и безопасность относятся к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ) [2].

Под формированием законодатель понимает объединение, отряд, дружину или иную группу. Оно будет считаться вооруженным при наличии у членов формирования любого оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

По поводу содержания понятия «незаконное вооруженное формирование» в уголовно-правовой литературе высказаны различные мнения. Так, В. В. Мальцев понимает под ним воинскую часть или близкую к ней по своим основным параметрам (количеству, вооруженности, дисциплине и подготовленности к ведению боевых операций) вооруженную организацию. К нему, по мнению автора, можно отнести разного толка социал-экстремистские отряды, вооруженные организации партий, общественных движений, коммерческих структур и граждан, мафиозные объединения и банды при их многочисленности, достаточной вооруженности и построении по военному образцу.

Р. Х. Кубов также относит незаконное вооруженное формирование к разновидности преступной организации. Он считает, что по своей сути образование по типу воинского формирования предполагает и структурность, и иерархичность, и устойчивость, а кроме того, состоит из нескольких самостоятельных подразделений

Под участием в незаконном вооруженном формировании понимается вступление в него и выполнение любых действий в соответствии с планами данного формирования. Участие в формировании может выражаться в выполнении различного рода заданий по обустройству мест дислокации; осуществле-

нии патрулирования, дежурства; в присутствии на проводимых занятиях и учениях и т. п. [4].

В первую очередь необходимо обратить внимание на важность комплексного подхода к решению проблем противодействия рассматриваемому виду преступности и другим преступлениям террористического характера и экстремистской направленности.

Основу такого противодействия должна составлять активная и наступательная работа правоохранительных органов. Жизненно важно наносить удары по организации незаконного вооруженного формирования первыми. Именно такую задачу поставил недавно перед МВД РФ Президент Российской Федерации, подчеркнувший необходимость упреждающего, превентивного характера действий силовых структур в борьбе с вооруженными формированиями.

Работа правоохранительных органов должна стать более целенаправленной и скоординированной по следующим основным направлениям.

1. Перекрытие каналов финансирования, снабжения продовольствием, оружием и боеприпасами лагерей незаконных вооруженных формирований.

2. Проведение единой информационно-пропагандистской работы, направленной на формирование негативного отношения общества к радикальным религиозным течениям.

3. Создание сети информационных источников, обеспечивающих получение достоверной информации о местонахождении и передвижении каждого лидера незаконных вооруженных формирований [1].

Нужно учитывать зависимость участников незаконных вооруженных формирований от поддержки местного населения. В связи с этим одной из главных задач является нейтрализация психологического давления участников незаконного вооруженного формирования на местных жителей, завоевание со стороны последних одобрения действий федеральных сил, налаживание взаимоотношений с местными органами власти. Следует практиковать организованное участие при проведении операций по ликвидации незаконных вооруженных формирований отрядов ополчения из числа местного населения.

Должна быть развернута работа по нанесению морально-психологического урона членам незаконных вооруженных группировок, созданию в их среде панических настроений, подрыва авторитета их лидеров. К примеру, общеизвестно, что финансирование незаконных вооруженных формирований в большинстве случаев осуществляется посредством изготовления и реализации поддельных денежных купюр. Поддельные деньги (в основном фальшивые столлларовые купюры) не только сбываются под видом настоящих, но выплачиваются в качестве «заработной платы» участникам незаконных вооруженных формирований.

В свою очередь, естественно, необходимо принимать меры по пресечению деятельности по изготовлению фальшивых денег, которая выступает в качестве весьма распространенного бизнеса. Именно такой комплексный подход позволит подорвать финансовую основу организованной вооруженной группировки.

Специальной профилактической мерой по предупреждению рассматриваемого преступления является борьба с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Очевидно, что возможность относительно легкого приобретения оружия в настоящее время выступает условием, детерминирующим совершение ряда тяжких преступлений, в том числе террористического характера и экстремистской направленности. К конкретным мероприятиям по борьбе с незаконным оборотом оружия, по нашему мнению, могут быть отнесены: пресечение хищений оружия на военных складах, механических заводах и т. д.; ужесточение дисциплины в войсковых частях в связи с хранением огнестрельного оружия и боеприпасов к нему и др. [5].

Как известно, среди участников незаконных вооруженных формирований, функционирующих в настоящий момент, значительное число наемников, прибывших из других государств. Поэтому важнейшим направлением предупреждения организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем являются меры по противодействию незаконной миграции.

В свете рассматриваемых проблем нельзя не затронуть вопрос о противодействии распространению религиозного экстремизма и запрете деятельности экстремистских организаций. Объектом агрессивных нападков религиозных экстремистов становятся современные политические институты и властные структуры.

Нельзя отрицать и роль общесоциального предупреждения преступности, которое, как известно, предполагает функционирование всех позитивных социальных институтов в экономической, социальной, нравственной и иных сферах. В очередной раз подчеркнем, что истоком организованной вооруженной преступности является общая социальная неустроенность, кризисные явления в обществе, коррупция, падение промышленного производства, развал сельского хозяйства, резкое снижение жизненного уровня населения, массовая безработица. Молодые люди, оставшиеся в силу известных обстоятельств практически неграмотными и без работы, – идеальные кандидатуры для рекрутирования в незаконные вооруженные формирования [3]. На наш взгляд, постепенное преодоление указанных негативных факторов неизбежно скажется на снижении числа незаконных вооруженных формирований и совершаемых ими преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бейбулатов Б. Ш. Противодействие незаконным вооруженным формированиям в Северо-Кавказском федеральном округе // Наука и образование на рубеже тысячелетий : сб. науч.-исслед. работ. М., 2021. Вып. 2. С. 140–146.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.11.2022)

3. Маслакова Е. А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2018. № 3. С. 10–13.

4. Смирнов И. О. Понятие незаконного вооруженного формирования в современном уголовном законодательстве // Проблемы юриспруденции : сб. науч. ст. и тез. Новосибирск, 2018. Вып. 4. С. 151–157.

5. Смирнов И. О. Проблема предупреждения организации и участия в незаконном вооруженном формировании (ст. 208 УК РФ) // Современные проблемы права: теория и практика : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 231–235.

УДК 343.234.5

Лебедева Вероника Михайловна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

Lebedevaveronika2@gmail.com

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Статья посвящена исследованию института освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Выделяются и описываются характерные особенности данного института, приведены статистические данные, касающиеся освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Выявлены противоречия норм общей и особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, влияющие на применение деятельного раскаяния при освобождении от уголовной ответственности. Предложена редакция нормы части первой статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовная ответственность, деятельное раскаяние, законодатель, преступление.

Lebedeva Veronika Mikhailovna

student, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Exemption from criminal liability in connection with active repentance

The scientific article is devoted to the study of the institution of releasing a person from criminal liability in connection with active repentance. The characteristic features of this institution are singled out and described. The scientific article provides statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation for the first half of 2021 and the first half of 2022. Revealed the relevance of this study. A new version of the content of the first part of Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation is presented. Contradictions between the norms of the general and special parts of the Criminal Code of the Russian Federation were also found.

Keywords: exemption from criminal liability, criminal liability, active repentance, legislator, crime.

Согласно сводной статистике за 1 полугодие 2021 года прекращено дел в отношении лица в связи с деятельным раскаянием: небольшой тяжести – 2709 дел; средней тяжести – 1000 дел; тяжкие – 7 дел; особо тяжкие – 1 дело [3].

За 1 полугодие 2022 года количество прекращенных дел в связи с деятельным раскаянием сопоставимо с приведенными выше цифрами, соответственно: небольшой тяжести – 2656 дел; средней тяжести – 953 дела; тяжкие – 8 дел; особо тяжкие – 0 дел [3].

Указанные данные свидетельствуют об актуальности исследований, касающихся вопросов деятельного раскаяния для оптимизации применения норм института.

Возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием законодатель увязывает со следующими моментами (ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее в тексте УК РФ) [5].

Во-первых, преступление должно быть совершено впервые, это обязательный признак, без которого положения нормы ст. 75 УК РФ не применяются.

Во-вторых, деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности применимо, если лицу инкриминируется преступление небольшой или средней тяжести.

В-третьих, лицо добровольно рассказало о факте совершения преступления, обратившись с явкой с повинной.

В-четвертых, обязательным признаком является содействие в раскрытии и расследовании вменяемого лицу преступления.

В тех случаях, когда какое-либо из условий отсутствует, и лицо только способствовало, например, поиску орудия совершения преступления, то нельзя прекратить уголовное преследование в связи с деятельным раскаянием, поскольку перечисленные в законе обстоятельства, позволяют сделать вывод о деятельном раскаянии, если есть совокупность этих обстоятельств. Если же установлены только некоторые из перечисленных выше моментов, то речь идет о смягчающих вину обстоятельствах. К коим относятся: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, явка с повинной и такие действия, как активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Стоит подчеркнуть, что содействие раскрытию преступления означает совершение активных действий, направленных на полное раскрытие преступления, в том числе на обнаружение ценностей, добытых в результате совершения преступления, например, похищенного имущества. Способствованием будет, например, указание в явке с повинной лиц, принимавших вместе с виновным участие в совершении преступления.

В-пятых, обязательным признаком является возмещение причиненного преступлением ущерба или заглаживание вины иным образом [5].

Лицо, которое совершило преступление, может возместить ущерб и загладить причиненный им вред разными способами. Например, передать потер-

певшему денежные средства в размере суммы утраченного/поврежденного имущества; устранить вред в натуральной форме (передать потерпевшему равноценное иное имущество вместо поврежденного или уничтоженного, может исправить поврежденное имущество и так далее).

Все вышеперечисленные и другие подобные действия должны соответствовать таким критериям, как законность, общественная полезность, активность и добровольность предпринимаемых действий.

Так же обязательным является утрата общественной опасности деяния вследствие деятельного раскаяния. Лицо осознало и предприняло все действия, означенные выше, чтобы преступление «исчерпало» себя и лицо, совершившее преступление, вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности [4, с. 35].

В норме части 2 ст. 75 УК РФ закреплена возможность даже при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, применять освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. При этом наличия общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется [2].

В качестве примера тяжкого преступления можно привести статью 122 УК РФ, заражение ВИЧ-инфекцией. В примечании данной статьи указано, что лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения [5].

Возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрена за такое особо тяжкое преступление как захват заложников (ст. 206 УК РФ). В примечании к статье указано, что лицо освобождается от уголовной ответственности, если добровольно или по требованию властей освободило заложника. В данном случае формулировка «или по требованию властей» свидетельствует о не добровольном отказе, а о понуждении отказаться от совершения преступления, что противоречит обязательному положению ст. 75 УК РФ [1, с. 97].

Хотелось бы отметить, что нормы статьи 75 УК РФ, на наш взгляд, нуждаются в корректировке. Как отмечалось выше, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предполагается при выполнении всех перечисленных выше условий. На мой взгляд, формулировка должна выглядеть следующим образом: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, «должно быть» освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось

с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Такая формулировка исключит усмотрение правоприменителя при применении деятельного раскаяния и будет способствовать заинтересованности лица сотрудничестве с правоохранительными органами, заглаживании причиненного вреда и т. д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, статистические данные свидетельствуют о востребованности института деятельного раскаяния и, как следствие, желательности изучения его нормативных и прикладных аспектов.

Во-вторых, при деятельном раскаянии важно не только сожалеть о случившемся, но и предпринять активные действия, выразить раскаяние в реальных поступках позитивного характера.

В-третьих, деятельное раскаяние применимо не только в отношении лица, совершившего преступление небольшой и средней тяжести, но в некоторых, оговоренных в законе случаях, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление.

В-четвертых, закрепление обязанности правоприменителя применять деятельное раскаяние в тех случаях, когда есть вся совокупность предусмотренных законом предпосылок, усилит для обвиняемого (подсудимого) привлекательность сотрудничества с правоохранительными органами, заглаживание причиненного вреда и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 130 с.

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. (ред. от 29.11.2016 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 29.11.2022).

3. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 29.11.2022).

4. Савельев Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 191 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. (ред. от 24.09.2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.11.2022).

Любимова Дарья Вячеславовна
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
dasha.vasilchickova2015@yandex.ru

К вопросу о противодействии незаконному обороту одурманивающих веществ в сети «Интернет»

В статье рассмотрены вопросы совершенствования противодействию незаконному обороту одурманивающих веществ в сети «Интернет». Автор констатирует, что в настоящее время интернет-сайты, посредством которых осуществляется незаконная торговля такими веществами – в первую очередь закисью азота, существуют достаточно свободно, действия, направленные на блокирование таких сайтов, со всей очевидностью не осуществляются на должном уровне, что препятствует реализации государственной политики по контролю за оборотом «веселящего газа» и иных веществ, одурманивающих сознание человека.

Ключевые слова: одурманивающие вещества, закись азота, сеть «Интернет», киберполиция.

Lyubimova Darya Vyacheslavovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of countering the illegal trafficking of intoxicating substances on the Internet

The article discusses the issues of improving the counteraction to illegal trafficking of intoxicating substances on the Internet. The author states that at present, Internet sites through which illegal trade in such substances is carried out, primarily nitrous oxide, exist quite freely, actions aimed at blocking such sites are clearly not being carried out, which hinders the implementation of state policy to control the turnover of «laughing gas» and other substances that stupefy human consciousness.

Keywords: intoxicating substances, nitrous oxide, the Internet, cyberpolice.

Стремительное развитие современных коммуникационных технологий не только предоставляет цивилизации определенные удобства, но и, к сожалению, формирует среду, которая активно используется для различных противоправных действий.

Посредством сети «Интернет», помимо прочего, нередко осуществляется нелегальная коммерческая (торговая) деятельность в отношении товаров нелегального характера.

Удаленная торговля веществами, оборот которых запрещен или ограничен, в том числе одурманивающего характера, предоставляет нарушителям закона существенные преимущества, в первую очередь с точки зрения конфиденциальности, позволяющей избежать ответственности за содеянное. Нарушитель

здесь максимально отдален от потребителя, оплата за товар, как правило, осуществляется посредством перевода электронных денежных средств на неименные виртуальные кошельки, передача товара также осуществляется бесконтактным способом [4, с. 153].

Несмотря на то что с 2021 г. свободный оборот закиси азота резко ограничен [1; 2], в частности, запрещены его реализация гражданам и пропаганда употребления, в сети «Интернет» существует множество ресурсов, посредством которых данное вещество можно достаточно свободно приобрести. Так, в ответ на поисковый запрос «закись азота купить» поисковые агрегаторы незамедлительно предлагают множество интернет-сайтов, например: <https://moszakisazota.ru>; zakisazota.ru; coolgas.shop и ряд иных, посредством которых осуществляется реализация данного одурманивающего вещества. Всего при беглом осмотре на первой странице поисковых результатов – более десятка сайтов, «предлагающих» гражданам веселящий газ.

При этом на сайтах размещена ложная информация о том, что закись азота не представляет никакого вреда для здоровья, указывается, что это вещество «используют на вечеринках в качестве эффективного средства для улучшения настроения и расслабления», и предлагают незамедлительно доставить емкость с закисью азота в любое место Москвы.

Другие сайты осуществляют торговлю «веселящим газом» по всей Центральной России. На ряде таких сайтов и вовсе содержится заведомо ложное «опровержение» информации об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации.

Из этого можно сделать вывод о том, что противодействие незаконному обороту одурманивающих веществ в сети «Интернет» практически не осуществляется.

Безусловно, по своей социальной остроте и наказуемости незаконный оборот одурманивающих веществ не равен незаконному обороту наркотиков, вполне возможно, что причина, по которой интернет-сайты, реализующие закись азота, существуют достаточно свободно, заключается именно в этом.

Вместе с тем это не является извинительным обстоятельством, снимающим ответственность с органов государственной власти, которые должны обеспечивать безопасность виртуального пространства.

Представляется, что для противодействия незаконному обороту одурманивающих веществ в виртуальном пространстве следует использовать те же механизмы, которые используются для предупреждения наркооборота в сети «Интернет».

Как пишет А. С. Щурова, профилактика наркопреступности в сети «Интернет» должна осуществляться посредством:

- общественного мониторинга ресурсов Сети;
- создания «горячих линий», посредством которых граждане могут предоставить правоохранительным органам информацию о, например, электронных площадках, посредством которых осуществляется наркоторговля;
- совершенствования нормативно-правового регулирования виртуального пространства и т. д.

Крайне важно незамедлительное приостановление и последующее прекращение деятельности интернет-ресурсов, представляющих собой «площадки» для незаконной торговли [5, с. 18].

Очевидно, что для реализации таких задач необходимо тесное взаимодействие органов внутренних дел (т. е. МВД России) с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры) Российской Федерации и находящейся в его ведении Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

При этом в системе органов государственной власти МВД и Минцифры относятся к одному властному уровню – это федеральные министерства, которые не правомочны оказывать друг на друга императивное воздействие, соответственно, в случае недобросовестного подхода должностных лиц Минцифры и Роскомнадзора к оперативному реагированию на поступившую из органов внутренних дел информацию об интернет-ресурсах, посредством которых осуществляется наркоторговля, именно прокуратура, «принимая» на себя роль координатора борьбы с наркопреступностью, посредством использования контрольно-надзорных правомочий может обеспечить необходимое реагирование «цифровых» ведомств на криминальные ресурсы сети «Интернет».

В продолжение вопросов повышения эффективности противодействия правонарушениям в целом в сети «Интернет» следует поддержать позицию авторов, предлагающих создать в России т.н. «киберполицию» (в виде отдельного ведомства или же в структуре МВД, на основе Управления «К»).

В частности, Ю. А. Гудков и М. А. Нагорная пишут, что для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети «Интернет» (хищениям, преступлениям экстремистской и наркотической направленности и т. д.) необходимы особые условия, в частности:

- надлежащее кадровое обеспечение правоохранительных органов IT-специалистами;
- оснащение правоохранительных органов новейшей цифровой техникой;
- разработка эффективных и удобных для применения на практике методик расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве;
- координация деятельности различных органов власти (МВД, ФСБ, Роскомнадзора и др.).

Создать все эти условия в рамках существующих правоохранительных органов крайне сложно, требуется именно специализированная служба. Как отмечают указанные авторы, важнейшим организационным звеном противодействия преступлениям, совершаемым в цифровом пространстве, должна стать специальная федеральная служба («киберполиция»), о необходимости создания которой достаточно давно говорится и среди ученых, и среди практических работников [3, с. 166].

Представляется, что взаимодействие органов внутренних дел с такой специальной службой позволило бы существенно повысить эффективность противодействия преступлениям и иным противоправным действиям, совершаемым с использованием сети «Интернет», в том числе в сфере оборота одурманивающих веществ.

Помимо прочего, киберполиция стала бы органом, ответственным перед обществом за безопасность виртуального пространства, в том числе блокирование интернет-сайтов, посредством которых осуществляется нелегальная торговля одурманивающими веществами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 29.12.2020 № 472-ФЗ «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 1.
2. Постановление Правительства РФ от 24.07.2021 № 1259 «Об утверждении перечня одурманивающих веществ» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 5922.
3. Гудков Ю. А., Нагорная М. А. О киберполиции в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 4. С. 164–169.
4. Романова В.А. Сеть «Интернет» как среда совершения преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 152–155.
5. Щурова А. С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 21 с.

УДК 343

Мелешко Семен Игоревич

студент, Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Российская Федерация
meleshkosemyon543@gmail.com

О некоторых особенностях участия государственного обвинителя в судебном следствии по уголовному делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей

В статье рассматриваются некоторые особенности участия государственного обвинителя в судебном следствии по уголовному делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей. Автор затрагивает наиболее частые проблемы, с которыми может столкнуться государственный обвинитель на данной стадии уголовного судопроизводства, а также в статье указывается специфика подготовки прокурора к суду с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: *государственный обвинитель, прокурор, присяжные заседатели, уголовный процесс, право, судебное следствие.*

Meleshko Semyon Igorevich

student, Crimean law institute (branch)

University of the prosecutor's office of the Russian Federation

Simferopol, Russian Federation

About some features of the participation of the public prosecutor in the judicial investigation of a criminal case considered by a court with the participation of jurors

The article discusses some features of the participation of the public prosecutor in the judicial investigation of a criminal case considered by a court with the participation of jurors. The author touches upon the most frequent problems that a public prosecutor may face at this stage of criminal proceedings, and the article also indicates the specifics of preparing a prosecutor for a trial with the participation of jurors.

Keywords: public prosecutor, prosecutor, jurors, criminal proceedings, law, judicial investigation.

В новейшей истории России уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей появилась в 1993 году, несмотря на это, и на сегодняшний день, в реализации данной формы правосудия имеется ряд проблем и особенностей. Особый интерес вызывает тема поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей ввиду того, что прокурорами зачастую не учитывается специфика судебного процесса с участием присяжных заседателей, вследствие чего ими выносятся большое количество оправдательных приговоров [1, с. 5].

Производство в суде с участием присяжных заседателей ведется в общем порядке, за исключением ряда особенностей, которые указаны в статьях 325–353 УПК РФ [7].

На практике для участия в судебном процессе с присяжными заседателями назначаются наиболее опытные и квалифицированные сотрудники, которые обладают целым комплексом качеств и умений: навыками выстраивания тактики ведения судебных допросов, умение быть убедительным в доказывании обвинения перед судом, в состав которого входят лица, не обладающие юридическим образованием, приемами ораторского мастерства, такими качествами как внимательность и др. [5, с. 3].

Особое место в деятельности прокурора в суде присяжных занимает его участие в судебном следствии. Тщательная заблаговременная подготовка к участию в нем станет гарантией того, что судебное следствие будет проведено полно, объективно и всесторонне.

Судебное следствие в суде присяжных начинается со вступительного заявления прокурора, в котором отмечается общественная опасность деяния, совершенного подсудимым, а также предлагается порядок исследования доказательств.

Изучение практики поддержания государственного обвинения в суде присяжных в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд предложе-

ний по усовершенствованию деятельности прокуроров, в частности, при участии в исследовании доказательств в судебном заседании.

Присяжные заседатели предварительно с материалами дела не знакомятся, и вердикт выносится на основании доказательств, исследованных в судебном заседании. Перед государственным обвинителем ставится задача максимально понятно и логично для присяжных заседателей представить необходимые доказательства по уголовному делу. Исследование доказательств в суде должно проходить в таком порядке, чтобы присяжные заседатели смогли сформировать полное представление об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу. Кроме того, прокурору следует акцентировать внимание присяжных заседателей на необходимых доказательствах, иначе они могут упустить из вида важные для дела фактические данные.

Целесообразнее всего прокурору начинать с представления доказательств события преступления, обстоятельств, образующих его объективную сторону, характере, степени и форме вины подсудимого, а также обстоятельств, отягчающие или смягчающие ответственность, характеризующие его личность, причины и условия, которые способствовали совершению преступления. Причем не рекомендуется в ходе одного заседания исследовать доказательства, касающиеся различных эпизодов преступления.

Прокурору следует стремиться, чтобы исследование доказательств было максимально понятным для присяжных. Зачастую трудности возникают при исследовании заключений экспертиз. Поэтому, если заключение эксперта имеет существенное значение для дела, особенно когда оно может восприниматься неоднозначно, прокурору необходимо ходатайствовать о допросе эксперта. В ходе допроса последнего, в некоторых случаях, целесообразно уделить внимание выяснению характеристики применяемых методов при исследовании, особенно если они оспариваются защитой, а именно: степени их проверенности и эффективности, вероятности ошибок и т. п.

Государственному обвинителю также необходимо решить проблему недопустимости использования специальной терминологии экспертом в судебном заседании. Для этого необходимо наладить взаимодействие с экспертом, пояснить такую особенность судебного заседания с участием присяжных заседателей и необходимость изложения выводов в максимально понятной форме.

Что касается вещественных доказательств, то тактически правильно продемонстрировать их в суде, чтобы их значение было правильно воспринято присяжными заседателями. А для облегчения ознакомления с документами, целесообразно заранее подготовить необходимое количество их копий или продумать возможность их демонстрации (например, фототаблицы).

Значительную роль в суде присяжных играет процедура исключения доказательств из рассмотрения. Присяжным заседателям, ввиду отсутствия юридического образования, проблематично разграничить допустимые и недопустимые доказательства. Исходя из этого закон требует, чтобы полученные с нарушением закона доказательства не были известны присяжным и не могли повлиять на их решение при вынесении вердикта.

Отдельную проблему представляет тактика, избираемая стороной защиты по многим уголовным делам, рассматриваемых в суде с участием при-

сяжных заседателей. Так, интересным представляется уголовное дело в отношении Б., который обвинялся органами предварительного расследования по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в период 2018–2020 гг. его дело рассматривалось 4 раза в районных судах с участием присяжных заседателей и 4 раза выносился оправдательный приговор, и 4 раза оправдательные приговоры были отменены Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым по апелляционным представлениям государственных обвинителей [2]. Одной из причин постановления оправдательных вердиктов коллегией присяжных заседателей по делу Б. являлись систематические нарушения требований уголовно-процессуального закона в судебном следствии и прениях сторон. Так, судебная коллегия отмечает, что стороной защиты по данному уголовному делу было допущено более 45 нарушений во время процесса, председательствующий судья не принял достаточных мер, которые предусмотрены ст. 258 УПК РФ, и ограничился лишь прерыванием речи защитника и замечаниями, но уже после того, как защитник довел до присяжных заседателей недозволенную информацию. Следовательно, эффективность указанных действий, даже при минимальном количестве нарушений, невелика [6, с. 35].

Аналогичные нарушения встречаются и в других уголовных делах с участием присяжных заседателей. Так, по делу П. и Д. председательствующим судьей на протяжении всего судебного заседания делались замечания защитнику подсудимых в связи с нарушением им регламента судебного заседания [3].

Защитники зачастую допускают нарушения требований ст. 335, 336 УПК РФ, когда в присутствии коллегии присяжных заседателей ставят под сомнение допустимость доказательств, полученных органами предварительного расследования, дискредитируют сторону обвинения, искажают содержание доказательств, при этом навязывая мнение об их недостоверности. Государственным обвинителям следует пресекать такое поведение стороны защиты [4].

Государственному обвинителю не следует забывать, что обстоятельства, связанные с прежней судимостью подсудимого или потерпевшего, признания подсудимого хроническим алкоголиком, наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предвзятое отношение присяжных к подсудимому или потерпевшему, в суде не исследуются, за исключением случаев, когда обстоятельства предыдущего преступления могут быть использованы как доказательства по рассматриваемому делу.

С учетом задачи, стоящей перед государственными обвинителями в судебном разбирательстве – способствовать суду в вынесении законного, справедливого приговора, полагаем, что при систематическом нарушении стороной защиты требований уголовно-процессуального закона, что могло повлиять на ответы присяжных заседателей при вынесении вердикта, государственным обвинителям следует предлагать суду в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ вынести в отношении адвоката частное определение. В случаях, когда приговор выносится с нарушением уголовно-процессуального законодательства, то государственный обвинитель должен использовать свои полномочия по опротестованию незаконного приговора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агабаева А. В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
2. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 04.12.2018 по делу № 22-3105/2018. URL: <http://vs.krm.sudrf.ru> (дата обращения: 28.11.2022.).
3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2019 № 127-АПУ-13СП. URL: <https://ukrfkod.ru> (дата обращения: 28.11.2022.)
4. О некоторых итогах работы прокуроров с уголовными делами, рассматриваемыми областными и равными им судами с участием коллегии присяжных заседателей от 15.02.2017 г. № 12-12-2017 // Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2017. С. 1–2.
5. Страхова С. В. О некоторых проблемных вопросах поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemnyh-voprosah-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obviniya-v-sude-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley> (дата обращения: 28.11.2022).
6. Самодумов А. Ю. Проблемы судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5. С. 33–35.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2022.)

УДК 347

Мустафаев Анар Камандар оглы
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
anar_mustafaev_90@mail.ru

Хвалыгина Наталия Лазаревна
старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalikos2011@yandex.ru

Банки и иные кредитные организации как субъекты исполнительного производства

В данной статье рассмотрена роль банков и иных кредитных организаций в исполнительном производстве, порядок осуществления их деятельности при поступлении исполнительного документа.

Ключевые слова: исполнительное производство, банк, кредитная организация, судебный пристав-исполнитель.

Mustafayev Anar Kamandar ogly
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khvalygina Natalia Lazarevna
Senior Lecturer
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Banks and other credit organizations as subjects of enforcement proceedings

This article discusses the role of banks and other credit organizations in enforcement proceedings, the procedure for carrying out their activities upon receipt of a writ of execution.

Keywords: enforcement proceedings, bank, credit institution, bailiff.

Банком или иной кредитной организацией (рис. 1) считается лицо, участвующее в исполнительном производстве (далее – ИП), только в тех случаях, если оно получают постановление судебного пристава-исполнителя и осуществляют исполнение содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании денежных средств путем их перечисления на депозитный счет подразделения судебных приставов – ч. 1 ст. 110 Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [1]. Роль банков в осуществлении исполнительного производства значительна.

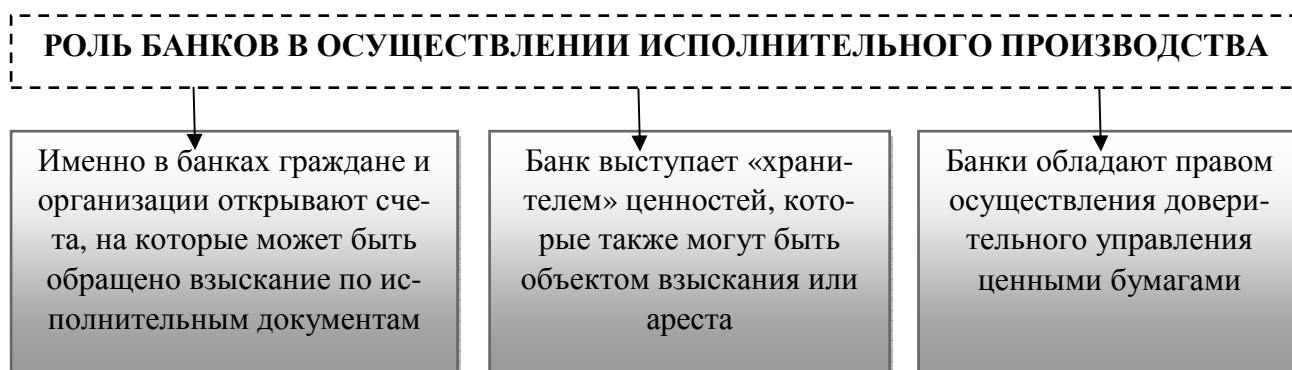

Рис. 1. Роль банков в осуществлении исполнительного производства

Рассмотрим, в качестве каких субъектов банки и иные кредитные организации могут выступать в исполнительном производстве (рис. 2).

Согласно положениям статьи 8 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229), исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте направляет в банк или иную кредитную организацию взыскатель. Вместе с исполнительными документами от взыскателя банк принимает заявление.

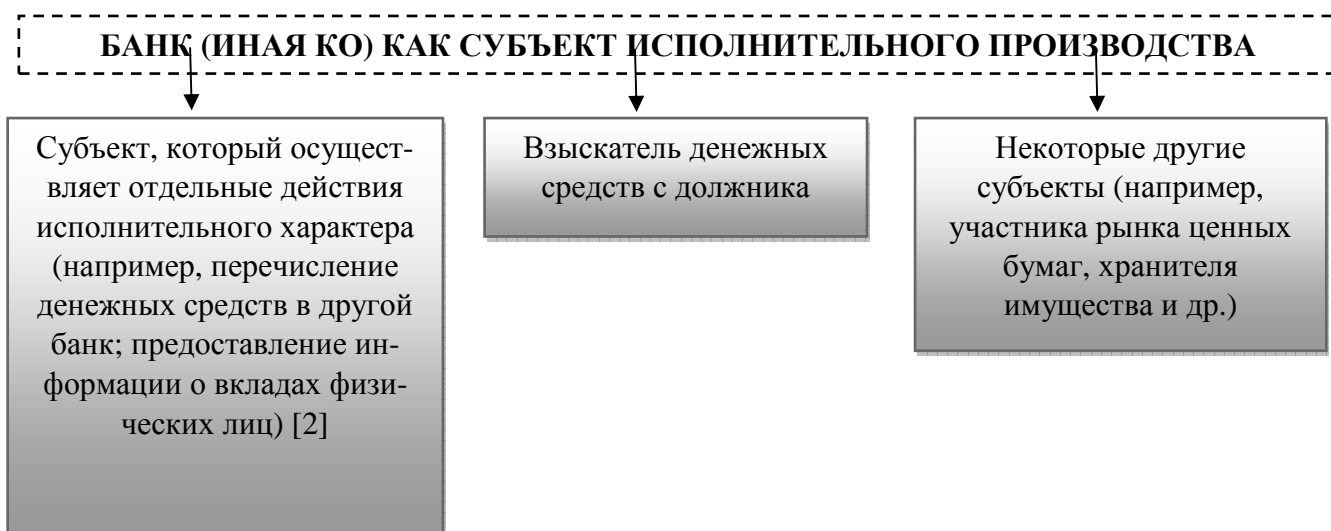

Рис. 2. Банк как субъект исполнительного производства

После направления взыскателем исполнительного документа в банк кредитная организация, согласно положениям статьи 2 ФЗ № 229, должна правильно и своевременно исполнить судебный акт с целью защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов гражданина и организации, в связи с чем осуществляется проверка соблюдения взыскателем срока предъявления исполнительного документа к исполнению, учитывая положения о перерыве течения такого срока. После чего не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в банк осуществляется незамедлительное исполнение документа.

Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2019 года № 330 утверждает порядок расчета размера денежных средств на счете, которые могут быть взысканы или арестованы, с учетом требований, изложенных в статьях 99 и 101 ФЗ № 229 [2].

При расчете объема денежных средств на счете, которые могут быть взысканы или арестованы, денежные средства, которые списаны со счета по решению владельца счета к моменту обращения взыскания или наложения ареста, учитываются в следующей очередности, представленной на рисунке 3.

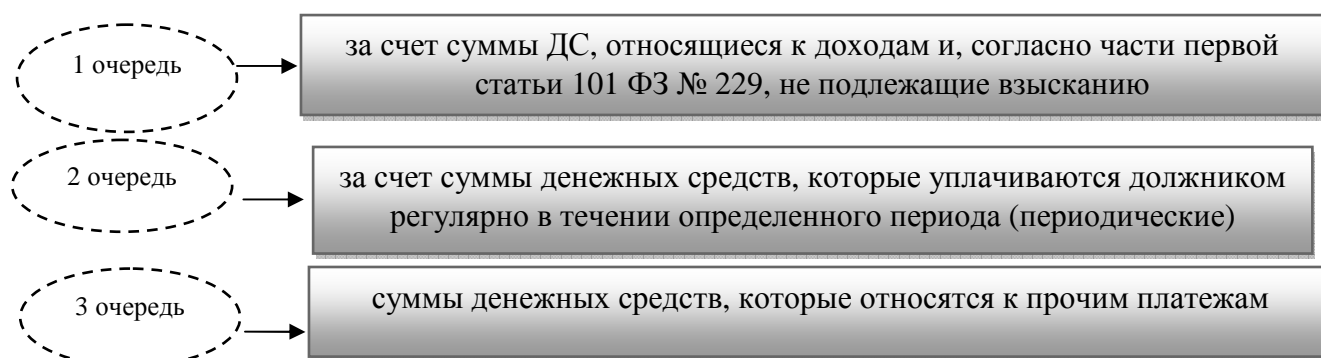

Рис. 3. Очередность списания денежных средств со счета по решению владельца

При этом в случае списания денежных средств со счета должника-гражданина в целях обращения взыскания применяется обратная очередность.

Анализируя данные, взятые с официального сайта Федеральной службы судебных приставов и представленные в таблице 1, мы можем сделать вывод о том, что за отчетный период 64 % всех производств, находившихся на исполнении исполнительных производств, взысканы в пользу кредитных организаций, из которых только 36 % возбуждено за январь–июнь 2022 года. Следует обратить внимание на то, что из всех исполнительных производств о взыскании в пользу кредитных организаций за период с января по июнь 2022 года, только 26 % ИП окончено и прекращено в отчетном периоде, оставшиеся производства отменены или перенесены на новый период [5].

Таблица 1

Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь – июнь 2022 года

Наименование показателя	О взыскании с физических лиц в пользу кредитных организаций		О взыскании с юридических лиц и ИП в пользу кредитных организаций	
	кол-во	сумма	кол-во	сумма
Всего находилось на исполнении исполнительных производств в отчетном периоде	4 372 797	2 368 589 217	70 774	554 242 279

ФССП также предоставляет информацию о перечне показателей деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов, в котором содержатся данные о доле постановлений, направленных для исполнения в кредитные организации и регистрирующие органы в целях наложения ограничений на должника и его имущество, обращения взыскания на имущество (таблица 2).

Таблица 2

Доля постановлений, направленных для исполнения в кредитные организации, в целях обращения взыскания на имущество

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Доля постановлений, вынесенных на основании полученных ответов в рамках электронного документооборота и направленных для исполнения в кредитные организации и регистрирующие органы в целях наложения ограничений на должника и его имущество, обращения взыскания на имущество в общем количестве данных постановлений, %	95,2	95,4	97,2	97,4

Как мы видим, доля постановлений, направляемых на исполнение в кредитные организации, велика и продолжает постепенно расти (+2,2 процентных пункта за четыре года).

Согласно данным, указанным на сайте Банка России и представленным на рисунке 4, жалобы, касающиеся исполнительного производства, где участником является кредитная организация, за период с 2021 по 2022 год занимают третье место среди всех обращений с долей 8,4–8,7 %, их доля постепенно растет. За ненадлежащее исполнение банком или иной кредитной организацией содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании денежных средств с должника предусмотрена административная ответственность в соответствии с частью 2 статьи 17.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Рис. 4. Распределение жалоб в отношении кредитных организации [4]

Защищая права и законные интересы должника и взыскателя от неправомерных действий со стороны банка, Президиум Верховного Суда также указал в пункте 14 Обзора судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным выполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями, что «неисполнение или ненадлежащее исполнение банком, обслуживающим счета должника, обязанности по исполнению исполнительных документов, в том числе проверке их подлинности, может являться основанием для возмещения должнику и/или взыскателю убытков, причиненных такими действиями (бездействием)», а разрешение такого спора должно регулироваться по правилам Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [3].

Таким образом, согласно приведенным выше данным, банки и иные кредитные организации являются активными участниками исполнительного производства. В целях совершенствования законодательства считаем разумным добавить в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» № 395-1 положения, касающиеся участия банков и кредитных организаций в исполнительном производстве, где необходимо закрепить порядок обращения взыскания на имущество должника. В Гражданско-процессуальном кодексе необходимо добавить нормы права о порядке рассмотрения споров по исполнительному производству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 25.11.2022).

2. Приказ Минюста России от 27.12.2019 № 330 «Об утверждении Порядка расчета суммы денежных средств на счете, на которую может быть обращено взыскание или наложен арест, с учетом требований, предусмотренных статьями 99 и 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <https://fssp.gov.ru/2673721/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. «Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387538/ (дата обращения: 25.11.2022).

4. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации (Банка России). URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <https://fssp.gov.ru/2673721/> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 347

Мустафаев Анар Камандар оглы

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
anar_mustafaev_90@mail.ru

Спивак Александра Владимировна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a.spivak.v@yandex.ru

Варенцова Екатерина Владимировна

старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
e_varencova@ksu.edu.ru

**Морально-этические проблемы реализации
репродуктивных прав в России**

В статье рассматриваются некоторые этические и правовые аспекты начала жизни, искусственного прерывания беременности, изменения биологического пола человека.

Проанализирован опыт правового регулирования исследуемых проблем в отдельных зарубежных странах.

Ключевые слова: репродуктивные права, искусственное прерывание беременности, право на жизнь.

Mustafayev Anar Kamandar ogly
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Spivak Aleksandra Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Varencova Ekaterina Vladimirovna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Moral and ethical problems of the implementation of reproductive rights in Russia

The article discusses some ethical and legal aspects of the beginning of life, artificial termination of pregnancy, changes in the biological sex of a person. The experience of legal regulation of the studied problems in certain foreign countries is analyzed.

Keywords: reproductive rights, artificial termination of pregnancy, right to life.

В наши дни наиболее оживленная дискуссия связана с правом на совершение аборта. Этот спор возникает из другого обсуждения, – с какого момента возникает и защищается «право на жизнь», гарантируемое как национальным законодательством и конституциями стран, которые реализуют положения Европейской Конвенцией по правам человека (далее – ЕКПЧ): с момента зачатия ребенка или с момента его рождения? или с момента формирования эмбриона? Европейская Комиссия по правам человека истолковала статью 2 ЕКПЧ [1] так, что право на жизнь защищается только с момента рождения ребенка, а положения Конвенции не могут применяться в отношении ребенка, который только должен родиться. Исходя из этого толкования, аборт не является посягательством на «право на жизнь» и вполне уместен. И несмотря на то, что в большинстве стран он законодательно разрешен, в некоторых странах он запрещен с некоторыми исключениями, а в странах с сильными религиозными убеждениями сохраняется запрет на проведение абортов [2]. Что касается России, то стоит отметить, что именно наша страна была первой в мире страной, легализовавшей аборт – в 1920 году [3]. Разрешая аборт, правительство в то же время объявляло его «злом для коллектива», вызванным «моральными пережитками прошлого» и тяжелым экономическим положением, и предсказывало полное его исчезновение по мере строительства социализма.

На данный момент в Российской Федерации наблюдается снижение абортов, что связывают с изменением типа репродуктивного поведения населения – более ответственным, рациональным и гуманистическим типом поведения,

распространением методов предупреждения нежелательной беременности, в чем важную роль играют медицинские учреждения. Тем не менее, Россия по-прежнему остается в числе мировых лидеров по уровню аборт.

Кроме того, с искусственным прерыванием беременности связан еще один важный правовой вопрос: в большинстве стран в настоящее время для проведения аборта необходимо письменное согласие женщины, однако не учитывается мнение ее партнера. Тем не менее, мужчина, а тем более муж женщины, имеет прямое отношение к аборту, так как проведение процедуры искусственного прерывания беременности лишает его возможности стать отцом. Получая согласие лишь женщины, мы даем ей право распоряжаться, в том числе и статусом мужчины, и именно от ее решения зависит, будет он отцом или нет, что явно не соответствует принципу равноправия супругов, установленному статьей 5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Практика реализации данных норм в разных странах не однозначна. В Норвегии в деле, касающемся прерывания беременности, совершенного против воли отца ребенка, Европейская комиссия отметила, что страны при решении вопросов, касающихся репродуктивных прав, должны проявлять собственное усмотрение и в данной ситуации мать действовала в соответствии с норвежским законодательством [4]. Напротив же, законодательство Японии и Турции обязывает женщину, находящуюся замужем и желающую прервать беременность, получить согласие супруга.

Представляется, что такой подход к этой проблеме выявляет некоторую необходимость учета мнения, в том числе, и мужчины, имеющего отношение к зачатию ребенка. Вместе с тем, не во всех случаях возможно достоверно установить, кто является отцом ребенка.

Тем не менее, в России в юридической практике существует «презумпция отцовства», в соответствии с которой отцом ребенка считается муж матери. Это не исключает возможность оспаривания отцовства или его опровержения в соответствии с четко установленной судебной процедурой [5].

В России аборт входит в систему обязательного медицинского страхования. В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. [6] каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Аборт проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласии женщины – независимо от срока беременности. Аборт должен проводиться только в учреждениях, получивших лицензию на указанный вид деятельности, врачами, имеющими специальную подготовку [7].

Проблемным является в том числе является вопрос незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Согласно ст. 123 Уголовного кодекса РФ [8] производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, наказывается штрафом в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до 480

часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет. Однако если указанное деяние повлекло по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью, виновному грозит наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Согласно доктрине свободного усмотрения, отсутствие регионального консенсуса по тому или иному вопросу увеличивает пределы усмотрения государств, в то время как его существование сужает дискреционный характер полномочий государств.

Как отмечается в конституционно-правовой доктрине, региональный плюрализм требует сдержанности Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), различные факторы могут повысить степень свободы усмотрения государств, и моральные вопросы являются одним из них.

ЕСПЧ же считает, что эффективное осуществление права на доступ к информации о своем здоровье часто имеет решающее значение для возможности осуществления личной автономии, также охватываемой 8 статьей Конвенции, путем принятия на основе такой информации решения о будущем ходе событий, имеющих отношение к качеству жизни индивида. ЕСПЧ отметил, что если государство, действующее в пределах свободы усмотрения, принимает внутреннее законодательство, которое допускает аборт в случаях порока развития плода, то должна быть создана адекватная правовая и процедурная база, гарантирующая, что беременным женщинам предоставляется соответствующая, полная и достоверная информация о состоянии здоровья плода.

Кроме того, представляет интерес вопрос об изменении биологического пола человека. Смена пола выражается в изменении не только физических данных, но и внутреннего сознания, мировоззрения, смене социальной роли в обществе, семье. Одновременно меняется и отношение общества к личности.

На уровне российского закона отсутствуют правила об основаниях, порядке проведения подобных операций и правовом положении лиц, подвергшихся операции. Семейный, Гражданский кодексы, Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан таких норм не содержат (хотя в Основах имеется раздел VII «Медицинская деятельность по планированию семьи и регулированию репродуктивной деятельности»). Есть только одно упоминание в ст. 70 Закона «Об актах гражданского состояния»: орган записи актов гражданского состояния дает заключение о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния в случае представления документа установленной формы об изменении пола, выданного медицинской организацией. В проекте Федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» были разработаны положения о выборе пола [9]. Правда, в ней говорится лишь о правах родителей в отношении будущего ребенка.

Министерство здравоохранения РФ утвердило клиническое руководство «Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств» от 6 августа 1999 года № 311, в котором определило критерии диагноза транссексуализма, условия лечения, принципы терапии, что, конечно, недостаточно для правового статуса транссексуала. К числу оснований для изменения пола сле-

дует отнести: 1) наличие определенных медицинских показаний – заболевание транссексуализмом; 2) единогласное решение комиссии врачей о возможности изменения пола; 3) наличие у транссексуала гражданской дееспособности в полном объеме и достижение 18 лет; 4) волеизъявление гражданина об изменении пола.

Стоит отметить, что Русская Православная Церковь негативно относится к стремлению отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Создателем, и называет такой поступок «бунтом против Творца» [10; 11].

Исходя из законодательства и практики, сложившейся в России, полагаем, что основанием для смены пола может быть не любопытство, не прихоть, не мода, а только строго медицинские показания – заболевание транссексуализмом. Несмотря на то, что многие государства, в том числе исламские, признают право трансгендеров и сексуальных меньшинств на недискриминацию, фактическое отношение к ним в различных странах неодинаково. К примеру, первое место по количеству лиц, сменивших пол, занимает Таиланд, второе, как ни странно, – Иран. Однако это объясняется тем, что в Иране однополые связи уголовно преследуются, вплоть до смертной казни. Поэтому сексуальные меньшинства прибегают к процедуре смены пола. Социологический опрос, проводимый в России в мае 2015 г. Левада-центр, показал, что 66 % населения страны отрицательно относится к транссексуалам [12].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что это зависит от менталитета нации, исторического и культурного развития общества, религии. В российском законодательстве вопросы смены пола практически не регламентированы. Специфичность таких отношений требует дополнительного правового регулирования. Но стоит отметить, что в настоящее время в Российской Федерации существует единая государственная политика относительно сохранения, поддержания и культивирования традиционных семейных ценностей, защиты детей от информации – пропаганде гомосексуализма, что подчеркивается в Указе Президента РФ [13].

Таким образом, вопрос реализации репродуктивных прав является весьма деликатным в морально-этическом плане. Эта та область, в которой ни медицинская наука, ни юриспруденция не достигли единого понимания относительно момента начала жизни. Более того, различие в мировоззрениях, а также укоренившиеся моральные предпочтения и взгляды определенных национальных социумов, не позволяют ЕСПЧ решить этот вопрос в рамках европейского консенсуса. Эта проблема не решена в настоящее время и в российском законодательстве с учетом многообразия национальных традиций и укладов, вероисповедания. Для ее решения необходимо тщательное изучение всех аспектов как с точки зрения правовой, так и с социально-нравственной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом» № 1) (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом» № 4 об обеспечении некоторых

прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом» № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 03.12.2022).

2. Смирнов А. М. К вопросу о некоторых нормативных возможностях реализации соматических прав человека в Российской Федерации // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 2 (50). С. 64–67.

3. Постановление Народного Комиссариата РСФСР по здравоохранению и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин». URL: <https://base.garant.ru/70486514/> (дата обращения: 03.12.2022).

4. Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136–141.

5. Серпухова О. Ю. Соматические права в контексте американской доктрины *Due process of law* // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2(129). С. 91.

6. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

7. Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 № 60869). URL: <https://base.garant.ru/74840123/> (дата обращения: 03.12.2022).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Проект федерального закона № 97802181-2 «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» (внесен депутатами ГД В. Ф. Шараповым, В. И. Давиденко) (не действует). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802181-2> (дата обращения: 03.12.2022).

10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 02.12.2022).

11. Вервекина Е. А. Правовые основы и практика реализации права гражданина на смену пола в РФ // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 222–224.

12. Отставнова Е. А. Вопросы смены пола в международном праве и российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3(116). С. 50–55.

13. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.11.2022).

УДК 331.556.4:342

Окунев Борис Сергеевич

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

b.okunev@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

**Проблемы и перспективы совершенствования законодательства
об обращениях иностранных граждан
в органы власти Российской Федерации**

В данной работе проводится анализ положений Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации в части норм, регулирующих право иностранных граждан на обращение. Дается сравнительная характеристика норм законодательства о порядке реализации субъективных прав иностранных граждан на обращение и защиту своих прав. По итогам делается вывод об актуальности рассмотренных изменений и необходимости совершенствования Закона № 59-ФЗ, которое направлено на сохранения баланса между суверенитетом нашего государства и реализацией прав иностранных граждан.

Ключевые слова: конституционное право, обращение гражданина, власть, государственный орган, орган местного самоуправления.

Okunev Boris Sergeevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalya Vladimirovna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Problems and prospects of improving legislation
on appeals of foreign citizens
to the authorities of the Russian Federation**

This paper analyzes the provisions of Federal Law No. 59-FZ dated 02.05.2006 “On the procedure for considering appeals from Citizens of the Russian Federation in terms of the norms Governing the right of foreign Citizens to appeal”. A comparative characteristic of the norms of legislation on the procedure for the implementation of the subjective rights of foreign citizens to appeal and protect their rights is given. As a result, a conclusion is made about the relevance of the

changes considered and the need to improve Law №. 59-FZ, which is aimed at maintaining a balance between the sovereignty of our state and the realization of the rights of foreign citizens.

Keywords: *constitutional law, citizen's appeal, government, state body, local self-government body.*

Право граждан на обращение является одним из важнейших прав, декларированных и дарованных гражданам Конституцией РФ. Согласно статье 33 Конституции РФ граждане России имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [3]. Право гражданина на обращение – это субъективное право гражданина, регулирующие отношения между ним и органами власти. Данное право является одной из форм взаимодействия граждан с публичными структурами.

Своевременное и эффективное разрешение вопросов и просьб, содержащихся в обращениях граждан, в значительной мере способствует удовлетворению нужд и запросов граждан, снятию напряженности в обществе, повышению авторитета органов власти и управления, укреплению их связи с населением. Данной точки зрения придерживается и Ю. С. Ильина [2] в своей исследовательской работе.

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ), принятый во исполнение статьи 33 Конституции РФ, регулирует правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами [6] .

Право гражданина на обращение выступает не только инструментом защиты его нарушенного права и законного интереса, но и одновременно является элементом политики, который позволяет органам государственной власти исправлять недостатки и устранять пробелы и коллизии в законодательстве, которые выявляются на практике. Кроме того, в результате рассмотрения обращений граждан появляется возможность пресекать злоупотребления своими правами государственными служащими. При подаче и рассмотрении обращения происходит учет мнения конкретного гражданина, его участия в политическом управлении делами государства.

С развитием системы рассмотрения обращений граждан органами государственной власти и местного самоуправления в Закон № 59-ФЗ вносились изменения, носящие в большей степени корректировочное свойство с учетом меняющегося характера правоотношений, связанных с рассмотрением обращений граждан, а также правоприменительной практики данных правовых норм. Это подтверждается, например, тем, что с 2006 года, с года принятия Закона № 59-ФЗ, в данный закон было внесено изменений и дополнений восемью федеральными законами.

В настоящее время Закон № 59-ФЗ значительно расширяет круг субъектов, включая в него иностранных граждан и лиц без гражданства, юридических

лиц и общественные объединения. Появляется закономерный вопрос, не противоречит ли это положениям закона Конституции Российской Федерации?

Норма статьи 33 Конституции Российской Федерации, исходя из ее формулировки, распространяется исключительно на граждан Российской Федерации. Из этого следует, что лица, не являющиеся гражданами России, а также лица без гражданства не обладают рассматриваемым правом. Получается, такое положение противоречит сформулированному в статье 19 Конституции Российской Федерации принципу равенства, кроме прочего, гарантированные основным законом государства права принадлежат всем людям, независимо от их гражданства. Таким образом, иностранные граждане, лица без гражданства также должны обладать возможностью защитить эти права в случае их нарушения, в том числе посредством обращения в органы государственной власти и местного самоуправления.

В отличие от Конституции РФ, законодательный акт, специального назначения, который регулирующий отношения, связанные с реализацией гражданами Российской Федерации конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, распространяет свое действие и на иностранных граждан и лиц без гражданства. Это подтверждается частью 3 статьи 1 Закона № 59-ФЗ.

Следует обратить внимание на формулировку приведенной конституционной нормы. Законодатель в создании нормы статьи 33 Конституции Российской Федерации использует сразу два союза: противительный «а». С точки зрения русского языка он означает противопоставление одного слова или предложения другому. И соединительный союз «также», который обозначает соединение однородных явлений. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова сочетание этих двух союзов говорит об усилительном присоединении или сопоставительном добавлении. Возникает логичный вопрос: порождает ли такое существование два разных, хоть и смежных субъективных конституционных права? При анализе данной нормы, мы пришли к выводу, что нет, так как речь идет о разных правомочиях в рамках одного конституционного права на обращение, при этом законодателем особо подчеркивается возможность лица направлять обращения параллельно его правомочию представлять их непосредственно должностному лицу.

Право на обращения исторически основывается на политических правах, которые в большинстве случаев принадлежат только российским гражданам: право на публичные мероприятия, право голосовать и быть избранным в органы власти, право служить на государственной службе и другие.

Так, Н. И. Гритчина отмечает, что иностранные граждане и лица без гражданства не смогут реализовать право на обращение, предметом которого является, к примеру, предложение о реформировании государственной власти или принятии того или иного закона [1]. Поэтому иностранные граждане и лица без гражданства не могут вносить предложения в российские государственные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления. Полагаем, что это связано с тем, что это касается национальной безопасности нашего государства. Данные субъекты не имеют права выступать с законодательной инициативой в законода-

тельные органы РФ, входящие в состав субъектов Российской Федерации, либо же вносить предложения по реформированию государственного органа, поскольку имело бы место нарушение конституционного принципа суверенитета народа. Данной точки зрения придерживается также Т. А. Тренина [5].

Таким образом, предлагаем в Законе № 59-ФЗ предусмотреть, что иностранные граждане и лица без гражданства наделяются правом обращения о защите в государственные органы Российской Федерации, за восстановлением или признанием исключительно своих прав и свобод, т. е. когда право на обращение считается личным и правомочным конституционному праву. Однако, когда право на обращение содержит политические начала, то оно не может быть предоставлено иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Таким образом, предложения по изменению положений Закона № 59-ФЗ относительно обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, направлены на сохранения баланса между суверенитетом нашего государства и реализации прав иностранных граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гритчина Н. И. Особенности субъектного состава лиц, реализующих право на обращение // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 9, № 1. С. 135.

2. Ильина Ю. С. Особенности системы работы с обращениями граждан российской федерации: правовой аспект. URL: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (дата обращения: 01.11.2022).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.11.2022).

4. Попов И. Е. Институт права граждан на обращения в органы власти: проблемы понятия и принципиальные особенности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prava-grazhdan-na-obrascheniya-v-organy-vlasti-problemy-ponyatiya-i-printsipialnye-osobennosti> (дата обращения: 01.11.2022).

5. Тренина Т. А. Некоторые проблемы правоприменения законодательства об обращениях граждан на современном этапе. URL: <https://moluch.ru/archive/331/74020/> (дата обращения: 01.11.2022).

6. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12146661/> (дата обращения: 01.11.2022).

УДК 343.1:347.9

Окунева Ольга Олеговна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

b.okunev@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

**Эффективность взаимодействия Федеральной службы
судебных приставов с Федеральной службой исполнения наказания
при производстве дознания и пути его совершенствования**

В статье рассматривается взаимодействие Федеральной службы судебных приставов с Федеральной службой исполнения наказания при производстве дознания. На основе анализа теоретических положений, законодательной базы и правоприменительной практики сделан вывод о необходимости повышения эффективности взаимодействия двух федеральных служб. Отмечается, что с введением отчетности, введение показателя эффективности предоставления сведений о трудоустройстве должника, введением системы штрафов за непредставление информации, а также введением внутреннего ежегодного экзамена о знаниях своих обязанностей сотрудников УИИ, поможет повысить эффективность. В связи с этим предлагается законодательно закрепить проведение рейдов должников, обязанных к уплате алиментов, состоящих на учете в УИИ.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба исполнения наказания, институт дознания, взыскание алиментов, повышение эффективности взаимодействия.

Okuneva Olga Olegovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalya Vladimirovna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Efficiency of interaction of the Federal bailiff service
with the Federal penitentiary service
in the production of inquiry and ways to improve it**

The article discusses the interaction of the Federal bailiff service with the Federal service for the execution of punishment in the course of an inquiry. Based on the analysis of theoretical provisions, the legislative framework and law enforcement practice, it was concluded that it is necessary to increase the efficiency of interaction between the two federal services. It is noted that with the introduction of reporting, the introduction of a performance indicator for providing information

about the employment of the debtor, the introduction of a system of penalties for failure to provide information, as well as the introduction of an internal annual exam on the knowledge of their duties of employees of the PII, will help improve efficiency. In this regard, it is proposed to legislate the conduct of raids of debtors obliged to pay alimony, registered with the Penitentiary Inspectorate.

Keywords: *Federal bailiff service, Federal service for the execution of punishment, institution of inquiry, collection of alimony, increasing the efficiency of interaction.*

Институт дознания на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства поступательно изменяется и совершенствуется. В первую очередь это связано с правоприменительной практикой. В результате применения норм уголовно-процессуального права при производстве дознания выявляются проблемы, пробелы и коллизии, которые требуют внесения изменения в законодательство. А во вторую изменения обусловлены динамичным развитием государства в целом и общества в частном.

В данной работе будут проанализированы нормы, регулирующие деятельность дознавателей Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России) с иными сотрудниками Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России), которые не наделены полномочиями по производству дознания по статье 157 УК РФ.

Б. А. Тугутов в своей научной работе отразил, что содержание уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Федеральной службы судебных приставов России заключается в совершении процессуальных действий и принятии решений, которые направлены на установление всех обстоятельств подследственных им преступлений. Согласно п. 4 ч. 3 ст. 131 УПК РФ к компетенции ФССП России относятся семь составов преступлений: 1) ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»; 2) ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности»; 3) ч. 1 ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»; 4) ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду»; 5) ч. 1 ст. 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса»; 6) ст. 312 УК РФ «Незаконные действия в отношении имущества, которое подвезгнато описи, аресту либо подлежащего конфискации»; 7) ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта».

Более подробно остановимся на расследовании статьи 157 УК РФ. Одним из самых распространенных преступлений в области семейных отношений является уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ). Его доля в группе преступлений против семьи и несовершеннолетних по всей России составляет 65 %. В то же время есть все основания полагать, что статистические данные не соответствуют действительности, поскольку в отношении большинства уклоняющихся от уплаты средств на содержание детей (родителей) уголовный закон бессилён, и в этой области проявляется его бездейственность.

Х.-М. А. Хамидов указывает, что Федеральная служба судебных приставов вправе возбуждать уголовные дела и осуществлять предварительное рас-

следование в форме дознания. ФССП России проводит дознание по тем преступлениям, по которым она имеет право возбуждать уголовные дела и проведение предварительного следствия по которым необязательно, а также что Федеральная служба судебных приставов как орган дознания осуществляет предварительное расследование в форме дознания в целях раскрытия и рассмотрения уголовного дела и установления лиц, виновных в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, предусмотренных ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса РФ [5].

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский считают, что Институт дознания в системе ФССП России – досудебная стадия предварительного расследования уголовных дел, осуществляемая органами ФССП России. К подследственности органов ФССП России относится предварительное расследование уголовных дел по признакам состава преступлений небольшой и средней тяжести, по которым проведение предварительного следствия не обязательно.

В качестве субъектов, которые могут осуществлять дознание, выступают: директор ФССП России – главный судебный пристав РФ или его заместитель, главный судебный пристав субъекта РФ или его заместитель, начальник отдела – старший судебный пристав и его заместитель, это закреплено в Приказе ФССП России от 6 декабря 2010 г. № 677 «О совершенствовании деятельности Федеральной службы судебных приставов по производству предварительного расследования в форме дознания».

Следует отметить, что ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О судебных приставах» не указывается их процессуальное положение, т. е. отсутствует указание на того, кто может осуществлять дознание, и того, кто должен контролировать дознание, осуществляемое в предварительном расследовании. С этой позиции выходит так, что законодатель в четкой и ясной форме не установил их правовое положение в процессуальном законодательстве. В связи с этим возникает вопрос о соотношении полномочий с другими органами, осуществляющими предварительное расследование в форме дознания, как и ФССП России. Но ФССП России, в отличие от Министерства внутренних дел РФ, Следственного комитета РФ и Федеральной службы безопасности, не обладает опытом в применении уголовно-процессуальных норм на практике при расследовании преступлений в форме дознания. Законодатель в УПК РФ в полной мере не указал полномочия, которыми обладает ФССП России, такое разночтение норм ведет к нарушениям процессуальных норм.

Кроме того, актуальным и дискуссионным вопросом в уголовно-процессуальном праве является проблема полномочий начальника органа дознания, вызывающая много споров в теории уголовно-процессуального права. Н. В. Тютина в своей статье: «Полномочия начальника органа дознания в системе Федеральной службы судебных приставов» [4] отмечает, что в УПК РФ нет отдельной статьи, регулирующей полномочия начальника органа дознания, и что надо принять норму, которая будет регулировать процессуальные полномочия начальника органа дознания в УПК РФ. После внесения изменений в УПК РФ в 2015 г. впервые появилась статья, в которой регулировались полномочия начальника органа дознания. Но даже после появления нормы, закрепляющей про-

цессуальные полномочия дознавателя, дискуссии на эту тему не прекратились. Такую точку зрения поддерживает и М. А. Мютикова в работе: «К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания приставов» [3].

Для расследования категории преступлений, отнесенных к подследственности ФССП России, точнее в ее территориальных органах, создано специальное подразделение, а именно – Отделение судебных приставов по исполнению исполнительных документов о взыскании алиментных платежей и дознанию по г. Костроме. Данное отделение создано в соответствии с требованиями приказа ФССП России от 15.02.2016 г. «Об утверждении и введении в действие структуры и штатного расписания Управления Федеральной службы судебных приставов по Костромской области».

В структуру данного подразделения входят начальник отделения, судебные приставы-исполнители и дознаватели.

Термин «взаимодействие» широко используется и в теории, и на практике, поскольку удачно отражает характер коллективных усилий различных правоохранительных органов при решении стоящих перед ними задач.

В настоящее время вопрос взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с другими правоохранительными органами, в том числе и с Федеральной службой исполнения наказания, в целях обеспечения прав и свобод является одним из актуальных. Правоохранительные органы, как функционально независимые элементы, могут осуществлять свою деятельность комплексно, взаимно дополняя и совершенствуя таким образом механизм обеспечения прав и свобод граждан. Именно данное взаимодействие является предметом нашего исследования.

Предлагаем проанализировать взаимодействие ФССП России и ФСИН России при расследовании ст. 157 УК РФ для того, чтобы понять, требуется ли на современном этапе правоприменительной практике совершенствование уголовно-правовых норм, регулирующих взаимодействие двух федеральных служб.

Итак, дознаватель ФССП России, с согласия прокурора, возбуждает уголовное дело о взыскании алиментных платежей с должника и приступает к его расследованию, в процессе которого активно взаимодействует с иными правоохранительными органами.

В ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 157 УК РФ дознаватель устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые перечислены в ст. 73 УК РФ.

После окончания расследования уголовное дело направляется в суд, для рассмотрения и вынесения приговора.

Санкция ч. 1 ст. 157 УК РФ предусматривает наказание в виде: исправительных работ на срок до одного года, либо принудительных работ на тот же срок, либо арест на срок до трех месяцев, либо лишение свободы на срок до одного года.

Согласно судебной статистике РФ, опубликованной на официальном сайте: <https://stat.апи-пресс.рф> за 2021 год по ч. 1 ст. 157 УК РФ было осуждено 46 947 человек и оправданы 4 человека. Наказание в виде лишения свободы суд назначит 3 764 людям, в виде условного лишения свободы – 5436, ограничение

свободы у 19 человек, штраф получили – 174 человека, исправительные работы у 29 786 человек, обязательные работы у 98 человек принудительные меры к невменяемым у 22 человек.

Анализируя статистику, следует прийти к выводу о том, что большинство преступников-алиментщиков были осуждены и приговорены к исправительным работам.

Старший помощник прокурора Ленинского района г. Екатеринбурга Е. А. Моршинина [2] разъясняет, что исправительные работы – вид уголовного наказания, заключающийся в принудительном привлечении осужденного к труду с вычетом из его заработка в доход государства определенной части.

Порядок исполнения наказания в виде исправительных работ предусмотрен ст. 39 УИК РФ. Так, ч.2 ст. 39 УИК РФ устанавливает, что осужденные к исправительным работам направляются уголовно-исполнительными инспекциями для отбывания наказания не позднее 30 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления).

Кроме того, согласно ч. 1 ст.44 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции осуществляют контроль за правильностью и своевременностью удержаний из заработной платы осужденных к исправительным работам и перечислением удержанных сумм в соответствующий бюджет.

Постановление Правительства РФ от 2 ноября 2021 г. № 1908 «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» устанавливает, что удержание алиментов на содержание несовершеннолетних детей производится с заработной платы (денежного вознаграждения, содержания) как по основному месту работы, так и за работу по совместительству, которую получают родители в денежной (рублях или иностранной валюте) форме. Данную позицию освещает в своей научной работе Е. Л. Пеняева, говоря о том, что перечень доходов, из которых удерживаются алименты на несовершеннолетних детей, утвержден постановлением Правительства РФ.

Согласно статье 44 УИК РФ, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций при исполнении приговора обязаны производить удержания из заработной платы осужденного как в доход государства, так и на содержание несовершеннолетних детей.

Удержание из заработной платы денежных средств на содержание несовершеннолетних детей обязанность судебного пристава исполнителя.

Осужденный должник не спешит сообщать о своем виде дохода судебному приставу-исполнителю. Ответственность за данное правонарушение предусмотрена статьей 17.14 КоАП РФ. Согласно сборнику ведомственной отчетности за ноябрь 2021 года, представленном на официальном сайте УФССП России по Костромской области, за отчетный период по статье 17.14 КоАП РФ было составлено 23 протокола из них, административной ответственности подверглись 7 осужденных должников по статье 157 УК РФ. Следовательно, в том числе в целях защиты прав несовершеннолетних детей, возникает необходи-

мость взаимодействия сотрудников уголовно исполнительных инспекций с сотрудниками территориальных органов ФССП России.

Взаимодействие двух федеральных служб – ФССП России и ФСИН России может быть на нескольких уровнях – федеральный и региональный (территориальный, местный). Данный вывод делают Р. Г. Миронов и В. В. Шалыгин [1] в своей исследовательской работе, отмечая, что, рассматривая проблему взаимодействия ФСИН и ФССП на разных уровнях (федеральном, региональном, территориальном и объектовом) управления, необходимо принять во внимание то, что данная функция с ее элементами и категориями относится к одному из подвидов социального управления, а также что совместная работа в данном направлении стала рационально и эффективно проводиться после принятия на федеральном уровне Соглашения о взаимодействии Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов.

Вопросы повышения эффективности взаимодействия служб судебных, приставов с правоохранительными органами всегда находится в центре внимания руководства ФССП России. Так, 18.05.2005 г. издан приказ ФССП России № 66 «О повышении эффективности работы территориальных органов Федеральной службы судебных приставов по исполнению постановлений налоговой и таможенной служб», подписаны совместные приказы ФССП России и Федеральной таможенной службы России от 25.04.2005 г. № 55/365 «О совместных мероприятиях, направленных на повышение эффективности принудительного исполнения постановлений таможенных органов и иных исполнительных документов» и от 14. 06. 2005 г. № 540/81 «Об утверждении состава и регламента работы постоянно действующей рабочей группы по координации оперативного взаимодействия должностных лиц центрального аппарата Федеральной таможенной службы России и центрального аппарата ФССП России».

В качестве примера федерального уровня взаимодействия следует отметить, Соглашение от 25 ноября 2015 г. № 0001/43/01-81180 «О взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Федеральной службы исполнения наказаний».

Данное соглашение, безусловно, направлено на повышение эффективности взаимодействия, в нем закреплены осуществление обмена информацией, взаимодействие сторон в форме издания совместных приказов, заключения соглашений, создания рабочих групп, обмена информацией, сверки данных и иных мероприятий в отношении лиц, являющихся должниками по исполнительным производствам, и осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы либо к наказаниям или иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, взаимодействие пресс-служб ФССП России и ФСИН России в форме выпуска совместных пресс-релизов и иных формах сотрудничества, проведение совместных мероприятий, информационную поддержку при решении совместных задач и организацию надлежającego взаимодействия должностных лиц сторон.

Однако на практике, из-за общих формулировок данное соглашение работает не всегда эффективно. Так, совместные мероприятия между ФССП России и ФСИН России, согласно официальным данным, полученным с официального

сайта <https://r44.fssp.gov.ru> проводились крайний раз 23 июля 2018 года. В эту дату состоялся круглый стол на тему: «Об эффективности норм семейного законодательства Российской Федерации в части алиментных обязательств родителей и детей и о дополнительных мерах воздействия на должников», эту информацию представила пресс-служба УФССП России по Костромской области на своем официальном сайте. Следует подчеркнуть, что с 2018 года прошло уже четыре года. Однако новых встреч и совместных мероприятий не планируется.

Полагаем, что необходимо учитывать опыт прошлых лет и положительный опыт штатных мероприятий. Например, положительным опытом является проведение рейдов на пункте регистрации автотранспорта ГИБДД.

Предлагаем законодательно закрепить проведение рейдов должников, обязанных к уплате алиментов, состоящих на учете в УИИ один раз в месяц. Также создание единой базы между ФССП России и ФСИН России поможет отслеживать своевременные удержания из заработной платы осужденных в счет алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Конечно, существуют локальные акты в территориальных органах, во внутренних документах, регламентирующие предоставление информации о трудоустройстве должника. В первую очередь, это обязанность должника сообщать о своем источнике дохода судебному приставу-исполнителю. Также принята инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, которая закрепляет, что при трудоустройстве лица, осужденного за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, инспекция направляет сообщение приложение № 32 Приказа Минюста РФ от 12.04.2005 № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» в подразделение Федеральной службы судебных приставов.

Таким образом, обязанность по сообщению информации о трудоустройстве должника закреплена сразу у двух субъектов – у самого должника, у сотрудника инспекции. Так почему же зачастую происходят случаи, когда из заработной платы осужденного должника-алиментщика денежные средства удерживаются лишь в доход государства, а в счет уплаты алиментов нет?

Во-первых, со стороны должника после возбуждения в отношении него уголовного дела за неуплату алиментов, рассмотрения этого дела в суде и вынесения приговора, должник вряд ли будет снова стремиться попасть в данную службу. Из-за страха быть снова наказанным. Данный страх возникает из-за низкого уровня правовой культуры населения нашей страны. Кроме того, низкий уровень юридической грамотности, а также отсутствие сознательности во взаимодействии с государственными органами.

Во-вторых, со стороны сотрудника УИИ, следует выделить отсутствие отчетности, так называемых приложений № 32, форма которых создана специально для сообщения информации в ФССП России о трудоустройстве осужденного должника, отсутствие системы штрафов за непредоставление данной информации, и, как следствие, отсутствие должного уровня знания своей инструкции при исполнении обязанностей, приводит к серьезным нарушениям прав несовершеннолетних, а именно к уклонению от уплаты средств на их содержа-

ние. Полагаем, что с введением отчетности, введение показателя эффективности предоставления сведений о трудоустройстве должника, введением системы штрафов за непредставление информации, а также введением внутреннего ежегодного экзамена о знаниях своих обязанностей сотрудников УИИ, поможет решить данную проблему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов Р. Г., Шалыгин В. В. О взаимодействии службы исполнения наказаний и судебных приставов по взысканию задолженности с лиц, отбывающих уголовные наказания, в приволжском федеральном округе. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/50256-vzaimodejstvii-sluzhby-ispolneniya-nakazanijsudebnykh-pristavov-vzyskaniyu> (дата обращения: 15.10.2022.)

2. Моршина Е. А. Порядок реализации уголовного наказания в виде исправительных работ. Прокуратура Ленинского района г. Екатеринбурга. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

3. Мютикова М. А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания приставов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-protsessualnyh-polnomochiyah-nachalnika-organa-doznaniya> (дата обращения: 01.09.2022).

4. Тютин Н. В. Полномочия начальника органа дознания в системе Федеральной службы судебных приставов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-nachalnika-organa-doznaniya-v-sisteme-federalnoy-sluzhby-sudebnykh-pristavov> (дата обращения: 07.04.2022).

5. Хамидов Х.-М. А. Развитие института дознания в Федеральной службе судебных приставов. Процессуальное положение начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя ФССП России. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=7716> (дата обращения: 07.04.2022).

УДК 159.99

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

**Воздействие отрицательных эмоций
на эффективность учебно-профессиональной деятельности
будущих юристов при прохождении
клинического (практико-ориентированного) обучения**

Исследование посвящено вопросу воздействия отрицательных эмоций будущих юристов на эффективность их учебно-профессиональной деятельности при прохождении кли-

нического (практико-ориентированного) обучения. Автором выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между отрицательными эмоциями и эффективностью объективных и субъективных показателей учебно-профессиональной деятельности студентов вуза при обучении в юридической клинике, сильные отрицательные эмоции обеспечивают кратковременную эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов, при длительном воздействии отрицательные эмоции являются демотивационными и не обеспечивают эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов. Эмпирические результаты подтвердили нашу основную гипотезу. Также были доказаны выдвинутые частные гипотезы.

Ключевые слова: юридическая клиника, юридическое образование, юриспруденция, обучение, эмоции, отрицательные эмоции.

Orlovskaya Irina Viktorovna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The impact of negative emotions on the effectiveness of educational and professional activities of future lawyers during clinical (practice-oriented) training

The study is devoted to the issue of the impact of negative emotions of future lawyers on the effectiveness of their educational and professional activities during clinical (practice-oriented) training. The author hypothesized that there is a relationship between negative emotions and the effectiveness of objective and subjective indicators of educational and professional activities of university students when studying at a legal clinic, strong negative emotions provide short-term effectiveness of educational and professional activities of students, with prolonged exposure, negative emotions are demotivating and do not ensure the effectiveness of educational and professional activities of students. The empirical results confirmed our main hypothesis. The proposed partial hypotheses were also proved.

Keywords: legal clinic, legal education, jurisprudence, training, emotions, negative emotions.

Эмоции как важнейший фактор регуляции процессов познания во все времена вызывали исследовательский интерес.

Познавательные процессы, разворачивающиеся в ходе учебной деятельности, почти всегда сопровождаются положительными и отрицательными эмоциональными переживаниями, которые выступают в качестве значимых детерминант, обуславливающих ее успешность. Это объясняется тем, что эмоциональные состояния и чувства способны оказывать регулирующее и энергизирующее влияние как на процессы восприятия, памяти, мышления, воображения, так и на личностные проявления (интересы, потребности, мотивы и др.).

Учитывая высокие требования, предъявляемые к выпускникам высшей школы, как федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, так и потенциальными работодателями, представляется, что познание явлений, которыми обусловлены такие эмоциональные состояния, законов их развития, позволит повысить продуктивность и эффективность познавательной деятельности, в том числе и такой многочисленной социальной группы как студентов высших учебных заведений.

Во многих работах отмечается, что эмоциональные состояния существенно влияют на эффективность обучения. Так, в исследовании А. О. Прохорова выявлено, что эмоциональные состояния студентов, в значительной степени определяя протекание когнитивных процессов, существенно влияют на успешность учебной деятельности [10, с. 39]; А. Я. Чебыкиным доказано, что эмоции детерминируют познавательную деятельность через соответствующие психические состояния, влияя на протекание всех психических процессов [13, с. 137]. В работе Г. М. Лыдовой, А. Н. Панфилова изучены психические состояния студентов (стресс, фрустрация) в усложненных условиях учебной деятельности (сдачи экзамена) [5, с. 23].

Список исследователей, считающих, что эмоция может побуждать поведение человека, достаточно большой. Сторонниками эмоциональной мотивации сегодня и в прошлом, в ретроспективе по годам, следует назвать: С. Л. Рубинштейна, который считал, что эмоция, являющаяся формой потребности, выступает психическим побудителем к деятельности [12, с. 138]; Р. У. Липера (эмоции – это доминирующая мотивация в психике человека) [4, с. 218]; П. М. Якобсона (поведение человека мотивируют очень сильные эмоции) [15, с. 156]; Е. П. Ильина (мотивация представляет собой сложную иерархическую структуру и эмоция один из ее компонентов) [3, с. 523]; К. Э. Изарда (эмоции наряду с инстинктами рассматриваются Основой мотивационной системы личности) [2, с. 257]; Е. А. Пырьева (эмоции раскрываются в отношениях личности и выполняют мотивационную функцию в адрес предметов, с которыми связаны эмпирически) [11, с. 39].

В то же время отрицательные эмоции человека и их воздействие на отдельные сферы его жизнедеятельности еще до конца не изучены.

Анализ научной литературы показывает, что воздействие отрицательных эмоций на эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», при обучении в Юридической клинике, специальному изучению не подвергалось.

Учитывая тот факт, что «студенческий возраст характеризуется достижением наивысших «пиковых результатов», базирующихся на практически всех процессах биологического, психологического и социального развития» [8, с. 76] изучение воздействия отрицательных эмоций на эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов вуза, имеет важную социальную и научную роль.

Изложенное в совокупности обуславливает актуальность и научную новизну выбранной темы исследования.

Эмоции регулируют деятельность, обнаруживая вполне определенное на нее влияние в зависимости от характера и интенсивности эмоционального переживания.

Д. О. Хеббу удалось экспериментальным путем получить кривую, выражающую зависимость между уровнем эмоционального возбуждения человека и успешностью его практической деятельности [7, с. 61–62].

Согласно полученным результатам между эмоциональным возбуждением и эффективностью деятельности человека существует криволинейная, «колоко-

лообразная» зависимость. Для достижения наивысшего результата в деятельности нежелательны как слишком слабые, так и очень сильные эмоциональные возбуждения.

Для каждого человека (а в целом и для всех людей) имеется оптимум эмоциональной возбудимости, обеспечивающий максимум эффективности в работе. Оптимальный уровень эмоционального возбуждения, в свою очередь, зависит от многих факторов: от особенностей выполняемой деятельности, от условий, в которых она протекает, от индивидуальности включенного в нее человека и от других факторов.

Слишком слабая эмоциональная возбужденность не обеспечивает должной мотивации деятельности, а слишком сильная разрушает ее, дезорганизует и делает практически неуправляемой.

В настоящей работе исследовательский интерес представляет влияние на учебно-профессиональную деятельность студентов вуза именно отрицательных эмоций, их взаимосвязь, поскольку эмоции являются детерминантами эффективности такой деятельности.

Рассмотрим различные научные точки зрения по заданной теме.

В. Д. Шадриков отмечал, что «...гнев, разочарование, страх и другие «негативные эмоции» – все это часть человеческого опыта. Все они могут привести к стрессу и часто рассматриваются как эмоции, которых следует избегать, игнорировать или иным образом дезавуировать, но на самом деле они также могут быть полезны для нас, особенно в процессе обучения. Так как, познавательные процессы, разворачивающиеся в ходе учебной деятельности, почти всегда сопровождаются положительными и отрицательными эмоциональными переживаниями, которые выступают в качестве значимых детерминант, обуславливающих ее успешность. Это объясняется тем, что негативные эмоциональные состояния и чувства способны оказывать регулирующее влияние как на процессы восприятия, памяти, мышления, воображения, так и на личностные проявления (интересы, потребности, мотивы и др.) ...» [14, с. 94].

Негативное настроение, в свою очередь, сигнализирует о том, что ситуация является новой, сложной и что для получения эффективного ответа требуется большее внимание к новой информации. В частности, негативные эмоции принуждают студента к более детальному восприятию новой учебной информации или подробному освоению предложенной темы. Однако, благодаря этим преимуществам негативных эмоций у студентов улучшается память, они способны делать более точные выводы о событиях и приспосабливаться к новым изменениям в студенческой жизни [13, с. 56].

На неосознаваемом, психофизиологическом уровне при переживании эмоции злости активизируется большое количество нервной энергии, необходимой для активизации усилий по преодолению сложностей, встречаемых в учебно-профессиональной деятельности студентов.

Одной из самых мотивирующих эмоций, которая возникает в процессе обучения, является гневливость – эмоция, вследствие которой происходит конфликт и находится истина. Между гневом и конфликтом, вызванным агрессией, действительно существует тесная взаимосвязь. Именно гнев побуждает студен-

тов к постановке неразрешенного вопроса и нахождения путей решения для его преодоления [6, с. 18].

Несмотря на вышеперечисленные факторы положительного влияния негативных эмоций на процесс обучения, нужно помнить, что регулярное переживание негативных эмоций (печаль, разочарование, страх), наоборот, приводит к пассивным показателям учебно-профессиональной деятельности. Студенты находят массу причин неучастия в своей учебно-профессиональной деятельности. Они постоянно опаздывают на занятия, не работают на семинарах и лекциях; читают, играют в компьютерные игры, переговариваются или тихо дремлют на последних столах. Такие студенты неохотно участвуют в научно-исследовательской деятельности, отдавая приоритет вневузовским мероприятиям. Иногда они могут участвовать в мероприятиях вуза, но делают это без интереса и «из-под палки». Свободное время тратят на социальные сети, просиживают в них массу времени. Студенты, переживающие пассивные эмоции в адрес учебно-профессиональной деятельности, не удовлетворены ею, а также не удовлетворены выбором вуза и профессии [9, с. 98].

Не менее положительные стороны, чем у чувства вины, имеет и тревога, которая мотивирует студентов в решении проблем, связанных с процессом обучения. Именно такая эмоция непосредственно влияет на уровень подготовки студента к семинарскому занятию, к научной конференции и тому подобное. Однако, по мере возрастания состояния тревоги выражающие ее явления претерпевают ряд закономерных изменений, которые приводят к развитию негативных состояний у студентов, таких как: стрессы, повышенная невротизация и т. д. Нужно отметить, что чрезмерно высокий уровень тревоги, как и чрезмерно низкий приводит к дезорганизованности поведения и деятельности студента [1].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным изучить взаимосвязь отрицательных эмоций и показателей учебно-профессиональной деятельности студентов высшего учебного заведения, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», при обучении в юридической клинике (на примере Костромского государственного университета).

Юридическая клиника – учебная программа, предусматривающая обучение студентов-юристов практическим навыкам и профессиональному отношению и включающая безвозмездную работу студентов под руководством преподавателя по оказанию юридической помощи лицам, не имеющим возможности прибегнуть к другим видам помощи.

На базе Костромского государственного университета создана юридическая клиника, в форме юридической консультации, для оказания бесплатных юридических услуг жителям Костромской области. Услуги оказываются студентами третьего курса очного отделения (бакалавриат) как в устной, так и в письменной форме.

Обучение проводится вне университета (в специально созданных кабинетах – консультациях), очно, один раз в неделю, длительность занятий – три астрономических часа. Кроме того, студенты работают самостоятельно вне ауди-

тории при подготовке письменных процессуальных и не процессуальных документов юридического характера.

В ходе такого обучения студент один на один в режиме реального времени сталкивается с запросами клиентов об оказании им юридической помощи в различных отраслях законодательства.

Целью работы является изучение взаимосвязи отрицательных эмоций и эффективности учебно-профессиональной деятельности студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», при обучении в юридической клинике.

Объектом исследования в данной работе является эмоциональная мотивация учебно-профессиональной деятельности студентов вуза при обучении в юридической клинике.

Предметом исследования – изучение взаимосвязи отрицательных эмоций и эффективности объективных и субъективных показателей учебно-профессиональной деятельности студентов вуза при обучении в юридической клинике.

В данном исследовании, на основании поставленной цели, нами была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между отрицательными эмоциями и эффективностью объективных и субъективных показателей учебно-профессиональной деятельности студентов вуза при обучении в юридической клинике, сильные отрицательные эмоции обеспечивают кратковременную эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов, при длительном воздействии отрицательные эмоции являются демотивационными и не обеспечивают эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов.

Частные гипотезы:

1. Отрицательные эмоции имеют отчетливо выраженный ситуационный характер, т. е. выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них;

2. Отрицательные эмоции оказывают побудительные действия, существует взаимосвязь между эмоциями, переживаемыми студентом в адрес учебно-профессиональной деятельности и объективными показателями его деятельности.

Экспериментальную базу работы составили результаты исследования студентов очного отделения юридического института им. Ю. П. Новицкого Костромского государственного университета, обучающихся на третьем курсе по направлению подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат), и проходящие обучение в юридической клинике Костромского государственного университета.

Обучение в юридической клинике Костромского государственного университета проводилось в течение 6 месяцев, с перерывом на каникулы на 1 месяц (2021–2022 гг.).

В первом цикле обучения в исследовании приняли участие 18 студентов, во втором – 17 студентов. Персональный состав студентов не изменялся, за исключением студента, который покинул группу после первого цикла обучения. Студенты по половому признаку не делились.

Методологическую базу исследования составили такие методы и методики как: тестирование (психодиагностическая методика), в данном случае выбран «Тест цветовой ассоциации» (автор методики Е. А. Пырьев); метод параметрической статистики – критерий корреляции Пирсона; наблюдение; эксперимент.

Исследование было проведено в два этапа (каждый цикл обучения составил 3 месяца).

В первом цикле обучения автором курсовой работы умышленно искусственно для студентов создавались условия работы, вызывающие преимущественно отрицательные эмоции.

Во втором цикле обучения автором курсовой работы умышленно для студентов искусственно создавались условия работы, вызывающие преимущественно положительные эмоции.

После окончания каждого цикла обучения студентам предложено пройти «Тест цветовой ассоциации» и по окончании обучения произведено сравнение полученных показателей.

После окончания первого цикла обучения проведено исследование с использованием метода параметрической статистики – критерия корреляции Пирсона.

На протяжении всего эксперимента автором работы производилось наблюдение и фиксация субъективных и объективных показателей.

Первый цикл обучения. В первом цикле обучения автором курсовой работы умышленно искусственно для студентов создавались условия работы, вызывающие преимущественно отрицательные эмоции.

Так, для студентов был установлен жесткий контроль посещаемости, контроль за своевременным прибытием на рабочее место и за соблюдением времени окончания работы в консультации. О каждом факте опоздания и не прибытия на занятия, незамедлительно сообщалось в дирекцию института, что влекло за собой беседу с руководством института, и написание студентом объяснения.

Строго контролировалось поведение студентов во время занятий, запрещалось общение между собой, использование каких-либо гаджетов, употребление в пищу продуктов питания.

Был установлен публичный контроль за общением студента с клиентом. Клиенты заходили по одному в кабинет, преподавателем произвольно выбирался студент, который должен был без подготовки, публично, под наблюдением преподавателя и других студентов, осуществлять прием клиента в режиме реального времени и его консультирование по юридическим вопросам.

После окончания такой консультации клиент опрашивался на предмет того, что ему понравилось, а что не понравилось при общении со студентом – консультантом. По удалению клиента из кабинета преподаватель и другие студенты публично критиковали поведение такого студента при работе с клиентом.

Кроме того, преподавателем произвольно выбирался студент, которому поручалось в режиме «здесь и сейчас» подготовить письменный процессуальный или не процессуальный документ юридического характера для прибывше-

го клиента. При этом помощь иных студентов или преподавателя не оказывалась, последними, уже после выполнения студентом задания, подготовленные документы, подвергались публичной критике.

Автором работы умышленно студентам поручались письменные домашние задания (фактически предоставлялся пакет письменных документов клиента) по подготовке документов юридического характера без надлежащего разъяснения порядка подготовки, требований и сущности таких документов, тем самым искусственно создавалась стрессовая ситуация, которую студент должен был разрешить самостоятельно. После выполнения домашнего задания вся работа студента также подвергалась публичному обсуждению и критике со стороны коллег и преподавателя.

Умышленно автор работы на системной основе поручал самую тяжелую работу одним и тем же студентам, в то время как часть студентов вообще оставались без заданий.

Преподаватель, общался со студентами «сухо», не шутил, не разряжал напряженную обстановку, на вопросы отвечал односложно, без инициативы, примеры из практики не приводил, в основном опрашивал студентов по дисциплине и подвергал критике любое их действие.

Необходимость искусственного создания для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», обозначенных стрессовых ситуаций, по мнению автора работы, формирует такие профессиональные компетенции как: эмоционально-волевая устойчивость; овладение системой коммуникативных навыков и умений; умение владеть собой в психологически напряженных, конфликтных и провоцирующих ситуациях; умение сохранять профессиональную бдительность, настороженность и внимание к риску, опасности, неожиданностям; умение рационально организовать свой труд; умение работать в условиях многозадачности и др.

Обозначенные компетенции важны для выпускника юридического института в случае продолжения им своей трудовой деятельности в правоохранительных органах, где требуется не просто качественное решение служебных задач юридической направленности в ограниченный временной промежуток, но и умение работать в условиях систематических повышенных психоэмоциональных нагрузок.

К концу первого цикла обучения был проведен первый эксперимент. Студентам предложено анонимно пройти «Тест цветовой ассоциации», в основу которого положена цветовая ассоциация студентов в адрес учебно-профессиональной деятельности. Тестирование было пройдено всеми членами группы (всего 18 человек).

Проанализировав полученные данные, можно констатировать, что доля положительных эмоций составляет – 283,25 (47,2 %) процентных данных, а доля отрицательных – 316,35 (52,7 %), что на 5,5 % больше, чем доля положительных эмоций.

Обобщенные показатели эмоций, переживаемых студентами в адрес различных сторон учебно-профессиональной деятельности, выглядят следующим образом: на первом месте – интерес (205,45 процентных данных); на втором

месте – страх (149,85 процентных данных); на третьем месте – удовлетворение и гнев одновременно (72,25 процентных данных); четвертое – беспокойство и печаль (44,4 процентных данных); на пятом – удовлетворение и радость (5,55 процентных данных).

Изложенное позволяет заключить, что преобладающим настроением в искусственно созданных для студентов в ходе эксперимента условиях работы, вызывающих преимущественно отрицательные эмоции, преобладающими эмоциями являются все же эмоции отрицательные.

Анализ показателей по каждой переменной показал, что доминирующей эмоцией является «интерес», второй по значимости эмоцией – «страх».

Кроме того, следует выделить следующие ключевые моменты.

В частности, эмоция «интерес» доминирует над всеми остальными эмоциями в части учебы в вузе, а также в части профессии, на которую учатся студенты (по 72,2 % доля каждой из эмоций в общем объеме рассматриваемых в ходе эксперимента эмоций).

Таким образом, нельзя констатировать, что преобладание отрицательных эмоций в группе связано с не правильным выбором учебного заведения или профессии. Как раз наоборот студентам нравится учиться и нравится будущая профессия, она вызывает у них интерес.

Несмотря на общеположительные эмоции, которые вызывает у студентов учеба в целом и профессия, на которую они учатся, следует констатировать, что при обучении в юридической клинике доминирует эмоция: страх (33,3 %), беспокойство (16,65 %) и гнев (16,65 %). Интерес и удовлетворение от обучения в юридической клинике испытывают только 22,2 % обучающихся, что меньше четверти от общего числа таких студентов.

При этом наибольший страх вызывает устное консультирование студентами клиентов (44,4 %) и подготовка письменных процессуальных и не процессуальных документов (38,85 %).

Такая эмоция как «гнев» доминирует при подготовке письменных процессуальных и не процессуальных документов (22,2 %) и при письменном консультировании клиентов (22,2 %).

Беспокойство у студентов вызывает в целом обучение в юридической клинике (16,65 %) и письменное консультирование клиентов (16,65 %).

Печаль у студентов в большей степени возникает при подготовке письменных процессуальных и не процессуальных документов (16,65 %).

Интерес тоже присутствует, но его доля по сравнению с иными эмоциями крайне низкая: устное консультирование клиентов – 22,2 %; письменное консультирование клиентов – 11,1 %; подготовка письменных процессуальных и не процессуальных документов – 16,65 %.

Примечательно, что обучение в юридической клинике никого из студентов не оставляет равнодушным (безразличным). Но при прохождении обучения в заданных искусственных условиях (первый цикл обучения) все же преобладают отрицательные эмоции.

Второй цикл обучения в юридической клинике знаменует тем обстоятельством, что автором курсовой работы умышленно для студентов искусст-

венно создавались условия работы, вызывающие преимущественно положительные эмоции.

Все те негативные факторы, которые были перечислены выше в настоящей работе, преподавателем были устранены.

К концу второго цикла обучения студентам было предложено повторно анонимно пройти «Тест цветовой ассоциации». Тестирование было пройдено всеми оставшимися членами группы, а именно 17 студентами. Персональный состав группы не изменялся.

Проанализировав полученные данные, можно констатировать, что доля положительных эмоций составляет – 576,24 (96,07 %) процентных данных, а доля отрицательных – 23,52 (3,9 %).

Обобщенные показатели эмоций, переживаемых студентами в адрес различных сторон учебно-профессиональной деятельности, выглядят следующим образом: на первом месте – интерес (399,84 процентных данных); на втором месте – удовлетворение (170,52 процентных данных); на третьем месте – страх (17,64 процентных данных); четвертое – радость и беспокойство одновременно (5,88 процентных данных).

Изложенное позволяет заключить, что преобладающим настроением в искусственно созданных для студентов в ходе эксперимента условиях работы, вызывающих преимущественно положительные эмоции, преобладающими эмоциями являются именно положительные эмоции.

Анализ показателей по каждой переменной показал, что доминирующей эмоцией является «интерес», второй по значимости эмоцией – «удовлетворение».

Кроме того, следует выделить следующие ключевые моменты.

В частности, эмоция «интерес» продолжает доминировать над всеми остальными эмоциями в части учебы в вузе, а также в части профессии, на которую учатся студенты (по 82,32 % доли каждой из эмоций в общем объеме рассматриваемых в ходе эксперимента эмоций).

Следует констатировать, что изменились показатели в части эмоций по отношению к обучению в юридической клинике. Так, во втором цикле обучения доминирующими по отношению к обучению в юридической клинике стали такие эмоции как «интерес» (76,44 %) и «удовлетворение» (23,52 %).

Ранее существовавшие эмоции в виде «страха», «беспокойства», «гнева» не фиксировались.

Снизился уровень страха по отношению к устному консультированию студентами клиентов (с 44,4 % в первом цикле обучения до 5,88 % во втором), и по отношению к подготовке письменных процессуальных и не процессуальных документов (с 38,85 % в первом цикле обучения до 11,76 % во втором).

Такие эмоции как «гнев» и «печаль» во втором цикле обучения не зафиксированы.

Однако, для 5,88 % студентов письменное консультирование продолжало вызывать беспокойство.

Вырос «интерес» не только к обучению в юридической клинике, но и ко всем видам работ в такой клинике, что ранее не наблюдалось: устное консуль-

тирование клиентов – с 22,2 % до 64,68 %; письменное консультирование клиентов – 11,1 % до 52,92 %; подготовка письменных процессуальных и не процессуальных документов – с 16,65 % до 41,16 %.

Повторно отмечается, что обучение в юридической клинике никого из студентов не оставляет равнодушным (безразличным).

Вывод: Умышленное искусственное создание для студентов условий работы, вызывающие преимущественно отрицательные или положительные эмоции, влияет на общее настроение учебной группы и на качественные характеристики эмоций, т. е. можно говорить о ситуативном характере отрицательных эмоций.

В рамках второй части эксперимента произведен *расчет эффективности побудительных действий эмоций*.

Побудительные действия эмоций, проявившиеся в процессе отношения, находят предметное воплощение в объективных и субъективных показателях деятельности студентов.

В качестве объективных показателей влияния эмоций на учебно-профессиональную деятельность студентов выступают: общая академическая успеваемость, баллы успеваемости по дисциплине «Юридическая клиника».

Установление корреляции между эмоциями, переживаемыми студентом в адрес учебно-профессиональной деятельности и объективными показателями деятельности свидетельствует о побудительных возможностях эмоций.

Побудительные возможности эмоций были проверены с помощью расчета коэффициента линейной корреляции Пирсона. Особенностью расчетов по данному коэффициенту является соотношение переменных, где увеличение показателей по одной переменной приводит к увеличению показателей по другой. Данная математическая зависимость отвечает условиям эксперимента.

Важно было проследить соотношение следующих переменных: *зависимость между активными отрицательными эмоциями и субъективными и объективными показателями академической успеваемости учебно-профессиональной деятельности студентов вуза.*

Расчетные данные эксперимента проводились только по двум блокам независимых переменных: «эмоциональное отношение студентов к профессии, на которую учатся» и «эмоциональное отношение к обучению в юридической клинике».

Обе переменные, для удобства расчетов, переведены в числовую форму. Также в числовую форму были переведены зависимые переменные, т. е. субъективные и объективные показатели эффективности учебно-профессиональной деятельности студентов. Выборка в эксперименте составила 18 респондентов (n = 18). Деление по половому признаку не производилось.

Исследования по данной методике производилось в последних числах первого цикла обучения, когда было зафиксировано в группе студентов доминирование отрицательных эмоций над положительными.

На первом этапе расчетов независимая переменная «эмоциональное отношение студентов к профессии, на которую учатся» соотносилась с несколькими зависимыми переменными: «общая академическая успеваемость», «время,

затрачиваемое студентом на выполнение заданий», «усилия в учебной деятельности», «правильность выбора профессии», «готовность осваивать профессию».

Если независимая переменная представлена среднеарифметическим баллом по итогам последней сессии, то все зависимые переменные оценивались по десятибальной шкале «1» до «10». Максимальный балл обозначал рост усилий, удовлетворенности и значимости переменной для студента.

Данные коэффициента корреляции Пирсона по переменным «эмоциональное отношение студентов к профессии, на которую учатся» и «показатели успешности учебно-профессиональной деятельности» учтены. Расчет коэффициента корреляции между переменными «эмоциональное отношение студентов к профессии, на которую учатся» и «общая академическая успеваемость» составил – 0,278, что свидетельствует о линейной зависимости переменных.

Другие числа выше и располагаются в зоне высокозначимых показателей.

Например, линейная корреляция с независимой переменной «по времени, затрачиваемому студентами на выполнение задания» – 0,413; «по усилиям в учебной деятельности» – 0,601; «по осознанию правильности выбора профессии» – 0,619; «по готовности осваивать профессию» – 0,714.

Все перечисленные показатели коэффициента линейной корреляции Пирсона, кроме первого, располагаются в зоне 99 % значимости, т. е. данная связь между независимой и зависимыми переменными не является случайной.

Расчет коэффициента линейной корреляции Пирсона свидетельствует о том, что эмоции действительно могут оказывать влияние на результативность деятельности и, в частности, на результативность деятельности студентов вуза.

При переживании активных эмоций в адрес своей будущей профессии студенты много сил тратят на ее освоение.

Время, затрачиваемое студентом на подготовку к занятиям, тесно связано с переживанием эмоций в адрес профессии по диплому. Коэффициент корреляции составил – 0,413. Переживание эмоций радости, интереса и злости приводит к увеличению времени на подготовку к учебным занятиям.

На втором этапе расчетов переменная «эмоциональное отношение обучению в юридической клинике» соотносилась с переменными: «академическая успеваемость по дисциплине «Юридическая клиника» (среднеарифметический балл), «время, затрачиваемое студентом на подготовку к занятиям», «усилия в учебной деятельности», «удовлетворенность учебой», «значение учебы».

Данные коэффициента корреляции Пирсона по переменным «эмоциональное отношение обучению в юридической клинике» и «субъективные и объективные показатели успешности учебной деятельности» учтены. Субъективными показателями эффективности учебно-профессиональной деятельности студентов выступили: «удовлетворенность учебой в вузе», «значение учебы» для студента.

В условиях активных эмоций в адрес учебы растет удовлетворенность в ее адрес (0,586) и значение учебы для студента (0,571), соответственно растет время, затрачиваемое студентами на подготовку к занятиям (0,501).

Вывод: под влиянием активных эмоций увеличиваются усилия, которые студент прилагает к освоению учебно-профессиональной деятельности.

Таким образом, можно заключить, что присутствует зависимость между активными отрицательными эмоциями и субъективными и объективными показателями академической успеваемости учебно-профессиональной деятельности студентов вуза. Установление в ходе расчетов корреляции между эмоциями, переживаемыми студентом в адрес учебно-профессиональной деятельности и объективными показателями деятельности, свидетельствует о побудительных возможностях эмоций.

Однако, данные выводы сделаны на основании исследований, когда воздействие отрицательных эмоций на студентов было кратковременным, что позволяет констатировать о побудительных возможностях отрицательных эмоций при кратковременном их воздействии.

Кроме того, в ходе каждого из циклов обучения в юридической клинике автором курсовой работы применялся такой исследовательский метод как *метод наблюдения*.

Автор исследования, он же преподаватель в юридической клинике, целенаправленно и организовано воспринимал и регистрировал поведение студентов. Регистрация поведения осуществлялась в несистематизированных (сплошных) протоколах наблюдения. Использование несистематизированных (сплошных) протоколов наблюдения вызвано тем, что заранее выделить интересующие единицы наблюдения было затруднительно. Таким образом, велась сплошная запись всего поведения наблюдаемых, которое проявлялось в течение сессий наблюдения.

Обобщив полученные в ходе наблюдения данные можно констатировать, что при прохождении студентами первого цикла обучения, а именно при искусственном умышленном создании в группе студентов условий труда, вызывающих преимущественно отрицательные эмоции:

1. Характерные состояния студентов в ходе занятий: сосредоточенность, напряженность, закомплексованность.

2. Отмечается безынициативность – отсутствовала инициатива на выполнение задания, каждый из студентов пытался избежать заданий и поручений;

3. Имели место единичные факты агрессии при повторном поручении одному и тому же студенту в течение нескольких занятий подряд выполнение заданий, тогда как остальные студенты к работе не привлеклись;

4. Зафиксирован высокий уровень дисциплины при соблюдении сроков, установленных преподавателем, для выполнения письменных заданий. Не отмечалось фактов нарушения сроков предоставления преподавателю проектов письменных документов для проверки.

5. Фиксировался высокий уровень качества выполняемой работы. Студенты более ответственно подходили к выполнению заданий, обрабатывали различные источники учебной информации, активно изучали судебную практику при подготовке письменных документов как процессуального, так и не про-

цессуального характера. Оформление проектов документов отвечало предъявляемым требованиям.

6. Был отмечен высокий уровень дисциплины при соблюдении графика работы консультации и при общей посещаемости занятий (но только первые 2 месяца).

7. Однако через 2 месяца работы на «пределе» возможностей, отмечен спад учебной активности. Участились случаи пропуска занятий без уважительных причин. Отмечен единичный факт присутствия на занятии только 2 студентов. Эмоциональное напряжение возрастало, качество подготавливаемых документов стало ухудшаться.

8. Один из студентов по своей инициативе перевелся в другую группу, под руководством другого преподавателя. Таким образом, в исследуемой группе осталось 17 человек.

В ходе наблюдения при прохождении студентами второго цикла обучения, а именно при искусственном умышленном создании в группе студентов условий труда, вызывающих преимущественно положительные эмоции, автором настоящего исследования были зафиксированы следующие результаты (в отношении уже 17 студентов, а не 18 как в начале эксперимента):

1. Характерные состояния студентов в ходе занятий: спокойствие, интерес, открытость;

2. Появилась инициатива. Отдельные студенты стали просить поручить именно им выполнение заданий по наиболее интересным клиническим случаям клиентов;

3. Отмечено появление у студентов желания обсуждать сложные клинические случаи и работать в команде;

4. Однако зафиксирован невысокий уровень дисциплины при соблюдении сроков, установленных преподавателем, для выполнения письменных заданий. Отмечались факты нарушения сроков предоставления преподавателю проектов письменных документов для проверки.

5. Фиксировался нормальный уровень качества выполняемой работы. Студенты менее ответственно подходили к выполнению заданий. Меньше стали использовать источники учебной информации, не так активно изучали судебную практику при подготовке письменных документов, как процессуального, так и не процессуального характера.

6. Оформление проектов документов не всегда отвечало предъявляемым требованиям, увеличилось число документов, сделанных «на скорую руку», вместе с тем, качество документов в целом оставалось на нормальном уровне;

7. Отмечен нормальный уровень дисциплины как при соблюдении графика работы консультации, так и при общей посещаемости занятий.

8. Следует отметить, что все три месяца работы в обозначенных условиях прошли без «скачков» учебной активности. Для данного учебного цикла характерен одинаковый уровень активности студентов на протяжении всего временного интервала.

9. На момент окончания второго цикла обучения группа сохранила свой персональный и количественный состав.

Вывод: Изложенное позволяет констатировать, что ранее заявленная нами гипотеза нашла свое подтверждение: сильные отрицательные эмоции обеспечивают кратковременную эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов, при длительном воздействии отрицательные эмоции являются демотивационными и не обеспечивают эффективность учебно-профессиональной деятельности студентов. В нашем эксперименте воздействие в течение двух месяцев отрицательных эмоций привело к уходу одного из студентов из учебной группы в другую группу под руководством другого преподавателя.

Полагаемым необходимым заключить, что эмоциональная составляющая включена в учебную деятельность не в качестве сопровождающего, а в качестве значимого элемента, который влияет как на результаты учебной деятельности, так и на формирование личностных структур, связанных с самооценкой, уровнем притязаний, персонализацией и другими показателями. Поэтому правильное соотношение эмоциональных и познавательных процессов в обучении приобретает особую значимость. Недооценка эмоциональных компонентов приводит к большому количеству затруднений и ошибок в организации процесса обучения. Эмоциональные факторы важны не только на начальных этапах обучения учащихся. Они сохраняют функцию регуляторов учебной деятельности и на последующих ступенях обучения.

Отрицательные эмоции в большей степени выступают сигналами, которые позволяют обучающимся уделять больше внимания событиям, создающие их. В отличие от некоторых эмоций, они не всегда приятны для восприятия, но, как и большинство эмоций, они могут быть весьма полезны.

Однако, польза отрицательных эмоций заканчивается там, где нарушается баланс и периодичность таких эмоций. Чрезмерное и регулярное присутствие отрицательных эмоций может привести к отрицательным показателям научно-профессиональной деятельности студента, повлечь не только дезорганизацию его работы, но и полный отказ студента от прохождения дальнейшего обучения.

Можно сделать вывод о полезности «отрицательных» эмоций умеренной интенсивности. При специально созданных условиях отрицательные эмоции можно использовать как ресурс для самопознания, самопонимания и развития осознанности.

Результаты настоящего эмпирического исследования возможно использовать для разработки новых форм и методик практического обучения будущих юристов, что позволит повысить уровень развития их профессиональных компетенций. Кроме того, полученные данные могут быть включены в методики профилактики синдрома эмоционального выгорания у студентов, а также могут быть использованы при индивидуальной терапии студентов с подобным запросом.

В заключение стоит отметить, что научная работа над исследуемым вопросом не окончена, и требует изучения в других смежных с ней эмпирических исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Герасимова А. Ю. Снижение тревожности студентов в процессе обучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-trevozhnosti-studentov-v-protsesse-obucheniya> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Изард К. Е. Эмоции человека. СПб. : Питер, 1999. 464 с.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 783 с.
4. Липер Р. У. Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. СПб. : Питер, 2007. С. 210–224.
5. Лыдкова Г. М. Психические состояния студентов в усложненных условиях учебной деятельности // Концепт. 2013. № 1. С. 19–29.
6. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М. : Эксмо, 2018. 960 с.
7. Немов Р. С. Общая психология. В 3 т. Т. 1. Введение в психологию : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. 726 с.
8. Никулина И. В. Психологические особенности студенческого возраста Самара : Универс групп, 2009. 100 с.
9. Осташова В. А. Положительное и отрицательное влияние негативных эмоций на процесс обучения // Студенческий гуманитарный вестник : сб. материалов по итогам науч.-исслед. работы студентов за 2018 г. / [редкол.: С. В. Дрожжина (гл. ред) и др.] ; М-во образования и науки Донец. Народ. Респ., Гос. орг. высш. проф. образования «Донец. нац. ун-т экономики и торговли им. М. Туган-Барановского». Донецк : ДонНУЭТ, 2019. Вып. 12. С. 96–99.
10. Прохоров А. О. Взаимодействие психических состояний и когнитивных процессов субъекта (на примере учебной деятельности студентов) // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 2. С. 33–44.
11. Пырьев Е. А. Мотивационная функция эмоций в «теории связей» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. № 177. С. 35–42.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М. : Просвещение, 1946. 702 с.
13. Чебыкин А. Я. Об эмоциях, детерминирующих познавательную активность // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 4. С. 135–141.
14. Шадриков В. Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. М. : Логос, 2016. 153 с.
15. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации. М. : Институт практической психологии, 1998. 197 с.

Пантелеева Юлия Александровна

магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
yuliya.komarova.77@list.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

**Актуальные проблемы правового регулирования,
связанные с презумпцией согласия на изъятие органов
и (или) тканей человека при трансплантации
в Российской Федерации**

В работе рассмотрен вопрос о действующей в Российской Федерации презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека. В связи со спецификой трансплантационных правоотношений, на практике применение данной презумпции вызывает ряд сложностей. В рамках настоящей статьи автором анализируется проблема механизма реализации и формы волеизъявления при несогласии с посмертным донорством в условиях презумпции согласия. Предлагаются возможные пути решения выявленных проблем в действующую систему нормативных правовых актов.

***Ключевые слова:** трансплантация, презумпция согласия, изъятие органов и (или) тканей человека, посмертное донорство.*

Panteleeva Yulia Alexandrovna

postgraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna

candidate of pedagogical sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Actual problems of legal regulation related to the presumption
of consent to the removal of human organs and (or) tissues
during transplantation in the Russian Federation**

The paper considers the issue of the presumption of consent to the removal of human organs and (or) tissues in the Russian Federation. Due to the specifics of transplantation legal relations, in practice the application of this presumption causes a number of difficulties. Within the framework of this article, the author analyzes the problem of the mechanism of implementation and the form of expression of will in case of disagreement with posthumous donation under the presumption of con-

sent. Possible ways of solving the identified problems in the current system of regulatory legal acts are proposed.

Keywords: *transplantation, presumption of consent, removal of human organs and (or) tissues, posthumous donation.*

Статья 7 Конституции Российской Федерации гласит, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, также в Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей [1]. Соответственно, реализация задач государственного управления в социальной сфере остается неотъемлемой прерогативой государства, в том числе и в сфере повышения доступности высокотехнологических медицинских услуг.

Под оказанием высокотехнологичных медицинских услуг в настоящее время понимают помощь, которая выполняется высококвалифицированными медицинскими работниками с использованием сложных и уникальных медицинских технологий [5]. К высокотехнологичным медицинским услугам относится, в частности, трансплантация органов и (или) тканей, способствующая поддержанию и укреплению здоровья, а также направлена на спасение и prolongation жизни человека

В современном мире вопросы правового регулирования по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи методом трансплантации органов и (или) тканей являются относительно новыми, в связи с чем, данная сфера вызывает обширные дискуссии в цивилистической доктрине.

По нашему мнению, центральное место среди проблемных вопросов, имеющих место в правовом регулировании трансплантации органов и (или) тканей, занимает действующая в законодательстве России презумпция согласия на изъятия органов и (или) тканей человека. Целесообразно отметить, что презумпция согласия существует и действует в большинстве стран Европы, в то время как презумпция испрошенного согласия (презумпция несогласия) характерна для Соединенных Штатов Америки [6].

Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей находит свое отражение в статье 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: согласие презюмируется императивным образом, однако исчерпывающим образом закреплены исключения [2]. Исключениями являются прижизненный отказ от трансплантации совершеннолетнего дееспособного лица либо его близких родственников, а также, если в случае смерти несовершеннолетнего или недееспособного лица отсутствует согласие на трансплантацию одного из родителей.

Несмотря на наличие законодательного разрешения о добровольном отказе от трансплантации, на практике это осложняется формой выражения такого отказа. Конституционный Суд Российской Федерации указывал на то, что «...законодательство не препятствует зафиксировать в той или иной форме (нотариально) и довести до сведения медицинской организации свой отказ», но конкретных, специальных требований к форме в законодательстве в настоящее время не предусмотрено [4].

В части 6 статьи 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано положение о том, что совершенно-

летний дееспособный гражданин может выразить свое волеизъявление о несогласии с посмертным изъятием органов (тканей) в устной форме в присутствии свидетелей, а также в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально [3]. Аналогичная процедура предусмотрена и для близких родственников. Исходя из части 9 рассматриваемой статьи, информация о наличии волеизъявления фиксируется в медицинской документации пациента. Однако, в каком порядке, в какие сроки должна быть осуществлена фиксация в медицинской документации не установлено. В случае если несогласие с посмертным изъятием органов (тканей) было оформленное в установленном порядке, но на момент процедуры трансплантации медицинская организация не была поставлена в известность о наличии такого волеизъявления лица, то оно законно игнорируется. Также, целесообразно отметить, что в Российской Федерации отсутствует официальный реестр или банк данных о лицах, которые приняли решение о несогласии с трансплантацией органов и (или) тканей после смерти.

Таким образом, в России законодателем избрана презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей, но механизм реализации остался не проработанным. На наш взгляд, данный пробел в законодательстве требует следующих решений.

Во-первых, в условиях цифровизации уместно рассматривать электронный единый реестр лиц, выразивших свое волеизъявление относительно посмертного изъятия органов и (или) тканей. Такой реестр позволил бы в случае необходимости медицинскому учреждению незамедлительно выяснить имеется ли отказ умершего от трансплантации его органов (тканей). Также его эффективность заключается в удобстве и скорости внесения сведений о пациенте и его волеизъявлении.

Во-вторых, механизм реализации, и в частности, форму выражения волеизъявления лица относительно изъятия органов и (или) тканей необходимо закрепить в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», дополнив его статьей 8.1 следующего содержания: «Совершеннолетний дееспособный гражданин может выразить свое согласие либо несогласие на изъятие органов и (или) тканей в целях трансплантации. Волеизъявление оформляется по заявлению указанного лица в установленной письменной форме в медицинской организации по месту жительства в присутствии двух свидетелей и заверяется медицинским работником организации. Медицинская организация обязана передать данные в Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий ведение Реестра волеизъявлений граждан, в течение 30 календарных дней».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

2. О трансплантации органов и (или) тканей человека : Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) // Официальный интернет-портал пра-

вовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. 01.09.2022) : принят Государственной Думой 01 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 09 ноября 2011 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» : Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О // Конституционный Суд Российской Федерации. Раздел «Решения КС РФ». URL: <https://ksrf.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Набережная И. Б., Перхов В. И. Оценка информированности врачей поликлиник по вопросам оказания высокотехнологичной медицинской помощи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-informirovannosti-vrachey-poliklinik-po-voprosam-okazaniya-vysokotehnologichnoy-meditsinskoj-pomoschi> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Пинчук А. В., Мухаметова М. С. Реформирование организационно-правовой составляющей системы донорства и трансплантации США с целью повышения ее эффективности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-organizatsionno-pravovoy-sostavlyayuschey-sistemy-donorstva-i-transplantatsii-ssha-s-tselyu-povysheniya-ee> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 343.163

Пендюр Марина Сергеевна

студент, Дальневосточный юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
marina.pendyur@yandex.ru

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель, Дальневосточный юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
avd.anastasya93@mail.ru

**Защита прокурором прав несовершеннолетних
в рамках участия в гражданском судопроизводстве**

Статья посвящена особенностям защиты прокурором прав несовершеннолетних в рамках участия в гражданском судопроизводстве. Авторами проводится анализ норм гражданско-процессуального, семейного законодательства, раскрываются проблемы

участия прокурора в судебном заседании в отношении детей, исследуются статистические данные, иски прокуроров в отношении различных категорий несовершеннолетних, предлагаются пути решения.

***Ключевые слова:** прокурор, защита прав и законных интересов несовершеннолетних, иски прокуроров, нарушение прав.*

Pendyur Marina Sergeevna

student, Far Eastern law institute (branch)

University of the prosecutor's office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior Lecturer, Far Eastern law institute (branch)

University of the prosecutor's office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Protection by the prosecutor of the rights of minors in the framework of participation in civil proceedings

The article is devoted to the peculiarities of the prosecutor's protection of the rights of minors in the framework of participation in civil proceedings. The authors analyze the norms of civil procedure and family law, reveal the problems of the prosecutor's participation in the court session in relation to children, investigate statistical data, prosecutors' claims against various categories of minors, and propose solutions.

***Keywords:** prosecutor, protection of the rights and legitimate interests of minors, lawsuits of prosecutors, violation of rights.*

Несовершеннолетние остро нуждаются в защите своих прав и законных интересов, которые гарантируются Конституцией Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами. На сегодняшний день, в условиях экономического кризиса и, как следствие, повышения уровня социальной напряженности в обществе, защита прокурором прав граждан в целом, а детей в частности – находятся в центре внимания. Гарантия защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, материнства, семьи, и детства относится по праву к числу важнейших задач любого правового государства. Беззащитность ребенка – более чем очевидна. В Российской Федерации ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) [3].

Кроме того, механизмы защиты прав детей дают возможность сделать выводы об общем уровне развития гражданского общества, о его нравственном облике.

В известной мере, в соответствии с действующим законодательством, обязанность по защите нарушенных прав и законных интересов детей возложена, в том числе, на органы прокуратуры Российской Федерации. В силу очевидных обстоятельств, круг указанных вопросов отнесен к приоритетным направлениям работы прокуратуры и находится на постоянном контроле.

Законодателем предусмотрен обширный перечень правовых актов различного уровня, которые в своей совокупности позволяют своевременно и эф-

эффективно реагировать на нарушения прав несовершеннолетних. В данном правозащитном процессе, органам прокуратуры отведена особая, ведущая роль.

В соответствии с действующим законодательством, прокурор наделен серьезными полномочиями, позволяющими эффективно реализовывать свою правозащитную функцию в указанной сфере.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ до 2015 года в стране наблюдалась тенденция роста общего количества нарушений законов о правах и интересах несовершеннолетних. Однако благодаря серьезной работе всего государственного аппарата, в том числе прокуратуры – на сегодняшний день можно говорить о снижении количества нарушений в рассматриваемой сфере. Так, прокурорами за 2021 год пресечено 758 899 нарушений законодательства, опротестовано 66 130 незаконных правовых актов, в суды направлено 93 117 исков и заявлений, внесено 205 915 актов прокурорского реагирования, по которым 200 973 лица привлечены к дисциплинарной и административной ответственности, возбуждено 2 521 уголовных дел [6].

Присутствие в судебном заседании прокурора является гарантией вынесения судом справедливого и основанного на законе решения, которое будет соответствовать, в первую очередь, интересам несовершеннолетнего.

Наиболее эффективной формой защиты прав детей, по нашему мнению, является судебная защита в порядке гражданского судопроизводства, это подтверждается в статистике Генеральной прокуратуры РФ. Так, по результатам работы за 2021 год в защиту прав несовершеннолетних прокурорами было предъявлено в суды 93 117 исков [6].

Среди наиболее типичных нарушений, требующих обращения прокурора в суд с заявлением, можно указать нарушения законодательства о социальной поддержке несовершеннолетних, многодетных и малообеспеченных семей, нарушение прав и законных интересов детей-сирот. В свою очередь, наиболее типичными по содержанию являются заявления о взыскании в пользу матерей соответствующего «материнского капитала», задолженностей по выплатам пособий, различного рода компенсаций, дела об усыновлении, лишении (ограничении) родительских прав, о защите жилищных прав несовершеннолетних. Наиболее сложными, являются правовые ситуации, в которых субъектом, нарушающим права ребенка, является как раз лицо, которое должно проявлять наибольшую заботу о нем, например – родители.

Вызывают недоумение ситуации, когда в исковом заявлении в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, указывается прокурор. В различных субъектах Российской Федерации по этому вопросу на сегодняшний день отсутствует единообразие в судебной практике.

Таким образом, исходя из норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и судебной практики, самым правильным исходом данной ситуации будет принятие судом искового заявления, и в последующем, на стадии подготовки дела к судебному заседанию, определение состава лиц, участвующих в деле.

Актуальным на сегодняшний день, в рамках защиты прав несовершеннолетних, является вопрос о том, имеет ли прокурор право участвовать в процессе, если участие прокурора по данной категории дел прямо не предусмотрено федеральным законом или иным нормативно-правовым актом, но требуется по ряду обстоятельств, для защиты прав ребенка.

Общая норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, гласит: неявка прокурора, извещенного о месте и времени судебного разбирательства, не препятствует рассмотрению дела. Указание на случаи участия прокурора по некоторым категориям дел содержится в ряде норм Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). При этом прокурор должен использовать по каждой из этих категорий дел конкретную форму участия. Так, прокурор может инициировать процесс о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ) или об ограничении в родительских правах (п. 3 ст. 73 СК РФ), отмене усыновления (ст. 142 СК РФ), а также о защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По таким по таким категориям дел, как о восстановлении в родительских правах (п. 2 ст. 72 СК РФ) и об отмене усыновления (п. 2 ст. 140 СК РФ) прокурор вступает в начатый процесс для дачи заключения по делу. Нам представляется, что категории дел, рассмотрение которых, согласно нормам СК РФ, осуществляется с обязательным участием прокурора, без его участия рассматриваться не должны.

Актуальным направлением прокурорской деятельности является защита жилищных прав несовершеннолетних. Вещные права ребенка, возникающие в связи с пользованием жильем, являющимся собственностью родителей (усыновителей), является одной из актуальных проблем права. Классификация жилищных прав несовершеннолетних может осуществляться по следующим критериям:

- 1) возраст несовершеннолетних, т. е. лиц в возрасте от 14 до 18 лет;
- 2) социальные факторы (состав семьи – сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей) [1, с. 134–135].

Природа дел о защите жилищных прав проистекает из конституционного права граждан на жилище, закрепленного в ч.1 статьи 40 Конституции РФ.

Согласно п. 2.1.8 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» прокурорам необходимо обеспечить действенный надзор за соблюдением жилищных, иных имущественных прав несовершеннолетних, обращая внимание на обеспечение особого режима сделок с имуществом, принадлежащим несовершеннолетнему, в том числе с жильем.

Как правило, наибольшее количество нарушения прав в сфере обеспечения жильем выявляется либо в ходе прокурорских проверок, либо в результате обращения в органы прокуратуры представителей потерпевших.

Особо массовый характер в соотношении с общим числом нарушений прав, носят противоправные действия в отношении детей-сирот. Зачастую, полагая, что такая категория детей защищается меньше всего, правонарушителя

допускаются не только со стороны законных представителей или третьих лиц, но и со стороны органов исполнительной власти, местных администраций.

В отношении организаций для детей-сирот прокуроры наиболее часто обращаются с исками, которые содержат требования:

- об обеспечении воспитанников необходимым количеством обуви и одежды;
- об обеспечении воспитанников предметами личной гигиены и инвентарем;
- о производстве капитального ремонта помещений организации;
- об устранении нарушений санитарно-эпидемиологического законодательства;
- об устранении нарушений противопожарных норм;
- о создании безопасных условий пребывания в организации (об устранении нарушений антитеррористических требований).

Наиболее активно прокурорами используется полномочие по защите прав детей-сирот и лиц из их числа, состоящих на специальном учете как нуждающихся в жилых помещениях, путем обращения в суд в их интересах с соответствующими исками о понуждении органов местного самоуправления предоставить таким гражданам жилые помещения специализированного жилого фонда.

К наиболее незащищенной категории несовершеннолетних относятся дети-инвалиды. К искам прокуроров, направленных на защиту прав детей-инвалидов, можно отнести следующие:

- об обязанности органов управления здравоохранением субъектов РФ обеспечить детей-инвалидов лекарственными препаратами;
- об обязанности территориального органа Фонда обязательного медицинского страхования предоставить путевку на санаторно-курортное лечение;
- о понуждении обеспечить ребенка-инвалида техническими средствами реабилитации (в том числе подъемниками для перемещения человека, оборудованием для тренировки опорно-двигательного и вестибулярного аппарата повседневной деятельности, приборами для письма алфавитом Брайля);
- о понуждении аптечных организаций обеспечить минимальный ассортимент лекарственных препаратов для медицинского применения, необходимым для оказания медицинской помощи;
- о возмещении вреда здоровью, причиненного ребенку-инвалиду, и компенсации морального вреда;
- о понуждении к обеспечению беспрепятственного доступа детей-инвалидов к административным, жилым, общественным, производственным зданиям, учреждениям культуры, спорта, местам отдыха и другим учреждениям (оборудование зданий, сооружений социальной инфраструктуры специальными приспособлениями (перилами, настилами, рельсами, пандусами и т. д.);
- об обязанности обеспечить беспрепятственный доступ детей-инвалидов к объектам социальной инфраструктуры путем установки средств, дублирующих звуковыми сигналами сигналы светофоров;

- об оборудовании автобусов специальными приспособлениями и устройствами для беспрепятственного пользования детьми-инвалидами;
- о возложении на органы местного самоуправления обязанности по укомплектованию муниципальных библиотек специальной литературой для инвалидов по зрению.

Приведем пример из судебной практики. Прокуратурой г. Таганрога проведена проверка соблюдения Администрацией г. Таганрога, МКУ «Благоустройство» законодательства о социальной защите инвалидов в части обеспечения безопасности дорожного движения.

Проверкой установлены нарушения, допущенные ответчиками в сфере безопасности дорожного движения, выразившиеся в том, что четыре светофорных объекта не оборудованы средствами, обеспечивающими дублирование звуковыми сигналами светофоров. Дороги улиц являются автомобильными дорогами общего пользования местного значения. Эти улицы проходят через центр города и густонаселенные жилищные массивы, в районе перекрестков данных улиц располагается большое количество торговых точек и иных объектов социальной инфраструктуры, в том числе для несовершеннолетних, а именно, образовательные учреждения: МАОУ Лицей № 28, МАОУ СОШ № 25/11, МОБУ СОШ № 6.

Исковые требования прокурора судом признаны законными и обоснованными. (решение Таганрогского городского суда Ростовской области от 27.05.2019 по делу № 2-2777/19) [5].

Тесно связанными с правами детей-инвалидов являются права несовершеннолетних, страдающих тяжелыми формами хронических заболеваний, в том числе связанные с обеспечением таких детей жилыми помещениями.

Многообразны иски прокуроров об устранении нарушений прав несовершеннолетних обучающихся и в сфере образования:

- о проведении ремонта объекта образовательной организации;
- об оснащении образовательной организации соответствующим оборудованием;
- об организации работы медицинских кабинетов;
- о запрете продажи табачных изделий вблизи образовательных организаций;
- о понуждении к устранению нарушений правил пожарной и санитарно-эпидемиологической безопасности;
- об обязанности установить программное обеспечение (контент-фильтр) в целях исключения доступа обучающихся к интернет-ресурсам, несовместимым с задачами их воспитания.

Не выпадают из поля зрения прокуроров и вопросы восстановления нарушенных трудовых прав несовершеннолетних. К искам в данной сфере относятся материально-правовые требования:

- о взыскании задолженности по заработной плате;
- о надлежащем оформлении трудовых отношений (об установлении факта трудовых отношений);

- об обязанности работодателей выделить специальные рабочие места для приема на работу несовершеннолетних;
- об обеспечении несовершеннолетних работников средствами индивидуальной защиты.

Так, например, и. о. прокурора Кировского района г. Хабаровска обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц к муниципальному бюджетному общеобразовательному учреждению средняя общеобразовательная школа № 51 о возложении обязанности по обеспечению оснащения медицинского кабинета.

Проведенной прокуратурой района проверкой медкабинета ответчика выявлены нарушения. Решением Кировского районного суда г. Хабаровска исковые требования прокурора по обеспечению оснащения медицинского кабинета удовлетворены в полном объеме [4].

В соответствии с частью 3 статьи 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам: о выселении; о восстановлении на работе; о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (в том числе по делам о компенсации морального вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью кормильца [2].

Защита прав и законных интересов детей была, есть и будет оставаться наиболее приоритетным направлением в правозащитной деятельности. На сегодняшний день, вопросы соблюдения и защиты прав несовершеннолетних регулируется существенным массивом законодательства и по подведомственности распределены среди целого ряда государственных органов, учреждений. Именно прокурору действующее законодательство предоставило наиболее широкие полномочия в сфере судебной защиты прав детей в рамках гражданского судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева А. В. Плугарь Д. М. Некоторые актуальные проблемы жилищных прав несовершеннолетних в Российской Федерации и их законодательная регламентация // *International Law Journal*. 2022. Т. 5, № 8. С. 133–143.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 30.11.2022).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 30.11.2022).

4. Решение Кировского районного суда г. Хабаровска от 03.10.2017 по делу № 2-1548/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xtqa8kswSZ5C/?ysclid=lbd03izdo554240870> (дата обращения: 30.11.2022).

5. Решение Таганрогского городского суда Ростовской области от 27.05.2019 по делу № 2-2777/19 // Судебные и нормативные акты РФ. URL:<https://sudact.ru/regular/doc/9OX9XpHwvmVC/?ysclid=lbcz6z4l9758120667> (дата обращения: 30.11.2022).

6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения: 30.11.2022).

УДК 347.61

Петрова Светлана Витальевна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
svetlana-vit-1999@mail.ru

Быкова Мария Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
marbyk@bk.ru

**Суррогатное материнство:
некоторые проблемные вопросы правового регулирования**

Данная статья посвящена проблемам, связанным с несовершенством правового регулирования отношений в сфере суррогатного материнства. В качестве законодательных недочетов, которые требуют устранения, были отмечены: отсутствие обязанностей для суррогатной матери и потенциальных родителей по передаче и принятию ребенка, что остро ставит вопрос о надлежащих субъектах родительских прав в отношении родившегося ребенка, а также отсутствие механизма правового реагирования в случае отказа потенциальных родителей от регистрации себя в таком качестве, что вносит неясность в дальнейшую юридическую судьбу рожденного с использованием механизмов суррогатного материнства ребенка. Предложены возможные пути решения проблем, связанных с несовершенством правовой регламентации суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, потенциальные родители, суррогатная мать, договор суррогатного материнства, передача ребенка.

Petrova Svetlana Vitalievna

student, Kostroma state University
Kostroma, Russian Federation

Bykova Maria Sergeevna

candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma, Russian Federation

Surrogate motherhood: some problematic issues of legal regulation

This article is devoted to the problem implemented with imperfect legal regulation of relations in the field of surrogate motherhood. In reviewing the legislative shortcomings that are required, the following were checked: the absence of cases of surrogate mother and intended parents by birth and intended, which sharply raises the question of proper alleged rights in relation to the birth of children, as well as the absence of cases of legal use for refusals of parents to register themselves as parents, which obscures the exclusive legal erroneous birth of a child with the help of surrogate motherhood. Suggested possible solutions to problems arise from the imperfection of the regulation of surrogate motherhood.

Keywords: *surrogate motherhood, potential parents, surrogate mother, surrogacy contract, transfer of a child.*

Наряду с социальной значимостью и широкой распространенностью суррогатного материнства, его нормативное регулирование находится на крайне низком уровне развития. Это проявляется, в частности, в отсутствии единого законодательного акта, призванного урегулировать все спорные практические вопросы, которых немало. При этом уже имеющиеся нормы о суррогатном материнстве, разбросанные по разным законодательным актам, зачастую противоречат друг другу или же содержат настолько общую информацию, что ее следует признать правовой абстракцией, не способной к практическому применению. Такие законодательные упущения порождают противоречия в судебной практике.

Крайне дискуссионным всегда был и до сих пор остается вопрос: оставлено ли за суррогатной матерью право оставить ребенка после рождения себе? Казалось бы, ответ однозначен – нет, однако, не все так просто. В части 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) имеется следующая оговорка: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)».

Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) отказывает в принятии жалоб, связанных с правовыми основами существования суррогатного материнства в России. В случаях 2012 и 2018 года суды общей юрисдикции встали на прямо противоположные точки зрения: в первом случае ребенок остался у женщины, которая его выносила и родила, во втором – двойню передали генетическим родителям. В обоих случаях судьи КС РФ не достигли полного консенсуса: на два отказных определения приходится три особые позиции.

Дело супругов Ч. возникло после того, как мать-одиночка отказалась давать свое согласие на то, чтобы их записали родителями ребенка, рожденного по договору о суррогатном материнстве. Соответствующая норма прописана в статье 51 СК РФ: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)».

По мнению заявителей, такой подход противоречит статье 38 Конституции Российской Федерации (далее – КРФ), которая гарантирует, что материн-

ство и детство, семья находятся под защитой государства. Кроме того, Ч. не могут заниматься воспитанием своих биологических детей, что в соответствии с КРФ «равное право и обязанность родителей». Однако КС РФ отказался рассматривать обращение Ч., поскольку «указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя».

Многие авторы поддерживают идею дать суррогатной матери право определять дальнейшую судьбу ребенка. Это исходит из общепринятой концепции «мать та, кто родила» [3, с. 119]. Например, Г. И. Литвинова пишет – «матерью ребенка целесообразно во всех случаях признавать женщину, которая его родила». М. В. Антокольская также полагает, что «судьбу ребенка должна определять только суррогатная мать, ее отказ передать ребенка потенциальным родителям не подлежит изменению в судебном порядке» [1, с. 196].

Действительно, пока ребенок находится в утробе, он имеет определенную связь с суррогатной матерью, он растет и развивается за счет ее организма, однако после родов эта связь утрачивается, в то время как генетическая, биологическая связь со своими настоящими родителями – сохраняется. Верно высказалась, на наш взгляд, М. Н. Малеина: «Биологическое родство должно определяться генетическим материалом, а не вынашиванием зародыша в теле женщины. Биологическая связь, установленная между суррогатной матерью и вынашиваемым ею ребенком, прекращается с момента рождения, а биологическое родство с его потенциальными родителями сохраняется, и передается из поколения в поколение» [4, с. 99].

Мы также поддерживаем позицию тех авторов, кто выступает за следующее распределение прав и обязанностей между потенциальными родителями и суррогатной матерью: «Родителями ребенка необходимо признавать потенциальных родителей, заключивших договор суррогатного материнства; в свою очередь, потенциальным родителям должно быть запрещено отказываться от ребенка до момента его регистрации на свое имя. Более того, законодательно должно быть закреплено положение о том, что вопрос о согласии суррогатной матери на передачу ребенка должен решаться будущей суррогатной матерью до момента имплантации эмбриона в ее организм и носить безотзывный характер» [2, с. 27].

Полагаем, что если дать суррогатной матери право определять дальнейшую судьбу ребенка, это будет абсолютно неверным решением как с правовой точки зрения, поскольку одной стороне договора дается бесспорное преимущество перед другой, так и неправильно с этической, человеческой позиции, поскольку потенциальные родители изначально шли на заключение договора с целью лечения бесплодия и, как итог, рождения ребенка, а если суррогатная мать оставляет ребенка себе, имеет смысл говорить об изначальноном умысле нарушить условия договора или о ее психологической неподготовленности к роли суррогатной матери вообще. Следовательно, принцип «происхождения» в такой спорной ситуации имеет вверх над принципом «признания».

Однако поскольку в Гражданском кодексе Российской Федерации норм о договоре суррогатного материнства нет, закрепить это в качестве прав и обязанностей сторон по такому договору – не представляется возможным, однако

избежать двойных трактовок на этот счет поможет изменение существующей части 4 статьи 51 СК РФ, с учетом правил пункта 3 статьи 55 Федерального Закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»), допускающей вступать в суррогатное материнство как лицам, состоящим в браке, так и не состоящим в нем, что сейчас никак не отражено в СК РФ.

Таким образом, предлагаем следующую редакцию ч. 4 ст. 51 СК РФ: «4. Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке между собой, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, давшие обоюдное добровольное информированное согласие на использование своих половых клеток для оплодотворения и имплантации эмбриона другой женщине в целях его вынашивания и рождения (суррогатной матерью) по договору, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, либо одинокая женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, давшая информированное добровольное согласие на применение суррогатного материнства, в случае рождения ребенка в результате применения данного метода вспомогательных репродуктивных технологий, записываются его родителями в книге записей рождений».

Такая формулировка видится нам наиболее приемлемой, поскольку она построена по императивному пути, используя «записываются» вместо «могут быть записаны», что емко очерчивает как отсутствие необходимости получать согласие на эту запись со стороны суррогатной матери (фактически – ее обязанность передать ребенка родителям, так и обязанность генетических родителей осуществить такую запись).

Также уточнить процедурные моменты, в частности, отсутствие необходимости получения разрешения суррогатной матери на такую запись, предлагается в рамках пункта 5 статьи 16 Федерального Закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – ФЗ «Об актах гражданского состояния»), изложив его в следующей редакции:

«5. При государственной регистрации рождения ребенка по заявлению мужчины и женщины, как состоявших в браке между собой, так и не состоявших, и давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, а также по заявлению одинокой женщины, давшей информированное добровольное согласие на применение суррогатного материнства, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен письменный договор о суррогатном материнстве, содержащий обязательное условие о записи потенциальных родителей (родителя) в книге записей рождений, родителями такого ребенка. Согласие суррогатной матери для государственной регистрации рождения ребенка не требуется.

В предусмотренных законом случаях основанием для внесения соответствующей записи о родителях ребенка может являться решение суда».

С целью урегулирования ситуаций, при которых отказ записать ребенка поступает от биологических родителей, имеет смысл установить порядок принудительного признания юридического факта их родительства, без передачи

ребенка на воспитание таким лицам, поскольку очевидно, что их отказ от прохождения процедуры регистрации рождения ребенка демонстрирует невозможность осуществления такими лицами родительских прав в отношении ребенка в будущем.

Тем самым предлагаем дополнить статью 51 СК РФ пунктом 4.1. следующей редакции: «Лица, заключившие договор о суррогатном материнстве и уклоняющиеся от признания своих родительских прав в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью, в том числе, от прохождения процедуры регистрации его родителями в книге записей рождений, должны быть признаны родителями ребенка в судебном порядке, по заявлению суррогатной матери или иных заинтересованных лиц (в том числе, органов опеки и попечительства). Признание лиц, заключивших договор о суррогатном материнстве, родителями ребенка, служит основанием для взыскания с них алиментов на ребенка, оставшегося без попечения родителей, в порядке, предусмотренном статьей 84 СК РФ».

Если же супружеская пара биологических родителей развелась в период вынашивания ребенка суррогатной матери, процесс регистрации такого ребенка никак не должен отличаться от общего, предложенного нами пункта 4 статьи 51 СК РФ, так как стать отцом и матерью ребенка, в предложенной нами концепции пункта 4 статьи 51 СК РФ и согласно пункту 3 статьи 55 ФЗ «Об охране здоровья граждан» может как пара, состоящая в браке, так и не состоящая в браке. Если же один из будущих родителей не желает более становится родителем, и после расторжения брака отказывается от внесения его в книгу записи рождения в качестве родителя ребенка, к нему может быть применен порядок, предложенный нами в пункте 4.1 СК РФ – т. е. по заявлению добросовестного родителя, отказывающийся от своих прав родитель признается судом родителем ребенка, и обязуется выплачивать алименты на его содержание.

Таким образом, нами внесены предложения об изменении и корректировки ряда норм Семейного кодекса РФ, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и ФЗ «Об актах гражданского состояния», которые направлены на устранение законодательных коллизий и пробелов, имеющих в вопросах правового регулирования суррогатного материнства, и направленных на усиление охраны прав не только сторон договора суррогатного материнства, но и будущего ребенка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Юристъ, 1996. 196 с.
2. Довнар А. Н. Права и обязанности суррогатной матери // *Via scientiarum* – дорога знаний. 2019. № 1. С. 26–31.
3. Литвинова Г. И. Правовые аспекты искусственного оплодотворения // *Советское государство и право*. 1981. № 9. С. 117–121.
4. Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве : учебное и практическое пособие. М. : БЕК, 1995. 260 с.

УДК 347

Плотникова Татьяна Андреевна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
tatyana.pl1221@gmail.com

Хвалыгина Наталия Лазаревна

старший преподаватель
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalikos2011@yandex.ru

Участие несовершеннолетних в исполнительном производстве

Статья посвящена особенностям участия несовершеннолетних в исполнительном производстве. В статье также приводится ряд документов, регулирующих данный институт.

Ключевые слова: исполнительное производство, несовершеннолетний, законный представитель.

Plotnikova Tatyana Andreevna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khvalygina Natalia Lazarevna

senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Participation of minors in enforcement proceedings

The article is devoted to the peculiarities of the participation of minors in enforcement proceedings. The article also provides a number of documents regulating this institution.

Keywords: enforcement proceedings, minor, legal representative.

В разных жизненных ситуациях случается так, что ребенок или подросток становятся субъектом исполнительного права. В соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве» (далее ФЗ «Об исполнительном производстве») [1] судебные приставы могут взаимодействовать с детьми (например, если последние являются получателями алиментов), однако участие несовершеннолетних в исполнительном производстве строго регламентировано законом, и оно сильно отличается от процедуры, когда сторонами выступают взрослые граждане.

Ст. 51 ФЗ «Об исполнительном производстве» определяет порядок и особенности участия несовершеннолетних в исполнительном производстве. Они

отличаются в зависимости от возраста ребенка. Все обязанности и права за малыша в возрасте до 14 лет реализует его законный представитель. Как правило, это родители, но в некоторых случаях – усыновители, официальный опекун. Дети указанного возраста не могут самостоятельно взаимодействовать с судебными приставами.

Если говорить про дееспособность несовершеннолетнего от 14 до 16 лет, то здесь лицо имеет уже определенные права и обязанности. Закон определяет взаимодействие подростков с сотрудниками ФССП при наличии статуса должника или взыскателя по исполнительным документам. В этом случае допускается самостоятельная реализация прав и обязанностей несовершеннолетним, но при условии, что рядом с ним присутствует его законный представитель, или же он дал письменное согласие на это. Согласие на участие в исполнительном производстве подростка в возрасте 14–16 лет может дать также орган попечительства и опеки.

Аналогичная ситуация, когда юноша или девушка выступают должниками или взыскателями в исполнительном производстве. С указанного возраста молодые люди вправе самостоятельно реализовывать свои права и обязанности. Однако судебный пристав наделен возможностью при необходимости привлекать к делу сотрудников органов опеки и попечительства или законных представителей несовершеннолетнего участника.

Не стоит также забывать, что в нашем государстве молодые люди вправе пройти процедуру эмансипации или, иными словами, получения полной дееспособности до достижения 18 лет. Данной процедуре в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [2] посвящена целая глава. Это возможно в следующих случаях: подросток вступил в официальный брак; молодой человек стал заниматься предпринимательской деятельностью (оформил самозанятость, получил статус ИП); гражданин начал работать по трудовому договору и обеспечивать себя самостоятельно. Процедура эмансипации проходит в судебном порядке. Если она прошла успешно, то в случае, если несовершеннолетний стал полностью дееспособным и является стороной исполнительного производства, то он выполняет обязанности и осуществляет собственные права самостоятельно. Ему более не нужно ничье «покровительство»: ни родителей, ни опекунов и попечителей, ни усыновителей.

ФЗ «Об исполнительном производстве» четко не определены, какие полномочия есть у законных представителей несовершеннолетних, когда они помогают детям и подросткам взаимодействовать с сотрудниками ФССП. Однако можно сориентироваться по ст. 50 статье ФЗ «Об исполнительном производстве», которая определяет полномочия сторон исполнительного производства: знакомиться с материалами, делать из них выписки, копии; обжаловать действия (либо, напротив, бездействие) судебных приставов; участвовать в мероприятиях, проводимых в ходе исполнительного производства; давать разъяснения по тем или иным вопросам; заявлять ходатайства или возражать против них, если они заявлены другими лицами.

В случае если права несовершеннолетнего в исполнительном производстве были нарушены, то его законный представитель может подать жалобу на не-

правомерные действия сотрудника ФССП. Обжаловать действия/бездействие можно в порядке подчиненности, начиная со старшего судебного пристава. Позднее можно будет обратиться в прокуратуру, в суд по месту нахождения судебного пристава (ст. 218, 219 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3]).

Не всегда несовершеннолетние допускаются до участия в исполнительных производствах как взыскатели или должники. Иногда они становятся «объектами» в спорах между родителями, усыновителями или опекунами. В частности, в деле № 33а-39133/15 [4], рассмотренным Московским городским судом, отец и мать спорили, как будет выстроено общение несовершеннолетнего ребенка с членами семьи. Было возбуждено исполнительное производство, где отец настаивал на принудительной передаче ребенка ему. Но мать обратилась в суд, чтобы защитить и свои права, и отстоять интересы несовершеннолетнего. Выяснилось, что мать никак не препятствовала общению ребенка со своим отцом. Напротив, именно папа уклонялся от исполнения своих родительских обязанностей и не попытался решить проблему с мамой мирно, заручившись поддержкой судебных приставов. Суд указал, что перед тем, как изъять ребенка от родителя, с которым ныне он проживает, сотрудник ФССП должен установить, действительно ли взрослый человек препятствует общению малыша или подростка с папой или мамой. Только при наличии доказательств подобного препятствия малыша принудительно передают родителю. В противном случае подвергать ребенка стрессу, занимаясь переселением от одного родителя к другому, не следует.

Подытожив вышесказанное, хочется отметить то, что несовершеннолетние участвуют в исполнительном производстве только лишь под четким руководством и надзором законных представителей. С 16-летнего возраста подростки могут самостоятельно реализовывать свои права и обязанности. Но в случае, если юноша или девушка не прошли процедуру эмансипации, судебный пристав вправе привлечь к делу родителей, усыновителей или попечителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 22.11.2022).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 22.11.2022).

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 22.11.2022).

4. Информация по делу №33А-39113/2015 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-admin/details/0b79a217-5fe4-4a3f-ad64-a2606f371847?case-Number=33a-39133/15> (дата обращения: 22.11.2022).

УДК 347.73:336.2

Сизов Дмитрий Михайлович

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

dsizov266@gmail.com

Никитин Валерий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

venik2206@yandex.ru

Правовые проблемы применения специального налогового режима «налог на профессиональный доход»

В статье рассматривается необходимость научного и законодательного переосмысления в рассмотрении имеющихся правовых проблем применения специального налогового режима «налог на профессиональный доход». Это должно помочь в налоговом эксперименте регулированию поступлений в бюджетную систему Российской Федерации финансовых средств от определенных профессиональных групп, в целом способствовать увеличению объема взысканных налогов и сборов от которого зависят возможности государства по реализации своих задач и функций.

Ключевые слова: *налог, налоговый эксперимент, налоговый доход, профессиональный доход, неформальный сектор работников, нестандартная занятость, нормативно-правовое регулирование налога, доктрина налогообложения, специальный налоговый режим, индивидуальный предприниматель, самозанятость, ставка налогообложения, статус самозанятого лица.*

Sizov Dmitry Mikhailovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Nikitin Valery Vladimirovich

candidate of economic sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal problems of the application of the special tax regime “tax on professional income”

The article discusses the need for scientific and legislative rethinking in considering the existing legal problems of applying the special tax regime “professional income tax”. This should help in the tax experiment to regulate the flow of funds into the budget system of the Russian Federation from certain professional groups, in general, contribute to an increase in the amount of taxes and fees collected, on which the state's ability to implement its tasks and functions depends.

Keywords: tax, tax experiment, tax income, professional income, informal sector of workers, non-standard employment, legal regulation of tax, tax doctrine, special tax regime, individual entrepreneur, self-employment, tax rate, self-employed person status.

Налоговые эксперименты набирают популярность в мире в последние годы. Однако в большинстве стран, так и в Российской Федерации, отсутствует формально определенный подход к экспериментальному регулированию. Процесс, результаты и подход к проведению многих экспериментов вызывают дискуссию в научном сообществе.

В качестве эксперимента Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ в городе Москве, Московской и Калужской областях, Республике Татарстан с 1 января 2019 г. введен специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [2, с. 1]. Анализ социально-экономических и правовых основ нового специального налогового режима для самозанятых – налога на профессиональный доход имеет особую остроту в силу актуальности проблемы легализации теневой занятости для целей налогообложения.

Налоговые поступления – один из основных способов пополнения федерального, регионального и местного бюджетов нашей страны, а следовательно, это основной источник содержания нашего государства. От объема взысканных налогов и сборов зависят возможности государства по реализации своих задач и функций. Именно поэтому такое большое значение имеет контроль государства за исполнением налогоплательщиками обязанности по уплате налогов и сборов. Вопрос о легализации самозанятых граждан возникает не только в России. Количество нелегализованных самозанятых увеличивается быстрыми темпами, как на постсоветском пространстве, так и в масштабах мировой экономики. В международной практике указанные отношения называются «нестандартной занятостью», причем в последние годы наблюдается положительная динамика этого явления.

К сожалению, сегодня популярна тенденция по увеличению числа граждан, не работающих по трудовому договору, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но получающих доход от своей деятельности. Доля занятых в неформальном секторе работников в России постоянно возрастает и держится на уровне около 20 %. В настоящее время, как следует из опубликованных 21 сентября 2022 года ТАСС, по данным и подсчетам аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, число занятых россиян в неформальном секторе экономики во втором квартале 2022 года уменьшилось на 1,5 млн человек и составило до 13,4 млн человек. В среднем, по данным аналитиков, 18,7 % работающих россиян трудились в этом сегменте. «Во втором квартале 2022 года среднемесячное количество занятых в неформальном секторе составило 13,44 млн человек, уменьшившись по сравнению с аналогичным периодом 2021 года на 1,5 млн человек, или на 10 %. В результате доля занятых в неформальном сегменте снизилась с 20,9 до 18,7 %», – говорится в результатах исследования [3]. Данная категория людей получают постоянный доход от своей деятельности, которая налогом не облагается, так как законодательно налога для таких граждан законодательно не существует. Такое противоречие и послужило одной из причин введения на территории Россий-

ской Федерации в экспериментальном режиме нового налога на профессиональный доход.

Нормативно-правовое регулирование налога на профессиональный доход имеет много особенностей и в этой связи вызывает интерес цивилистов, ученых теоретиков и юристов практиков. Налог на профессиональный доход граждан является правовым экспериментом, следовательно, испытанием норм права, законодательных актов либо правовых режимов с целью получения правового опыта и научных знаний об исследуемом явлении. Правовой эксперимент необходим для выявления как положительных, так и отрицательных сторон новых законодательных положений и оценки возможности их дальнейшего введения на постоянной основе и обуславливает актуальность постановки данной проблемы.

На начало 2022 года, по данным официального сайта Федеральной налоговой службы число самозанятых в России достигло 4 млн человек. За время действия специального налогового режима их доходы превысили 882 млрд рублей. Считаем, что данный эксперимент сегодня своевременен и актуален среди населения. Промежуточные результаты доказывают, что цель эксперимента достигается, хотя ряд вопросов в нормативно-правовом регулировании до сих пор остается открытым.

Налог на профессиональный доход (НПД) – это специальный налоговый режим для самозанятых граждан. Исходя из названия, можно также увидеть, что налог на профессиональный доход является, во-первых, специальным налоговым режимом наряду с другими системами налогообложения, а во-вторых, – десятилетним экспериментом, объектом которого выступает профессиональный доход таких самозанятых физических лиц. Задача данного эксперимента – вывести из теневого сектора незарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью. Это еще более значимо, в связи с тем, что в настоящее время в Российской Федерации происходит снижение доверия к власти, обусловленное процессом колоссальной дифференцированности доходов и существующему только в теории принципу экономии, или равенству перед законом, что приводит к правовому нигилизму и отказу от исполнения обязанностей граждан, в том числе предусмотренных Конституцией РФ [1; 4].

Специальный налоговый режим основывается не на мерах принуждения, а на принципе добровольности, что в корне, не соответствует принципам налогообложения. Принцип добровольности в этом случае, с одной стороны, должен стимулировать к легализации предпринимательской деятельности, а с другой – противоречит принципам всей сложившейся системы налогообложения. Специфика НПД проявляется, прежде всего, в его правовой природе как специального налогового режима. В правовой доктрине налогообложения специальный налоговый режим рассматривается как специфическое проявление системы налогообложения, особый порядок регулирования взимания отдельных налогов и сборов, как «видоизменение общего порядка возникновения, исполнения и прекращения лицом своих налоговых обязанностей» [5].

Профессиональный доход – доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работ-

ников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества. Налогоплательщиками налога на профессиональный доход признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим в порядке, установленном Федеральным законом. Новый специальный налоговый режим могут применять только самозанятые более широкого спектра деятельности, чем предполагалось изначально. Законодательно установлены не виды деятельности, а ряд ограничений, при одновременном соблюдении которых можно применять специальный режим на основе уплаты налога на профессиональный доход.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые аспекты налогового режима нуждаются в совершенствовании, «налог на профессиональный доход», можно назвать важным шагом к выведению трудоспособного населения из теневого сектора экономики. Он дает возможность самозанятым законно заниматься своей профессиональной деятельностью, получить доступ к государственным программам. Это первый режим налогообложения, который полностью цифровизован, что делает его применение максимально удобным.

Однако данное удобство может стать препятствием именно для самозанятых работников, которые относятся к низкоквалифицированному и низкооплачиваемому персоналу. Вопрос вызывает оценка уровня компьютерной и финансовой грамотности самозанятых, на который и ориентировались разработчики данного налогового режима. При этом представляется целесообразным, внесение изменений в бюджетное законодательство (в части перераспределения доходов от уплаты НДС во все бюджеты государственных социальных внебюджетных фондов) и законодательство об обязательном пенсионном страховании, социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и материнства (в части включения самозанятых в число застрахованных лиц) с целью установления дополнительного стимула для перехода самозанятых граждан на рассматриваемый специальный налоговый режим.

Однако с правовой точки зрения, по нашему мнению, наблюдается несостоятельность и правовая порочность не только аргументации в пользу расширения введения данного налогового режима, но и ряда положений, его регламентирующих. Даже из имеющегося определения мы можем вывести следующие характеристики самозанятого гражданина: самозанятый гражданин не является индивидуальным предпринимателем; деятельность самозанятого гражданина сводится только к оказанию услуг, причем не любых услуг, а только связанных с личными и домашними нуждами.

Таким образом, по своему содержанию такая деятельность не совпадает в значительном объеме с предпринимательской деятельностью, которая, по ст. 2 Гражданского кодекса РФ, может осуществляться путем продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, пользования имуществом; самозанятый гражданин не может привлекать наемных работников, однако это формально не препятствует такому лицу привлекать к труду исполнителей по договорам гражданско-правового характера [6].

В то же время в распоряжении «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года», самозанятыми названы «граждане, осуществляющие приносящую

доход деятельность и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей» [7]. Считаем, что соответственно деятельность самозанятого ограничивается от деятельности индивидуального предпринимателя, но следует рассматривать ее более широко, не ограничиваясь сферой личных услуг. Более того, деятельность именуемая «приносящей доход», является самостоятельной категорией наряду с предпринимательской деятельностью.

Имеющаяся судебная практика явно говорит о том, что в статусе самозанятых выступают отнюдь не только лица, оказывающие услуги для личных, домашних и тому подобных целей. В частности, данным статусом обладают лица, оказывающие юридические услуги, включая судебное представительство, о чем свидетельствует практика по вопросу о распределении судебных расходов [8; 9].

Правовые последствия отнесения самозанятого гражданина к той или иной категории также нуждаются в уточнении. Если налоговые аспекты не вызывают вопросов в силу их определенности (на данный момент так или иначе выглядит однозначно, какие потребности в области налогового регулирования закрывает законодатель), то применительно к иным отраслям эту определенность еще только предстоит внести. В правоприменительной практике существуют ситуации, напрямую не связанные со статусом самозанятого лица, однако в данном решении смущает безапелляционность суждения суда о невозможности являться субъектом предпринимательской деятельности без статуса индивидуального предпринимателя, тогда как нормы законодательства, устанавливающие такую возможность, уже действовали на момент рассмотрения дела [10].

Таким образом, до сих пор остается открытым вопрос, может ли самозанятый гражданин претендовать на обращение в антимонопольный орган при нарушении его прав как хозяйствующего субъекта, или отсутствие у него статуса индивидуального предпринимателя этому препятствует.

Интересным является то, что самозанятость по-разному рассматривается как в зарубежных странах, так и в России, что отчасти затрудняет ее законодательное регулирование. Необходимо отметить, что в определенный период времени по мере роста уровня жизни населения доля самозанятых сокращалась, что было обусловлено более высоким уровнем оплаты труда наемных рабочих, и предоставляемыми им гарантиями. Однако в последние годы наблюдается обратная тенденция и рост самозанятых стал распространяться и на более развитые страны.

Проанализировав зарубежный опыт (США, Германия, Великобритания, Франция), мы пришли к следующим выводам.

Государствами предпринимаются различные меры по легализации самозанятых. В отличие от законодательства России, в зарубежном законодательстве дается само понятие категории самозанятого населения. Однако в различных странах единого понимания статуса самозанятого населения нет. Замечено, что в исследованных нами этих странах ставка налогообложения для самозанятого населения всегда намного выше, чем в Российской Федерации. Кроме того, в зарубежных странах в ставку налогообложения включаются и взносы на социально и медицинское страхование, а также пенсионное обеспечение.

Действующее законодательство РФ не обязывает самозанятых, применяющих налог на профессиональный доход, уплачивать страховые взносы. Интересен опыт Германии в оформлении разрешения. Наличие данного разрешения позволяет гражданину стать самозанятым, но это обуславливает необходимость подтвердить его профессиональную пригодность, которая оценивается на основании отдельного документа о соответствующем профессиональном образовании, либо о прохождении курсов, либо о результатах экзамена, проводимого специальной квалификационной комиссией.

К сожалению, в современной России сегодня не установлено никаких требований, подтверждающих специализацию или квалификацию работника. Потребителям не может быть гарантировано качество предоставляемых услуг предоставленных самозанятыми. На западе же все наоборот, наличие документа, диплома специалиста предоставляющего услуги, не только дает право заниматься ему данной деятельностью, как бы подтверждает качество данного произведенного продукта, оказанной услуги для потребителя, но это налагает определенную ответственность на самозанятого работника. В случае производственного брака, нарушения договора или иного несоответствия работник может быть дисквалифицирован и просто лишен разрешения на работу в данной сфере. Считаем, что подобный опыт и механизм правового регулирования может быть использован сегодня и в Российской Федерации.

Однако «самозанятость» в российской и зарубежной практике уже имеет и некоторые сходства:

- во-первых, она представляет собой особую форму предпринимательской деятельности;
- во-вторых, осуществляется физическими лицами самостоятельно, с использованием собственных ресурсов, личного труда и профессиональной квалификации;
- в-третьих, она не подразумевает привлечение наемных работников.

Таким образом, на основании вышеизложенного считаем необходимым внести дополнения в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в виде критериев, позволяющих отнести физическое лицо к самозанятому, а именно: физические лица, осуществляющие основанную исключительно на личном участии предпринимательскую деятельность по продаже произведенных такими лицами товаров, оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, в том числе во время, свободное от исполнения обязанностей по трудовому договору; не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей; представившие уведомления об осуществлении указанной деятельности в налоговый орган в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Предлагаем также дополнить перечень субъектов малого и среднего предпринимательства в п. 1 статьи 3 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [11] понятием категории «самозанятые граждане».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан) : Федеральный закон от 15.12.2019 № 428-ФЗ // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Неформальная занятость в России сократилась на 1,5 млн человек в 2022 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15819103> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Бочарова Н. Н. Правовое регулирование налога на профессиональный доход: проблемы и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-naloga-na-professionalnyu-dohod-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Ногина О. А. О понятии и признаках специального налогового режима. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-priznakah-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

7. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f62ee45faefd8e2a11dbd88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 25.11.2022).

8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.09.2020 № Ф04-4104/2018 по делу № А75-9299/2016. URL: <https://base.garant.ru/38225606/> (дата обращения: 14.09.2022);

9. Определение Суда по интеллектуальным правам от 07.12.2020 по делу № СИП-1012/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=70174#k138tWTKvR0UdHFp> (дата обращения: 25.11.2022).

10. Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима. URL: https://www.hse.ru/data/2021/12/31/1765540908/3.%20Ю.Д.%20Жукова%20_%20А.С.%20Подмаркова%202021-4.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

11. Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 347.990.8

Смирнова Юлия Юрьевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

parqsyu06@yandex.ru

Заливалова Людмила Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

zalivalova@yandex.ru

Правовая политика Российской Федерации в сфере регулирования недвижимого имущества граждан

В статье рассмотрен вопрос о предоставлении прав собственности на земельный участок муниципальным органом государственной власти.

Ключевые слова: земельный кодекс, земельный участок, торги.

Smirnova Yulia Yurievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Zalivalova Lyudmila Nikolaevna

candidate of historical sciences

associate professor Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal policy of the Russian Federation in the sphere of regulation of real estate of citizens

In the article we will consider an example of applying to the court with a claim for refusal to provide a land plot for free.

Keywords: claim claim land law, bidding claim, civil law, real estate, federal law.

Конституция Российской Федерации во второй главе (пункты 1, 2 статьи 36) [1] предоставляет право гражданам РФ и их объединениям иметь в частной собственности землю, а также права владения, пользования и распоряжения ею «свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Развитие данного права находит свое закрепление в статьях Земельного кодекса РФ (далее ЗК РФ). Все земли, находящиеся в пределах Российской Федерации, составляют единый земельный фонд России, который имеет определенную структуру. Предоставление земельных участков частным лицам, перевод земель из одной категории в другую и другие операции – все это регулирует Земельный кодекс РФ и законодательные акты органов

местного самоуправления. Тем не менее, опыт применения существующего законодательства в сфере регулирования прав граждан на земельные участки позволяет выявить некоторые спорные моменты, исправление которых способно, как мы полагаем, усилить действенность права.

Полномочия по предоставлению права собственности на земельные участки принадлежат уполномоченным органам муниципальной власти субъекта РФ. На них возложена обязанность принятия и своевременного рассмотрения заявлений заинтересованных лиц, и положительное решение по запросу или отказ. Согласно Конституции РФ органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в РФ (пункт 3, статья 133), поэтому действия уполномоченного органа могут быть оспорены в судебном порядке.

Рассмотрим один из примеров судебной практики. Основываясь на статьях Конституции РФ о праве граждан на землю и Земельном кодексе РФ (пункт 2 ст. 15) о равном доступе граждан и юридических лиц на приобретение земельных участков в собственность, истец обратился в административный орган. Предметом иска явились земельные участки № 605 и № 606 в некоммерческом садоводческом товариществе «Кубань». Истец обратился с заявлением в администрацию Костромского района о предварительном согласовании предоставления в собственность этих участков для ведения садоводства, опираясь на решение общего собрания НСТ «Кубань», согласно которому ранее товарищество уже выделило ему участки № 605 и № 606 на правах пользования для ведения садоводства.

Российское законодательство о порядке предоставления в собственность, аренду, постоянное (бессрочное) пользование или безвозмездное пользование земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (статья 39.14 Земельного кодекса РФ) предусматривает процедуру предварительного согласования на получение права собственности без проведения торгов. Основанием для ожидания истцом подобного решения явилось, помимо протокола общего собрания товарищества НСТ «Кубань», также то, что истец уже показал себя как добросовестный владелец недвижимого имущества, обрабатывал землю, вносил обязательные и необходимые платежи, обеспечивал за свой счет ежегодный уход за землей. Однако от уполномоченного органа муниципальной власти на данное исковое заявление был получен отказ о проведении процедуры предварительного согласования, с указанием, что данные земли будут выставлены на торги.

Следует заметить, что обоснованием для отказа в ответе указаны подпункты 1-13, 14.1-19.22 и 23 статьи 39.16 Земельного кодекса РФ [2]. Позднее, в связи с процедурой проведения торгов земельные участки, указанные заявителем, были официально выставлены на торги.

В данном случае способом защиты гражданских прав заявителя могло стать обращение в суд о признании прав собственности на земельный участок. Однако в настоящее время подобного рода иски редки в практике. Обычно они касаются прав на землю, которая была получена гражданами еще до введения

в действие Земельного кодекса РФ (30 октября 2001 г.). По большей части это иски по приобретательной давности. Правовой основой обращения в суд служит статья 59 Земельного кодекса РФ, согласно которой судебное решение будет являться основанием для регистрации права собственности в Едином государственном реестре недвижимости.

Обращение с иском в суд привело к тому, что торги были приостановлены.

Исходя из вышеизложенного частного случая и, анализируя ряд других подобных случаев практики реализации прав граждан на земельные участки, можно сделать следующие выводы.

Земельные участки согласно нормам Земельного кодекса передаются по желанию граждан в собственность местными органами власти. При этом уполномоченные органы муниципальной власти часто только формально обосновывают отказ в предоставлении права собственности. Ссылки на статьи Земельного кодекса не являются правовым основанием, поскольку в этих статьях указана только компетенция, т. е. право органа местной власти отказать, но не перечислены возможные причины для отказа. При заявлении граждан на процедуру согласования о предоставлении прав собственности без проведения торгов необходимо учитывать сопутствующие обстоятельства, например, в течение какого времени участок был на праве пользования, имеется ли у заявителя недвижимое имущество на этом участке, использовался ли он по назначению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1 Конституция Российской Федерации : официальное издание. М. : АСТ; 2022. 63 с.

2 Земельный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 01.10.2022 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 244-248

Соловьев Владислав Олегович

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nexi.vlad@gmail.com

**К вопросу о совершенствовании законодательства
в сфере продажи товаров дистанционным способом
посредством сети «Интернет»**

В статье рассматривается вопрос о правовом регулировании электронной торговли в Российской Федерации. Автором приводится статистика, подтверждающая динамику

развития онлайн-торговли потребительскими товарами на отечественном рынке, а также рассмотрен ряд проблемных вопросов, связанных с дистанционной торговлей. Делается вывод о необходимости дополнить действующее законодательство Федеральным законом «Об электронной коммерции», который позволит обеспечить юридическую защиту интересов сторон, стабилизировать экономическую динамику и способствовать развитию электронной торговли в России

Ключевые слова: электронная торговля, законодательство, электронный документооборот, электронная подпись, федеральный закон.

Solovyov Vladislav Olegovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

To the question of improvement of the legislation in the sphere of the sales of goods remotely through the Internet

The article includes the question of the legal regulation of electronic commerce in the Russian Federation. The author modifies statistics on the possible dynamics of the development of online trade in consumer goods in the domestic market, as well as an analysis of a number of problematic issues related to distance trading. The cases are derived from the need to supplement the current legislation with the Federal Law “On Electronic Commerce”, which provides legal protection of the interests of the parties, to stabilize the economic dynamics and regulate the development of electronic commerce in Russia.

Keywords: *electronic commerce, legislation, electronic document management, electronic signature, federal law.*

Высокие технологии играют важную роль в современном мире, а пандемия COVID-19 только усилила значение высоких технологий в экономической деятельности и привела к более широкому их использованию.

По мнению экспертов, дистанционная торговля сегодня является самым динамичным и эффективным направлением электронного бизнеса. Это утверждение подтверждается статистическими данными, в соответствии с которым в 2019 г. процент онлайн-торговли потребительскими товарами на отечественном рынке составил 6 процентов, в 2020 году данный показатель вырос до 9,6 процентов, а согласно прогнозу на 2024 год данный процент вырастет до 19, что говорит о быстром темпе развития онлайн продаж [7].

Электронная торговля предоставляет возможность для малого и среднего бизнеса принимать участие в глобальной торговле, что делает ее прерогативой не только для крупных международных компаний. Торговля дистанционным способом делает покупки доступными для потребителей в режиме реального времени и в любом месте, а также предоставляет возможность для продавцов оптимизировать их бизнес-процессы за счет импорта и расширения рынков сбыта путем глобального экспорта [4, с. 6–11].

Необходимо знать, что понятие электронной торговли базируется на легальном определении торговли, данном в ФЗ о торговой деятельности, и полностью согласуется с гражданско-правовым пониманием объекта торговой деятельности – товара. Легальное же определение электронной торговли отсутст-

вует. Это обстоятельство, по нашему мнению, обуславливает целесообразность разработки такого определения.

На сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию «электронной торговли». Например, Е. Ю. Руденко и А. С. Усенко, рассуждая об электронной торговле дали ей следующее определение: «Электронная торговля – это вид предпринимательской деятельности, связанной с приобретением и продажей товаров посредством информационно-телекоммуникационной сети» [5].

А. Ю. Андреева в свою очередь считает, что: «электронная торговля – это предпринимательская и иная не запрещенная законом деятельность в области обмена имуществом, включая товары, информацией, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), осуществляемая посредством заключения и (или) исполнения сделок в электронной форме» [1].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»: Электронная торговля подразумевает деятельность при которой используются средства удаленной связи, а оплата товара (работ, услуг) осуществляется потребителем посредством электронных расчетов, в том числе с использованием банковских карт и (или) иных установленных законом средств платежа, включая электронные средства платежа, а факт покупки может быть подтвержден выпиской с банковского счета об авторизации и о совершении транзакции с указанием получателя платежа, итогов дебетовых и кредитовых операций и т. п., а также иными документами, подтверждающими перевод денежных средств [3].

Проанализировав мнение данных авторов, а также практику право применения мы пришли к выводу, что наиболее правильным будет следующее определение: Электронная торговля – это предпринимательская и иная не запрещенная законом деятельности, связанная с приобретением, продажей, передачей или обменом имуществом, услугами и информацией с помощью электронных средств коммуникации.

Известно, что любая торговая операция осуществляется посредством совершения сделки. Однако Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит специальных положений о совершении сделок через информационно-телекоммуникационные сети. Поэтому правоприменитель должен руководствоваться общими положениями о сделке.

Согласно п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен также путем обмена документами, посредством почтовой, телеграфной, телефонной, электронной или иной связи, которая позволяет достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Для идентификации сторон при заключении договора через электронную связь может использоваться простая электронная подпись. Согласно ст. 9 Федерального закона «Об электронной подписи», для того, чтобы документ считался подписанным простой электронной подписью, необходимо, чтобы подпись была проставлена на самом документе или ключ простой электронной подписи был использован в соответствии с правилами, установленными оператором системы, в рамках кото-

рой создан документ, и в котором есть указание на лицо, от имени которого был создан и (или) отправлен электронный документ.

В настоящее время торговая деятельность через интернет-ресурсы становится все более популярной. Одной из форм заключения договора через интернет являются *clickwrapagreement* (соглашение, заключаемое путем щелчка мышью) и *browsewrapagreement* (соглашение, заключаемое путем использования веб-сайта). В российском законодательстве отсутствуют специальные положения, регулирующие эти формы договора, поэтому к ним должны применяться общие положения о договоре.

В настоящее время на территории Российской Федерации можно выделить следующие источники права, которые регулируют электронную торговлю: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»; Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

Стоит отметить, что в России не принято решение по соотношению электронного и бумажного документа. Несмотря на повсеместное внедрение электронного документооборота, заказчики лишены возможности проверять соответствие участников закупки предъявляемым к ним требованиям на основе государственных информационных систем и межведомственного электронного взаимодействия [6].

Действующее законодательство Российской Федерации не содержит общего регламента для электронной торговли, который бы определял порядок ее осуществления и контроля. В связи с этим, электронная торговля может быть организована только, с использованием представленных выше действующих законодательных актов. Отсутствие полноценного документа, который бы регламентировал электронную торговлю, затрудняет осуществление сделок между сторонами и замедляет процесс реализации продуктов компаниями.

В связи с этим, считаем, что закрепление понятия, основных характеристик и регламентов на законодательном уровне могло бы значительно повлиять на развитие электронной торговли в России [7].

Подводя итог, можно сказать, что для обеспечения безопасности участников электронной коммерции будет целесообразным дополнить действующее законодательство Федеральным законом «Об электронной коммерции», который определял бы участников торговли, требования к их торговой деятельности, виды сделок, которые они совершают, а также гарантии и методы защиты. Это позволит обеспечить юридическую защиту интересов сторон, стабилизировать экономическую динамику и способствовать развитию электронной торговли в России [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева А. Ю. Электронная торговля: проблемы и перспективы // Т-Сотт: Телекоммуникации и транспорт. 2009. № 53. С. 55–57.

2. Афанасьевская А. В., Содель О. В. Правовое регулирование электронной торговли. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-elektronnoy-torgovli> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 25.11.2022).

4. Иншакова А. О. Право, как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 3. С. 6–11.

5. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie-elektronnoy-torgovli> (дата обращения: 25.11.2022).

6. Севостьянов В. В., Минеев О. А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-grazhdanskogo-oborota-v-kontekste-tsifrovoy-sotsialno-ekonomicheskoy-paradigmy-osnovnye-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.11.2022).

7. Шинкаренко Н. Е. Особенности покупательского поведения в E-Commerce // Скиф. 2020. № 5. С. 215–220.

УДК 343.34

Софийская Ольга Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

novel4471@yandex.ru

Черкасов Константин Валерьевич

профессор, доцент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

k_cherkasov@ksu.edu.ru

Массовые мероприятия в контексте обеспечения общественного порядка и общественной безопасности

Массовые мероприятия играют важную роль в стране для уклада современной жизни любого гражданина. Они объединяют людей по интересам, общим целям и вдохновляют для реализации социального статуса. Государство в свою очередь обеспечивать общественный порядок и общественную безопасность граждан на проводимых мероприятиях правовыми актами, комплексным использованием сил и средств и согласование действий различных подконтрольных подразделений органов исполнительной власти.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, массовые мероприятия, сотрудники правоохранительных органов, безопасность граждан.

Sofiyskaya Olga Alexandrovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Cherkasov Konstantin Valerievich

professor, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Mass events in the context of ensuring public order and public safety

Mass events play an important role in the country for the way of modern life of any citizen. They unite people by interests, common goals and inspire them to realize their social status. The state, in turn, ensures public order and public safety of citizens at the events held by legal acts, complex use of forces and means and coordination of actions of various controlled divisions of executive authorities.

Keywords: public order, public safety, mass events, law enforcement officers, security of citizens.

Одно из непростых направлений обеспечения общественного порядка и общественной безопасности является проведение массовых мероприятий.

В России проводятся большое количество таких мероприятий. Безопасность граждан в организации обеспечения сил и средств у правоохранительных органов стоит на первом месте.

Необходимо ввести термин «массового мероприятия», в которое будет входить весь спектр проводимых мероприятий в гражданском обществе. Также стоит закрепить на законодательном уровне все виды массовых мероприятий, это решит проблему сотрудников правоохранительных органов в полной реализации возложенные на них полномочий и не создать для себя последствий незаконных действий обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Присутствие недостатков в законе несут за собой определенные последствия, которые могут перерасти в несогласованные митинги.

Поэтому мы предлагаем создание федерального закона, в котором будут отражены понятия массовое мероприятие и каждого его вида, порядок организации и проведения культурно-массовых, религиозных, спортивно-массовых и иных мероприятий по аналогии Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ [2].

Обеспечение общественной безопасности и общественного порядка на массовых мероприятиях должно осуществляться благодаря комплексу мер и действий, осуществляемому указанными правоохранительными органами в один из трех этапов в зависимости от конкретного периода проведения мероприятия: подготовительный, основной и заключительный [1].

Подготовительный период начинается, когда правоохранительному органу из органа муниципальной власти доводится о запланированном проведении массового мероприятия. Информация о планируемом мероприятии, а также распорядительный акт о закреплении уполномоченного представителя органа местного самоуправления направляется в территориальные органы МВД России, Росгвардии, ФСБ России, в отдельных случаях – ФСО России для подготовки совместных планов обеспечения правопорядка, расчета необходимых сил и средств, организации их взаимодействия, проведения оперативно-профилактических мероприятий.

Между тем, следует сказать, что порядок такого информационного обмена в правовом плане не регламентирован, не отражены конкретные сроки и способы обмена информацией, что, естественно, осложняет взаимодействие субъектов обеспечения общественной безопасности и общественного порядка и негативно сказывается на их обеспечении. Поэтому настоятельно считаем, что порядок информационного взаимодействия надлежит закрепить в правовом акте, сделав ссылку на него в Концепции общественной безопасности РФ.

С этого момента необходимо реализовать комплекс подготовительных действий по планированию, расстановке сил и средств, задействованных на каждом этапе. Для чего незамедлительно правовым или распорядительным актом (возможно совместным актом нескольких органов власти) создается рабочая группа (оперативный штаб), члены которой наделяются определенным объемом полномочий, перед которыми ставятся задачи по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка при проведении конкретного массового мероприятия.

Рабочей группой (оперативным штабом) подлежат анализу задачи, связанные с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении мероприятия, определяются оптимальные варианты их выполнения с учетом актуального состояния оперативной обстановки, позиции организаторов мероприятия и др. и в итоге формируется решение о привлечении необходимых для реализации поставленных задач основных, дополнительных и приданных сил и средств, создании групп управления нарядами в месте проведения мероприятия, а также на прилегающих территориях.

В целях подготовки к массовому мероприятию, а именно для выявления возможного круга лиц, которые потенциально могут быть причастны к террористическим группам или могут совершить противоправные действия в ходе таких мероприятий, необходимо проводить профилактические и оперативно-розыскные действия. Оперативным сотрудникам надлежит контролировать лиц, находящихся в оперативных разработках и проходящим по делам оперативных проверок, что может минимизировать или вовсе исключить нахождение таких лиц в местах проведения массового мероприятия.

Кроме того, необходимо построить работу сотрудников правоохранительных органов таким образом, чтобы на подготовительном этапе они произвели рейды в жилых районах, проверили общежития, длительные стоянки транспортных средств, провели иные организационные и профилактические мероприятия, направленные на выявление лиц, скрывающихся от органов след-

ствия, дознания и суда, разыскиваемых, и незаконно мигрировавших на территорию Российской Федерации, а также на обнаружение взрывчатых веществ, оружия и наркотиков.

Сотрудники полиции должны обеспечить контроль за деятельностью всех лиц, находящихся под административным надзором или состоящих на оперативных учетах, проживающих или пребывающих в зоне проведения массового мероприятия с целью выявления у них какие-либо противоправных намерений во время его проведения.

На законодательном уровне отсутствует понятие «Общественный порядок», тем самым осложняет понимание, в чем отличие, сходство и сущность общественного порядка и общественной безопасности.

Поэтому предлагаем дополнить п. 4 Концепции общественной безопасности в РФ, утвержденной Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Данное предложение поможет решить имеющиеся в настоящее время спорные моменты в понимании действующего законодательства.

Проблемным аспектом в деятельности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность, является такая категория, как психология толпы. Надо понимать, что может возникнуть необходимость применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренной главой 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Тогда сотрудники сталкиваются с тем, что, вроде, имеются законные основания для применения таких мер, имеются нарушители, однако находящуюся рядом толпу можно спровоцировать на продуцирование негативных последствий в виде агрессии, применения насилия к представителям власти, окружающим и др.

В связи с этим мы предлагаем дополнить подп. 3, ч. 1, ст. 12 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Это позволит на каждом мероприятии на постоянной основе устанавливать контакт с толпой, что позитивно скажется в итоге на общественном порядке.

Приведенные предложения будут способствовать совершенствованию правового регулирования обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, и правоприменительной практики его реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Занина Т. М. Правовое регламентирование деятельности сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности и порядка на массовых мероприятиях // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : материалы ежегод. межвуз. науч.-практ. конф. СПб. : Изд-во СПбУ МВД России, 2020. С. 145–152.

2. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 22.11.2022).

УДК 342.571

Тихомиров Артем Валерьевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

artemtihomirov99@mail.ru

Бриль Геннадий Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

g_bril@ksu.edu.ru

**Проблемы правового регулирования процедуры формирования
общественных советов и контроля за деятельностью
органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации**

Статья поднимает вопросы нормативной регламентации системы общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации, связанные с порядком формирования общественных советов, с определением их персонального состава руководителями территориальных органов внутренних дел субъектов Российской Федерации. Предлагается закрепить полномочия по формированию общественного совета за общественной палатой региона по согласованию с руководителем территориального органа внутренних дел. Рассматриваются вопросы реализации контрольной функции общественными советами при органах внутренних дел. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования осуществления контроля общественными советами деятельности органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: общественный контроль, общественный совет, руководитель территориального органа внутренних дел, система общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, порядок формирования общественных советов, контрольная функция общественных советов.

Tikhomirov Artem Valerievich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Bril Gennady Gennadievich

doctor of law, professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Problems of legal regulation of the procedure for the formation
of public councils and control over the activities
of internal affairs bodies in the subjects of the Russian Federation**

The article raises issues of regulatory regulation of the system of public control over the activities of internal affairs bodies in the subjects of the Russian Federation, related to the procedure for the formation of public councils, with the determination of their personal composition by the heads of territorial internal affairs bodies of the subjects of the Russian Federation. It is proposed

to assign the powers to form a public council to the public chamber of the region in coordination with the head of the territorial body of internal affairs. The questions of the implementation of the control function by public councils under the internal affairs bodies are considered. It is concluded that it is necessary to further improve the legal regulation of the control by public councils of the activities of internal affairs bodies in the subjects of the Russian Federation.

Keywords: *Public control, public council, head of the territorial body of internal affairs, the system of public control over the activities of internal affairs bodies, the procedure for the formation of public councils, the control function of public councils.*

В настоящее время значимое место в гражданском обществе занимают общественные советы при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации. Они играют важную роль в обеспечении соответствия деятельности органов внутренних дел действующему законодательству, соблюдения прав и свобод граждан и общественных объединений в ходе нее.

Представляет важность вопрос порядка формирования общественных советов при территориальных органах МВД России [8, с. 18–19]. Согласно пункту 8 Приказа Министра внутренних дел Российской Федерации от 15.08.2011 № 939 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668», персональный состав общественного совета формируется руководителем территориального органа МВД России на основе предложений граждан, общественных объединений, организаций и с учетом требований к кандидатам в члены общественного совета, предусмотренных пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» [4; 3]. Как считает Н. С. Рыболовлева, наделение руководителя территориального органа МВД России полномочием по формированию персонального состава общественного совета «способствует включению в состав общественных советов граждан, в которых заинтересована полиция». Думается, что следует согласиться с выводом автора о некоторых сомнениях в объективности работы общественных советов, беспристрастности принимаемых ими решений и независимости их деятельности.

Данную проблему поднимают О. В. Зуева и Н. Н. Хомутова, обращая внимание на то, что такое общее регулирование порядка формирования общественных советов позволяет включать в его состав связанных с органами внутренних дел лиц, которые могут быть заинтересованы в ходе и результатах общественного контроля, а также ограничивает реализацию права граждан на участие в работе общественных советов [7, с. 100]. Авторы статьи делают вывод о том, что закрепленный правовой механизм может привести к формальному характеру деятельности данных институтов и не способствует повышению эффективности их работы. На наш взгляд, вышеназванная позиция является обоснованной и указывает на необходимость дальнейшего совершенствования порядка формирования общественных советов при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Согласно статье 50 Федерального закона «О полиции», Общественная палата Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью полиции [2]. В связи с этим, поскольку Общественная палата как институт граждан-

ского общества играет ведущую роль в осуществлении общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, представляется логичным в развитие вышеприведенной нормы закрепить за Общественной палатой субъекта Российской Федерации полномочие по формированию персонального состава общественного совета по согласованию с руководителем территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации. За ней также предлагается установить полномочие по приему заявлений от кандидатов в члены общественного совета со сведениями о себе и направлению на согласование перечня кандидатов в члены общественного совета руководителю территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации. При этом за органом внутренних дел закрепляется полномочие по представлению письменного ответа на предлагаемые общественными объединениями кандидатуры в члены общественного совета, содержащего согласие с ними или обоснованные возражения. Далее целесообразно проводить совместные консультации руководителя территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации и членов Общественной палаты субъекта Российской Федерации. После данной процедуры должно происходить избрание персонального состава общественного совета на совместном заседании руководителя территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации и членов Общественной палаты субъекта Российской Федерации. Окончательный состав общественного совета при территориальном органе внутренних дел субъекта Российской Федерации следует оформлять решением Общественной палаты субъекта Российской Федерации и утверждать приказом руководителя территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации.

Вместе с тем представляется необходимым сохранить за органами внутренних дел полномочие по проверке персональных данных и отсутствия судимости у кандидатов в члены общественного совета. Предлагается оставить и существующие требования к ним, ограничения и основания для отказа, предусмотренные Указом Президента РФ от 23.05.2011 № 668 и Стандартом деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) (утв. решением совета Общественной палаты Российской Федерации от 05.07.2018 № 55-С): наличие гражданства Российской Федерации и отсутствие гражданства (подданства) иностранного государства, достижение совершеннолетия, наличие соответствующего опыта работы по профессии не менее 1 года, отсутствие должности в органе государственной власти или местного самоуправления, отсутствие фактов назначения в судебном порядке административного наказания за совершенные умышленно административные правонарушения, а также статуса подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу и т. д.

Внесение данных изменений позволит, по нашему мнению, с одной стороны, обеспечить независимость общественного контроля за деятельностью территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации, объективность выводов и результатов деятельности общественного совета, беспристрастное отношение к деятельности территориального органа внутренних дел субъекта Российской Федерации, и устранить заинтересованность сторон

в полученных результатах, с другой стороны, даст возможность привлечь к осуществлению общественного контроля лиц из независимых общественных объединений и организаций, имеющих профессиональный опыт как общественной, так и правоохранительной деятельности, в том числе взаимодействия с органами внутренних дел в субъекте Российской Федерации.

Важным направлением деятельности общественных советов при органах внутренних дел является общественный контроль за осуществлением их полномочий. Так, согласно части 4 статьи 50 Федерального закона «О полиции», общественные советы, образуемые при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, при территориальных органах, осуществляют контроль за деятельностью полиции в соответствии с положениями об этих советах [2]. Согласно пункту 2.2 Приказа МВД России от 23.05.2012 № 534, общественные советы заслушивают информацию должностных лиц тех органов, при которых они образованы, а также должностных лиц органов внутренних дел, находящихся в их подчинении [5].

Ученые высказывают различные точки зрения по вопросу практики реализации контрольной функции общественных советов при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Так, по мнению Е. Н. Клоповой, препятствиями для реализации контрольной функции общественными советами в отношении деятельности отдельных территориальных органов внутренних дел являются: недостаточное внимание некоторых руководителей органов внутренних дел взаимодействию с институтами гражданского общества посредством общественных советов, недооценка роли институтов гражданского общества в повышении качества и эффективности правоохранительной деятельности; неполное и несвоевременное информирование граждан и СМИ об инициативах, выдвигаемых общественными советами по важным вопросам, касающимся органов внутренних дел; недостаточное привлечение общественных советов к обсуждению положительного опыта работы полиции; отклонение без обоснований их рекомендаций и предложений относительно деятельности органов внутренних дел; неиспользование потенциала общественных советов в полной мере при подготовке проектов правовых актов относительно деятельности правоохранительных органов [6, с. 125].

А. О. Спицына и Е. В. Ягер в качестве основных достоинств деятельности общественных советов выделяют осуществление ими контроля за тем, как сотрудники органов правопорядка исполняют свои обязанности (например, организация рейдов с участием членов общественного совета с инспекцией); работу общественных приемных при общественных советах, в которых рассматриваются заявления граждан; формирование общественными советами положительного образа правоохранительных органов, повышение доверия населения (например, через общественные слушания, публичные выступления и так далее) [9, с. 120–121]. К недостаткам в работе общественных советов при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации, по мнению авторов, относятся: размытый характер их контрольной деятельности и органов государственной власти в сфере общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, для устранения которого ими предлагается определить механизмы ответственности органов правопорядка перед населением, а также пре-

дела и критерии вмешательства граждан в их деятельность; выполнение многими общественными советами при органах внутренних дел в основном функции по поддержанию позитивного восприятия гражданами их деятельности.

Все это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования осуществления контроля общественными советами деятельности органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации в целях повышения качества и эффективности общественного контроля и, соответственно, деятельности территориальных органов внутренних дел.

Таким образом, внесение предложенных изменений будет способствовать развитию общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, учету мнения граждан и общественных объединений, обеспечению реализации права граждан на участие в управлении делами государства, предусмотренного ст. 32 Конституции Российской Федерации, в частности, права на участие в охране общественного порядка, а также соблюдения действующего законодательства и прав и свобод человека и гражданина в целом [1].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.11.2022).

2. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) : принят Государственной Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 02.11.2022).

3. Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 (ред. от 25.08.2021) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114243/ (дата обращения: 04.11.2022).

4. Приказ Министра внутренних дел России от 15.08.2011 № 939 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_224237/ (дата обращения: 04.11.2022).

5. Приказ Министра внутренних дел России от 23.05.2012 № 534 «О Порядке заслушивания общественными советами при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах информации должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации о деятельности органов внутренних дел по пресечению преступлений, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и профилактике правонарушений» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_243360/ (дата обращения: 29.11.2022).

6. Клопова Е. В. Общественные советы (палаты) как правовая форма взаимодействия органов внутренних дел и института гражданского общества. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44032725> (дата обращения: 29.11.2022).

7. Зуева О. В. Общественный контроль как механизм эффективного управления органами внутренних дел. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-kak-mehanizm-effektivnogo-upravleniya-organami-vnutrennih-del> (дата обращения: 06.11.2022).

8. Рыболовлева Н. С. О правовом обеспечении организации общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44867680> (дата обращения: 05.11.2022).

9. Спицына А. О. Правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42501256> (дата обращения: 29.11.2022).

УДК 347.67

Харитоновна Мария Сергеевна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
mkharitonova21@mail.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Некоторые проблемы толкования и исполнения завещаний в Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при толковании и исполнении завещаний в Российской Федерации. Уделено значительное внимание вопросам толкования закрытого завещания, ответственности за умышленно искаженное толкование, а также вопросу о невозможности исполнения завещания установленным душеприказчиком.

Ключевые слова: наследование, толкование завещания, исполнение завещания, наследодатель, наследники, исполнители завещания, закрытое завещание.

Kharitonova Maria Sergeevna

undergraduate, student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some problems of interpretation and performance of wills in the Russian Federation

The article deals with the problems arising in the interpretation and execution of a will in the Russian Federation. Considerable attention is paid to the issues of interpretation of a closed will, liability for intentionally distorted interpretation, as well as the issue of the impossibility of executing a will by an established executor.

Keywords: inheritance, interpretation of the will, execution of the will, testator, heirs, executors of the will, closed will.

Наследование – один из важных правовых механизмов и институтов, поскольку может затрагивать интересы каждого гражданина путем предоставления возможности легального перехода имущества наследникам, а вследствие чего институт наследования остается актуальным для государства. Право наследования гарантируется Конституцией Российской Федерации. В соответствии со статьей 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону [2]. Стоит отметить, что в соответствии с действующим законодательством, завещание является приоритетной формой наследования, а также согласно сведениям, представленным на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты, завещаний становится все больше, так, «в 2021 году было удостоверено почти 580 тысяч завещаний, на 9 % больше показателя 2020 года» [4].

После смерти наследодателя должен быть произведен ряд процедур, регламентированных законом. Исполнение завещания в гражданском праве Российской Федерации представляет собой выполнение действий по осуществлению воли умершего, которая закреплена в завещании. Исполнение завещания обеспечивает некий правовой результат, установленный наследодателем при совершении завещания [1]. Действия по выражению воли завещателя можно отнести к самым важным, так как происходит наступление тех правовых последствий, которые были конечной целью совершения завещания.

Исполнению завещания предшествует его толкование. Эти действия также важны, поскольку именно от них зависит, будет ли правильно исполнена воля завещателя. В практической деятельности встречаются проблемные вопросы, возникающие в процессе толкования завещания, не всегда завещатель выражает свою волю четко и понятно. Толкование представляет собой уяснение истинной воли завещателя. В соответствии со ст. 1132 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] при толковании завещания нотариусом, исполнителем завещания или судом принимается во внимание буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений. Проблемные вопросы возникают чаще всего при толковании закрытых завещаний, так как само завещание не проверяется нотариусом и не удостоверяется им, также возникают проблемы толкования завещаний, составленных в чрезвычайных обстоятельствах. Иногда истолковать буквальный смысл написанного бывает затруднительно, в виду того, что завещания в большей степени составляются пожилыми людьми. Вследствие чего могут использоваться устаревшие слова, могут быть перепутаны имена, фамилии, адреса. В правоприменительной практике присутствуют случаи использо-

вания в завещаниях уменьшительно-ласкательных слов и выражений [3]. Также далеко не каждый обладает юридическим или филологическим образованием, и соблюдает правила правового и логического изложения документа. Так, Н. М. Паша-Оглы обратилась в суд с иском к нотариусу А. В. Нартовой о толковании завещания, мотивировав свои требования тем, что с 1986 года ее мать П. О. В. Ф. проживала с Т. Я. Д. В 1993 году брак между ними был зарегистрирован. В 2010 году ее мама умерла. Ее муж Т. Я. Д. остался проживать в доме. Так как к этому времени он был уже в преклонном возрасте, то она за ним смотрела все эти годы. В 2006 году он сделал завещание, в котором прописано, что все его имущество, какое будет ему принадлежать ко дню смерти, он завещает дочери Н. М. Паша-Оглы. В положенный срок она обратилась к нотариусу, но по истечении шести месяцев ей отказались выдать свидетельство о вступлении в наследство по той причине, что она не является дочерью покойного, а в завещании указано, что он завещает дочери Н. М. Паша-Оглы. Заявитель считает, что свою волю умерший выразил однозначно: завещал все свое имущество Н. М. Паша-Оглы. Он все годы жизни с ней (а это более 33 лет) называл ее дочерью, поэтому и в завещании указал ее, как дочь [6]. Иск Н. М. Паша-Оглы был удовлетворен.

Все эти обстоятельства указывают на то, что толкование закрытого завещания в некоторых случаях является весьма затруднительным. По нашему мнению, одним из решений данной проблемы может служить закрепление в законе требований к содержанию закрытого завещания. Естественно, такая поправка не решит всех правовых проблем толкования завещания, но она может в значительной степени облегчить толкование.

Правом толкования завещания наделены нотариус, суд и исполнитель завещания [2, ст. 1132]. Если возможности суда и нотариусов совершать данные действия, не вызывают вопросов, то объективность нахождения в этом списке исполнителя завещания, на наш взгляд, вызывает сомнение. Вероятность того, что исполнитель завещания может каким-либо образом истолковать завещание в свою пользу, не сведена к минимуму, поскольку выяснить такие обстоятельства практически не представляется возможным, к тому же отсутствует положение об ответственности за умышленно неправильное толкование завещания. В связи с тем, что такое толкование не позволит определить подлинную волю завещателя, считаем нужным установить ответственность за умышленно искаженное толкование завещания. Также законом не предусмотрено вынесение какого-либо процессуального документа о произведенном толковании завещания. Поэтому нужно создать процессуальный документ, в котором бы прописывалось, кто именно толковал данное завещание, выводы, их обоснование и иные пункты.

Важной составляющей наследования по завещанию является его исполнение, в противном случае утрачивается смысл распоряжения на случай смерти [5]. Исполнение завещания подразумевает некое обеспечение правового результата определенного завещателем. Понятие «исполнения завещания» нормативно не урегулировано законодателем. По нашему мнению, для ограниче-

ния правовых действий уполномоченных лиц на исполнение завещания, для пресечения самовольного толкования правовых норм, наиболее точного соблюдения предписанных требований следует предложить следующее общее определение изучаемой правовой категории: «Исполнение завещания – это особая юридическая процедура, в ходе которой наследники завещателя или исполнитель завещания осуществляют установленные как в самом завещании, так и наследственным законодательством Российской Федерации действия, нацеленные на точную реализацию воли завещателя». В соответствии с нормами статьи 1133 Гражданского кодекса Российской Федерации исполнение завещания осуществляется наследниками по завещанию, за исключением случаев, когда его исполнение полностью или в определенной части осуществляется исполнителем завещания. Поскольку возможность исполнения завещания наследниками в общем виде понятна и не вызывает много вопросов, обратимся к рассмотрению некоторых актуальных проблем исполнения завещания душеприказчиком.

В соответствии со статьями 1134 и 1135 ГК РФ [1] душеприказчик – это субъект наследственного права, наделенный полномочиями действовать от имени наследодателя. Им может быть гражданин или юридическое лицо вне зависимости от того является ли оно наследником. Такой субъект выражает свое согласие быть исполнителем воли завещателя путем собственноручной надписи на самом документе, в случае исполнения завещания юридическим лицом, надпись оставляет лицо, выступающее представителем этой организации. Главной обязанностью душеприказчика будет переход наследственного имущества наследникам. В законодательстве не урегулирована ситуация, при которой душеприказчик не может исполнить завещание в силу различных обстоятельств. Решением данного вопроса может служить расширение правомочий наследодателя посредством его возможности подназначения исполнителя завещания и, соответственно, внесения изменений в статью 1134 ГК РФ следующего содержания: «завещатель вправе назначить нескольких исполнителей завещания либо вправе указать в завещании другого исполнителя на случай, если назначенный им в завещании исполнитель откажется от его исполнения, умрет до открытия наследства или одновременно с завещателем либо будет освобожден судом от обязанностей исполнения завещания в порядке пункта 2 статьи 1134». Такое указание позволит избежать ситуацию отсутствия исполнителя и предоставит возможности в полной мере выполнить волю наследодателя.

В п. 2 ст. 1134 ГК РФ закреплено суд может освободить исполнителя завещания от его обязанностей по требованию наследников. Весьма актуальным остается вопрос вправе ли иные лица обращаться с исковым заявлением в суд по данному вопросу. Кредиторы наследства, организации, в которых умерший имел долю и иные субъекты могут иметь заинтересованность в точном исполнении завещания душеприказчиком. Его заведомо неправильное исполнение может принести неприятные последствия для многих. В связи с этим, просле-

живается потребность закрепления права на предъявление исков не только наследниками, но и другими заинтересованными лицами. Такое дополнение нужно закрепить в п. 2 ст. 1134 ГК РФ и изложить ее в следующей редакции: «После открытия наследства суд может освободить исполнителя завещания от его обязанностей по требованию наследников, в том числе наследственного фонда, и иных заинтересованных лиц при наличии обстоятельств, свидетельствующих о ненадлежащем исполнении своих обязанностей исполнителем завещания или об угрозе нарушения охраняемых законом интересов наследников в результате действий (бездействия) исполнителя завещания».

Таким образом, рассмотрев некоторые проблемы толкования и исполнения завещания, можно сделать вывод, что указанные правовые категории в наследственном праве России не урегулированы в полном объеме, эти проблемные вопросы в некоторых случаях препятствуют исполнению воли завещателя в полном объеме. Так, мы предлагаем создать бланки закрытых завещаний для упрощения их последующего толкования и исполнения; для должного урегулирования процедуры толкования завещания предлагаем установить ответственность за умышленно искаженное толкование, а также ввести процессуальный документ, закрепляющий основную информацию о произведенном толковании. В части исполнения завещания мы предложили расширить права наследодателя – возможность подназначения исполнителя завещания в случае невозможности его исполнения установленным основным душеприказчиком, была предложена дефиниция «исполнение завещания» и иные меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова О. М. Правовая природа завещания // Наука, техника, образование. 2014. № 5(5). С. 128–129. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 03.12.2022).

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 № 146-ФЗ : по состоянию на 01.07.2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Иванова Ж. Б. Особенности нотариальной деятельности при удостоверении завещания // Нотариус. 2015. № 4. С. 33–36. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

4. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты / Информационно-правовой портал «Нотариат.рф» – средство массовой информации. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

5. Птушкина О. А. Исполнение завещания: правовые проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 14.12.2022).

6. Решение Туапсинского городского суда от 18.09.2019 № 2-930/2019-М-1066/2019 по делу 2-930/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7wLtiOdBmP1p/> (дата обращения: 30.11.2022).

Чернова Екатерина Петровна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

chernovaep11@mail.ru

Оказание юридической помощи адвокатурой

В статье рассматриваются особенности оказания юридической помощи адвокатурой. Квалифицированная юридическая помощь должна быть оказана как гражданам страны, иностранным гражданам, а также лицам без гражданства, так и государственным, общественным, частным и другим организациям. Защита прав субъектов общественных отношений не мыслима без участия в данных процессах представителей защиты – адвокатов, способных максимально эффективно реализовать право доверителей на квалифицированную юридическую помощь. При этом современная модель оказания юридической помощи переходит на дистанционный формат. Прослеживается «незащищенность» первых при имеющейся законодательной базе института адвокатуры.

Ключевые слова: *адвокатура, адвокат, оказание юридической помощи, законодательство Российской Федерации.*

Chernova Ekaterina Petrovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Provision of legal assistance by the bar

The article discusses the features of providing legal assistance by the bar. Qualified legal assistance should be provided to both citizens of the country, foreign citizens, as well as stateless persons, as well as state, public, private and other organizations. The protection of the rights of subjects of public relations is not conceivable without the participation in these processes of representatives of the defense – lawyers who are able to maximize the right of the principals to qualified legal assistance. At the same time, the modern model of legal assistance is switching to a remote format. The “insecurity” of the former is traced with the existing legislative base of the Institute of advocacy.

Keywords: *advocacy, lawyer, legal assistance, legislation of the Russian Federation.*

Оказание квалифицированной юридической помощи – неотъемлемый элемент каждого современного демократического государства, гарантирующего право каждого на защиту своих прав и свобод.

В России адвокатура выступает одним из важнейших институтов правозащиты в обществе, поскольку правозаступническую деятельность должны осуществлять профессиональные правовые защитники.

Адвокатура не входит в структуру органов публичной власти. Она является институтом гражданского общества, обеспечивающим баланс между общественными, интересами отдельных граждан, государственными интересами.

Реализация права на оказание квалифицированной юридической помощи закреплено в Конституции Российской Федерации. Квалифицированная юридическая помощь должна быть оказана как гражданам страны, иностранным гражданам, а также лицам без гражданства, так и государственным, общественным, частным и другим организациям.

Защита прав субъектов общественных отношений не мыслима без участия в данных процессах представителей защиты – адвокатов, способных максимально эффективно реализовать право доверителей на квалифицированную юридическую помощь.

На протяжении всей истории правовое положение адвокатуры по отношению к государству менялось с учетом происходящих государственных событий. Таким образом, правовое поле деятельности отечественной адвокатуры имеет длительный исторический опыт, который был перенят современным законодателем.

Однако для этого потребовалось множество научных переосмыслений, основное внимание научные исследователи сводили к необходимости установления и гарантий независимости и самостоятельности адвокатуры в организации юридической помощи.

Поэтому в настоящее время адвокат является профессиональным представителем и защитником, что соответствует Федеральному Закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Адвокатская деятельность и адвокатура являются независимыми, что соответствует интересам общества и государства. Независимость адвоката позволяет ему использовать все правомерные способы защиты доверителя, не опасаясь вмешательства в свою профессиональную деятельность со стороны органов государственной власти либо иных властных структур, должностных лиц.

Отношения между адвокатом и субъектом общественных отношений оформляются на основании соглашения, в котором прописывается и характер оказания услуг – на безвозмездной, либо возмездной основе (гонорар). При этом современная модель оказания юридической помощи переходит на дистанционный формат. Цифровизация изменила мир и затронула профессиональную деятельность адвоката. Практически цифровизация проявила себя в условиях пандемии Covid-19, когда большая часть работы адвокатов перешла в онлайн с использованием электронной цифровой подписи.

При этом сегодня актуальной остается и такая тенденция, что субъекты общественных отношений часто отождествляют понятия «адвокат» и «юрист», что отрицательно сказывается на самом процессе предоставляемых услуг. Прослеживается «незащищенность» первых при имеющейся законодательной базе института адвокатуры.

УДК 347.965

Чернова Екатерина Петровна

магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
chernovaep11@mail.ru

Кузнецов Олег Владимирович

магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
markpetrov.2021@mail.ru

Статус адвоката и его полномочия по оказанию юридической помощи

В статье рассматриваются особенности адвокатской деятельности в рамках законодательства Российской Федерации. При этом обращается внимание как на понимание сущности понятий «адвокатская деятельность», «адвокат», полномочий адвоката, так и на правовые и организационные проблемы организации и деятельности адвокатуры. Выявлены такие проблемы в сфере реализации деятельности адвокатов, как несовершенство законодательства, которое ее регулирует, практические трудности, связанные с законодательными ограничениями, и сложность организации взаимодействия адвокатов с лицами, ими защищаемыми. Для решения данных вопросов предлагается внести коррективы в такие нормативно-правовые акты, как ГПК РФ и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

***Ключевые слова:** адвокатура, адвокат, законодательство Российской Федерации, несовершенство права.*

Chernova Ekaterina Petrovna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuznetsov Oleg Vladimirovich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The status of a lawyer and his powers to provide legal assistance

The article discusses the features of advocacy within the framework of the legislation of the Russian Federation. At the same time, attention is drawn both to the understanding of the essence of the concepts of “advocacy”, “lawyer”, the powers of a lawyer, and to the legal and organizational problems of the organization and activity of the bar. Such problems in the sphere of the implementation of lawyers' activities as the imperfection of the legislation that regulates it, practical difficulties associated with legislative restrictions, and the complexity of organizing the interaction of lawyers with the persons they protect are identified. To address these issues, it is proposed to make adjustments to such regulatory legal acts as the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation”.

***Keywords:** advocacy, lawyer, legislation of the Russian Federation, imperfection of law.*

Адвокатская деятельность является одним из видов юридической деятельности. Адвокатура – один из ключевых правозащитных институтов общества. Он важен для него в не меньшей, а возможно, и в большей степени, чем другие правовые институты. Однако, несмотря на длительную практику использования понятия «адвокат», оно до сих пор не имеет дефиниции (однозначного толкования).

Наиболее распространенной в юридической литературе является точка зрения, согласно которой термин «адвокат» происходит от латинского слова *advocare, advocatus* (призывать, призван). На это указывает Е. В. Васьковский, который отмечает, что изначально «адвокатами» называли древние римляне родственников и друзей истца, которые по его просьбе присутствовали вместе с ним в суде. Затем этот термин стал использоваться для обозначения судебных защитников [1, с. 1].

В законодательстве практически всех европейских государств наблюдается сочетание статусной и функциональной сторон в трактовки понятия «адвокат».

В соответствии с российским законодательством адвокат выступает независимым профессиональным советником по вопросам права. Статус адвоката присваивается претенденту на неопределенный срок. Адвокаты имеют право осуществлять свою деятельность на всей территории России без получения каких-либо специальных лицензий.

В соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты других государств, проводящие свою профессиональную деятельность в России, должны быть зарегистрированы в области юстиции в особом реестре, порядок составления которого определяется особым органом исполнительной власти РФ [2].

Каждый адвокат имеет право на социальное обеспечение. Адвокаты не имеют права состоять на службе в организациях.

Законодательство в сфере регулирования деятельности адвокатов несовершенно. Его несовершенство проявляется в следующем: возможность совершения ими процессуальных действий от имени представляемых ими лиц ограничивается необходимостью оформления специальной доверенности, особенности составления которой регламентируются ст. 54 ГПК РФ; полномочия адвоката в гражданском процессе очерчены определенным спектром прав:

1) адвокат осуществляет свою деятельность как профессиональный юрист, имеющий знания и опыт, достаточные для того, чтобы квалифицированно решать возлагаемые на него задачи;

2) адвокат выполняет ролевые функции представителя в гражданском процессе вообще и по определенному гражданскому делу в частности;

3) адвокат имеет полную информацию о видах и качестве своей ответственности за эффективность и своевременность процессуальной деятельности в гражданском процессе;

4) адвокат имеет обширный арсенал определенных законодательством правовых средств, например, фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну.

Ключевыми правовыми проблемами организации адвокатской юридической помощи являются:

– отсутствие четкой регламентации в законодательстве РФ понятия «ордер», документа-основания, обуславливающего представительство адвокатом прав в суде представляемого субъекта;

– несоответствие норм ст. 53 и 54 ГПК РФ и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;

– ограниченность деятельности адвокатов в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» национальным законодательством без учета международных источников;

– наличие различий в объемах специальных полномочий адвоката в гражданском и арбитражном процессе;

– несоответствие норм ГПК РФ и АПК РФ.

Таким образом, законодательство, регулирующее статус адвоката, как участника в гражданском и арбитражном процессах в контексте правозащитника в ходе судебных разбирательств является не совершенным, хоть и прошло достаточно длительный путь становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры : в 2 ч. СПб. : Н. К. Мартынов, 1893. Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. 396 с.

2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 636.085.16, 347.132.6, 366.12, 339.37

Шигарев Илья Николаевич

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Shigarev2209@mail.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Проблемы продажи биологически активных добавок (БАД), осуществляемой дистанционным способом с использованием маркетплейсов

В статье анализируется вопрос нарушения продажи биологически активных добавок (БАД) дистанционным способом на маркетплейсах без государственной регистрации. Рассматривается вопрос нарушения продавцами законодательства о недопущении наличия

в продукции рецептурных лекарственных средств и запрещенных веществ. Предлагается закрепить за маркетплейсами механизм системы контроля за реализуемыми БАД, уточнение выходных данных о товаре в карточке товара, а также цифровой маркировке.

Ключевые слова: дистанционная купля-продажа, биологически активные добавки, обязанности продавца, маркетплейс, ненадлежащее исполнение обязательства.

Shigarev Ilya Nikolaevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

candidate of legal sciences, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of selling biologically active additives (dietary supplements) carried out remotely using marketplaces

The article analyzes the issue of violation of the sale of biologically active additives (dietary supplements) by remote means on marketplaces without state registration. The issue of violation by sellers of legislation on the prevention of the presence of prescription drugs and prohibited substances in products is being considered. It is proposed to assign the responsibility for marketplaces to the mechanism of the control system for the dietary supplements sold, clarification of the output data about the product in the product card, as well as digital labeling.

Keywords: remote purchase and sale, biologically active additives, seller's obligations, marketplace, improper fulfillment of obligations.

В современном мире для всех уже привычным стало покупать товары при использовании сети Интернет. Толчком для популяризации этого канала продаж стал коронавирус, который и вовсе поменял нашу привычную жизнь. Для сравнения объем рынка e-commerce в Российской Федерации по итогам 2019 года составил 1,295 трлн рублей, по сравнению с 3,478 трлн рублей уже в 2021 году. Также за последние два с половиной года количество лиц, которые в течение года совершили хотя бы одну онлайн-покупку, выросло на 30 млн покупателей и составило 60 млн покупателей на конец 2021 года.

Пандемия с мерами самоизоляции показала, как бывают необходимы покупки посредством сети Интернет. На рынок онлайн-продажи товаров стали выходить и БАДы. На рынке e-commerce с 2020 года стало появляться большое количество биодобавок, реализуемых без государственной регистрации. Одним из первых громких случаев, который стал отправным моментом для обсуждения проблем продажи БАДов на маркетплейсах, стало возбуждение уголовного дела по ст. 238.1 УК РФ («Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок») [4] против руководителя одной из компаний, торгующей препаратами через маркетплейс Wildberries.

Центр стратегических разработок (далее – ЦСР) провел исследование рынка, которое охватило вторую половину 2021 года и апрель – май 2022 года. За исследуемый период были выявлены случаи, когда под видом БАД предлагалась незарегистрированная продукция или продукты, содержащие запрещенные вещества, имеющие завышенную дозировку активных веществ, неверную идентификацию при регистрации [2].

В результате мониторинга выявлено около 10 тысяч наименований БАД, не соответствующих установленным для БАДов требованиям безопасности, дозировки и информированию потребителей. Среди выявленных нарушений 29 % составляет превышение дозировки активных веществ, 24 % – отсутствие декларации или свидетельства о госрегистрации, 19 % продукции содержит запрещенные в ЕАЭС вещества, 17 % товаров вводят потребителя в заблуждение.

В результате исследования также было установлено, что БАДы, представленные на маркетплейсах, содержали вещества, имеющие рецептурные лекарственные средства и запрещенные вещества. Также распространены случаи, когда под видом биодобавок продают товары, которые фактически ими не являются.

БАД с запрещенными веществами, которые опасны для здоровья, могут попадать в Россию из-за разницы в законодательном регулировании биологически активных добавок. Список запрещенных для использования в БАДах ингредиентов содержится в приложении 7 Технического регламента Таможенного союза [3]. На данный момент большинство опасных добавок попадает на российский рынок из-за границы, в частности из Китая и Республики Кореи. Проблемой является то, что многие продавцы не обращают внимания на законодательные различия между странами, а представители маркетплейсов не осуществляют должный контроль и проверку поставляемой продукции. Отдельная проблема кроется в различиях понятия «БАД» в отечественном и зарубежном законодательствах. С введением санкций весной 2022 г., усложнением доставки в Россию зарубежных товаров и отказом от работы в нашей стране многих иностранных компаний процент сомнительных БАДов на рынке, как прогнозировали, должен был снизиться, но открывшиеся возможности зайти на рынок российским продавцам, ввиду отсутствия крупных зарубежных производителей, показал увеличение поставки небезопасных добавок с использованием параллельного импорта.

Онлайн-продажа БАД через маркетплейсы регламентирована поверхностно, в отличие от продажи в «физических» пунктах аптек. Для законной продажи БАДа в стационарных аптеках необходимо пройти экспертизу, получить свидетельство о госрегистрации в Роспотребнадзоре, препарат должен быть внесен в федеральный реестр разрешенных биодобавок, таким образом, БАД проходит всестороннюю экспертизу и проверку на безопасность и соответствие веществ нормам, установленным российским законодательством. В свою очередь, продавцы на маркетплейсах вместо свидетельства о госрегистрации и предоставления всей необходимой документации пытаются обойтись «декларацией о соответствии», которая формально подтверждает, что производитель отвечает за качество реализуемого товара. В Российской Федерации законной силы такая дек-

ларация не имеет. Несмотря на это площадки маркетплейсов допускают такую продукцию, и она попадает в поле зрения покупателей площадок.

Одной из важных проблем также является создание искусственного спроса на БАДы на площадках маркетплейса. Продавцы сами закупают товар и пишут отзывы, чтобы реализуемый ими товар поднялся в ленте маркетплейса и люди увидели его и стали приобретать, основываясь на хороших отзывах. Также для большинства товаров, которые представлены на маркетплейсах, отсутствует заполненная карточка товара, где должны быть указаны все выходные данные по товару, в том числе должна быть указана дозировка активных веществ, так как зачастую она и может быть представлена, но в виде фото самого БАД с этикеткой, на которой невозможно разобрать состав, или он находится в нечитабельном виде, или то, что представлено на карточке, не соответствует данным на упаковке.

Можно сделать оговорку, что БАДы регулируются по требованиям, предъявляемым к пищевой продукции, но большинство из них оказывают терапевтический эффект и для их правильного приема требуется консультация с врачом.

Исходя из исследования ЦСР за 2022 г., площадка Wildberries стала самой большой по количеству предложений небезопасной для потребителя продукции – 701 товарная единица.

В 2021 году было заблокировано более 80 страниц с объявлениями о продаже по обращению общественной организации по защите прав потребителей «Общественная потребительская инициатива» (ОПИ), которая обнаружила продукцию в ходе регулярно проводимого мониторинга [1].

20.10.2022 г. был принят законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» в целях проведения эксперимента по осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом» (в части осуществления розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом) [5].

Возможно, в условиях массовых нарушений в безрецептурном сегменте продаж следовало бы по аналогии с рецептурными препаратами, отпускаемыми дистанционным способом, разработать законопроект, регламентирующий основные вопросы продажи безрецептурных товаров с помощью маркетплейсов.

Одним из вариантов урегулирования возникающей проблемы с реализацией БАДов на площадках маркетплейсов будет закрепление изменений в п. 26.1 Федерального закона от 02.01.2000 г. № 29 «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (далее Закон) и изложение его в следующей редакции «...оказанию услуг в сфере розничной торговли, дистанционной продажи товаров на площадках маркетплейсов пищевыми продуктами, материалами и изделиями и сфере общественного питания, несут административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Для того чтобы урегулировать проблему с предоставлением продавцами необходимой документации и создать систему контроля за реализуемыми БАД на маркетплейсах, необходимо внести изменение в п. 22 Закона, где будут прописаны основные требования, предъявляемые к маркетплейсам по предоставлению им от продавцов документов, подтверждающих наличие заключения по экспертизе, свидетельства от Роспотребнадзора, а также госрегистрации в едином реестре биодобавок. Для эффективного контроля также необходимо обязать онлайн-продавцов указывать в карточке описания товара наличие свидетельства о государственной регистрации, полный состав БАД, рекомендации по применению, противопоказания и помещать предупредительную надпись: «Не является лекарством, перед применением проконсультироваться со специалистом». Данное положение можно реализовать путем издания приказа Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), который определит механизм осуществления действий по контролю со стороны маркетплейсов по допуску продукции к продаже на их площадке.

Необходимо также наличие обязательной цифровой маркировки на БАД, в том числе на те, которые реализуются трансграничными игроками.

Представленные меры позволят исключить возможность продажи на рынке продукции, не отвечающей нормам, выявлять продавцов, реализующих БАД с нарушениями; присвоение кода маркировки товарам с ненадлежащим составом даст логичные ориентиры потребителям, заказывающим данную продукцию посредством сети Интернет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Общественной организации по защите прав потребителей «Общественная потребительская инициатива». URL: <http://buyprotect.ru/novosti/228-opi-dobilas-blokirovki-bad-na-krupnejshikh-marketplejsakh.html> (дата обращения: 13.11.2022).

2. Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/c4a/mpnfsribb0icqq3xg4tjqwz966zupqlg.pdf> (дата обращения: 13.11.2022).

3. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011) : утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 880 (с изменениями на 14 июля 2021 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ : по состоянию на 9.03.2021 г. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

5. Федеральный закон от 20.10.2022 № 405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» : по состоянию на 20.10.2022 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

УДК 347.961

Ширина Татьяна Вячеславовна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Zalogina06@mail.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

melnik44@gmail.com

**Актуальные проблемы определения дееспособности
и волеизъявления граждан при совершении
нотариальных действий**

В статье рассматривается специфика и проблематика определения нотариусом дееспособности и волеизъявления граждан, обратившихся за совершением нотариальных действий. Обозначена значимость данной процедуры и отсутствие четкого механизма установления нотариусом способности обратившегося лица, понимать значения своих действий. Проанализированы возникающие проблемы в практической деятельности нотариуса по данному вопросу, а также выявлены недостатки в правовом регулировании определения дееспособности граждан. Предложены пути решения найденных проблем, а также сформулированы конкретные изменения, которые необходимо внести в действующее законодательство по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: нотариус, нотариальные действия, дееспособность, волеизъявление, цифровой нотариат.

Shirina Tatyana Vyacheslavovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

candidate of legal sciences, associate professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Actual problems of determining legal capacity
and expression of the will of citizens in the performance of notarial acts**

The article discusses the specifics and problems of determining by a notary the legal capacity and will of citizens who have applied for notarial acts. The significance of this procedure and the lack of a clear mechanism for establishing by the notary the ability of the applicant to understand the meaning of his actions are indicated. The emerging problems in the practice of a notary on this issue are analyzed, as well as shortcomings in the legal regulation of determining the legal

capacity of citizens. Ways of solving the problems found are proposed, as well as specific changes that need to be made to the current legislation on the issue under study are formulated.

Keywords: *notary, notarial actions, legal capacity, will, digital notary.*

Институт нотариата является важным элементом современного гражданского оборота и гарантом защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Сфера нотариальной деятельности и полномочия нотариуса постоянно расширяются, совершенствуются и модернизируются, отвечая последним тенденциям развития, в том числе требованиям цифровой экономики. Действия, подлежащие нотариальному удостоверению, позволяют максимально уберечь их участников от негативных правовых последствий, а нотариус по-прежнему остается гарантом чистоты и законности совершения субъектами гражданского права различных сделок.

Одной из главных обязанностей нотариуса при удостоверении любой сделки, особенно по распоряжению своим имуществом, является проверка дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, а также наличия волеизъявления заявителей – абзац 1 ст. 43 Основ законодательства о нотариате (Основы) [4]. Нотариус именно проверяет вышеперечисленные факты, так как согласно п. 1 ст. 29, 30 Гражданского кодекса РФ [1] и гл. 31 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] полномочия по установлению дееспособности возлагаются исключительно на суд [7].

В настоящее время законодательство скудно освящает критерии оценки и не регламентирует саму процедуру проверки дееспособности нотариусом. Ни Основы, ни иные федеральные нормативно-правовые акты подробно не определяют процедуру проверки дееспособности. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий от 30.08.2017 № 156 [5] содержит общие нормы, сводящиеся к тому, что нотариус должен проверить документы, удостоверяющие личность обратившегося лица, и принять решение о возможности совершить нотариальное действие.

Это в свою очередь порождает практические проблемы в применении данной нормы нотариусами, а также злоупотребления своими правами обращающимися недееспособными гражданами. Явление недееспособности зачастую является скрытым, тяжело поддается определению и сопряжено с большим количеством ошибок. Поэтому важным аспектом определения дееспособности обратившегося за совершением нотариального действия гражданина является отсутствие четкой регламентации в части постановки вопросов нотариусом в ходе беседы, ответов, которые должен дать гражданин, что свидетельствует о свободе усмотрения нотариусом при определении порядка ее ведения. Такая свобода обусловлена отсутствием у нотариуса знаний в области медицины, обязанность провести беседу не включает в себя процедуру, схожую с привлечением специалиста для консультации или эксперта для заключения [11, с. 86].

Например, О. А. Серова считает, что необходимо разработать тест для выявления изменения личности и наличия у него психических отклонений и проводить его совместно со специалистом в области психиатрии [6, с. 18–20]. Считаем это не рациональным, сложным для внедрения и применения на прак-

тике, поскольку уже сейчас сформирован соответствующий алгоритм действий нотариуса который он выполняет при наличии сомнений относительно дееспособности гражданина, реализуемый через процедуру медицинского освидетельствования.

Нотариус не имеет возможности установить наличие или отсутствие дееспособности граждан без наличия специальных медицинских знаний и навыков либо без доступа к медицинским сведениям. Поэтому необходимо расширить перечень случаев предоставления без согласия гражданина сведений, составляющих врачебную тайну.

Данные изменения обусловлены современными реалиями общественных отношений, в которых возрастает количество сделок, совершенных недееспособными гражданами или лицами, находившимися в момент их совершения в состоянии, когда они не были способны понимать значение своих действий. Включить в вышеуказанный перечень нотариусов, которые смогут запрашивать в медицинских учреждениях сведения о статусе граждан и рассмотреть возможность электронного межведомственного взаимодействия.

В связи с этим предлагаем дополнить ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10] пунктом следующего содержания: «12) по запросу нотариусов в связи с проведением проверки дееспособности лиц, обратившихся за совершением нотариальных действий, наличия у них психических отклонений, прохождения курса лечения».

Положительным сдвигом в упрощении данной проблемы и определенным шагом в процессе цифровизации нотариата стало начало с 01 января 2018 года межведомственного электронного взаимодействия с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестром). Нотариус имеет право обратиться в Росреестр с запросом о предоставлении сведений об имеющихся решениях суда о признании правообладателя недееспособным или ограниченно дееспособным.

В соответствии со ст. 38 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [9] внесение сведений о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными в единый государственный реестр недвижимости относится к полномочиям Росреестра. Указанные сведения направляются судом в Росреестр в срок не более чем три рабочих дня со дня вступления в силу судебного акта. Из отрицательных моментов остается отсутствие у аппарата суда обязанности направлять решения о признании вновь дееспособным, что влечет риск получения нотариусом недостоверных сведений о дееспособности гражданина. Кроме того, данный реестр охватывает лишь сведения о дееспособности лиц, сведения о вещных правах, которых внесены в государственный реестр недвижимости. Следовательно, можно говорить о его ограниченности в части охвата дееспособных субъектов – физических лиц.

На наш взгляд, необходимо усовершенствовать данный механизм в части внесения в акты о межведомственном взаимодействии правовой нормы о расширении круга судебных решений, которые аппарат суда обязан направлять

в Росреестр для учета: добавить дополнительно решения об отмене лишения или ограничения дееспособности гражданина.

Более нужной и актуальной в современных реалиях цифровизации нотариата является позиция ученых о создании единой информационной базы данных о признании лиц недееспособными в рамках Единой Информационной системы нотариата, содержащей актуальные сведения, что бы позволило получать запрошенные сведения практически в онлайн-режиме [8, с. 120]. Обязанность по ведению реестра логично возложить на Департамент при Верховном суде РФ как орган, ведущий судебную статистику о деятельности судов. Законодательная инициатива по внедрению такого реестра была предложена еще в 2020 году, но по настоящее время не получила своего развития. Данный реестр явился бы важным и действенным инструментом для развития цифрового нотариата и удаленного обращения к нотариусу.

Кроме того, при неправильной оценке нотариусом психического состояния лица, нотариального действие может быть совершено с пороком воли и неограниченный круг лиц может понести убытки. Поэтому, считаем рациональным мнение ряда авторов по изменению редакции ст. 48 Основ, содержащей перечень оснований для отказа в совершении нотариального действия [3, с. 251]. На наш взгляд, является целесообразным изложить пп. 3 аб. 1 ст. 48 Основ следующим образом: «с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин или гражданин, отказавшийся пройти добровольную психиатрическую экспертизу при наличии у нотариуса сомнений в его дееспособности, либо представитель, не имеющий необходимых полномочий». Это расширит полномочия нотариуса и поможет дополнительно защитить обратившееся лицо и третьи лица, особенно по сделкам по распоряжению имуществом.

Нотариат, который уже называют цифровым, постепенно становится гарантом защиты прав участников имущественных отношений в новой, цифровой реальности. На данный момент речь идет о переводе в цифровой формат только тех нотариальных действиях, которые не требуют определения дееспособности и волеизъявления сторон. Но в современных условиях дальнейшей трансформации нотариата в цифровую реальность, роста числа видов удаленных и электронных нотариальных действий, осуществляемых в дистанционном формате необходимо решать вопрос определения дееспособности, волеизъявления заявителя при удаленном обращении к нотариусу.

Таким образом, механизм определения дееспособности и волеизъявления граждан при совершении нотариальных действий не в полной мере разработан и закреплен на законодательном уровне, что в свою очередь усложняет и замедляет деятельность нотариуса, а также не дает абсолютную гарантию в чистоте и законности сделки по данному основанию. В связи с этим, обозначенные предложения по совершенствованию процедуры определения дееспособности граждан при совершении нотариальных действий представляются своевременными и позволяющими наиболее эффективно, быстро и точно совершать нотариальные действия, особенно с цифровой перспективой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022). URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Лаухина А. И. Недействительность завещания и ее правовые последствия // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7. С. 248–252.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1: по состоянию на 02.07.2021. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 28 августа 2017 г. № 10/17 и приказом Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156). URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Серова О. А. О проблеме оценки нотариусами дееспособности гражданина // Нотариус. 2016. № 3. С. 18–20.
7. Сорокина О. С. Особенности и проблемные аспекты оценки нотариусами дееспособности гражданина. URL: <http://esj/pnzgu.ru> (дата обращения: 15.11.2022).
8. Тришин Н. А. К вопросу о проблемах проверки дееспособности лица при удостоверении завещания нотариусом // Вопросы студенческой науки. 2019. № 12–2(40). С. 119–122.
9. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О государственной регистрации недвижимости». URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).
10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
11. Хорозов Д. В. Недействительные сделки с пороком субъектного состава: проблема определения дееспособности граждан – участников гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10–2. С. 81–87.

УДК 343.2

Щавелкина Мария Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Pusha1222pusha122@gmail.com

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

**Сравнительный анализ возраста уголовной ответственности
за половые преступления в Российской Федерации
и в зарубежных странах**

В данной статье анализируется отечественное и зарубежное законодательство в части вопроса о возрасте наступления уголовной ответственности за половые преступления.

Ключевые слова: Половые преступления, сравнение, анализ возраста уголовного возраста в разных странах, снижение возраста уголовной ответственности

Shchavelkina Maria Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Comparative analysis of the age of criminal responsibility
for sexual crimes in the Russian Federation and in foreign countries**

This article analyzes the age of criminal responsibility in Russia and in some foreign countries for sexual crimes.

Keywords: Sexual crimes, comparison, analysis of the age of criminal age in different countries, reduction of the age of criminal responsibility.

Половые преступления это – группа преступлений, видовым объектом которых выступают половая свобода и половая неприкосновенность личности [9].

Вопрос о данной категории преступлений является достаточно актуальным, ведь количество преступлений сексуального характера растет.

Так, согласно статистике судебного департамента Верховного суда РФ за 1 полугодие 2022 г. 3 476 лиц осуждено по гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации [6] (далее по тексту – УК РФ) для сравнения в аналогичный период 2021 – 3 421 [5].

Однако все чаще и чаще в хрониках криминальных новостей появляется информация о совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, ввиду чего высказываются предложения по понижению возраста уголовной ответственности за указанные преступления.

В силу российского законодательства за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ (изнасилование), ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) уголовная ответственность наступает с 14 лет. За понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) – с 16 лет. За половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) и за развратные действия (ст. 135 УК РФ) – с 18 лет.

В целях решения вопроса о необходимости понижения возраста уголовной ответственности за половые преступления представляется обоснованным изучение опыта других государств в данном вопросе.

В каждой стране возраст уголовной ответственности определяется по-разному, в зависимости от того, какие политические, социальные и экономические условия существуют в том или ином государстве в тот или иной исторический период.

Так, Уголовный кодекс Германии определяет изнасилование как «понууждение женщины к вступлению во внебрачную половую связь с виновным или с третьим лицом с использованием при этом силы или угрозы реальной опасности для жизни или здоровья и принуждение к сексуальным действиям». Ряд норм в УК Германии направлены непосредственно на охрану половой неприкосновенности определенных категорий подростков [2].

В Германии возраст, по достижении которого наступает уголовная ответственность, закреплен в Законе «об отправлении правосудия по делам молодежи» 1953 г. Согласно данному нормативно правовому акту уголовной ответственности подлежат несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет и молодежь от 18 лет до 21 года. В отношении несовершеннолетних данным законом допускается оговорка, что несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, если во время совершения деяния они по своему духовному и умственному развитию были достаточно зрелы, чтобы предвидеть неправомерность деяния и поступить в соответствии с этим предвидением. То есть если возраст подростка от 14 до 18 лет, и такой подросток, совершая половое преступление, осознавал, что он совершает действие, нарушающее закон, и за это он может быть привлечен к уголовной ответственности, тогда уголовное наказание к нему может быть применено [2].

В Уголовном кодексе Франции под изнасилованием понимается «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана». Более строгое

наказание кодекс предусматривает, если изнасилование совершено в отношении несовершеннолетнего в возрасте не более пятнадцати лет [2].

По уголовному кодексу Франции возможность привлечения к уголовной ответственности и ее принципы зависят от возрастной группы несовершеннолетнего. В данном государстве закрепляются три такие группы: во-первых, это несовершеннолетние лица, не достигшие 13 лет. Презумпция уголовной ответственности представителей данной группы абсолютна. Во-вторых, несовершеннолетние в возрасте от 13 до 16 лет. В данном случае, из-за большего возраста и понятливости несовершеннолетнего, имеется возможность привлечения преступника к уголовной ответственности, если обстоятельства дела и личность нарушителя этого требуют. В-третьих, это несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет. Эта группа, также как и предыдущая, может пользоваться презумпцией уголовной неответственности, а также может быть привлечена к уголовно-правовой ответственности. За тяжкие преступления, совершенные при определенных обстоятельствах, несовершеннолетние третьей группы подлежат полной уголовно-правовой ответственности [8].

В Англии несовершеннолетние представлены тремя возрастными группами. Первая группа – это малолетние дети в возрасте до 10 лет, (на основании Закона о преступлениях и беспорядках 1898 г. в отношении которых действует неопровержимая презумпция неспособности отвечать за свои поступки. Вторую группу составляют малолетние дети в возрасте от 10 до 14 лет, в отношении которых существует опровержимая презумпция невменяемости. Стоит отметить, что презумпция общего права, по которой мальчик моложе 14 лет не мог быть признан виновным в половом преступлении, была отменена Законом о половых преступлениях 1993 г., установившим, что мальчик, не достигший 14-летнего возраста, при наличии других условий наступления уголовной ответственности может быть обвинен как исполнитель в совершении такого преступления. И, наконец, в третью группу входят несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года [8].

Уголовный кодекс Японии регламентирует два состава преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. На основании ст. 176–178 УК Японии уголовной ответственности подлежат: 1) развратные действия с применением насилия; 2) изнасилование; 3) преступные деяния, приравняемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию. Согласно Закону о несовершеннолетних 1948 г. уголовная ответственность наступает с 16 лет. Кроме того, закон выделяет возрастную группу с 16 до 20 лет, уголовное наказание к которой применяется только за совершение тех преступлений, за которые в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы [1].

В настоящее время вопрос о возрасте уголовной ответственности в США, как правило, регулируется законодательством. В некоторых, немногих, штатах действует правило общего права, а именно в отношении определенной возрастной группы действует презумпция «неспособности» совершить преступление, которая может быть преодолена только доказательством того, что несовершеннолетний понимал противоправность своего поведения. В других штатах в УК

просто указывается определенный возраст – обычно 14 лет, ниже которого лицо не несет уголовной ответственности за совершенное им деяние [1].

В Казахстане согласно части второй статьи 15 Уголовного кодекса лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Что касается мусульманских стран, то в них возраст ответственности различен. Например, в Турции – 15 лет, в Марокко – 12 лет, в Ливии – 14 лет [7].

Таким образом, возрастные различия за половые преступления в разных государствах обусловлены существующими в государстве подходами к изучению личности преступника и отчасти сложившейся практикой. В системе большинства стран до сих пор нет единого понимания, в каком возрасте лицо начинает осознавать общественную опасность своих действий, вследствие чего возраст уголовной ответственности варьируется.

Остается актуальным вопрос стоит ли снижать возраст уголовной ответственности за совершение половых преступлений в России.

В литературе высказываются различные мнения, и отдельные исследователи выступают за понижение возрастного порога уголовной ответственности.

Так, Н. В. Сараев настаивает на снижении возраста уголовной ответственности до 12 лет [4].

В свою очередь Д. З. Зиядова утверждает, что «юридические границы несовершеннолетнего возраста объясняются возможностью подростком осознавать антисоциальный характер отдельных поступков к 14 годам...» [3].

Депутаты Государственной Думы Российской Федерации неоднократно поднимали вопрос изменения возраста уголовной ответственности.

Инициаторы данного закона в свою защиту приводят следующие аргументы: во-первых, снижение возраста ответственности за уголовные преступления до 12 лет позволит изолировать большее число преступников от общества, во-вторых, говорить о том, что 12-летние преступники не осознают своих действий, не приходится – они часто совершают преступления осознанно и стараются замести следы, в-третьих, в целом ряде стран мира подростки привлекаются к уголовной ответственности с этого и даже более юного возраста.

Законопроект о снижении возрастного порога для малолетних был внесен в 2012 г. в Государственную Думу, но принят не был.

Депутат Госдумы В. Поневежский отмечает, что за последние годы преступность в нашей стране помолодела. Он утверждает, что сейчас преступления совершаются более в раннем возрасте. И необходимо, чтобы существовала возможность привлечения к уголовной ответственности с целью восприятия подростками, что их ожидает в случае совершения тяжких и иных преступлений.

Однако, научные исследования свидетельствуют о позднем взрослении современного поколения, вследствие этого большинство исследователей настаивают на повышении возраста наступления уголовной ответственности [4].

Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» Дмитрий Вяткин отметил, что снижение возраста уголовного наказания не решает про-

блему детской преступности, необходимо предусмотреть комплекс эффективных, особых и специальных санкций.

Представляется, что установленные возрастные границы привлечения к уголовной ответственности за половые преступления являются справедливыми, акцентировать внимание нужно в первую очередь на причинах, а не на следствии, т. е. необходимо усилить профилактику преступности, в том числе и среди несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байбарин А. А. Половые преступления : учеб. пособие. URL: <https://swsu.ru/structura/up/uf/kup/ucebniki/polovye.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

2. Билалов Р. К. Уголовная ответственность за насильственные половые преступления против несовершеннолетних в законодательстве зарубежных стран. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nasilstvennye-polovye-prestupleniya-protiv-nesovershennoletnih-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran/viewer> (дата обращения: 12.12.2022).

3. Зиядова Д. З. Некоторые правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних. URL: <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t259.html> (дата обращения: 12.12.2022).

4. Сараев Н. В. Об эффективности профилактических мер общественно опасного поведения малолетних. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-effektivnosti-profilakticheskikh-mer-obschestvenno-opasnogo-povedeniya-maloletnih> (дата обращения: 12.12.22).

5. Судебный департамент. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 01.12.2022).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от ред. от 21.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 12.12.2022).

7. Уголовные наказания для несовершеннолетних по законодательству мусульманских и иных стран с традиционной правовой системой. URL: <https://pravo.studio/ugolovnoe-pravo-rf/ugolovnyie-nakazaniya-dlya-nesovershennoletnih-108759.html> (дата обращения: 12.12.2023).

8. Фарсобина А. И. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве. URL: <http://igpran.ru/trudy/vypuski/2007/2007-3/148-160.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

9. Чучаев А. И. Уголовное право. Особенная часть URL: <https://be5.biz/pravo/u032/4.html> (дата обращения: 12.12.2022).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА»
(к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации
и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей)**

Сборник трудов XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений
в Костроме

Всероссийская научно-практическая конференция

(8–9 декабря 2022 года, г. Кострома)

С о с т а в и т е л и :

Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина,
И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов,
А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин;
Л. А. Хлестакова

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы :

Г. Г. Бриль, В. В. Груздев

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видекарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 14.03.2023. 3,72 МБ. [П. л. 25,0].

Заказ 53. Электронное издание. Тираж 500

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел. 49-80-84, e-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание